ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ

С. С. Шашкова

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2
1879

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская женщина до сихъ поръ не имѣетъ своего историка. Какихъ-нибудь два-три опыта изслѣдованій объ историческихъ судьбахъ ея, въ родѣ книжки г. Добрякова, не стóятъ даже и того, чтобы упоминать о нихъ.

Между тѣмъ, въ виду вопросовъ эманципаціи, волнующихъ современныя женскія поколѣнія, знаніе былыхъ судебъ русской женщины представляется не только интереснымъ, но и практически-полезнымъ для дѣла освобожденія. Настоящее есть результатъ прошедшаго и постоянно находится подъ вліяніемъ традиціоннаго авторитета; мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что въ современной жизни дѣйствуетъ такъ много архаическихъ принциповъ, что о прошедшемъ нельзя говорить, не задѣвая, въ то же время, жизненныхъ вопросовъ дня. Цѣлые отдѣлы современной жизни принадлежатъ вовсе не нашему времени, а служатъ только остатками того стариннаго быта, отъ котораго цивилизованное меньшинство давнымъ-давно уже отдѣлалось навсегда. Брач-

ная и семейная жизнь крестьянства, мѣщанства, купечества, духовенства, мелкаго чиновничества, напр., по своимъ основнымъ характеристическимъ чертамъ имѣетъ такъ мало общаго съ современными понятіями и формами, что мы имѣемъ полное основаніе разсматривать ее въ связи съ жизнью русскаго общества XVI и XVII столѣтій. Такая классификація историческихъ данныхъ кажется намъ нетолько полезною въ практическомъ отношеніи, но и необходимою для бо̀льшаго уясненія прошлаго посредствомъ тѣхъ остатковъ его, которые продолжаютъ существовать до сихъ поръ, вслѣдствіе того обстоятельства, что низшіе и частію средніе классы все еще остаются чуждыми того умственнаго и соціальнаго движенія, которое совершается въ средѣ европейски-образованныхъ слоевъ націи. Поэтому, разсматривая семейную и брачную жизнь среднихъ и низшихъ классовъ XVIII и XIX столѣтій, въ связи съ исторіей допетровской женщины, мы, начиная съ XVIII вѣка, будемъ слѣдить только за судьбами женщинъ цивилизованнаго общества.

Тяжка и незавидна была судьба русской женщины: много слезъ пролито ею на пути ея историческаго существованія; много горя, униженія и рабства вынесла она въ семейной и общественной жизни, не искупивъ своихъ страданій ничѣмъ, что̀ могло бы возвысить и отмѣтить ее въ исторіи человѣчества. Мало того, что, по словамъ поэта, —

Три тяжкія доли имѣла судьба:
И первая доля—съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая—быть матерью сына-раба,

А третья—до гроба рабу покоряться, —
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли...

Мало этого. Независимо отъ полнѣйшаго политическаго рабства и безусловной подчиненности семейству, идея женской отверженности проникла собою всю старинную жизнь, освящаясь религіей, закономъ, обычаями и всѣми гражданскими и общественными учрежденіями. Съ этимъ согласно большинство нашихъ историковъ. Но ни одинъ изъ нихъ не обратилъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что женщина старалась освободиться изъ этого положенія, что она боролась съ враждебными ей началами и улучшала постепенно свою незавидную долю. Правда, что въ большинствѣ случаевъ это была борьба глухая, пассивная, едва замѣтная для посторонняго зрителя, но, тѣмъ не менѣе, самый фактъ борьбы не подлежитъ сомнѣнію. И противодѣйствіе русской женщины всему, что̀ давило и порабощало ее, было достаточно сильнымъ, чтобы доставить ей нѣсколько такихъ правъ, за пріобрѣтеніе которыхъ до сихъ поръ еще борется современная женщина самыхъ развитыхъ странъ Европы.

Да, русскія женщины, позади васъ лежатъ цѣлыя столѣтія, ознаменованныя тяжкими страданіями вашихъ прародительницъ и ихъ борьбою за свое освобожденіе. Наше время, продолжая эту борьбу, придало ей другой характеръ, поставило для нея болѣе существенныя и возвышенныя цѣли. Старая, тысячелѣтняя борьба въ наши дни не только продолжается, но и значительно усиливается. Твердо же пойдемъ впередъ съ полною надеждою на будущее освобожденіе женщины, и если

даже намъ не суждено дожить до дня окончательной побѣды, то мы все-таки можемъ насладиться хотя постепеннымъ осуществленіемъ своихъ идей и умереть —

> Съ вѣрой, что вызовутъ наши гробы
> Новое племя для новой борьбы!...

Настоящій очеркъ въ первый разъ былъ напечатанъ подъ другимъ заглавіемъ въ журналѣ „Дѣло". Исправивъ и значительно дополнивъ его, авторъ рѣшился издать его отдѣльною книгою, хотя и сознавалъ всѣ его недостатки, зависящіе сколько отъ неразработанности предмета, столько же и отъ того обстоятельства, что авторъ писалъ его въ одномъ изъ самыхъ глухихъ медвѣжьихъ уголковъ провинціи, лишенный многихъ важныхъ пособій, доступныхъ столичному писателю. Но при всемъ этомъ авторъ думалъ, что какъ первый и единственный опытъ обзора исторіи русской женщины и какъ дополненіе къ его книгѣ: „Историческія судьбы женщины, Дѣтоубійство и Проституція" — настоящій трудъ его будетъ не безполезнымъ для развитія у насъ женскаго самосознанія.

Успѣхъ книги и необходимость новаго изданія оправдали его надежды.

Авторъ пользовался слѣдующими источниками и пособіями:

1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей.
2) Акты историческіе, 5 томовъ.
3) Дополненія къ актамъ историческимъ. 9 т.
4) Полное собраніе законовъ россійской имперіи, первые 18 т.
5) Памятники старинной русской литературы, изд. подъ редакціей Костомарова и Пыпина, 4 т.

6) Русскія пѣсни изъ собранія Якушкина.

7) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ.

8) Этнографическій сборникъ русскаго географическаго общества, 5 т.

9) **Терещенко.** Бытъ русскаго народа, 7 ч. 1848.

10) **Сахаровъ.** Сказанія русскаго народа, 2 т.

11) **Кулишъ.** Записки о южной Руси, 2 т.

12) **В. Шульгинъ.** О положеніи женщинъ до Петра В., 1850.

13) **Добряковъ.** Русская женщина въ до-монгольскій періодъ, 1866.

14) **Забѣлинъ.** Бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., 1869.

15) **Спасовичъ.** Объ отношеніяхъ супруговъ по древнепольскому праву, 1857.

16) **Кошихинъ.** О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

17) **Крижаничъ.** Русское государство въ половинѣ XVII в.

18) Домострой, 1867.

19) Стоглавъ, 1863.

20) Книга Пчела, во временникѣ общества исторіи, томъ 25-й.

21) **Нильскій.** Семейная жизнь въ расколѣ, 2 ч., 1869.

22) **Соловьевъ.** Исторія Россіи, 20 т.

23) **Костомаровъ.** Историческія монографіи, 8 т.

24) **Костомаровъ.** Очеркъ жизни великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., 1861.

25) **Неволинъ.** Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ, 3 т. 1858.

26) **Калачовъ.** О значеніи Кормчей въ древнерусскомъ правѣ, 1850.

27) **Афонасьевъ.** Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 3 т., 1866—1869.

28) **Макушевъ.** Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, 1861.

29) **Иконниковъ.** О культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869.

30) **Буслаевъ.** Историческіе очерки русской словесности и искусства, 2 т., 1862.

31) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, Калачова, 3. тома.

32) Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній о Россіи, его же, 6 книгъ.

33) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей за годы 1858—1869.

34) „Русскій Архивъ“ за годы 1864—1875.

35) Восемнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ Бартенева, 4 т.

36) Архивъ кн. Воронцова, 1870.

37) „Русская Старина“ за годы 1870, 1871, 1872, 1873, 1874 и 1875 г.

38) Сборникъ русскаго историческаго общества, 6 т., 1867—1871.

39) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ синода, 1868.

40) **Филаретъ.** Исторія русской церкви, 5 частей

41) **Щаповъ.** Расколъ старообрядства. 1859.

42) Записки Г. Р. Державина, 1859.

43) Записки Нащокина, 1842.

44) Записки Грибовскаго, 1862.

45) Записки Энгельгарта, 1867.

46) Записки Храповицкаго.

47) Записки Лопухина.

48) Записки адмирала Шишкова.

49) Записки Мертваго, 1867.

50) Воспоминанія Вигеля, 3 т., 1866.

51) Взглядъ на мою жизнь—И. И. Дмитріева, 1866.

52) Мелочи изъ запаса моей памяти—М. Дмитріева, 1869.

53) Записки Современника, Жихарева, 1856.

54) Записки гр. Блудовой, въ „Зарѣ“, 1871, III т.

55) Записки Е. А. Хвостовой. 1871.

56) **Морошкинъ.** Іезуиты въ Россіи, 2 т. 1869.

57) **Галаховъ.** Исторія русской словесности, 2 т., 1863—1868.

58) **Афонасьевъ.** Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г., 1859.

59) **Поповъ.** Татищевъ и его время, 1861.

60) **Пекарскій.** Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи, 1862.

61) **Варсовъ.** Русскій простонародный мистицизмъ, 1869.

62) **Анучинъ.** Матеріалы для уголовной статистики Россіи, 1865.

63) **Мордовцевъ.** Самозванцы и понизовая вольница, 2 т., 1867.

64) **Шашковъ.** Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири, въ „Отечеств. Запискахъ“, 1867, кн. XX—XXII.

65) **Муравьевъ.** Житія святыхъ россійской церкви, 12 т.

66) **Аксаковъ.** Семейная хроника и воспоминанія, изд. 4-е, 1870.

67) Труды архангельскаго статистическаго комитета за 1865—1868 г., 3 т.

68) Путешествіе Олеарія.

69) Исторія о великомъ княжествѣ московскомъ—Петрея.

70) Дневникъ Корба.

71) Дневникъ Берхгольца, 6 ч., 1863.

72) Статьи Семевскаго: „Слово и дѣло“, „Фрейлина Гамильтонъ“, „Семейство Монсовъ“, и др.

73) **Мордовцевъ.** Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка, „Заря“, 1871, I.

74) **Филипповъ.** Взглядъ на русскіе гражданскіе законы, „Современникъ“, 1861.

75) Чины свадебные, во „Временникѣ“, т. 25.

76) По поводу женскихъ характеровъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ, „Современникъ“, т. CXIII.

77) Жалоба женщины, id., LXIII.

78) **Добролюбовъ.** Сочиненія.

79) **Бѣлинскій.** Сочиненія.

80) **Лядовъ.** Историческій очеркъ Смольнаго института, 1864.

81) **Нина Р.** Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Екатерины II, 1864.

82) **Крыловъ.** Слѣдователь въ Сибири, сборникъ „Лучъ“, 1866.

83) **Головачовъ.** О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, „Русск. Вѣстникъ“, т. XXVIII.

84) **Кузнецовъ.** Историко-статистическій очеркъ проституціи и сифилиса въ Москвѣ, „Архивъ Судебн. Медиц.“, 1870, IV.

85) **Ольга Алексѣева.** Женскій трудъ въ теоріи и жизни, „Недѣля“, 1870, № 18, 19, 20.

86) **Португаловъ.** Женскій и мужской вопросъ въ провинціи, id., № 42.

87) Женщины въ Казанскомъ университетѣ, id., № 49.

88) **Любавскій.** Объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ. „Журн. Минист. Юстиціи“, т. XX.

89) **Кавелинъ.** Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія.

90) **Мулловъ.** Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ, Жу Мин. Юст., т. XI.

91) **Мулловъ.** Женщина, какъ подсудимая и преступница, т. VII.

92) **Мулловъ.** О вліяніи ссылки на бракъ по русскимъ закона id., т. VIII.

93) **Карновичъ.** О женскомъ трудѣ въ Петербургѣ, 1865.

94) **Кузнецовъ.** Проституція и сифилисъ въ Россіи, 1871.

95) Медико-топографическій Сборникъ, 2 т. 1869—1871.

96) **А. Чужбинскій.** Очерки прошлаго, 4 т.

97) Состояніе Россіи при Петрѣ В.—капитана Перри, 1871.

98) Записки Добрынина, изд. 2-е, 1872.

99) **Кавелинъ.** Сочиненія, 4 т., 1859.

100) **Граціанскій.** О степени распространенія секретныхъ бол ней въ Петербургѣ, 1871.

101) **Назарьевъ.** Въ глуши, „Вѣстникъ Европы", 1872, II.

102) **Третьяковъ.** Туруханскій край, 1871.

103) Записки князя Шаховского, 1872.

104) **Костомаровъ.** Великорусская пѣсенная поэзія, „Вѣстн Европы", 1872, VI.

105) **Благовѣщенскій.** Среди богомольцевъ, 1872.

106) **А. Ефименко.** Крестьянская женщина, „Дѣло", 1873.

107) **Костомаровъ.** Екатерина I, „Древн. и Нов. Россія", 187

108) **Забѣлинъ.** Исторія русской жизни. т. 1, 1876.

109) **Щаповъ.** Положеніе женщины въ Россіи по до-петровск воззрѣнію, „Дѣло", 1872.

— — —

I.

Въ сочиненіи моемъ „Историческія судьбы женщины" читатель найдетъ много данныхъ, доказывающихъ, что въ первобытной жизни народовъ женщина была гораздо свободнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи человѣческихъ обществъ. Она успѣшно боролась противъ своего гнета, она не только могла держаться наравнѣ съ мужчиной, но даже нерѣдко достигала полнаго преобладанія надъ нимъ; она была главою семьи и родство по матери служило основнымъ принципомъ зачаточной общественной жизни.

Остатки такихъ первобытныхъ порядковъ мы видимъ и въ жизни древнихъ славянъ.

Еслибы не достовѣрныя историческія свидѣтельства, то, зная характеръ современныхъ славянскихъ народовъ, трудно было бы повѣрить, что ихъ предки отличались такою сильною любовью къ свободѣ и независимости, что возбуждали изумленіе въ грекахъ и римлянахъ эпохи паденія. „Даже рабы, по словамъ Маврикія, содержались у славянъ въ неволѣ не всю жизнь, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, но, по прошествіи извѣстнаго времени, имъ предоставлялось на выборъ: или воз-

вратиться на родину, заплативъ выкупъ, или остаться у славянъ людьми свободными и друзьями". Любовь славянъ къ свободѣ была столь общеизвѣстною, что въ законодательныхъ памятникахъ встрѣчаются выраженія: „свободенъ, какъ славянинъ", или „свободолюбивъ, какъ славянинъ".

Эту черту, столь естественную у первобытнаго и воинственнаго народа, мы замѣчаемъ и въ характерѣ древне-славянской женщины. Она еще не окончательно покорена мужчиною, не превратилась еще въ служанку семьи и въ подневольную одалиску мужа, безотвѣтную и безсильную передъ своимъ владыкой. Узы брака еще не окрѣпли, а у нѣкоторыхъ народовъ остатки первобытной половой свободы доходили до полнаго гетеризма. Въ языческой Чехіи, по словамъ лѣтописца Козьмы Пражскаго, „какъ свѣтъ солнца, какъ влага водъ, общимъ достояніемъ всѣхъ были и луга, и пажити, и даже самые браки были общими. Бракъ продолжался одну ночь. На утро разрывались цѣпи любви. Тогда позволялось мужу имѣть чужую жену и женѣ выходить за чужого мужа". Это отсутствіе брака и полная общность женщины, которыя мы встрѣчаемъ въ первобытной жизни всѣхъ народовъ, исчезли у славянъ уже въ самомъ началѣ той эпохи, когда на это племя было обращено вниманіе иностранцевъ, оставившихъ намъ свѣдѣнія объ ихъ жизни и нравахъ. Хотя мы уже видимъ въ это время у славянъ и сильную отеческую власть, и бракъ, основанный на умыканіи невѣсты, но въ то же самое время остатки первобытной половой свободы продолжаютъ держаться въ славянской жизни, благодаря усиліямъ женщинъ. Самое умыканіе дѣвушекъ сплошь и ря-

домъ превращалось изъ насилія въ дѣло свободнаго договора жениха и невѣсты. „Славяне—разсказываетъ Несторъ—сходились на игрища, устрояемыя между селеніями, и тутъ умыкали себѣ въ жены дѣвушекъ, съ которыми сговаривались прежде“. Въ Архангельской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири такіе порядки существуютъ и до сихъ поръ. Здѣсь женихи сплошь и рядомъ воруютъ любимыхъ ими невѣстъ, родители которыхъ несогласны на ихъ замужество. Сговоръ объ уходѣ между парнемъ и дѣвушкой, какъ и во времена Нестора, совершается чаще всего на игрищахъ. Въ этихъ хороводныхъ играхъ и пѣсняхъ, уцѣлѣвшихъ отъ древнихъ временъ, мы также видимъ ясные слѣды тѣхъ свободныхъ сговоровъ и обоюднаго выбора жениховъ и невѣстъ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ. Мало того, что въ этихъ играхъ парни выбираютъ себѣ дѣвушекъ, а дѣвушки парней и составляютъ *пары*, и что въ хороводахъ выборъ пары предоставляется дѣвушкамъ наравнѣ съ парнями,—часто мужчины и женщины составляютъ двѣ отдѣльныя партіи, которыя сходятся затѣмъ, чтобы договариваться о свадьбахъ. Женщины поютъ:

„Бояре, вы зачѣмъ пришли,
„Молодые, вы зачѣмъ пришли?“

Мужчины отвѣчаютъ:

„Княгини, мы невѣстъ смотрѣть,
„Молодыя, мы невѣстъ смотрѣть!“

Затѣмъ идутъ дальнѣйшіе переговоры. На дѣйствительность подобныхъ сходбищъ партіи невѣстъ и партіи жениховъ указываютъ и чешскія хроники. Козьма Пражскій, разсказавъ легенду о борьбѣ дѣвушекъ съ юно-

шами, говоритъ, что обѣ стороны заключили перемиріе и устроили трехдневное общее празднество. „Вступаютъ юноши на пиръ съ дѣвицами, какъ хищные волки, ищущіе добычи. Весело проводятъ они первый день въ питьѣ и ѣдѣ. Чѣмъ больше пьютъ, тѣмъ больше возрастаетъ жажда. Едва къ ночи затихаетъ пиршество. Настала ночь. На ясномъ небѣ сверкнула луна. Вдругъ затрубилъ одинъ юноша и, подавъ этимъ знакъ, закричалъ: „Полно пить, ѣсть, играть! Вставайте, зоветъ васъ любовь!“—Юноши тотчасъ бросаются на дѣвушекъ и умыкаютъ ихъ. Все это напоминаетъ намъ разсказы объ амазонкахъ, о гинейнократическихъ первобытныхъ народахъ, о современныхъ папуасахъ сѣверной Австраліи, у которыхъ до сихъ поръ можно встрѣтить общества женщинъ, живущія совершенно особо отъ мужскихъ обществъ. Весною, когда половой инстинктъ пробуждается, самцы начинаютъ гоняться за самками, полы сходятся тоже на своего рода *игрища*, на которыхъ и совершаются *умыканія*. Дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ связей, матери выкармливаютъ грудью и затѣмъ, если они не принадлежатъ къ женскому полу, выпроваживаютъ изъ своего общества. Конечно, игрища временъ Нестора и Козьмы Пражскаго не имѣли уже столь грубаго, чисто животнаго характера, но все-таки они указываютъ своими чертами на тѣ первобытные порядки, изъ которыхъ они развились до формъ, извѣстныхъ намъ *). Умыканіе и бракъ были далеко не единственною цѣлью этихъ сборищъ, которыя устраивались прежде всего для празд-

*) См. объ этомъ новое изслѣдованіе Кулишера. D. Zuchtwahl bei d. Menschen in Urzeit, «Zeitschrift für Ethnographie», 1876, H. II.

нества въ честь боговъ полового наслажденія, для любви и веселья. На нихъ царила полная свобода: это были оргіи любви. Здѣсь допускались свободныя объясненія въ любви, поцѣлуи, объятія, и матери охотно посылали своихъ дочерей *поневѣститься* на игрищахъ. „Тутъ,— говоритъ христіанскій обличитель этихъ празднествъ— стучатъ въ бубны, и гласъ сопѣлій, и гудутъ струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ кличь и вопль, всескверныя пѣсни, и хребтамъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, тутъ же мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе и паденіе и женамъ и мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе“. Переяславскій лѣтописецъ говоритъ, что при этомъ „отъ плясанія, и отъ очнаго воззрѣнія, и отъ обнаженія мышцъ, и отъ перстовъ ручныхъ показанія и отъ перстней возлаганія на персты чужіе, также посредствомъ цѣлованія“, мужчины „познавали, которая жена или дѣвица къ юношамъ похотѣніе имать, и плотію съ сердцемъ разжегшися, слагахуся, иныхъ поимающе, а другихъ, поругавше, метаху на посмѣяніе“.

Половою свободою, проявлявшеюся, между прочимъ, на этихъ игрищахъ, пользовались въ особенности дѣвушки, какъ о томъ свидѣтельствуютъ древнія хроники и путешественники. Независимость незамужнихъ женщинъ простиралась въ древности до такой степени, что породила саги объ амазонкахъ,—саги, которыя, при всей своей фантастичности, имѣли, безъ сомнѣнія, нѣкоторое историческое основаніе. „Дѣвушки—говоритъ Козьма Пражскій—свободно росли въ чешской землѣ, упражнялись въ военномъ дѣлѣ, избирали себѣ предводитель-

ницъ, ходили на войну, занимались охотою въ лѣсахъ— однимъ словомъ, въ образѣ жизни мужчинъ и женщинъ не было различія. Оттого смѣлость дѣвушекъ возрасла до такой степени, что они недалеко отъ Праги построили на одной скалѣ городъ, укрѣпленный самой природой; ему дано было имя *Дѣвинъ*. Возмущенные этимъ юноши, собравшись во множествѣ, построили себѣ на противоположной скалѣ, среди лѣса, другой городъ, который теперь зовется Вышгородъ, а тогда, отъ кустарниковъ, кругомъ его росшихъ, назывался Тростень. И то дѣвушки брали верхъ надъ юношами своею ловкостью, то юноши одолѣвали дѣвушекъ силою; были между ними то миръ, то война". Начальницею этихъ амазонокъ была одна изъ дѣвушекъ знаменитой Любуши, Власта, которой легенды приписываютъ намѣреніе превратить всю Чехію въ женское государство, лишивъ мужчинъ ихъ власти и значенія. Власта постановила закономъ воспитывать изъ дѣтей только дѣвочекъ, а мальчиковъ дѣлать неспособными къ владѣнію оружіемъ, выкалывая имъ правый глазъ и отрубая на обѣихъ рукахъ большіе пальцы. Мужчины побѣдили амазонокъ и Власта была убита. Въ этомъ сказаніи, какъ и во всѣхъ подобныхъ, несмотря на миѳичность общаго, сгруппировано, какъ объ этомъ убѣдимся ниже, много чертъ изъ дѣйствительной жизни. Славянскія дѣвушки были воинственны и независимы по своему характеру до такой степени, что нерѣдко могли успѣшно сопротивляться хищническимъ притязаніямъ мужчины и, охраняя свою независимость, поддерживать свободный характеръ любовнаго союза. Былины сохранили намъ древніе образы богатырши, паленицы, вольной наѣздни-

цы. Она совершенно свободно располагаетъ своимъ сердцемъ, выбирая себѣ возлюбленныхъ и по произволу мѣняя ихъ. Прекрасная королевна, къ которой однажды заѣхалъ Илья Муромецъ, спрашиваетъ его:

> У тя есть ли охота, горитъ ли душа
> Со мной со дѣвицей позабавиться?

Тому же Ильѣ жена Святогора предлагаетъ „сотворить съ ней любовь". Марина сама предлагаетъ Добрынѣ свою руку и сердце:

> Ты Добрыня, Добрынюшка, сынъ Никитьевичъ,
> Возьми-ка, Добрыня, меня замужъ за себя!

Нерѣдко подобная дѣвица ищетъ себѣ такого жениха, который былъ бы сильнѣе и могущественнѣе ея. Будущая жена Дуная, бывшая первымъ стрѣлкомъ въ Кіевѣ, отправляется во чисто поле искать себѣ супротивниковъ, съ тѣмъ, чтобы выйти замужъ за человѣка, который съумѣетъ побѣдить ее. Если предметъ страсти не поддается добровольно, то такая женщина, подобно современному ей мужчинѣ, умыкавшему невѣсту, умыкаетъ себѣ жениха. Вотъ, напр., встрѣчаетъ Добрыня „паленицу женщину великую", нападаетъ на нее, бьетъ ее „въ буйну голову своей палицей булатною"; но паленицѣ это рѣшительно ни по чемъ:

> Она схватила Добрыню за желты кудри,
> Посадила его во глубокъ карманъ

и увезла къ себѣ съ тѣмъ, что „если онъ въ любовь ей придетъ", то она сдѣлаетъ его своимъ мужемъ. Такъ и вышло. Выборъ жениха невѣстою и даже слѣды умыканія жениховъ до сихъ поръ сохраняются въ малорусской жизни. Бопланъ, составившій описаніе Малороссіи

въ XVII в., говоритъ, что здѣсь дѣвушки сами выбираютъ себѣ своихъ будущихъ мужей, сами сватаются за нихъ. По словамъ Терещенко, если малороссійская дѣвушка любитъ какого-нибудь мужчину, то сама упрашиваетъ родителей выдать ее за него. Со времени засватанія до свадьбы помолвленные видятся между собой почти каждый день; они ходятъ вмѣстѣ не только день, но и ночь. Невѣста повязываетъ жениха рушникомъ, что, по словамъ сватовъ, значитъ *вязать приводца* (т. е. приведеннаго), *чтобы онъ не убѣжалъ изъ хаты*. Это нѣсколько намекаетъ на то умыканье жениховъ, о которомъ говорятъ былины и на которое указываетъ сохраняющійся до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи свадебный обрядъ *ловли жениха*. „Родственники невѣсты выходятъ на улицу съ палками въ то время, когда женихъ подъѣдетъ къ воротамъ; они забѣгаютъ и гонятъ его палками на дворъ къ невѣстѣ; онъ бьетъ плетью своего коня и ускакиваетъ съ боярами; это дѣлается до трехъ разъ. Когда загонятъ его во дворъ, то мать невѣсты беретъ у него лошадь и привязываетъ ее къ столбу. Женихъ входитъ въ сѣни, гдѣ встрѣчаетъ его невѣста, у сестры или свахи которой дружки должны выкупать женихову шапку“. Если свадебные обряды умыканія невѣсты признаются за доказательство дѣйствительнаго существованія въ древности этого обычая, то обрядъ ловли жениха, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими данными, можетъ служить основаніемъ гипотезы, что въ древности не одни мужчины умыкали женщинъ, а также и женщины умыкали и захватывали мужчинъ для брака, хотя, по всей вѣроятности, это удавалось имъ далеко не такъ часто и легко,

какъ первымъ. Противодѣйствіе женщины насильной выдачѣ замужъ и стремленіе къ свободному выбору мужа были достаточно сильны, чтобы заставить уважать склонности или антипатіи невѣсты даже въ такомъ бытѣ, который совершенно враждебенъ женской свободѣ. Такъ, отецъ Рогнѣды спрашиваетъ, хочетъ ли она идти за Владиміра. „Не хочу разуть сына рабыни, но за Ярополка хочу"—отвѣчаетъ она, и цѣлое семейство гибнетъ потому, что не хотѣло насиловать ея свободы. Такъ, князь галицкій Владиміръ Васильевичъ, предвидя свою близкую смерть, заставилъ брата своего цѣловать крестъ, чтобы „не отдавать дочери его неволею ни за кого же, но гдѣ будетъ ей любо, тутъ ее и отдати". Подобное уваженіе свободы дѣвушки не могло, однакожъ, прочно утвердиться въ жизни при томъ крайнемъ развитіи патріархальныхъ началъ, которое характеризуетъ собою послѣдующія эпохи нашей исторіи.

Воинственная, сильная, незадавленная еще патріархальнымъ гнетомъ славянка сохраняла значительную долю свободы и въ брачной жизни, противодѣйствуя деспотическимъ поползновеніямъ мужа. Хотя нѣкоторые иностранные писатели и говорятъ, что „жены славянъ были чрезвычайно цѣломудренны", но, съ другой стороны, мы имѣемъ много данныхъ, свидѣтельствующихъ, что наши древнія прародительницы не такъ охотно сносили наложенныя на нихъ брачныя узы и старались удержать за собою въ бракѣ ту же свободу, какою онѣ пользовались до замужества. И до христіанства, и долго послѣ введенія его, расторженіе брака было легко не только для мужа, но и для жены. Жены сплошь и рядомъ бросали своихъ мужей, выходили за другихъ, утѣ-

шались съ посторонними любовниками. „Знаю я ваши умы-разумы женскіе"—говоритъ Добрыня о современной ему женщинѣ—„мужъ пойдетъ за дровами въ лѣсъ, а жена пойдетъ въ замужество". Если отъ мужа или любовника нельзя освободиться добромъ, женщина прибѣгаетъ къ преступленію, къ ножу, къ волшебнымъ чарамъ. Отстаивая свою свободу отъ притязаній своего нелюбимаго мужа, женщина въ то же время оказывала мощную, безграничную привязанность къ человѣку любимому. Бонифацій говоритъ, что „славяне, будучи народомъ мерзѣйшимъ и самымъ дурнымъ, соблюдаютъ, однакожъ, съ такою вѣрностью взаимную любовь въ супружескомъ союзѣ, что жена, по смерти мужа, сама отрекается отъ жизни, и та считается у нихъ доблестною, которая своею рукою убьетъ себя, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ". Конечно, Бонифацій въ этомъ случаѣ сильно ошибается, приписывая обычай вдовосожженія исключительно жениной любви; но все-таки наша старина свидѣтельствуетъ, что самоубійство пережившей супруги, изъ-за любви къ покойному мужу, тогда не было рѣдкостью. Вотъ напр., Василиса Никулишна, мужа которой погубилъ кн. Владиміръ изъ желанія обладать ею, отправляется къ трупу своего мужа.

Беретъ Василиса булатный ножъ,
Вспорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василиса очи ясныя

и умерла рядомъ съ своимъ любимымъ Даниломъ. При такой сильной любви женщина естественно доходила до самой демонической мести за измѣну, и въ этой мести, при всей ея безчеловѣчности и отвратительности, насъ невольно увлекаетъ та мощная сила характера, которой

мы почти вовсе не замѣчаемъ въ русской женщинѣ последующихъ эпохъ. Вотъ дѣвушка, которой измѣнилъ ея милый, говоритъ ему:

Надсмѣялся же ты надо мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ—два булатныхъ ножа;
Я изъ рукъ твоихъ й ногъ кроватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно сварю,
Изъ буйной головы ендову сточу,
Я изъ сала твоего сальныхъ свѣчъ намачу...

А послѣ того, она хочетъ созвать гостей, близкихъ убитому, и загадать имъ загадку: „я на миломъ сижу, объ миломъ говорю, изъ милаго я пью, милымъ подчую, а и милъ предо мною свѣчою горитъ".

Въ брачной и семейной жизни мы замѣчаемъ нѣкоторые слѣды стремленій къ равенству половъ. Въ былинахъ женихъ ищетъ себѣ такой невѣсты, которая была бы ему достойною „супротивницей", совѣтницей и помощницей, знала бы грамоту и „четье-пѣнье церковное". Невѣста тоже хочетъ имѣть мужемъ хорошаго „супротивника", ровню. Мужъ сплошь и рядомъ обезпечивалъ свою жену извѣстнымъ имуществомъ. Семья невѣсты, взамѣнъ ея наслѣдственной доли, давала ей приданое. При неимѣніи братьевъ, дочь была наслѣдницей всего отцовскаго имущества. Жена могла имѣть независимое отъ мужа имущество, землю, села и свободно распоряжаться имъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жена считалась даже чѣмъ-то въ родѣ главы дома. По древнѣйшему чешскому праву, жена принималась за представительницу семейства, и мужъ считался дома только тогда, когда онъ находился подлѣ своей жены.

Если начинался процессъ, то отвѣтчикъ могъ быть вызванъ къ суду только въ той мѣстности, гдѣ была его жена. То же самое было въ обычаѣ и у сербовъ. Не смотря на то, что у славянъ, какъ и у всѣхъ полудикихъ народовъ, вступленіе въ бракъ вдовъ считалось въ большинствѣ случаевъ дѣломъ крайне нехорошимъ, такъ какъ женщина должна принадлежать своему мужу даже и мертвому, мы все-таки видимъ не мало примѣровъ того, какъ, вслѣдствіе женскаго вліянія, конечно, сами мужья отступаются отъ этого варварскаго обычая и, умирая, предоставляютъ своимъ вдовамъ полную свободу. Добрыня говоритъ женѣ: „хоть вдовой живи, а хоть замужъ поди; хоть за князя поди, хоть за боярина, хоть за могучаго богатыря, а хоть за полномочнаго крестьянина". Князь Владиміръ Васильковичъ въ своемъ завѣщаніи также предоставляетъ женѣ полную свободу поступать „какъ ей будетъ любо; мнѣ не смотрѣть же, вставши изъ могилы, кто что будетъ дѣлать послѣ меня". Вдова, если не выходила замужъ, дѣлалась полною главою своего семейства и безусловно распоряжалась дѣтьми, которыя своимъ воспитаніемъ были обязаны главнымъ образомъ ей же, а не отцу: всѣ герои и героини нашихъ былинъ воспитаны своими матерями.

„Въ древнія времена—говоритъ Козьма Пражскій — женщины ходили на войну, занимались охотою въ лѣсахъ и образомъ своей жизни не отличались отъ мужчинъ". Византійскіе историки разсказываютъ, что въ войнахъ съ греками славянки, одѣтыя въ мужское платье, храбро дрались на ряду съ своими мужьями. Женщины былинъ, какъ мы уже отчасти видѣли, не уступаютъ самымъ могучимъ богатырямъ своей силой, ловкостью

и самостоятельностью характера, ведя такую же, полную приключеній, жизнь, какъ и мужчины. Жена Ставра, нарядившись посломъ, побѣждаетъ борцовъ Владиміра,—одному изъ плеча руку выдернетъ, другому ногу выломитъ, третьяго хватитъ хребтомъ о землю посреди двора. Она силою освобождаетъ своего мужа изъ подземелья, въ которое, за похвальбу, посадилъ его Владиміръ. Жена Дуная—первый стрѣлокъ въ Кіевѣ. Пелька, дочь Соловья Разбойника, является достойною супротивницей Ильи Муромца. Паленица „женщина великая“ побѣждаетъ Добрыню. Когда на Кіевъ напалъ Тугаринъ и гонецъ, посланный Владиміромъ за Ильей Муромцомъ, не нашелъ его дома, жена Ильи велитъ сѣдлать коня, одѣвается въ платье богатырское, вооружается и, принимаемая всѣми за своего мужа, скачетъ къ Кіеву и обращаетъ въ бѣгство Тугарина, который „бѣжалъ въ свои улусы загорскіе, проклинаючи Илью Муромца, а богатырь Илья Муромецъ знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ, кто за него бился съ Тугариномъ“. Подобную же амазонку видимъ мы и въ легендѣ о Перепетовомъ курганѣ. „Въ незапамятныя времена около Кіева жилъ предводитель одного племени, Перепетъ. Однажды, услышавъ о приближеніи непріятеля къ своимъ областямъ, онъ собралъ дружину и, оставивъ женѣ управленіе, отправился противъ врага. Жена долго не получала никакихъ извѣстій о немъ, наконецъ увидѣла сонъ, предвѣщавшій гибель ея мужа. Чтобы спасти мужа или отомстить за его смерть, она собрала войско и отправилась по слѣдамъ мужа. Рано утромъ, когда туманъ покрывалъ поля, она встрѣчаетъ какое-то войско. Принявъ его за непріятельское, убившее ея мужа и

истребившее его дружины, она нападаетъ съ яростью и въ первомъ пылу сраженія убиваетъ своего мужа. Послѣ сраженія, узнавъ свою ошибку, жена Перепета съ отчаянія сама лишила себя жизни. Дружина насыпала надъ ихъ тѣлами двѣ высокія могилы и назвала одну изъ нихъ Перепетомъ, другую—Перепетовскою".

Но не одною физическою силою женщина поддерживала въ древности свое значеніе, которое она потеряла при дальнѣйшемъ ходѣ исторіи. Подобно германцамъ и большинству другихъ полудикихъ народовъ, славяне, выражаясь словами Тацита, „видѣли въ женщинѣ нѣчто священное", сверхъестественное. Она обладаетъ вѣщею силою, знаніемъ тайнъ природы, всесильными чарами волшебства. Любовь къ женщинѣ, по древнему и современному воззрѣнію народа, есть ничто иное, какъ результатъ дѣйствія волшебныхъ чаръ ея. По малорусскимъ вѣрованіямъ, даже мать, купая своего ребенка въ извѣстныхъ зельяхъ, можетъ приворожить ему долю. Въ пѣсняхъ сплошь и рядомъ намекается на эту волшебную, непобѣдимую силу любви и говорится, что „безъ прилуки молодецъ къ красной дѣвушкѣ не ходитъ". И если у современныхъ русскихъ не только низшаго, но частію даже и средняго класса любовь не можетъ быть объяснена ничѣмъ другимъ, кромѣ волшебства и привораживанья, то совершенно понятно, что въ древности эта могущественнѣйшая изъ страстей могла быть приписана одному только дѣйствію сверхъестественныхъ силъ. „По народному воззрѣнію,—говоритъ Афанасьевъ,— чувство любви охватываетъ человѣка, какъ внутреннее пламя, возжигаемое въ его сердцѣ стрѣлою громовника и раздуваемое буйными вихрями. Желая возбудить это

страстное чувство, волшебницы вынимаютъ изъ груди юноши или дѣвицы сердце, жарятъ его и наговариваютъ любовную тоску". Заговоры, присушки, заклинанія въ любви составляютъ одинъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности древней женщины. И вслѣдствіе чаръ ея, „тѣ же вѣтры буйные, которые весною пригоняютъ дождевыя облака, раздуваютъ пламя грозы и разсыпаютъ по землѣ сѣмена плодородія, приносятъ и любовь на своихъ крыльяхъ, навѣваютъ ее въ тѣло бѣлое, зажигаютъ въ ретивомъ сердцѣ. Кто влюбленъ, тотъ очарованъ". Эта чарующая сила женщины употребляется ею не на одно только внушеніе любимому человѣку страстнаго вожделѣнія къ себѣ, но и для наказанія его за измѣну, для погибели своихъ соперницъ, для мести за свое неудовлетворенное чувство и оскорбленное самолюбіе. Пылающая любовною местью женщина, посредствомъ своихъ чаръ, насылаетъ на кого слѣдуетъ разныя несчастія, причиняетъ смерть, превращаетъ въ животныхъ, отравляетъ всю жизнь страданіями. Волшебная сила женщины обращена не на одну только любовь. Она обладаетъ даромъ пророчества и высшей судейской мудрости, какъ увидимъ ниже; она можетъ посредствомъ травъ, кореньевъ и разныхъ зелій исцѣлять болѣзни, избавлять людей отъ страданій, насланныхъ на нихъ злою волшебною силою. Искуство врачеванія, толкованіе сновъ и примѣтъ, отыскиваніе пропавшаго или украденнаго, предсказаніе о будущемъ, привораживанье и отвораживанье въ любовныхъ дѣлахъ были преимущественно въ рукахъ женщины, равно какъ и родовспомогательное искуство, также соединенное съ знахарствомъ. Въ послѣдующую эпоху, подъ вліяніемъ византизма и вѣрованій азіятскихъ инородцевъ,

всѣ эти свойства и профессіи женщины получили характеръ злостнаго, враждебнаго, дьявольскаго вѣдовства; но нѣтъ сомнѣнія, что въ первобытной славянской жизни женщина имѣла болѣе свѣтлое и благотворное значеніе, слѣды котораго до сихъ поръ можно видѣть въ народныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Въ ряду божествъ одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежало Матери-Землѣ, щедрой кормительницѣ и покровительницѣ всѣхъ людей. Главною служительницею и представительницею этой богини была женщина, которая своимъ участіемъ въ религіозныхъ торжествахъ въ честь Земли преклоняла послѣднюю на милость къ людямъ, побуждала ее къ плодородію, парализировала дѣйствіе силъ, враждебныхъ благодѣтельной силѣ Земли, которая относится къ людямъ какъ любящая мать—плачетъ объ ихъ бѣдствіяхъ, радуется при видѣ ихъ счастія. Воспоминаніе объ этомъ благодѣтельномъ значеніи женщины до сихъ поръ сохранилось во многихъ мѣстахъ въ обрядѣ опахиванья; напр., во время повальныхъ болѣзней людей или скота, крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по приговору мірской сходки, рѣшаютъ остановить посредствомъ этого обряда ходъ эпидеміи. Старуха-повѣщалка выходитъ ночью въ одной рубахѣ на околицу и съ дикимъ воплемъ бьетъ въ сковороду; на ея призывъ со всѣхъ сторонъ собираются бабы, и дѣвки съ ухватами, кочергами, косами, серпами, помелами и дубинами. Ворота во всѣхъ домахъ запираются, скотъ загоняется въ хлѣвы, собакъ привязываютъ. Сбросивъ съ себя рубаху, повѣщалка клянетъ смерть; другія женщины привозятъ соху и запрягаютъ въ нее эту голую бабу; потомъ начинается троекратное опахиванье вокругъ села, причемъ сопровождающая толпа держитъ въ рукахъ лучины ил.

горящіе пуки соломы. Впереди несутъ иконы. Затѣмъ ѣдетъ старуха на помелѣ, въ одной рубахѣ и съ распущенными волосами; за нею двигается соха, а за сохой дѣвка, съ кузовомъ собраннаго со всѣхъ домовъ разнаго зерноваго хлѣба, который она сѣетъ по пролагаемой бороздѣ. Слѣдующая за тѣмъ толпа пляшетъ, вертится, кривляется, размахиваетъ по воздуху принесенными орудіями, бьетъ въ тазы, чугуны, заслонки, косы, свиститъ, хлопаетъ кнутами. Останавливаясь передъ каждымъ дворомъ, бабы и дѣвки стучатъ въ ворота и бѣшенно кричатъ: „бей, сѣки, руби смерть; сгинь, пропади, черная немочь; запашу, заколю, загребу, засѣку, замету!“ При этомъ поются разныя заклинательныя пѣсни. Благодѣтельное вѣдовское значеніе женщины выражалось такимъ образомъ въ ея содѣйствіи къ избавленію отъ разныхъ частныхъ и общественныхъ золъ и напастей. Независимо отъ этого, подобно своей богинѣ Землѣ, женщина въ первобытной жизни была представительницею человѣческой любви, благотворительности и мира. Материнская любовь, служащая первичною формою всѣхъ развивающихся впослѣдствіи гуманныхъ чувствованій, всегда представляется сильнѣе, глубже и беззавѣтнѣе любви отцовской. Равнымъ образомъ, первобытная женщина изображается гораздо сострадательнѣе мужчины и къ чужимъ людямъ. Эта сострадательность и сердечная мягкость простираются до того, что, въ русскихъ сказкахъ, сидящія въ жилищѣ чорта его бабушка, мать или сестра, въ большинствѣ случаевъ, оказываются благосклонными къ странствующему герою, прячутъ его отъ чорта и помогаютъ ему въ нуждѣ. У германцевъ женщина называлась „ткущею миръ“; у всѣхъ народовъ, въ перво-

бытную эпоху ихъ исторіи, она служила дѣлу человѣколюбія и упрочивала своимъ вліяніемъ благоденствіе какъ семьи, такъ и общества. То же самое видимъ мы и въ жизни древнихъ славянъ. По древнему праву чеховъ, напр., если убійцу находили подлѣ его жены и она обнимала его и прикрывала своимъ подоломъ, то мститель обязанъ былъ оставить его въ покоѣ. Въ связи съ этимъ миротворящимъ, гуманизирующимъ вліяніемъ женщины стоитъ еще ея поэтическая дѣятельность. „*Женскія* пѣсни славянскихъ племенъ,—справедливо замѣчаетъ Буслаевъ—безспорно, говорятъ въ пользу той мысли, что народные обычаи, вѣрованія и вообще эпическая старина на-половину обязаны своимъ происхожденіемъ душевнымъ способностямъ женщины, которыхъ быстроту и воспріимчивость объясняла себѣ суевѣрная старина *вѣщею силою*".

Воинственность древне-славянской женщины, ея равносильность съ мужчиною и особенно ея вѣщая сила была основою ея общественнаго значенія и равноправности, на которыя мы имѣемъ немало указаній исторіи. Первыми знаменитыми правительницами славянъ, первыми ихъ законадательницами, судьями, устроительницами мира и порядка являются великія, мудрыя, вѣщія жены. Славянская цивилизація начинается женщинами, и пока женщина, особенно у русскихъ, не была окончательно оттѣснена на задній планъ, не обращена въ полное рабство, до тѣхъ поръ эта первичная цивилизація имѣла въ себѣ такіе хорошіе задатки, которые могли поставить славянъ наряду съ западными европейцами и едва ли допустили бы до того, чтобы названіе народа, бывшее синонимомъ свободолюбія, получило значеніе *раба* *).

*) Sclave—рабъ, славянинъ.

Древняя сага, изукрасившая своими фантазіями дѣйствительность, говоритъ о Вандѣ, дочери Крока, правителя ляховъ и основателя Кракова. Необыкновенная красавица, мудрѣйшая и цѣломудренная дѣва Ванда избирается въ правительницы всѣмъ народомъ; она царствуетъ мирно, счастливо и благодѣтельно для подданныхъ. Одинъ нѣмецкій князь, пораженный молвою объ ея красотѣ, долго и напрасно хлопочетъ, чтобы жениться на ней, наконецъ, рѣшается завладѣть ею силою и ведетъ въ Польшу большое войско. Ванда выходитъ противъ него съ своею арміей и обращаетъ въ бѣгство враговъ однимъ только видомъ своей волшебной красоты. Князь въ отчаяніи отъ пораженія и неудовлетворенной любви восклицаетъ: „Ванда повелѣваетъ землей, водой и воздухомъ! Ванда приноситъ себя въ жертву за народъ свой! И я, товарищи, обрекаю себя въ жертву подземнымъ богамъ, чтобы всѣ потомки ваши и потомки потомковъ вашихъ состарѣлись подъ властью женщины!“ Сказавъ это, онъ закололся. Ванда же, вернувшись домой, благодаритъ боговъ за побѣду и сама приноситъ себя въ жертву имъ, бросаясь въ воды Вислы.

Конечно, частности этой саги принадлежатъ къ области миѳа, вѣроятно, еще испорченнаго записавшими его хроникерами; но основной фактъ, фактъ владычества мудрой женщины, не подлежитъ сомнѣнію. Онъ, въ формахъ болѣе историческихъ, встрѣчается въ традиціяхъ чеховъ, а у русскихъ имѣетъ несомнѣнную историческую достовѣрность.

Чехами въ древности правила вѣщая дѣва Любуша. Она обладала высшею государственною мудростью, ея старшая сестра отличалась постройкою городовъ, а сред-

няя занималась медициной. Эти намеки на равное съ мужчиной участіе женщины, даже на преобладаніе ея въ общественной жизни, дополняются подробностями знаменитаго отрывка изъ чешскаго народнаго эпоса, въ которомъ женщина является и государыней, и судьей, и вѣщею жрицею. Два брата ссорятся о наслѣдствѣ. Для рѣшенія дѣла Любуша сзываетъ народное собраніе, кшетовъ, леховъ и владыкъ великихъ, а вмѣстѣ съ ними и братьевъ соперниковъ. Собрались всѣ они въ Вышеградѣ, заняли свои мѣста, и — говоритъ извѣстный отрывокъ чешскаго эпоса —

Къ нимъ тогда княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ главиомъ сеймѣ.
Вышли двѣ разумныя дѣвицы
Съ мудрыми судейскими рѣчами;
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой же мечъ, каратель кривды,
Передъ ними пламень правдовѣстникъ,
А за ними воды очищенья.

Любуша постановляетъ свой приговоръ, а двѣ дѣвы собираютъ голоса народа. Любуша постановляетъ: „по закону вѣчно-живущихъ боговъ, братья должны владѣть имѣньемъ вмѣстѣ или раздѣлить его поровну“. Большинствомъ голосовъ было рѣшено, что они должны владѣть вмѣстѣ. Но въ народѣ оказалась уже партія, стоявшая за первородство и крайне недовольная женскимъ владычествомъ. „Поднялся лютый Хрудошъ отъ крутой Отавы,—

„Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся,
Закипѣла желчь въ его утробѣ,
И махнувъ могучею рукою,

Заревѣлъ къ народу ярымъ туромъ:
„Горе, горе молодымъ птенятамъ,
Коль эхидна къ нимъ въ гнѣздо вотрется;
Горе мужу, если онъ допуститъ
Управлять собой женѣ строптивой!
Мужу должно управлять мужами,
Первородному идетъ наслѣдство!“

Оскорбленная такимъ протестомъ, Любуша, отказываясь отъ престола, предложила народу выбрать князя, но народъ объявилъ, что онъ признаетъ княземъ того, кого она сама выберетъ себѣ въ мужья. Она выбрала Пржемысла, который, по словамъ хроники, „подчинилъ законамъ народъ необузданный, укротилъ его властью и вмѣстѣ съ Любушею далъ чехамъ права и законы“. Женщина, такимъ образомъ, лишилась политической равноправности съ мужчиной, какъ это было и въ Польшѣ, гдѣ, при выборѣ князя послѣ баснословнаго Попела, народъ положилъ выбрать того, кто первымъ переправится изъ-за оз. Гопла, *кромѣ женщинъ*. Водвореніе этой патріархальной привиллегированности мужчинъ возбудило въ женщинахъ сильное недовольство, какъ видно изъ приведенной выше легенды о Властѣ.

Первоначальная русская исторія представляетъ намъ типическій образъ Ольги, этой женщины, бывшей великимъ мужемъ своего вѣка. Ольга, по лѣтописи, обладаетъ государственною мудростью, которая ставитъ ее выше всѣхъ окружающихъ. Она правитъ государствомъ, какъ князь, предводительствуетъ войскомъ, мститъ древлянамъ за смерть своего мужа, покоряетъ ихъ Кіеву, путешествуетъ въ Грецію, покровительствуетъ распространенію христіанства, ѣздитъ на охоты, ходитъ по странѣ, опредѣляя дани и оброки, давая законы, на-

водя порядокъ. Ея значеніе въ исторіи русской культуры видно уже изъ одного того обстоятельства, что народъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ сохранялъ благодарную память о ней, а въ Псковѣ долго хранились сани, въ которыхъ ѣздила эта энергическая правительница. Ни одинъ изъ князей не имѣлъ такой популярности и не жилъ такъ долго въ народномъ преданіи, какъ Ольга.

„Дѣятельность Ольги—говоритъ Забѣлинъ—представляетъ намъ типическій образъ всей княжеской дѣятельности перваго вѣка. Ольга дѣлаетъ то же, что дѣлали всѣ первые князья, воевавшіе и торговавшіе съ Цареградомъ, покорявшіе сосѣднія племена, уставлявшіе уставы, оброки и дани. Все это было обычнымъ княжескимъ дѣломъ въ то время. Необычайно только то, что Ольга, женщина, совершаетъ эти мужскія и мужественныя дѣла. Но казалось ли это необычайнымъ для ея современниковъ? Мы полагаемъ, что общее убѣжденіе находило дѣянія Ольги очень обыкновенными и естественными. Въ сущности, она не дѣлаетъ ничего такого, что могло бы противорѣчить ея положенію. Въ ея дѣяніяхъ ничего нѣтъ зазорнаго для ея положенія, какъ женщины вообще, какъ вдовы въ особенности“. Женщина въ то время обладала многими правами, а *матерая* вдова, т. е. вдовая, имѣвшая дѣтей. была почти совершенно равноправна съ мужчиной. Женщина владѣетъ и управляетъ имѣніемъ и семействомъ; жены князей принимаютъ посланниковъ и ведутъ переговоры; въ договорѣ Игоря съ греками въ числѣ русскихъ пословъ упоминаются и послы отъ женъ; княгини владѣютъ городами и имѣютъ даже свое отдѣльное войско, со-

держащееся на ихъ счетъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ сага объ Олафѣ, а въ одной изъ русскихъ былинъ жена Владиміра, княгиня Апраксѣевна, даже соперничаетъ съ мужемъ въ этомъ отношеніи и хочетъ набрать въ свою дружину болѣе храбрыхъ и сильныхъ богатырей; женщины, иногда по крайней мѣрѣ, участвуютъ на вѣчахъ и имѣютъ право самостоятельно вести процессы. Онѣ выходятъ и на судебные поединки, причемъ, по обычаю, утвержденному псковской судной грамотой, если судебное поле будетъ присуждено „жонкѣ съ жонкою", то наемнаго бойца не должно быть ни съ которой стороны. За обиду женщины платилась бо̀льшая вира, чѣмъ за обиду мужчинъ, а по древне-чешскому и польскому праву, за изнасилованіе женщины, какъ за убійство, полагалась смертная казнь.

Многія изъ этихъ правъ и преимуществъ, какъ увидимъ ниже, удерживались женщинами втеченіи нѣкотораго времени и въ послѣдующую эпоху постепеннаго женскаго порабощенія. Но и въ первичный періодъ исторіи слегка очерченныя нами вольности и права женщины далеко не имѣли такого безусловнаго значенія въ жизни, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Все это были частію отживающіе остатки первобытной женской свободы, частію же плоды борьбы женщины съ враждебными ей началами, подъ вліяніемъ которыхъ совершалось ея постепенное порабощеніе. Въ жизни каждаго первобытнаго общества наблюдателя обыкновенно поражаетъ множество самыхъ радикальныхъ противорѣчій, какая-то чудовищная смѣсь добродушія и звѣрской жестокости, братства и ненависти, честности и безнравственности, апатіи и страстности,

суевѣрнаго страха передъ богами и дерзкаго кощунства, доходящаго до наказанія идоловъ плетьми и розгами, семейныхъ добродѣтелей и антисемейныхъ пороковъ, женской свободы и женскаго рабства и т. д. Это значитъ, что въ такомъ обществѣ идетъ еще процессъ его соціальнаго броженія, совершается борьба разнообразныхъ элементовъ, долженствующихъ впослѣдствіи слиться въ одну болѣе или менѣе солидарную массу. То же самое видимъ мы, въ частности, и въ исторіи женщины. Принципъ ея свободы и равенства борется съ патріархальнымъ началомъ ея подчиненности семьѣ и мужу. Поэтому-то въ первобытной славянской жизни, на ряду съ указанными нами правами и преимуществами женщины и съ свѣтлыми народными воззрѣніями на нее, мы видимъ цѣлый рядъ идей и явленій совершенно противоположнаго характера.

Славяне живутъ отдѣльными независимыми семействами, разростающимися въ роды. У нѣкоторыхъ племенъ семейный союзъ еще не окрѣпъ и внутри его идутъ постоянные раздоры между домочадцами. У поляковъ отеческая власть не успѣла еще утвердить своихъ абсолютныхъ правъ. Отношеніе отца къ взрослымъ сыновьямъ было основано скорѣе на равенствѣ, чѣмъ на подчиненности. Отецъ отчуждалъ семейное имущество не иначе, какъ съ согласія жены и дѣтей. Когда родитель старѣлся и дряхлѣлъ, то сыновья ipso facto этого одряхлѣнія вступали во владѣніе семейнымъ имуществомъ. Непрочность семейной связи видна и изъ того обстоятельства, что, по свидѣтельству арабскихъ путешественниковъ, отецъ былъ обязанъ кормить и воспитывать своего сына только до совершеннолѣтія. Тогда

отецъ давалъ ему лукъ со стрѣлами, говоря: „ступай, промышляй самъ о себѣ“. Не смотря на это, у большинства славянскихъ племенъ семейный союзъ является уже прочной институціей и независимыя одно отъ другого семейства, разбросанныя по странѣ, представляются небольшими государствами. Такой бытъ отчасти сохранился до сихъ поръ въ Сербіи. „Жилища въ Сербіи“— говоритъ Мармье—„разсѣяны по долинамъ и холмамъ; каждое жилище составляетъ свой отдѣльный, небольшой міръ; въ немъ соединены всѣ ремесла, а поля и лѣса, окружающіе эту колонію, удовлетворяютъ всѣмъ ея потребностямъ. Сообщенія между этими земледѣльческими колѣнами довольно затруднительны. Пройдя лѣсомъ по неровнымъ тропинкамъ, извивающимся по отлогости холмовъ, и перейдя въ бродъ нѣсколько рѣчекъ, доходишь до одной изъ обширныхъ фермъ, обитаемыхъ тремя или четырьмя поколѣніями. Сербскія семейства никогда не разлучаются. Каждый сынъ, который женится, приводитъ свою жену подъ отцовскій кровъ. Имъ даютъ въ одномъ изъ флигелей отдѣльную комнату, но для всѣхъ, для старыхъ и для молодыхъ, очагъ и столъ одинъ. Тамъ раздѣлы неизвѣстны; тамъ дѣды видятъ вокругъ себя выростающихъ внуковъ. Всѣ члены живутъ, какъ рой пчелъ въ одномъ ульѣ“. У племенъ, жившихъ подобными семействами, отеческая власть имѣла уже такой абсолютный характеръ, что въ сравненіи съ нею кажется мягкою даже римская patria potestas. Отецъ семьи или рода былъ государемъ, собственникомъ, судьею и жрецомъ*). Онъ имѣлъ право

*) *Князь* значитъ родоначальникъ, отецъ семейства и жрецъ (сравни *ксендзъ*).

надъ жизнію и смертью своихъ дѣте собенно женскаго пола. Подъ жертвенными ножа... отцовъ дѣтская кровь сплошь и рядомъ обагряла собою домашніе алтари славянъ. Родительская власть основывалась не на одной только физической силѣ, но имѣла свойства сверхъестественнаго божественнаго значенія. Воля отца или матери опредѣляла всю будущность дѣтей. Ихъ благословеніе приносило съ собою всевозможныя блага, избавляло отъ всяческихъ бѣдъ, отъ болѣзней, преждевременной смерти, кораблекрушенія. Родительское проклятіе всемогуще въ такой же степени. Дѣти, проклятыя отцомъ или матерью, неминуемо подвергаются ужаснымъ бѣдствіямъ; они дѣлаются добычею водяныхъ и лѣшихъ. Злое, неосторожно сказанное въ сердцахъ, слово, хотя бы и вовсе безъ желанія, чтобы оно сбылось, никогда не останется безъ дурныхъ послѣдствій для проклятыхъ дѣтей. Самая религія, въ своей первичной формѣ, носила домашній, семейный, родовой характеръ и состояла въ поклоненіи предкамъ. Миѳическая личность дѣдушки-домового была главнымъ божествомъ семьи, домашній очагъ его алтаремъ, а отецъ семейства — жрецомъ-жертвоприносителемъ. Въ лицѣ домового чествовался начальный основатель рода, первый устроитель домашняго очага. Каждое семейство. поэтому, имѣло своего бога; каждый домъ славянина каждая *храмина* была въ то же время и *храмомъ* дл своихъ обитателей. Домовой—это идеалъ патріархал наго *хозяина*, какъ онъ называется еще до сихъ пор Онъ заботится обо всякой мелочи домашняго обихо за всѣмъ наблюдаетъ, помогаетъ работникамъ, даже руетъ изъ чужихъ домовъ въ пользу своего семейст

Когда изъ домочадцевъ кто-нибудь умираетъ, домовой воетъ по ночамъ, выражая тѣмъ свою глубокую печаль о такомъ семейномъ горѣ. Но въ то же время, какъ настоящій грубый патріархалъ, онъ требуетъ отъ семьи и почтенія и всякаго уваженія, иначе, становится злымъ и мстительнымъ. Иногда онъ даже ни съ того, ни съ сего вдругъ начинаетъ самодурить, *проказить*, дѣлать разныя пакости и подрывать благосостояніе дома. Независимо отъ культа домовому, у славянъ до сихъ поръ сохраняются еще довольно крупные остатки ихъ первобытнаго поклоненія всѣмъ вообще своимъ умершимъ родственникамъ. Во всѣхъ почти нашихъ губерніяхъ до сихъ поръ въ извѣстное время совершаются въ разныхъ формахъ праздники въ честь мертвыхъ, которыхъ угощаютъ не только на ихъ могилахъ, но и устрояютъ для нихъ дома обѣды, на которыхъ они будто бы невидимо присутствуютъ. Тотъ же семейный, патріархальный характеръ мы видимъ и въ общенародныхъ божествахъ. Главнымъ сюжетомъ этой общественной религіи и соединенныхъ съ нею обрядовъ служитъ бракъ Неба съ Землею, причемъ послѣдняя почти вовсе теряетъ свой древній, самостоятельный характеръ и является только патріархальною матерью, оплодотворяемою *отцомъ*—Небомъ. „Не земля родитъ, а небо"—гласитъ народная пословица, выражающая собою идею полнаго преобладанія въ религіи патріархально-отцовскаго принципа надъ материнскимъ. Вся твердь небесная, всѣ свѣтила являются въ этомъ міросозерцаніи одною громадною семьею—

Красно солнце — то хозяинъ въ дому,
Свѣтелъ мѣсяцъ — то хозяйка въ дому,
Часты звѣзды — то малы дѣтушки.

Въ этой религіи мы видимъ религіозное признаніе родительскаго права надъ жизнію и смертью своихъ дѣтей. Есть явные слѣды древняго обычая, при переходѣ въ новое жилище умилостивлять боговъ его принесеніемъ въ жертву дѣтей. Общенародныя божества также любили дѣтскую кровь, которая и проливалась на алтаряхъ ихъ.

Личность домочадцевъ совершенно исчезала передъ лицомъ домовладыки; всѣ они были рабами его, и названіе подчиненнаго члена семейства было тожественно съ именемъ раба *). Правъ первородства не было, и по смерти родителя дѣти дѣлили его имущество поровну или владѣли имъ сообща, выбравъ „изъ рода своего владыку“, „въ отца мѣсто“, какъ выражались наши предки. Союзъ семей или родовъ образовалъ общину семей, отцы которыхъ избирали себѣ *князя* или родоначальника, вокругъ котораго мы видимъ совѣтъ изъ *старцевъ*, превратившійся впослѣдствіи въ вѣче. Идеи родительской власти, родительской опеки, кровнаго родства, какъ единственной основы общества и сыновняго повиновенія *младшихъ старшимъ*, уже въ первичную эпоху исторіи славянъ лежали въ основѣ всего ихъ быта. Говоря о послѣдующей эпохѣ, въ которую эти принципы развились до своего апогея, мы ближе ознакомимся съ этимъ основнымъ началомъ нашей старинной жизни, сообщавшимъ ей характеръ грубаго, неподвижнаго варварства.

Отдѣльныя, независимыя семьи были разсѣяны по

---

*) Что рабъ значило *малый, юный*, доказательствомъ служит *робенокъ* или *ребенокъ*. Отрокъ означало также и *мальчика* и *раба*.

дикой, необработанной странѣ, покрытой болотами и непроходимыми лѣсами. Они жили въ дрянныхъ избахъ, построенныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой. Эти избы или *дворы* были царствами, владыки которыхъ вмѣстѣ съ своими подданными-домочадцами постоянно ссорились и воевали другъ съ другомъ. Родовыми раздорами и усобицами начинается, какъ извѣстно, наша достовѣрная исторія.

При такой изолированности семей и при ихъ взаимной враждебности заключеніе браковъ между разнородцами было чрезвычайно трудно. Поэтому и были въ ходу кровосмѣсительныя связи между мужчинами и женщинами одной и той же семьи, о чемъ свидѣтельствуетъ и Несторъ, говоря о древлянахъ *). Понятно, что такія связи естественнѣе и чаще всего возникали между братьями и сестрами, что можно встрѣтить даже до сихъ поръ въ разныхъ полудикихъ захолустьяхъ нашего отечества. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ этнографовъ передавалъ мнѣ слѣдующую сцену изъ крестьянской жизни Вятской губерніи. Парень лежитъ на печи и стонетъ. Мать разспрашиваетъ его, отчего онъ стонетъ. Оказывается, что онъ болѣнъ вслѣдствіе несчастнаго любовнаго похожденія. Мать читаетъ ему нотацію за то, что онъ связывается съ разными посторонними потаскухами; „вонъ, вѣдь, есть свои кобылы", говоритъ она, указывая на дочерей. Воспоминаніе объ этихъ кровосмѣсительныхъ связяхъ, бывшихъ въ большомъ ходу въ древности, сохраняется и въ нашихъ

*) Такіе кровосмѣсительные браки мы видимъ и въ исторіи другихъ народовъ. См. объ этомъ въ моей книгѣ: «Историч. судьбы женщины».

былинахъ. Когда, напр., Илья Муромецъ спрашиваетъ у Соловья Разбойника, отчего у него „дѣти во единой ликъ“, то Соловей отвѣчаетъ:

«Я сына-то вырощу — за него дочь отдамъ,
«Дочь-то вырощу—отдамъ за сына,
«Чтобъ соловейкинъ родъ не переводился».

Въ народныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ обрядахъ мы находимъ новыя подтвержденія въ пользу той гипотезы, что исторія брака началась именно такими кровосмѣсительными связями сестеръ и братьевъ. Въ народной поэзіи братъ и сестра постоянно представляются соединенными между собой самыми тѣсными узами любви, которая иногда, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, переходитъ въ такую ненависть и порождаетъ такую месть, которыя въ другихъ случаяхъ обыкновенно представляются слѣдствіями любовной измѣны и ревности. Въ дѣвушкѣ нашихъ пѣсенъ, которая —

Змѣй печетъ, зелье дѣлаетъ...
Сестра брата извести хочетъ, —

мы видимъ ничто иное, какъ воспоминаніе о древней сестрѣ-любовницѣ, о той эпохѣ, когда—

Было беззаконство великое,
Братъ на брата съ боемъ ходилъ,
Братъ сестру за себя ималъ.

Въ свадебныхъ обрядахъ братъ болѣе всѣхъ домочадцевъ сторожитъ свою сестру отъ жениха-умыкателя: онъ болѣе всѣхъ недоволенъ ея выходомъ въ замужество; онъ сопротивляется притязаніямъ жениха; онъ отражаетъ его наѣздъ. Женихъ платитъ за невѣсту выкупъ ея брату и занимаетъ подлѣ нея его мѣсто. Между жени-

хомъ или дружкой и братомъ идетъ формальный и продолжительный торгъ за невѣсту, родители которой играютъ при этомъ второстепенную роль, а главная принадлежитъ брату, интересы котораго представляются наиболѣе затронутыми выходомъ замужъ его сестры, въ которой онъ терялъ въ древности не только соработницу, но и любовницу. На это же указываетъ, кажется, и выкупъ невѣстиной косы: женихъ платитъ брату невѣсты, *чтобы онъ не обрѣзывалъ ей косу*; обрѣзыванье косы у женщины или дѣвушки было знакомъ мести или наказанія за ея половую измѣну или любовную связь, непріятную для того, кто совершалъ это обрѣзыванье.

Такіе кровосмѣсительные браки, главнымъ образомъ вслѣдствіе своей вредоносности для потомства, не могутъ долго удерживаться въ общемъ употребленіи и по необходимости замѣняются насильственнымъ захватомъ чужихъ женщинъ, умыканіемъ. Всѣ данныя убѣждаютъ насъ, что исторія брака началась именно такимъ насильственнымъ захватомъ женщинъ. Филологія, напр., показываетъ, что слова *пояти жену*, pojac zonç, *поняты жинку* означаютъ буквально *поймать*, изловить себѣ жену. Но свѣдѣнія, сообщаемыя нашимъ лѣтописцемъ объ этой первичной формѣ заключенія брачнаго союза, далеко не отличаются полнотою и точностью. Несторъ говоритъ, что женихи умыкали своихъ невѣстъ, которыхъ они предварительно подговаривали и которыя сами соглашались на такое похищеніе. Но тѣ же лѣтописи свидѣтельствуютъ, что этотъ обычай далеко не былъ всеобщимъ, а исключительнымъ, и что какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины сплошь и рядомъ умыкались и содержались въ брачной неволѣ безъ всякаго съ ихъ

стороны согласія. Упоминаемая Несторомъ форма умыканія была уже значительнымъ смягченіемъ въ исторіи брачнаго союза, который сначала всегда основанъ на насиліи, на побѣдѣ жениха надъ невѣстой, а иногда и наоборотъ. Эта форма, развивающаяся вслѣдствіе успѣшной борьбы первобытной женщины за свою независимость, является уже переходною ступенью къ браку, какъ къ свободному союзу двухъ независимыхъ личностей. Такое насильственное, повидимому, умыканіе даже болѣе прогрессивно, чѣмъ смѣнившая его совершенно мирная купля-продажа невѣсты.

Мы можемъ составить себѣ ясное представленіе о первичной формѣ брака, основаннаго на разбойничьемъ захватѣ невѣсты женихомъ ея. Народныя пѣсни и свадебные обряды даютъ намъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ, изъ раціональной группировки которыхъ можно составить довольно полную картину древней русской свадьбы. Волхъ Всеславьевичъ говоритъ своей дружинѣ:

„Гой еси вы, дружина храбрая!
„Пойдемъ мы ко царству индѣйскому,
„Рубите стараго, малаго,
„Не оставьте въ царствѣ на сѣмена,
„Оставьте только вы по выбору,
„Не много, не мало семь тысячей
„Душечки красны дѣвицы“.—
И та его дружина храбрая
На тѣхъ дѣвицахъ переженилася.

Наѣзды жениховъ для умыканія дѣвушекъ сопровождались нерѣдко грабежомъ, раззореніемъ жилья, полономъ всего семейства, покореніемъ всего невѣстина рода. Эта первобытная форма брака до сихъ поръ существуетъ еще у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ, у

черногорцевъ, сербовъ и болгаровъ. Въ Болгаріи и Сербіи молодежь охотно идетъ на умыканіе. Юнаки умыкатели, или *отмичари*, собираясь на похищеніе дѣвушки, вооружаются какъ въ походъ, подкарауливаютъ ее и умыкаютъ. Иногда они нападаютъ на домъ дѣвицы, завязываютъ настоящій бой, и на выстрѣлы сбѣгается все село съ ружьями, пистолетами и кинжалами. Не мало стыда отмичарямъ, если они возвратятся безъ дѣвушки, и поэтому они всѣ готовы лучше сложить головы, нежели упустить ее изъ рукъ. Похищенную уводятъ въ лѣсъ, гдѣ попъ обручаетъ ее съ женихомъ, и затѣмъ ведутъ въ домъ послѣдняго. Иногда цѣлое село, изъ котораго похищена дѣвушка, идетъ за нею въ погоню, а навстрѣчу ему выходятъ односельцы жениха. Начинаются переговоры, которые оканчиваются или мировою и свадьбою, или же ссорою и тяжбою. Въ древности подобныя столкновенія имѣли болѣе ожесточенный характеръ и положеніе невѣсты-плѣнницы было самое печальное. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста до сихъ поръ оплакиваетъ эту горестную судьбу своей прародительницы.

Быть саду полоненному,
Всему роду покоренному!..
Пріѣдутъ ко батюшкѣ
Съ боемъ да со грабежомъ;
Ограбятъ же батюшку,
Полонятъ мою матушку,
Повезутъ меня молоду
На чужую на сторонушку!

Въ другихъ пѣсняхъ невѣста упрашиваетъ „своихъ подруженекъ схоронить ее отъ *лихого наѣздника*“, т. е. жениха, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ до сихъ поръ

удерживается обрядъ этого прятанья. Подруги прячутъ невѣсту въ уголъ и завѣшиваютъ платкомъ. Женихъ срываетъ платокъ и насильно цѣлуетъ невѣсту. При старинной враждебности семей, при отдаленности ихъ другъ отъ друга, при общемъ безмирьи страны, при насильственномъ захватѣ дѣвушекъ, свадебныя свиты по необходимости должны были состоять изъ вооруженныхъ наѣздниковъ, способныхъ къ защитѣ и къ нападенію, и они до сихъ поръ сохраняютъ свой древній воинственный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бралось множество предосторожностей противъ вѣдовскихъ чаръ злыхъ людей, которые всегда стараются разстроить свадьбу или *испортить* молодыхъ, причинивъ имъ какое-нибудь существенное зло. Эта боязнь чаръ, эта крайняя подозрительность при свадьбахъ, легко объясняемыя тогдашнею враждебностью родовъ, сдѣлали присутствіе на свадьбѣ колдуна столь же необходимымъ, какъ и присутствіе свиты жениха. У донскихъ казаковъ, напр., вѣдунъ, заблаговременно пріисканный дружкой, не отлучался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чтобы на порогахъ и на притолкахъ не было чародѣйства и чтобы въ пищу и питье не примѣшалъ кто-нибудь порчи.

Само собою понятно, что набѣги съ цѣлью умыканія невѣстъ не всегда оканчивались удачно для жениха и его пособниковъ. Есть много свадебныхъ обрядовъ, показывающихъ, что часто набѣгъ жениха, встрѣченный достаточнымъ отпоромъ со стороны родичей невѣсты, оканчивался полюбовною сдѣлкою съ послѣдними. Въ Саратовской губерніи, напр., дружка сначала ссорится и даже дерется съ братомъ невѣсты, охраняющимъ ее,

а потомъ между ними начинаются переговоры, кончающіеся продажею дѣвушки. Въ другихъ мѣстахъ по обѣ стороны невѣсты сидятъ два мальчика съ палками, изображающими мечи. Когда женихъ приближается къ невѣстѣ, то они начинаютъ бить его и дружку. Дружка вынимаетъ деньги и даетъ имъ. Начинается ряда, и невѣсту запродаютъ. По мѣрѣ ослабленія междуродовой враждебности, по мѣрѣ умиротворенія земли, бракъ постепенно переходилъ изъ своей разбойничьей формы умыканія въ мирную форму купли-продажи, которая удержалась вплоть до нашего времени. Женихъ вездѣ называется *купцомъ*, а невѣста—*товаромъ*, и смотрины есть ничто иное, какъ осмотръ этого товара покупателями, т. е. женихомъ и его родственниками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невѣсту выводятъ на средину избы и сажаютъ на скамейку. Женихъ и его родственники подходятъ и осматриваютъ ея лицо, шею, уши, руки, и если это бываетъ вечеромъ, то со свѣчею въ рукахъ. Затѣмъ, какъ и при продажѣ всякаго другого товара, бьютъ по рукамъ, просватываютъ, или, по выраженію крестьянъ Архангельской губерніи, *пропиваютъ дѣвку*, подобно тому, какъ пропиваютъ лошадь или корову. Дѣятельную роль при этомъ играютъ покупатели—женихъ или его родственники, роль же невѣсты съ ея роднею совершенно пассивная *). Но такіе порядки не

*) Въ нѣкоторыхъ юго-восточныхъ степныхъ губерніяхъ плата за невѣсту опредѣляется простою конкурренціею: кто больше дастъ кладки (такъ называется плата за невѣсту), за тѣмъ и остается дѣвушка. Если ужь ей черезчуръ противенъ покажется ея суженый и она, паче чаянія, заявитъ какой-либо протестъ, то ее выталкиваютъ просто-на-просто въ шею къ сватамъ, отъ которыхъ она, для

могли долго держаться, и невѣстинъ родъ, въ виду собственныхъ своихъ интересовъ, долженъ былъ остерегаться продажи дочери каждому встрѣчному, выбирая жениха получше. Такимъ образомъ продажа дѣвушки переходила въ обоюдный торговый договоръ семьи жениха и семьи невѣсты, во время которыхъ послѣднiй подвергается такому же осмотру и такой же оцѣнкѣ

соблюденiя формальности, обязана принять паляницу, выталкиваютъ подъ угрозою жестокаго наказанiя за непослушанiе. Семья такъ твердо вѣритъ въ непреложность своихъ правъ на личность дѣвушки, что ни слезы несчастной, ни угрозы ея сжить себя со свѣту не имѣютъ никакого влiянiя на рѣшенiе. Сдѣлка заключена, деньги получены—чего же еще? Вѣдь и корова, которую ведутъ со двора, можетъ заортачиться въ воротахъ, такъ неужто жь нарушать изъ-за этого сдѣлку? И, странное дѣло, этотъ дикiй обычай, вмѣсто того, чтобъ ослабѣвать, распространяется въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ его прежде вовсе не было; напримѣръ, въ Казанской губернiи, между бывшими крѣпостными, возникъ этотъ обычай послѣ освобожденiя. Въ замѣткахъ одного мирового судьи встрѣчаемъ мы слѣдующее любопытное мѣсто, передающее собственныя мнѣнiя крестьянъ объ этомъ предметѣ. «Теперь пошло заведенiе на кладку; это, какъ лошадь продаютъ, торгуются, какъ хорошiе цыгане, съ недѣлю торгуются, разъ-другой изъ избы-то выдутъ, да помаленьку, по гривенкѣ сбавляютъ, а женихъ-то зачастую и не видитъ невѣсты. Одинъ у насъ эдакимъ манеромъ взялъ чистую дуру: загнетъ палецъ въ ротъ, да и сосетъ. Прежде безъ кладки отдавали, да лучше было; я самъ въ бѣленькой рубашкѣ женился, а нынѣ все красныя рубахи пошли, а кладки менѣе 25 или 50 рублей и не думай. Мы своего женили, такъ одной кладки 75 р. отдали, да шелки, да кумачи—сотъ семь уложили на разные подарки и угощенья: одно раззоренье и грѣхъ! Сейчасъ и говоритъ свекровь ли, деверь ли: «Ты и сама того не стоишь, что мы за тебя заплатили» и дальше и больше—словомъ-то ей въ лобъ, да въ лобъ—глядишь и до святыхъ волосъ дошло, а тутъ и къ мировому приспѣло». (Ефименко).

его родственниками, какіе испытываетъ и невѣста со стороны жиниховой родни.

Въ большинствѣ случаевъ, при такихъ порядкахъ не могло быть и рѣчи о свободномъ выборѣ со стороны невѣсты, хотя въ то же время и выборъ жениха нерѣдко опредѣлялся вкусами и разсчетами его семейства. Невѣста же продавалась отцомъ, братомъ, родоначальникомъ или княземъ и семейнымъ совѣтомъ, который, подъ именемъ *совѣтливаго сговора*, до сихъ поръ заправляетъ этимъ дѣломъ во многихъ мѣстностяхъ. На страдательную роль невѣсты въ этомъ случаѣ указываютъ и тѣ ея жалобы и укоры продающей ее роднѣ, которыми наполнены свадебныя пѣсни. Даже при отсутствіи принужденія со стороны родителей, какъ женихъ, такъ и невѣста въ древности имѣли гораздо меньше возможности совершенно свободнаго выбора, чѣмъ въ послѣдующее время. При анархіи первобытной жизни, при родовыхъ усобицахъ, при трудности заключенія браковъ, мужчина, въ большинствѣ случаевъ довольствовался женщиною, которую обстоятельства бросали въ его руки и которой до тѣхъ поръ онъ не зналъ, не *вѣдалъ*, отчего произошло и самое названіе *невѣсты*. Но случай, опредѣлявшій столь важный моментъ жизни, какъ бракъ, для первобытнаго человѣка былъ не просто случаемъ, а таинственнымъ, сверхъестественнымъ рокомъ, проявленіемъ божественной воли, сводившей жениха и невѣсту посредствомъ воли родителей, или при другихъ условіяхъ. Бракъ — опредѣленіе судьбы, *судъ божій*, откуда названіе жениха *суженымъ*, а невѣсты *суженою*. И деспотизмъ семейства, и эта вѣра въ рокъ очень рано въ исторіи начали принижать женскую личность,

у которой отнималась всякая воля при выборѣ мужа и которой оставалось только одно утѣшеніе—посредствомъ зеркала и многихъ гадательныхъ средствъ узнать своего *суженаго* господина прежде, чѣмъ онъ пріобрѣтетъ ее посредствомъ захвата или купли. Вѣра въ рокъ, въ судьбу, въ опредѣленную сверхъестественнымъ образомъ долю постепенно убивала въ женщинѣ энергію противодѣйствія, хотя и никогда не могла заглушить тѣхъ женскихъ воплей отчаянія и жалобъ на свою неизбѣжную долю, которые въ продолженіи десятковъ столѣтій оглашаютъ собою русскую землю въ произведеніяхъ народной поэзіи.

Одною изъ самыхъ главныхъ причинъ невѣстиныхъ причитаній и жалобъ служитъ то обстоятельство, что ее повезутъ въ „чужую, дальнюю сторону“, „къ чужому роду-племени“, среди котораго ей придется жить и отъ котораго зависѣть. При древней разрозненности семей и родовъ, при ихъ враждебности и отдаленности другъ отъ друга — всѣ эти тревоги и опасенія невѣсты были совершенно естественны. Родственники жениха встрѣчали ее враждебно, какъ чужую, и третировали ее безжалостно, какъ рабыню. Уже въ извѣстномъ обрядѣ встрѣчи невѣстки ея свекровью, вопреки совершенно неосновательному мнѣнію всѣхъ нашихъ этнографовъ, кромѣ Кавелина, ясно выражается непріязнь свекрови не только къ новобрачной, но и къ молодому, введшему ее, чужестранку, въ свой домъ. (Впрочемъ, нужно замѣтить, что такое объясненіе идетъ только къ нѣкоторымъ варіяціямъ этого обряда, между тѣмъ какъ другія варіяціи и сами по себѣ, и по воззрѣнію народа, выражаютъ желаніе свекровью благополучія новобрач-

нымъ. Можно предположить, что первыя варіяціи относятся къ древнѣйшему періоду враждебности семей, а послѣднія развивались подъ вліяніемъ смягченія отношеній свекрови къ невѣсткѣ). Названія *лютый свекоръ, лютая свекровь, золовка*—сдѣлались поговоркой, и народная поэзія говоритъ объ этихъ личностяхъ не иначе, какъ о воплощеніи зла относительно невѣстки, какъ объ ея безжалостныхъ тиранахъ и ехидныхъ угнетателяхъ. Въ пѣсняхъ родственники мужа такъ рекомендуются его молодою женою: „что медвѣдь съ медвѣдицей—богоданный-то батюшка съ богоданною матушкой; шипицы колючія — богоданны милы братцы; крапива жгучая—богоданныя сестрицы!!..“

Свекоръ на палатѣ,
Точно кобель на канатѣ,
Свекровушка на печи,
Точно сука на цѣпи.
Вы деверья, вы деверья,
Вы—борзые кобеля,
У васъ жены таковы...
Мужъ на лавкѣ сидитъ,
На жену косо глядитъ:
Ты косись, не косись,
Не боюся я тебя,
Не ударишь ты меня!
Мужъ руку отвелъ,
Жену по уху оплелъ;
Жена руку отвела,
По всей харѣ оплела.

Жизнь невѣстки, по малорусскимъ пѣснямъ, настоящая каторга

А жиночкамъ та не-ма волі:
У за пічку та воркунъ ворчить,

У колысці та дитя кричить,
Підъ порогомъ та свиня хрючить,
А у печі та горщокъ бежитъ.
Дитя каже: „Похитай мене!“
Горщокъ каже: „Помішай мене!“
Свиня каже: „Погодуй мене!“
Воркунъ каже: „Поцілуй мене!“

У малороссовъ Волынской губерніи есть одна поговорка, очень характеристичная. „А хто воды принесе? Невістка. А кого бьютъ? Невістку. А за що бьютъ? За то, що невістка“.

Независимо отъ этихъ непріязненныхъ отношеній къ невѣсткѣ родичей ея мужа, она страдала въ особенности отъ той личности, которая, въ качествѣ семейнаго главы или родоначальника, властвовала надъ ея мужемъ. Мы говоримъ о родовомъ правѣ первой ночи, слѣды котораго въ древне-русской жизни указалъ еще Эверсъ въ своихъ изслѣдованіяхъ. Ольга первая, кажется, начала уничтожать это право, замѣняя его данью, извѣстною подъ именами: куничной, свадебной, повалешной, новоженной, повѣнечной. Общины, постепенно избавляясь отъ натуральнаго характера этой повинности, ежегодно уплачивали, по выраженію былины, „съ молодицъ повѣнечное, со дѣвицъ повалешное“. Обычай, въ силу котораго домовладыка или родоначальникъ пользовался первой ночью невѣсты, приведенной подвластнымъ ему женихомъ, отчасти до сихъ поръ удерживается во многихъ мѣстностяхъ Россіи въ формѣ *снохачества*. У задунайскихъ и адріатическихъ славянъ мы также находимъ слѣды его въ томъ свадебномъ обрядѣ, по которому выбранный изъ жениховой родни *деверь*, послѣ вѣнчанья, три ночи спитъ въ одной ком-

натѣ съ невѣстой; послѣ того только женихъ вступаетъ въ свои супружескія права. Наконецъ на это родовое право брачнаго предвкушенія указываетъ и Несторъ, говоря о тѣхъ славянскихъ племенахъ, которыя, въ противоположность полянамъ, не имѣли „стыдѣнья къ *снохамъ* своимъ и къ сестрамъ, къ матерямъ и отцамъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ“.

Но послѣ паденія этихъ кровосмѣсительныхъ порядковъ, частію оставшихся только въ родовомъ правѣ предвкушенія и въ снохачествѣ, какъ въ половомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, главнымъ и непосредственнымъ владыкою жены былъ мужъ. Власть его была или, по крайней мѣрѣ, стремилась быть столь же абсолютною, какъ и власть отца. Еще женихъ облекался званіемъ родоначальника и былъ дѣйствительнымъ *князем* по отношенію къ своей невѣстѣ и будущему потомству *). Рабское положеніе жены выражалось во многихъ обрядахъ, до сихъ поръ уцѣлѣвшихъ въ свадебныхъ церемоніяхъ простонародья. Женихъ послѣ вѣнчанія получалъ плеть отъ отца невѣсты и трижды билъ ею новобрачную въ знакъ своей власти надъ нею. Самая плеть называлась *державою*. Унизительный обрядъ разуванія жениха невѣстою при брачномъ ложѣ, причемъ въ одномъ сапогѣ новобрачнаго лежали деньги, а въ другомъ плетка, — этотъ обрядъ, существующій до сихъ поръ и у русскихъ, и у инородцевъ финскаго племени, и у галиційскихъ русиновъ, имѣетъ тысячелѣтнюю древность и служитъ выраженіемъ вполнѣ рабской

*) *Князь* значитъ собственно родоначальникъ; поэтому новобрачные и называются *княземъ* и *княгинею*, какъ основатели новаго рода или семейства.

покорности жены своему властителю. Жена прежде всего должна быть пассивнымъ орудіемъ, удовлетворяющимъ похоть мужа и производящею потомство. Самое слово *жена*, по-санскритски *джана*, собственно значитъ рождающая, отъ *джан*—рождать. Затѣмъ жена — работница или, по позднѣйшему выраженію, хозяйка семьи, верховнымъ повелителемъ которой является ея мужъ. Она—собственность мужа и послѣдній тщеславится ею точно такъ же, какъ какою-нибудь дорогою вещью. Герои нашихъ эпическихъ пѣсенъ нерѣдко, подгулявши на веселомъ пиру, начинаютъ превозноситься другъ передъ другомъ разнымъ своимъ имуществомъ—

Иной хвастаетъ коньми добрыми,
Другой хвастаетъ золотой казной,
Третій хвастаетъ молодой женой.

Въ качествѣ абсолютнаго владыки, власть котораго основана на фактѣ захвата или покупки, во всякомъ случаѣ на правѣ собственности, мужъ стремится быть господиномъ не только тѣла, но и души своей жены. Ея мысли, чувствованія, ея любовь во что бы то ни стало должны принадлежать одному ему, какъ законному хозяину. Поэтому-то дѣвушки у славянъ ходили съ непокрытою головою, такъ чтобы всякій могъ видѣть ихъ; когда же дѣвушка дѣлалась невѣстою, когда, слѣдовательно, переходила въ исключительную собственность одного мужчины, то женихъ набрасывалъ ей покрывало на голову, которое имѣло одно и то же значеніе съ восточною чадрой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже въ первичную эпоху русской исторіи, мы видимъ начатки основаннаго на ревности гаремнаго заключенія женщинъ въ теремахъ. Несмотря на половую свободу, которою

отличалась древнеславянская жизнь, мы находимъ въ ней нерѣдко самыя варварскія проявленія мужниной ревности, основанной, впрочемъ, — какъ это бываетъ у всѣхъ полудикихъ народовъ, — не столько на чувствѣ оскорбленной любви, сколько на уязвленномъ самолюбіи самодура-деспота. Подобно Дунаю, который убиваетъ свою беременную жену за то только, что она унизила его передъ богатырями, показавъ свое превосходство надъ нимъ въ стрѣльбѣ изъ лука, древніе патріархалы и въ половой измѣнѣ видѣли ничто иное, какъ *безчестье* себѣ. Они нерѣдко мстили за него ужасною смертью измѣнницы, и славянскія легенды передаютъ намъ страшную картину казни несчастныхъ женъ, которыя, будучи привязаны за ноги къ хвосту дикой лошади, размыкиваются ею по полю. Вотъ, напр., какъ поступаетъ былинный богатырь съ своей женой, увезенной царемъ Афромеемъ:

Остался онъ во бѣломъ шатрѣ,
Сталъ онъ, Иванъ, жену свою учить,
Онъ душку Настасью Дмитревну:
Онъ перво ученье—то руку отсѣкъ ей,
Самъ приговариваетъ:
„Эта мнѣ рука не надобна,
Трепала она, рука, Афромея царя“.
А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:
„А и та-де нога мнѣ не надобна:
Оплеталася съ Афромеемъ царемъ“.
А третье ей ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
„А и эти губы мнѣ не надобны:
Цѣловали они царя невѣрнаго“.
Четверто ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

„Эта голова мнѣ не надобна,
И этотъ языкъ мнѣ не надобенъ,
Говорилъ со царемъ невѣрнымъ,
И сдавался на его слова прелестныя“.

Само собою понятно, что у нашихъ предковъ, какъ и у всѣхъ народовъ, мужчина, предписывая женщинѣ строгія правила половой рабской нравственности, не только избавлялъ самого себя отъ обязанности слѣдовать имъ, но даже присвоивалъ себѣ привиллегію легальной развращенности, встрѣчавшей оппозицію только въ одной женщинѣ, которая, въ видахъ улучшенія своей семейной жизни, всегда во имя моногаміи борется противъ наложничества и многоженства. Многоженство у славянъ было въ большомъ ходу. У Мечислава I было 7 женъ, у Вратислава поморскаго—5 женъ и 24 наложницы, у нашего Владиміра—6 женъ и 800 наложницъ; обыкновенные смертные, по Нестору, имѣли по двѣ и по три жены, а по свидѣтельству Казвини, по двадцати и болѣе. „Въ каждомъ домѣ“,—говоритъ Ибнъ-Фоцланъ о руссахъ, видѣнныхъ имъ на Волгѣ,— „живетъ человѣкъ по десяти и по двадцати. Каждый изъ нихъ имѣетъ свою кровать, на которой сидитъ со своими дѣвушками и красавицами. Во дворцѣ царя руссовъ живетъ 400 храбрѣйшихъ и преданныхъ ему мужей; каждый изъ нихъ имѣетъ дѣвушку, которая ему прислуживаетъ, моетъ, готовитъ пищу и питье, и, сверхъ того, другую, которая служитъ ему наложницей. На диванѣ вмѣстѣ съ царемъ сидятъ сорокъ его наложницъ, которыхъ онъ не стыдится ласкать въ присутствіи своей дружины“. Развратъ былъ страшный, особенно при дворахъ князьковъ, которые, какъ видно изъ лѣто-

писнаго разсказа о Владимірѣ, не довольствуясь сотнями своихъ любовницъ, силою захватывали въ свой гаремъ каждую смазливую бабенку или дѣвушку. Въ былинахъ Владиміръ „красное солнышко" тоже нерѣдко зарится на чужихъ женъ, захватываетъ ихъ, убиваетъ ихъ мужей и поощряетъ своихъ дружинниковъ къ такимъ же насиліямъ. Содержаніе многихъ женъ и наложницъ стоило дорого и было поэтому не для всякаго возможно. Мужской похотливости въ этомъ случаѣ помогала легкость расторженія брака, противъ которой такъ сильно вооружаются первые наши вѣроучители и законодатели. Состарѣвшуюся или надоѣвшую ему жену мужъ прогонялъ отъ себя и бралъ другую. Его въ этомъ отношеніи, до развитія законодательства и прочной администраціи, могла ограничивать только одна боязнь родственниковъ обезчещенной жены, да и то въ томъ только случаѣ, если они были достаточно сильны для того, чтобы наказать его. Развитію мужнинаго самовластія и жениной пассивности, кромѣ родового начала и византизма, о которыхъ мы будемъ подробно говорить въ слѣдующихъ главахъ, не мало содѣйствовало и то обстоятельство, что родители сплошь и рядомъ выдавали дочерей еще въ дѣтствѣ, и мужья такимъ образомъ имѣли полную возможность воспитывать ихъ въ понятіяхъ и чувствованіяхъ безотвѣтнаго рабства.

Бракъ въ первобытной жизни считался необходимымъ условіемъ для человѣческаго благоденствія, а многочисленное и хорошее потомство — небеснымъ благословеніемъ. Сыновья нужны патріархалу не только въ земной жизни, какъ помощники, работники, защитники семейства, но и въ загробной, какъ *кормители* душъ

своихъ умершихъ предковъ, какъ приносители искупительныхъ жертвъ за нихъ. Жена и мужъ также необходимы другъ другу въ загробной жизни, которая, по первобытному представленію, есть ничто иное, какъ продолженіе настоящей. Поэтому въ древности людей, умершихъ холостыми, вѣнчали при погребеніи съ людьми живыми, которые, послѣ своей смерти, и соединялись съ супругами въ „мѣстѣ злачнѣ“. У славянъ мужчину, умершаго холостымъ, женили по смерти, и находились женщины, которыя охотно обрекали себя на сожженіе вмѣстѣ съ трупомъ женившагося. По вѣрованію малороссовъ, умирающимъ безъ пары нѣтъ мѣста на томъ свѣтѣ, и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи похороны парней, особенно дѣвушекъ, походятъ на свадьбу. По смерти дѣвушки, для нея на тотъ свѣтъ назначается женихъ, который провожаетъ покойницу до могилы и считается зятемъ въ семействѣ умершей. Вдовы въ древности также сплошь и рядомъ кончали самоубійствомъ и сгорали на кострѣ вмѣстѣ съ трупами своихъ мужей. Жизнь вдовы была чрезвычайно тягостна и бѣдственна и кромѣ того, по вѣрованію руссовъ, женщина могла войдти въ рай не иначе, какъ только вмѣстѣ съ своимъ мужемъ; поэтому, рѣдкія женщины переживали своихъ мужей и погибали на погребальныхъ кострахъ совершенно добровольно, какъ утверждаютъ иностранные свидѣтели, хотя нужно предположить, что этотъ убійственный обычай, какъ и въ Индустанѣ, не оставался безъ реакціи со стороны русскихъ женщинъ и поддерживался главнымъ образомъ эгоизмомъ мужчинъ, нуждавшихся въ службѣ и хозяйкѣ для своей замогильной жизни. Въ былинахъ есть даже

указаніе на то, что за умершей женщиной слѣдовалъ въ могилу ея мужъ. Настасья, жена Потока, говоритъ ему: „хотя ты на мнѣ и женишься, но кто изъ насъ прежде умретъ, второму за нимъ живому во гробъ идти“. Потокъ исполнилъ это требованіе. Не смѣемъ утверждать, чтобы это было въ дѣйствительной русской жизни, но подобное явленіе до сихъ поръ можно встрѣтить у нѣкоторыхъ племенъ Африки. Ибнъ-Фоцланъ такъ описываетъ этотъ обычай. „По смерти знатнаго мужа, родные его спросили у его дѣвушекъ: кто изъ васъ желаетъ умереть съ нимъ? Одна изъ нихъ отвѣчала: я. Тогда приставили къ ней двухъ женщинъ, чтобы всюду ходить за нею и даже мыть ей ноги, а родные начали кроить платье умершему и готовить все нужное. Въ день сожженія дѣвушку подвели къ чему-то, сдѣланному на подобіе колодезнаго сруба; она стала на руки мужчинъ, заглянула въ срубъ и произнесла какія-то слова. Ее спустили съ рукъ и снова подвели въ другой и въ третій разъ. Ей подали пѣтуха; отрѣзавъ ему голову, она кинула его, а другіе, поднявъ его, бросили въ ладью умершаго (стоявшую на берегу). По объясненію переводчика, въ первый разъ дѣвушка сказала: „я вижу здѣсь отца и мать мою“; во второй: „теперь вижу всѣхъ моихъ родственниковъ“; въ третій разъ: „тамъ господинъ мой; онъ сидитъ въ раю, и рай такъ прекрасенъ, такъ зеленъ! Подлѣ него вся дружина его и дѣти. Онъ зоветъ меня, пустите меня къ нему!“ Ее подвели къ ладьѣ. Она сняла съ себя запястье и отдала старухѣ, называемой *ангеломъ смерти;* снявъ кольца съ ногъ, отдала ихъ дѣвушкамъ, которыхъ называютъ *дочерями ангела смерти.* Послѣ этого, ее понесли на

ладью и ввели въ сдѣланную тамъ комнату. Пришли мужчины со щитами и палицами и дали ей стаканъ меду. Она взяла его, запѣла и выпила, въ знакъ прощанія со своими милыми. Ей дали другой стаканъ; она, взявъ его, запѣла длинную пѣсню, но старуха велѣла ей скорѣе выпить и войдти въ комнату, гдѣ лежалъ мертвый господинъ ея. Дѣвушка перемѣнилась въ лицѣ и не хотѣла идти. Старуха схватила ее за голову и втащила въ комнату. Тутъ мужчины стали бить палицами въ щиты, чтобы другія дѣвушки не услыхали ея крика и не устрашились бы также въ свою очередь умирать вмѣстѣ со своими господами. Послѣ этого вошли въ комнату шесть мужчинъ для совокупленія съ нею... Наконецъ, положили дѣвушку подлѣ умершаго господина. Двое взяли ее за ноги, двое за руки, а старуха надѣла ей петлю на шею и подала веревку двумъ мужчинамъ, чтобы тянуть за нее, взяла широкій ножъ и вонзила въ бокъ между ребрами, а мужчины тянули за веревку, пока дѣвушка испустила духъ. Тогда явился ближайшій изъ родственниковъ, подошелъ къ ладьѣ и зажегъ лежавшія подъ нею дрова. Другіе пришли также съ пылающими отрубками и бросили ихъ на костеръ. Вскорѣ все запылало, — костеръ, ладья, комната, тѣла господина и дѣвушки и все бывшее въ ладьѣ".—Обычай вдовосожженія, вслѣдствіе нѣкотораго смягченія нравовъ и женской реакціи, совершенно палъ еще до того времени, съ котораго начинаютъ свой разсказъ наши историческіе источники. Но отъ вдовы все-таки требовалось, чтобы она, не вступая въ другой бракъ, принадлежала только своему умершему мужу и ожидала естественной смерти, долженствовавшей

соединить ее съ нимъ. Въ послѣдующую эпоху, подъ вліяніемъ византизма, на этомъ воззрѣніи развился нравственно-обязательный обычай постриженія вдовъ.

Положеніе бездѣтной вдовы было крайне плачевно. Это была беззащитная, жалкая личность, подверженная насилію каждаго встрѣчнаго. Бездѣтная вдова считалась какъ бы негодною вещью, неудовлетворившею своему назначенію и выброшенною за ненадобностью на улицу. Женщина для патріархала есть ничто иное, какъ орудіе для продолженія рода; цѣлъ ея жизни — рожденіе дѣтей, особенно сыновей, которыми только держится и продолжается родъ. Дочь, предназначенная для отдачи въ чужой родъ, мало интересуетъ патріархала и онъ ненавидитъ женщину, которая рождаетъ ему однѣхъ только дочерей. Даже до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Архангельской губерніи, напримѣръ, замужнія женщины нерѣдко совершаютъ дѣтоубійство единственно изъ страха родить строгому мужу ребенка женскаго пола. Напротивъ того, *матерая* вдова, какъ женщина, достойно выполнившая свое назначеніе, дѣлалась главою семейства, самостоятельнымъ и правоспособнымъ лицомъ въ обществѣ.

Развитіе родовой патріархальной системы порабощало женщину и непосредственно, и посредствомъ того народнаго міросозерцанія, которое всегда развивается вмѣстѣ съ этой системой. Идея подчиненности женщины и низшей степени ея природы естественно возникаетъ и входитъ въ полную силу тамъ, гдѣ дѣятельною личностью и владыкою старается быть только одинъ мужчина. Женщина въ патріархальномъ быту должна быть пассивною самкой и рабыней, но такъ какъ она ни-

когда вполнѣ не мирится съ этимъ положеніемъ и въ той или другой формѣ заявляетъ свою человѣческую личность, не имѣя въ то же время достаточно силы, на которой въ первобытной жизни основывается всякое право и которая доставляетъ уваженіе, то, по мѣрѣ развитія патріархальныхъ принциповъ, значеніе женщины постепенно падаетъ: она дѣлается существомъ слабымъ и презираемымъ. Это дикое презрѣніе къ женскому полу всегда было особенно сильнымъ у инородческихъ племенъ алтайской расы и, при сліяніи съ ними русскаго народа, постепенно переходило къ нему вмѣстѣ съ обычаями, утварью, легендами, миѳами. Еще въ то время, когда обры завоевали славянъ, азіатское презрѣніе къ женщинѣ высказалось въ такой формѣ, которая долго возмущала собою народную память и воспоминаніе о которой занесено въ лѣтопись. Обры не ѣздили ни на лошадяхъ, ни на волахъ, а непремѣнно на славянскихъ женщинахъ, запрягая ихъ по три и по четыре въ телѣгу. Физіологическія отправленія менструаціи и выдѣленія при родахъ — у всѣхъ дикарей рождаютъ идею о пошлости и нечистотѣ женской природы. Нечистоплотность дикарскихъ женщинъ, ведущая за собою болѣзненные припадки у мужчинъ послѣ извѣстнаго акта, еще болѣе усиливаетъ такое воззрѣніе на женщину, которое, безъ сомнѣнія, развилось у русскихъ самостоятельно и чрезвычайно усиливалось подъ вліяніемъ сливавшихся съ ними азіатскихъ племенъ. Но у этихъ инородцевъ женщина въ извѣстныя намъ историческія времена вовсе не имѣла того высокаго значенія, какое приписывали ей германцы и славяне, „видѣвшіе въ ней нѣчто священное“, высшую силу вѣ-

щей мудрости. Благодаря этой вящей силѣ, женщина въ первобытной славянской жизни далеко не находилась въ томъ унизительномъ состояніи, въ какомъ мы видимъ ее въ послѣдующую эпоху. Но при развитіи презрѣнія къ женщинѣ, какъ къ существу нечистому, при утвержденіи патріархальной системы, порабощавшей ее, женщина естественно оказывала сопротивленіе рабовладѣльческимъ тенденціямъ мужчины; она боролась съ нимъ и главными орудіями были для нея: хитрость, вѣдовское искусство, смертоносныя зелья. Въ умѣ патріархаловъ, поэтому, она постепенно превращалась въ представительницу злого начала, въ нечистое существо, къ которому особенно благоволитъ нечистая, дьявольская сила. Миѳическій змѣй, какъ извѣстно, особенно падокъ до женщинъ; онъ соблазняетъ ихъ, живетъ съ ними, награждаетъ ихъ богатствомъ, и при этомъ овладѣваетъ ими не всегда насильно, а нерѣдко привязываетъ ихъ къ себѣ любовью. Лѣшій также любитъ женщинъ, похищаетъ ихъ и заставляетъ жить съ собою въ любовномъ союзѣ. Отъ существа, которое вступаетъ въ такія интимныя связи съ нечистою силою, нечего ждать добра. И древняя вѣщая женщина превращается въ злую вѣдьму, въ орудіе злыхъ духовъ, дѣйствующихъ на пагубу рода человѣческаго. Вѣдьма мѣшаетъ плодородію земли и женщинъ, воруетъ дождь и росу, насылаетъ бури и болѣзни, травитъ людей, превращаетъ ихъ въ животныхъ и т. д. Этихъ вѣрованій отнюдь нельзя приписывать одному только вліянію византизма; они возникли задолго до него и нерѣдко подвергали женщинъ ужаснымъ гоненіямъ, благодаря въ особенности инсинуаціямъ волхвовъ, боровшихся съ вѣ-

дуньями, какъ съ конкурентами по профессіи. Эти обвиненія и клеветы на женщинъ встрѣчали полную вѣру въ мужскомъ населеніи,—такъ было всеобщее мнѣніе о враждебности женской природы. Въ 1024 г., по случаю голода въ Суздальской области, явились кудесники и начали „избивать старую чадь бабы“, объясняя народу, что бабы держатъ у себя „гобино и жито“ и сводятъ на землю голодъ. Народъ началъ поголовное истребленіе бабъ, и эту бойню кое-какъ остановилъ Ярославъ. Въ 1071 г. въ Ростовской области былъ страшный голодъ. Явились два волхва и пошли по Волгѣ, разглашая всюду, что „они знаютъ, кто обилье держитъ Куда ни придутъ въ погостъ и называютъ имена зажиточныхъ женщинъ, говоря, что такія-то жито держатъ, а эти — рыбу, а эти — мѣха. И приводили къ нимъ жители сестеръ своихъ, матерей и женъ своихъ; они же, обморачивая зрителей, разрѣзывали тѣло этихъ женщинъ за плечами и вынимали либо жито, либо рыбу; множество женщинъ они убили, а имущество ихъ взяли себѣ“.

Такимъ образомъ, уже въ первую эпоху русской исторіи, женщина хотя и пользуется еще нѣкоторыми правами и вольностями, которыхъ она лишается въ послѣдующее время, но жизнь уже ясно идетъ къ утвержденію тѣхъ порядковъ, при которыхъ полное рабство является нормальнымъ и общепризнаннымъ положеніемъ женской личности. Въ слѣдующихъ главахъ мы подробно разсмотримъ, какъ совершилось ея полное подчиненіе подъ вліяніемъ родового начала и византизма.

II.

Патріархальные родовые принципы, которыхъ мы уже коснулись въ предыдущей главѣ, нашли въ русской землѣ такую удобную почву для своего полнаго развитія, какой они не имѣли нигдѣ въ Западной Европѣ. Втеченіи нѣсколькихъ столѣтій, благодаря выгоднымъ для нихъ историческимъ условіямъ, они пустили такіе глубокіе корни въ народной жизни, что Русь XVI и XVII столѣтій является обществомъ столь же патріархальнымъ, какъ Японія, Китай, патриціанскій Римъ и т. д. Мало того, даже въ настоящее время эти принципы безусловно заправляютъ семейною и общественною жизнію нашего крестьянства, мѣщанства, купечества и духовенства. Въ Западной Европѣ, начавшей свое развитіе подъ вліяніемъ римской цивилизаціи, послѣдняя эпоха которой была ознаменована разложеніемъ архаическаго семейства и почти совершеннымъ паденіемъ патріархальныхъ началъ его,—въ Западной Европѣ очень рано начала развиваться человѣческая личность и родовые принципы были не въ силахъ удерживать ее въ полномъ порабощеніи, тѣмъ болѣе, что этому препятствовалъ и антисемейный духъ католической религіи. У насъ же дѣла шли иначе. Русскіе смѣшивались не съ цивилизованными римлянами, а съ полудикими азіятскими патріархалами. Меря, чудь, мурома, половцы, берендѣи, монголы, татары и другія инородческія племена алтайской расы, постепенно сливаясь съ русскими, смѣшивая свою кровь съ кровью славянскою, вліяли на нашъ языкъ, на наши нравы, обычаи, понятія, характеръ, вѣрованія, поддерживали и развивали въ русской жизни тотъ патріархально-родовой порядокъ,

подъ которымъ они втеченіи тысячелѣтій жили сами въ своихъ грязныхъ улусахъ.—Съ характеромъ этихъ основныхъ элементовъ слагавшагося русскаго общества вполнѣ гармонировало мощное вліяніе Византіи съ ея полуазіятскою цивилизацiей. Азіятскіе идеалы брака, семейства, общественныхъ отношеній, патріархальныхъ добродѣтелей имѣли самыхъ ревностныхъ поборниковъ въ нашихъ древнихъ моралистахъ и представителяхъ общественной и частной жизни, школы, закона и церкви. При помощи этой многовѣковой пропаганды крѣпли и достигали полнаго развитія уже выработанныя народною жизнію родовыя начала и слагалось то міросозерцаніе, которое всевластно царитъ въ нашей жизни вотъ уже второе тысячелѣтіе, выражаясь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, въ нравахъ и обычаяхъ, въ народныхъ пословицахъ и пѣсняхъ, въ сильверстовскомъ „Домостроѣ" и въ комедіяхъ Островскаго.

Единицею древняго общества была семья, которая, оставаясь нераздѣльною, заключая въ себѣ не только родителей и дѣтей, но и всѣхъ кровныхъ родственниковъ, кромѣ женщинъ, выданныхъ замужъ, превращалась въ родъ. Тогда несравненно чаще, чѣмъ теперь, подъ властью родоначальника группировались и его дѣти, и братья, и племянники, и даже отдаленные родственники съ своими семействами. Такіе многочисленные семьи-роды, которые до сихъ поръ можно встрѣчать во множествѣ мѣстностей Великороссіи, владѣли, на условіяхъ общаго пользованія, своимъ родовымъ имуществомъ, дворомъ. „Дворъ былъ средою родового быта, выразителемъ родового устройства жизни, былъ экономическимъ, хозяйственнымъ типомъ рода". Сохраненію за дворомъ

его родового характера въ древности способствовало множество причинъ; напр., самый поборъ дани съ двора, съ дыма, отъ плуга, отъ рала, слѣдовательно, съ хозяйства, что практически должно было единить родство на одномъ мѣстѣ, принуждало жить въ одномъ дворѣ цѣлыя племена: „живяху кождо съ своимъ родомъ". У людей зажиточныхъ, въ составъ такого семейства, кромѣ кровныхъ его родственниковъ, входило еще много постороннихъ лицъ—рабовъ, холоповъ, кабальниковъ, призрѣваемыхъ вдовъ и сиротъ. Знатные господа, кромѣ цѣлой орды слугъ, имѣли еще особыхъ тѣлохранителей, вооруженныхъ луками, стрѣлами и самопалами, въ татарскихъ шапкахъ, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ епанчахъ. У людей, имѣвшихъ домовыя церкви, жили на дворѣ дьячокъ и священникъ, который считался также какъ бы членомъ хозяйскаго семейства.

Дворъ, населенъ ли онъ былъ семьею, въ тѣсномъ значенiи этого слова, или же родомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ семей, подчиненныхъ старѣйшему лицу,—принадлежалъ ли онъ бѣдному земледѣльцу, богатому купцу или же роскошному и сильному вельможѣ,—во всякомъ случаѣ дворъ представлялъ изъ себя какъ бы отдѣльное царство, находившееся подъ абсолютною властью своего родоначальника или отца, который дѣйствительно и назывался *государемъ*. Отеческая власть въ древней Россiи и по закону, и на практикѣ, и по народному воззрѣнiю, и по ученiю церкви—была почти безграничною. Впродолженiи вѣковъ наши предки употребляли всѣ усилiя, чтобы утвердиться самодержцами въ своихъ семействахъ: впродолженiи вѣковъ ихъ поддерживали въ этомъ стремленiи проповѣдники

византiйской школы, которые, опираясь на патрiархальные идеалы семейной жизни, превращали родительское самодержавiе въ религiозную обязанность для каждаго отца или родоначальника. Въ церковной проповѣди, въ домашнихъ бесѣдахъ, во множествѣ поучительныхъ сочиненiй, изъ которыхъ постепенно формировался „Домострой“, отцу внушалось, что онъ „государь“, „настоятель“, „игуменъ“, „апостолъ“ своего дома, что онъ одинъ за всѣхъ домочадцевъ дастъ отвѣтъ въ день страшнаго суда и что, поэтому, онъ долженъ руководить всѣми членами семейства, направляя ихъ дѣйствiя къ одной предначертанной имъ цѣли. Его воля должна быть закономъ для дѣтей, которыя обязаны ему безусловнымъ повиновенiемъ. „Имѣй чадо, говоритъ старинное поученiе—отца своего, *аки Бога*“... „Чтите родителей своихъ, яко Бога, и поклоняйтеся имъ,— проповѣдуется въ одной изъ древнѣйшихъ редакцiй „Домостроя“,—аще бо человѣкъ чтитъ родителей своихъ, то онъ весь законъ свершилъ есть“. Такимъ образомъ у человѣка, подчиненнаго отеческой власти, отрицалась всякая воля, всякая возможность свободнаго дѣйствiя; вмѣсто своей воли онъ долженъ былъ руководствоваться волею отца даже въ религiозномъ отношенiи, и чтобы „свершить весь законъ“, выполнить всѣ заповѣди вѣры, ему достаточно было безусловно повиноваться родителю, какъ Богу. Отецъ же, для правильнаго содержанiя своихъ домочадцевъ въ религiозномъ законѣ, обязывался какъ можно чаще обращаться за совѣтами къ духовникамъ и монахамъ. „Домострой“ предписываетъ „часто призывать ихъ въ домъ свой, совѣтываться съ ними, какъ учить жену и дѣтей своихъ“, причемъ прибав-

ляетъ: „слушайте отца духовнаго во всемъ, чтите его и бейте челомъ предъ нимъ низко и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ вашъ учитель и наставникъ“. И нужно замѣтить, что, стараясь всѣми силами развить и поддержать абсолютную отеческую власть, духовенство заботилось не объ одномъ только осуществленіи священныхъ для него патріархальныхъ идеаловъ семейнаго быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло въ виду сдѣлать изъ родительскаго авторитета орудіе для пропаганды своихъ доктринъ и обрядовъ. Таковъ смыслъ многочисленныхъ „поученій отца къ дѣтямъ“—этихъ важныхъ памятниковъ нашей древней письменности. Отецъ является здѣсь не только господиномъ своихъ домочадцевъ, но и ихъ религіознымъ учителемъ, ихъ руководителемъ въ дѣлѣ спасенія. Въ тѣсной сферѣ семейства онъ выполнялъ для церкви ту же миссію, апостолами которой на широкомъ поприщѣ великой Россіи были Кириллъ бѣлозерскій, Стефанъ пермскій, Зосима и Савватій соловецкіе. Ему предписывалось быть „игуменомъ и апостоломъ въ дому своемъ“, а домочадцы, какъ монахи, прежде всего обязывались исполнять добродѣтель самоотреченія, не имѣть своей воли и быть рабами настоятеля своего домашняго монастыря. Для воспитанія молодыхъ поколѣній въ духѣ такой пассивности и зависимости, учители затрогивали самые разнообразные мотивы души человѣческой. Составитель „Домостроя“ въ своихъ, повидимому, проникнутыхъ христіанскимъ духомъ поученіяхъ преслѣдовалъ чисто-житейскія цѣли и училъ добродѣтели во имя грубой выгоды. „Подражай мнѣ, говоритъ онъ сыну:—смотри, какъ я отъ всѣхъ почитаемъ, всѣми любимъ, потому что всѣмъ угоровилъ“. Въ част-

ности, та же самая матеріальная выгода выставлялась мотивомъ и въ дѣлѣ повиновенія родителямъ. Дѣти должны были *унаровить* имъ, чтобы быть взысканными ихъ милостями. „*Чадо, отца своего почти, да имѣніе свое тебѣ оставитъ*", говоритъ древнее поученіе. Въ практической жизни это разсчетливое правило всегда служило одною изъ главныхъ основъ сыновняго повиновенія, пріучая людей къ лицемѣрной угодливости и къ самому безнравственному рабству. Проповѣдуя отцамъ, что они за надлежащее „наказаніе сыновъ своихъ" получатъ награду на землѣ и на небѣ, древне-русская доктрина, обращаясь къ дѣтямъ, утѣшала ихъ тѣмъ, что они въ свою очередь также будутъ отцами и домовладыками и за всѣ лишенія и стѣсненія своей пассивной жизни подъ отеческою властью будутъ вознаграждены такимъ же безусловнымъ повиновеніемъ дѣтей своихъ. Молодому рабу за его добровольное подчиненіе произволу старшаго обѣщалось въ награду полное самовластіе надъ рабами, которыхъ народитъ ему жена... Страхъ родительскаго проклятія и адскихъ мукъ за неповиновеніе и надежда на родительское благословеніе и небесную награду за послушаніе—были также сильными мотивами, заставлявшими людей держаться правилъ о безусловной сыновней покорности. Утвержденію въ жизни этихъ патріархальныхъ идей и порядковъ много содѣйствовало и то обстоятельство, что общественныхъ школъ, общественнаго образованія юношества въ старинной Россіи почти вовсе не было, и въ этомъ отношеніи она стояла даже ниже тогдашней Турціи (Мордовцевъ, о Школьн. книг. XVII в., 81—84). Какъ въ Китаѣ, развитіе семейныхъ добродѣтелей по идеаламъ „Домостроя"

было главною цѣлью древнерусскаго воспитанія. Первымъ и, въ большинствѣ случаевъ, даже единственнымъ воспитателемъ своихъ дѣтей былъ самъ отецъ. Страхъ былъ основою этой грубой педагогической системы и самое воспитаніе до такой степени отожествлялось съ побоями, плётью и розгами, что называлось *наказаніемъ*. Всѣ домостройныя сочиненія *) рекомендовали непремѣнно дѣйствовать на дѣтей посредствомъ запугиванья:

Внимайте словамъ моимъ учительскимъ,
Да не будете повинны ранамъ мучительскимъ,

говоритъ, обращаясь къ дѣтямъ, одно старинное педагогическое стихотвореніе. Панегириками розгамъ, плети и палкамъ наполнены всѣ подобныя сочиненія. Они проповѣдуютъ, что безъ розги нѣтъ спасенія, что сѣчь дѣтей розгами велитъ самъ духъ святой, что только розга ведетъ дѣтей прямымъ путемъ на небо, что розга остритъ умъ и возбуждаетъ память:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте,

восклицаетъ одна азбука XVII в. Другой азбуковникъ даже обращается къ Богу съ молитвою объ изобильномъ урожаѣ розогъ,—

Благослови, Боже, оные лѣса,
Иже розги добрыя родятъ, на долги времена!

---

*) До сильверстовскаго „Домостроя“ и послѣ него въ нашей литературѣ было множество сочиненій въ томъ же родѣ, преимущественно переводныхъ и компилятивныхъ. Они успѣшно распространялись въ публикѣ, заучивались наизусть и входили въ составъ того патріархальнаго міросозерцанія, которое попъ Сильверстъ изложилъ въ своемъ „Домостроѣ“.

Въ многочисленныхъ наставленіяхъ отцамъ, какъ они должны учить дѣтей и устроять домъ свой, этотъ духъ непреклонной строгости и безсердечной жестокости доходитъ до крайности. Поученія эти заимствованы большею частью изъ византійскихъ источниковъ; но русскіе переводчики и составители ихъ обыкновенно пропускали всѣ тѣ мѣста греческаго подлинника, въ которыхъ говорится о любви къ дѣтямъ, о кроткомъ обхожденіи съ ними, о любезномъ обращеніи отца семейства со всѣми домочадцами (Лавровскій, Памят. старин. воспитанія, 18). Они выбирали только тексты, толкующіе о необходимости суровой строгости и совѣтующіе отцу „не щадить жезла", „сокрушать ребра", „учащать раны", „держать имя свое грозно". Въ дѣлѣ воспитанія и домоправленія „первая вещь есть жезлъ, его же потребу самъ Богъ всемогущій показалъ есть", говорится въ поученіяхъ. „Не ослабляй ударовъ надъ младенцемъ, учитъ „Домострой",—ибо если ты учишь его жезломъ, то онъ не умретъ, а только здоровѣе будетъ; бія его по тѣлу, ты избавляешь тѣмъ его душу отъ смерти. Изъ любви къ сыну учащай ему раны, чтобы послѣ порадоваться о немъ. Наказывая его въ младости, ты будешь веселиться о немъ въ его мужествѣ, и среди знакомыхъ можешь похвастаться имъ и враги твои позавидуютъ тебѣ. Не давай ему власти въ юности, но сокрушай ему ребра, пока онъ растетъ. На дочь положи грозу свою—и сохранишь ея тѣлесную чистоту; пусть будетъ послушна и не имѣетъ своей воли". Та же палочная система рекомендуется по отношенію къ женѣ, рабамъ и рабынямъ, которыя, по Домострою, „Богомъ созданы суть и намъ отъ Бога поручены на послугу". „Домострой" и

другія поучительныя сочиненія запрещаютъ даже сильно любить дѣтей, потому что неумѣренная любовь къ нимъ такъ же пагубна, какъ и „вино, безмѣрно піемое“. Не любовь, а страхъ долженъ лежать въ основѣ отношеній отца къ дѣтямъ. Ему запрещается даже играть и шутить съ ними. „Накажи чадо, и удивитъ тя; не играй съ нимъ, да не сотворитъ печали; не смѣйся съ нимъ, да не пыболиши о немъ“.

При всемъ томъ, что большинство подобныхъ правилъ и наставленій заимствовано было изъ чуждыхъ, византійскихъ источниковъ, это заимствованіе было чисто формальное, и русская жизнь совершенно самостоятельно приготовила почву, на которой безпрепятственно и сразу аклиматизировались эти домостройныя, византійскія доктрины. Старинный отецъ, какъ и современный намъ Титъ Титычъ Брусковъ, держалъ свой домъ въ такомъ рабскомъ подчиненіи и страхѣ, о которыхъ невозможно составить себѣ понятія даже по „Домострою“. Дѣйствительность не только выполняла домостройные идеалы, но даже далеко превосходила ихъ. Семья была чѣмъ-то въ родѣ арестантской команды, сдерживаемой въ повиновеніи только страхомъ палки и плети, а отецъ—грозою всѣхъ домочадцевъ, владыкой, который „въ своемъ домѣ что хочетъ, то и дѣлаетъ, и никто ему не указъ“, какъ выражается Титъ Титычъ. Воспитанный подъ игомъ отеческаго самовластія, видѣвшій вокругъ себя только отношенія рабовъ и деспотовъ и вѣрившій въ священную непреложность такихъ порядковъ, русскій человѣкъ, освободившись изъ-подъ родительской опеки и сдѣлавшись самостоятельнымъ домовладыкой, естественно, превращался въ такого же деспота и самодура, какимъ

былъ и воспитавшій его тятенька. Воцарившись въ своей семьѣ, онъ не хотѣлъ знать никакихъ другихъ законовъ, кромѣ своей воли, дикой своимъ невѣжествомъ и необузданной въ своихъ животныхъ инстинктахъ. Проникая собою и всю общественную жизнь, патріархальные принципы и здѣсь утверждали такой же точно режимъ самодурства, какой мы видимъ въ семействѣ. Иванъ Грозный и Титъ Титычъ Брусковъ являются каждый въ своей сферѣ порожденіями и представителями однихъ и тѣхъ же принциповъ...

По общему народному убѣжденію, отецъ могъ дѣлать съ своими дѣтьми все, что ему было угодно. „Мое дѣтище,—хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю", говоритъ такой отецъ у Островскаго, и эта идея безграничной отеческой власти проходитъ черезъ всю нашу исторію. Надъ жизнью и смертью дѣтей отцы хотя и не имѣли права, но, съ другой стороны, за убійство ихъ законъ налагалъ на нихъ столь легкое сравнительно наказаніе, что тѣмъ самымъ какъ бы признавалъ необузданность родительскаго произвола, и самое дѣтоубійство считалъ только *грѣхомъ*, а не преступленіемъ. „Буде отецъ или мать, говоритъ Уложеніе Алексѣя,—сына или дочь убіетъ до смерти, и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви божіей и объявлять тотъ свой грѣхъ людямъ вслухъ, а смертью отца или матери за сына и за дочь не казнити". Что же касается побоевъ, увѣчій, самыхъ варварскихъ истязаній, то ни законъ, ни общественное мнѣніе нисколько не охраняли отъ нихъ дѣтей, хотя сплошь и рядомъ случалось, что, по „Домострою", „учащая раны", „не щадя жезла", „сокрушая ребра",

домовладыка медленно убивалъ своихъ домочадцевъ, доводилъ ихъ до отчаянія, вгонялъ въ смертельную болѣзнь, засѣкалъ до смерти. Смотря сквозь пальцы на подобныя проявленія домашней тираніи, законъ строжайше преслѣдовалъ всѣ покушенія дѣтей противъ отеческой личности, малѣйшія оскорбленія родительскаго авторитета. Мало того, что за убійство родителей виновные подвергались жесточайшей смертной казни,— стоило только отцу или матери пожаловаться, что дѣти не слушаютъ или не почитаютъ, или же оскорбляютъ ихъ, и власть обязана была, основываясь на однихъ только родительскихъ показаніяхъ, „чинити дѣтямъ жестокое наказаніе, бити ихъ кнутомъ нещадно и приказати имъ быть у отца и у матери во всякомъ послушаніи, безо всякаго прекословія“. Такіе порядки еще очень недавно господствовали въ мѣщанскомъ сословіи, а у крестьянъ они продолжаютъ существовать даже до сихъ поръ, и міръ или общественная власть, по просьбѣ родителей *поучить* ихъ дѣтище, ничѣмъ не стѣсняясь, подвергаютъ несчастнаго раба тѣлесному наказанію. Жалобы же дѣтей на родителей считались преступленіемъ, по нимъ запрещено было всякое дѣлопроизводство, а за принесеніе ихъ дѣтей велѣно было драть кнутомъ и затѣмъ возвращать родителямъ, которые, конечно, въ свою очередь повторяли на тѣлѣ непокорныхъ челобитчиковъ нравоученіе, данное имъ начальствомъ.

Судьбою и карьерою своихъ дѣтей отецъ распоряжался совершенно неограниченно; онъ женилъ сына, выдавалъ замужъ дочь, лишалъ дѣтей наслѣдства, изгонялъ ихъ изъ дому, отдавалъ ихъ въ услуженіе или, поступая

самъ въ кабальную зависимость, вмѣстѣ съ тѣмъ закабалялъ и все свое потомство. Родители имѣли право отдавать своихъ дѣтей въ рабство, и этимъ правомъ отцы пользовались въ широкихъ размѣрахъ, особенно во время общественныхъ бѣдствій, такъ часто доводившихъ страну до ужасной нищеты и голода. По свидѣтельству иностранцевъ, отецъ могъ до четырехъ разъ продавать своего сына, но послѣ четвертой продажи онъ терялъ всѣ свои права надъ нимъ. Продавать и закладывать своихъ дѣтей иногда побуждала родителей одна только нужда денегъ ради пьянства, и эта дѣтоторговля продолжалась по мѣстамъ вплоть до настоящаго вѣка. Такъ напр., въ 1760 году въ Омскѣ писчикъ Бекишевъ насчиталъ на разночинцѣ Оконечниковѣ 25 р., при пріемѣ отъ него мірскихъ денегъ. Бекишевъ пожаловался на него управителю Куличкину, который „началъ стращать Оконечникова плетьми“. „И убоясь такихъ угрозовъ, за неимѣніемъ своихъ, заложа сына своего родного поручику Менщикову въ 25 рубляхъ“, Оконечниковъ отдалъ ихъ Бекишеву. Такъ, въ то же время крестьянинъ Мальцевъ заложилъ какимъ-то киргизамъ двухъ своихъ племянниковъ. Такая дѣтоторговля, въ измѣненной нѣсколько формѣ, продолжается вплоть до настоящаго времени. Въ низшихъ класахъ сплошь и рядомъ отецъ входитъ въ долги и отдаетъ кредитору своего сына для отработки этихъ долговъ, или же, отдавая сына въ работу, беретъ себѣ его вознагражденіе и т. д.

Семья была единицею общества, юридическою личностью, а отецъ—ея владыкою и представителемъ. Семья сообща владѣла своимъ имуществомъ, но отецъ, бывшій

въ сущности только управителемъ этого имущества, въ силу своей неограниченной власти сплошь и рядомъ распоряжался имъ, какъ своею полною собственностью. Его волю въ этомъ отношеніи не ограничивали никакія институціи, въ родѣ маіоратовъ. Дѣдъ Грознаго, Иванъ Васильевичъ, говорилъ псковичамъ: „чи не воленъ азъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? Кому хочу, тому и дамъ княжество!“ Такая свобода, предоставленная родителямъ въ дѣлѣ назначенія наслѣдниковъ и распредѣленія наслѣдства, была одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ поддержанію и развитію ихъ суровой власти. Заботясь, подобно всѣмъ патріархаламъ, о продолженіи своего рода и о лучшемъ устройствѣ своей загробной жизни, древнерусскій человѣкъ, естественно, предпочиталъ наслѣдницамъ наслѣдниковъ, которые продолжатъ его генерацію и посредствомъ искупительныхъ жертвъ спасутъ его душу гораздо успѣшнѣе, чѣмъ это могутъ сдѣлать женщины. „Устройство души“ умершаго было главною заботою наслѣдника, и если это дѣло велось съ толкомъ, то достигало вполнѣ своей цѣли. Поминальныя жертвы сына могли спасти самаго отчаяннаго грѣшника. Когда умеръ новгородскій посадникъ Щила, бывшій ростовщикомъ, то онъ былъ посаженъ на томъ свѣтѣ на самое дно адово. Архіерей въ поученіе православнымъ велѣлъ изобразить на иконѣ адъ и горящаго въ немъ Щилу, всего объятаго пламенемъ, а наслѣднику его посовѣтывалъ служить по немъ сорокоустъ 40 дней у 40 церквей. Послѣ сорокоуста голова Щилы на упомянутой картинѣ чудеснымъ образомъ очутилась внѣ огня; послѣ второго сорокоуста, онъ поднялся изъ адскаго пламени до пояса, а послѣ третьяго—совсѣмъ

освободился. Оставляя наслѣднику наслѣдство и обязывая его заботиться объ устройствѣ души своей, русскій человѣкъ обыкновенно старался не только устроить оставшихся отъ него домочадцевъ, но и силою своего священнаго родительскаго авторитета предписывалъ имъ правила дальнѣйшей жизни. Родительская власть стремилась быть безсмертною и управлять подвластными ей людьми даже тогда, когда носитель ея лежалъ уже въ могилѣ. Со старинной точки зрѣнія, убѣжденія и мнѣнія отца были нравственно-обязательными для всего его потомства. Составъ членовъ семейства мѣнялся вслѣдствіе смертности и нарожденія, но юридическая личность семьи оставалась безсмертною и духъ ея, выражавшійся въ праотческихъ традиціяхъ, долженствовалъ пребывать неизмѣннымъ.

Каждый членъ старинного семейства былъ не лицомъ, а только составною частью коллективной личности— того семейства, къ которому онъ принадлежалъ. Лицо совершенно поглощалось и подавлялось семьей и родомъ. Вмѣняемость, какъ нравственная, такъ и юридическая, носила родовой характеръ и за дѣйствія лица отвѣчало не одно оно, а вмѣстѣ съ своими кровными родственниками. Увѣщевая отца устроять домъ свой въ законѣ божіемъ, „Домострой“ говоритъ: „если небреженіемъ и нерадѣніемъ твоимъ ты самъ или жена твоя твоимъ ненаказаніемъ согрѣшитъ, или домочадцы твои, мужи и жены и дѣти, каковъ грѣхъ сотворятъ,—брань, или блудъ, или татьбу, или другое зло,—то *вси вы вмѣстѣ* по дѣламъ своимъ пріимите, зло сотворшіе—муку вѣчную, а добро сотворшіе и иже съ тобою вкупѣ—жизнь вѣчную“. Идея такой круговой семейной отвѣтственности прони-

кала собою и юридическую жизнь народа. Вплоть до Уложенія царя Алексѣя дѣти и жены отвѣчали за долги своихъ отцовъ и мужей; у дѣтей вора и измѣнника конфисковалось имущество; разбойники выдавались „на потокъ и разграбленіе", а преступники вообще посылались въ ссылку и заточеніе вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми; несостоятельныхъ должниковъ били на привежѣ палками, и если даже послѣ этого они не могли уплатить своего долга, то ихъ заставляли продавать свое семейство, отъ жены до послѣдняго ребенка, пока они не уплачивали всего долга до копѣйки; если помѣщикъ убивалъ крестьянина другого владѣльца, то послѣдній бралъ изъ имѣнія убійцы лучшаго крестьянина съ женою и дѣтьми, вовсе не спрашивая о желаніи ихъ идти къ другому господину; въ случаѣ бѣгства крестьянина, бросали въ тюрьму жившихъ не въ раздѣлѣ съ нимъ его родственниковъ и подсосѣдниковъ и т. д. *). При безграничномъ произволѣ, господствовавшимъ надъ обществомъ, такая коллективная отвѣтственность доходила нерѣдко до ужасающихъ размѣровъ, особенно въ царствованіе Грознаго, который, казня мнимыхъ или дѣйствительныхъ злоумышленниковъ, сплошь и рядомъ

*) Отвѣтственность домочадцевъ другъ за друга не исчезла и въ новѣйшей, преобразованной Россіи. Вотъ что, напр., разсказываетъ аббатъ Шаппъ: „Зашедши въ одинъ домъ въ Петербургѣ для того, чтобы найдти квартиру, я увидѣлъ тамъ отца, прикованнаго къ столбу среди своего семейства. Его сынъ былъ назначенъ въ солдаты и безъ его вѣдома бѣжалъ; отецъ былъ узникомъ у себя дома, дѣти были его стражею и съ каждымъ днемъ ожидали суда". Въ административной практикѣ подобный способъ взысканій нерѣдко употреблялся вплоть до начала настоящаго царствованія.

истреблялъ вмѣстѣ съ ними и весь ихъ родъ безъ остатка. Убивъ, напримѣръ, одного боярина, онъ не велѣлъ оставлять въ живыхъ ни одного человѣка изъ его домашнихъ, даже ни одного животнаго. „Три тысячи его служителей, говоритъ Петрей, съ ихъ друзьями и родственниками, всѣ погибли горькою смертью; всѣ крестьяне съ женами и дѣтьми перебиты или разсѣяны; его жена, бывшая тогда беременною, и дочери сначала опозорены палачами, а потомъ изрублены въ куски". Въ другой разъ, заподозривъ нѣсколькихъ бояръ въ заговорѣ съ польскимъ королемъ, онъ велѣлъ истребить ихъ со всѣмъ ихъ родомъ, съ женами, дѣтьми, прислугою, крестьянами, рогатымъ скотомъ, собаками и кошками, даже съ рыбою въ водѣ.

Подобныхъ жестокостей нельзя объяснять однимъ только самодурнымъ сумасшествіемъ тирана; въ нихъ выражалась та же идея родовой вмѣняемости, которая породила и дикую виру и круговую поруку и вообще отвѣтственность рода за дѣйствія каждаго его члена. Подавленная родомъ человѣческая личность не имѣла никакого самостоятельнаго значенія, и люди, выдѣлявшіеся изъ рода, пользовавшіеся личною независимостью и носившіе названіе *гулящихъ*, считались какими-то несчастными отверженниками, грѣшниками, нарушившими священныя правила общественнаго строя. Своеволіе было преступленіемъ, а личная независимость, по ученію древнерусскихъ моралистовъ, служила источникомъ всевозможныхъ бѣдъ для того человѣка, который дерзнулъ отдѣлиться отъ своего рода-племени. Достоинство и значеніе человѣка заключалось не въ его личныхъ достоинствахъ, заслугахъ и доблестяхъ, а въ его

старшинствѣ въ своемъ родѣ или въ старшинствѣ его рода, что такъ рѣзко выражается въ древнерусскомъ мѣстничествѣ. Честь личности лежала также на идеѣ достоинства *отечества*, рода; самое слово *честь*, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ слова *отецъ*; *чтить* образовалось изъ *отчитъ*—относиться къ человѣку, какъ къ отцу, воздавать ему отеческое уваженіе. Поэтому-то, чтобы обезчестить русскаго человѣка, чтобы оскорбить его, нужно было задѣвать не его личность, а его родъ, его родовую честь; вотъ почему у насъ, какъ и у всѣхъ народовъ, жизнь которыхъ сильно проникнута патріархально-родовыми началами, самая сильная брань—матерная.

Тѣ же порядки, та же родовая идея, то же подавленіе личности, какія мы видимъ въ семействѣ, характеризуютъ собою и всѣ другія общественныя отношенія древней Россіи. Наша древняя община была общиною родовъ или семей, а не свободныхъ и равныхъ личностей. Вездѣ—и въ первичной формѣ сельской общины, и въ величавой формѣ новгородской республики—общинная жизнь постоянно создавала аристократію богатства, выдвигала на передній планъ нѣсколько *лучшихъ*, богатыхъ родовъ (все-таки не лицъ), которые и заправляли всею общинною жизнью, держа въ подчиненіи у себя другіе роды. Эта тираннія меньшинства, это вотчинное самовластіе богатыхъ родовъ, эта суровая власть старшихъ надъ младшими выражаются и въ вѣчевомъ представительствѣ, которымъ такъ восторгаются славянофилы и которое, по справедливому замѣчанію г. Забѣлина, „по духу своихъ совѣщаній и рѣшеній и по формѣ людскихъ отношеній походило на собравшуюся родню, ко-

торая совѣтуется о семейномъ дѣлѣ... Таковъ былъ смыслъ и характеръ нашего народнаго представительства втеченіе всего періода нашей исторіи и на вѣчахъ, и на сборахъ, и на мірскихъ сходкахъ: „*что старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и меньшіе станутъ*". Тотъ же семейный, родовой характеръ носила и личная княжеская власть. Рюриковскій родъ относился къ русской землѣ, какъ къ своей родовой собственности, точно такъ же, какъ крестьянское семейство относилось къ своему хозяйству. Родовыя княжескія междоусобицы кончились основаніемъ царской власти, отеческой власти, единой для всѣхъ дѣтей русской земли. „Идеалъ родительской опеки былъ основателемъ и устроителемъ всего нашего быта", говоритъ Забѣлинъ въ прекрасномъ введеніи къ своей книгѣ о бытѣ русскихъ царицъ. „По этому идеалу создалось наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, такъ что его разряды и ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, какъ малолѣтними и постоянно обозначались именами родства, какъ, напримѣръ, *отроки*, *пасынки*, *дѣтскіе*, *молодежъ*. Самые низменные въ общественномъ смыслѣ именовались *сиротами*, т. е. людьми несчастными въ смыслѣ родства, а стало быть и въ общественномъ смыслѣ, каково было вообще неслужилое землеудѣльческое и промышленное сословіе, необладавшее властнымъ положеніемъ въ обществѣ". На всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни лежалъ родовой, семейный характеръ. Отеческая власть была прототипомъ всякой власти, а семейство—прототипомъ государства.

При такихъ порядкахъ для женщинъ возможно было

только одно состоянiе—состоянiе полнаго рабства. Родовое начало, какъ увидимъ, совершенно отрицало въ женщинѣ личность и дѣлало ее пассивнымъ орудiемъ рода. Вторымъ, не менѣе сильнымъ факторомъ этого порабощенiя женщины былъ византизмъ.

III.

Византизмъ наложилъ на всю древнерусскую жизнь печать мрачной, суровой замкнутости. Русь представляла собою картину обширной, необработанной и бѣдной страны, населенной невѣжественными обитателями; не было въ ней ни университетовъ, ни школъ, ни медиковъ, ни юристовъ, ни ученыхъ, ни поэтовъ; произведенiя искусствъ не украшали собою русской почвы, свободное мышленiе считалось преступленiемъ, Европа—страною отверженныхъ еретиковъ. Зато безчисленное множество юродивыхъ, блаженныхъ, кликушъ и божiихъ людей всякаго рода снуетъ по всѣмъ направленiямъ русской земли; длинныя вереницы пилигримовъ, знахарей и кудесниковъ блуждаютъ изъ одного конца страны въ другой, миллiоны нищихъ осаждаютъ монастыри, паперти церквей и двери всякаго зажиточнаго дома; колокольный звонъ днемъ и ночью; всюду запахъ ладона. Это европейскiй Тибетъ, для котораго идеаломъ жизни служитъ сподвижничество и въ которомъ пустыня считается земнымъ раемъ. Малолѣтнiя дѣти отъ родителей, жены отъ мужей, мужья отъ женъ, юноши отъ своихъ невѣстъ,—всѣ стремятся въ монастырь или въ пустыню на подвиги, достигая посредствомъ ихъ святости. Начиная почти съ самаго введенiя христiанства, въ обществѣ

развивается убѣжденіе, что, живя въ мірѣ и имѣя семейство, спастись невозможно. Обѣтъ цѣломудрія и отреченія отъ міра считается обязательнымъ для каждаго, желающаго быть полнымъ, истиннымъ христіаниномъ. Но такъ какъ невозможно было всѣхъ сдѣлать монахами и запереть въ монастыри, то каждый старался ввести монастырскую жизнь въ свой домъ и до извѣстной степени подчинить семейство правиламъ монастырскаго устава. „Домострой“ не даромъ говоритъ домовладыкамъ, что они „*игумены* домовъ своихъ“. Эти „игумены“, подъ руководствомъ своихъ духовниковъ, которые оказывали самое дѣятельное вліяніе на ходъ домоправленія и которымъ даже сами „игумены“ кланялись обыкновенно до земли, вводили въ своихъ семействахъ такіе порядки, которые могли помирить съ семейною жизнью даже аскетическаго врага ея, если только въ немъ не умерли еще всѣ общественныя чувства. „Домострой“ предписываетъ каждому православному „по вся дни утромъ вставъ, Богу молитися и отпѣти заутреню и часы, а въ воскресенье и праздникъ—молебенъ и святымъ кажденіе. Вечеромъ же отпѣти вечерню, повечерницу, полунощницу съ молитвами и поклонами“. Послѣ этой вечерней службы „отнюдь не пити, ни ѣсти, ни молвы творити. А ложася спать, три поклона въ землю положити. А въ полунощи всегда тайно вставъ, со слезами прилежно Богу молитися, елико вмѣстимо. Всегда четки въ рукахъ держати и молитву іисусову во устахъ непрестанно имѣти, и въ церкви, и дома, и въ торгѣ ходя, и стоя, и сидя, и на всякомъ мѣстѣ“. Принимаясь за какое-нибудь дѣло, уходя за чѣмъ-нибудь изъ дому, садясь за обѣдъ и ужинъ, должно, „устроивъ себя,

прежде святымъ поклонитися трижды въ землю, проговорить „достойно“ да молитву іисусову да *благословиться у настоятельствующаго*“, и потомъ уже приступать къ дѣлу. Водворяя въ домѣ эти и многіе другіе монастырскіе обряды, „Домострой“ старался поселить въ немъ и монастырскій духъ, проповѣдуя безусловное послушаніе домовладыкѣ-игумену, запрещая всякія игры и забавы, предписывая домочадцамъ „имѣть душевную чистоту, тѣлесное безстрастіе, походку кроткую, голосъ умѣренный, слово благочинное; передъ старшими хранить молчаніе, сильнымъ оказывать повиновеніе, не смѣяться, избѣгать споровъ и возраженій, говорить меньше, а слушать больше, зрѣніе имѣть долу, а душу горѣ“ и т. д., и т. д. Тотъ же самый монастырскій духъ распространялся и на всю общественную жизнь. Неподвижность была идеаломъ умственной и общественной жизни и рутина тормозила жизнь даже въ малѣйшихъ ея мелочахъ. Для всего было дано правило, и „Вождь по жизни“ говоритъ: „всему есть обычай испоконъ вѣка и дѣло то должно вершиться безъ всякой порухи“. Всѣ удовольствія, развлеченія, игры были дѣломъ дьявола, бѣсоугодіемъ, языческой мерзостью. Народныя пѣсни, сказки, поговорки относились къ той же категоріи, а сочиненія, исполненныя „небылицъ и вымысла“, сожигались на тѣлѣ ихъ авторовъ и распространителей. Игры, хороводы, качели предавались проклятію и преслѣдовались властью. Пляска, особенно женская, возбуждала въ правовѣрныхъ ужасъ и отвращеніе. „О, злое, проклятое плясаніе, говоритъ одинъ моралистъ,—о, лукавыя жены многовертимое плясаніе! Пляшущая жена—любодѣйница дьявола, супруга адова,

невѣста сатанина; всѣ любящія плясаніе осуждены мученіямъ неугасимаго огня и неусыпающихъ червей“; даже всѣ смотрящія на танцы и на другія „бѣсовскія, злыя и прелестныя игры, суть сатанины любовницы“. И „Стоглавъ“ и „Домострой“, и церковныя поученія, и правительственные указы—все старалось изгнать изъ русской жизни бѣсовскую прелесть и регулировать ее по монастырскому уставу. Ни въ домахъ, ни на улицахъ, ни при свадьбахъ, ни при какихъ другихъ случаяхъ пѣсенъ не пѣть, игръ и хороводовъ не затѣвать, не плясать, загадокъ не загадывать, сказокъ не сказывать, глумотворцовъ, органниковъ, пѣсельниковъ, гусельниковъ не слушать, празднословіемъ и смѣхотвореніемъ душъ своихъ не губить, на святкахъ личинъ и платья скоморошескаго на себя не накладывать, олова и воску не лить, кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ бабки не играть, на качеляхъ не качаться, скоморохомъ не быть, медвѣдей не водить, съ бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить, музыкой не заниматься, на доскахъ не скакать, зернью, въ шахматы и карты не играть, табаку не курить и т. д., и т. д. Рутина на все налагала свою руку, поддерживаемая и правительствомъ, и даже самимъ народомъ. Послѣ умерщвленія Дмитрія Самозванца народная ярость обратилась прежде всего на музыкантовъ и пѣсельниковъ, и всѣ они, человѣкъ до 100, были перебиты въ Кремлѣ. Въ царствованіе Михаила, патріархъ распорядился собрать и свезти въ Москву всѣ музыкальные инструменты, которые и были сожжены на мѣстѣ казни преступниковъ; однимъ только нѣмцамъ оставлено было дозволеніе заниматься музыкой, и то не иначе, какъ дома. Въ 1648 г. всюду

были разосланы царскія грамоты съ повелѣніемъ читать ихъ въ церквахъ и на базарахъ, въ городахъ, волостяхъ, станахъ, погостахъ, читать не по единожды и всѣмъ въ слухъ. Царь повторялъ въ нихъ изложенныя выше запрещенія, обязывалъ воеводъ строго слѣдить за ихъ выполненіемъ, ослушниковъ же въ первый и второй разъ бить батогами, а въ третій и четвертый—посылать въ ссылку; скомороховъ въ первый разъ—батогами, а въ другой—кнутомъ и брать штрафъ по 5 р. съ человѣка; маски, наряды, музыкальные инструмены отбирать, ломать и жечь безъ остатка. Такія же грамоты были разосланы и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ безъ пощады и отлученіемъ отъ церкви.

Запрещая всѣ мірскія удовольствія, отрицая всякое свободное проявленіе чувства, проповѣдуя умерщвленіе плоти, восточный аскетизмъ съ особенною силою вооружался противъ всего, что имѣло отношеніе къ половой страсти. Человѣкъ, по его идеалу, можетъ быть только въ томъ случаѣ вполнѣ совершеннымъ, если умертвитъ въ себѣ половые инстинкты. Эта аскетическая доктрина пустила столь глубокіе корни въ народномъ міросозерцаніи, что породила многочисленную секту скопцовъ, которые появляются очень рано въ нашей исторіи. Ту же самую идею пропагандировала и древнерусская живопись, изображавшая ангеловъ евнухами. Даже самый бракъ, по понятіямъ того времени, имѣлъ въ себѣ нѣчто грѣховное, былъ только снисхожденіемъ къ развращенной человѣческой природѣ. Въ извѣстномъ народномъ стихѣ, Алексѣй, человѣкъ Божій, не противорѣча

приказанію родителей жениться, молитъ про себя Бога избавить его отъ *грѣха супружества*—

Не допусти до грѣха до большаго,
До тяжкаго прегрѣшенія!...

Въ то же самое время, онъ замаливаетъ и *грѣхъ* родителей своихъ,—грѣхъ, результатомъ котораго было его появленіе на свѣтъ божій. Супружескія ласки наканунѣ праздниковъ, въ посты, въ среду и пятницу считались непростительнымъ грѣхомъ и за нихъ наказывались не только супруги, но даже ихъ потомство. „Если кто *согрѣшитъ* съ женою въ пятницу, субботу и воскресенье, говоритъ одно поученіе, — и родится у него сынъ, то будетъ воръ, разбойникъ или блудникъ“. Подобныя мнѣнія вытекали столько же изъ идеи грѣховности полового дѣла даже въ законобрачной его формѣ, сколько и изъ оріентальнаго воззрѣнія на женщину, какъ на существо нечистое. Въ комнату, гдѣ разрѣшилась женщина, по правилу, никто не долженъ былъ входить впродолженіе трехъ дней; комнату слѣдовало вымыть и прочитать надъ нею очистительныя молитвы. Только черезъ шесть недѣль послѣ родинъ и не иначе, какъ по молитвенномъ очищеніи, женщина могла быть въ церкви. Въ церкви женщина становилась на лѣвую руку и пріобщалась не изъ царскихъ дверей, какъ мужчина, а „изъ другихъ дверей, что противу жертвенника“. Благочестивые люди сомнѣвались, можетъ ли попъ служить въ ризѣ, въ которую вшитъ женскій платъ. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Женщинѣ не дозволялось рѣзать животное: думали, что мясо его не будетъ тогда вкуснымъ. Въ дни менструацій женщина считалась недостойною, чтобы вмѣстѣ съ нею ѣсть. Эта идея о мер-

зости женской природы дошла до своего апогея въ расколѣ у бракоборцевъ, утверждающихъ, что при зачатіи младенца душу даетъ сатана,—

Что къ зачатью человѣка,
Нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ творецъ не посылаетъ
Самъ діаволъ помѣщаетъ,
Сатана зиждетъ людей
Множество числомъ семей.

Вслѣдствіе такого ученія, дѣвственники безчеловѣчнѣйшимъ образомъ относились и къ женщинѣ, рождавшей дѣтей, смотря на нее, какъ на скверное, богомерзкое орудіе сатаны. По словамъ Андрея Сергѣева, „дѣвственныхъ согласіевъ духовныя особы уставами соборными и частными приносили новоженамъ знаменитыя отличія, въ числѣ коихъ: въ чадородіяхъ новоженскихъ женщинъ христіанамъ не пособствовати и повиванію не служити; новоженскихъ дѣтей христіанамъ не пестовати; новоженскаго младенца, крещенаго матерью, новоженкѣ не кормить, а поить молокомъ коровьимъ, и изъ горшка, а не изъ рожка“. Или, по словамъ извѣстнаго защитника „брачной тайны“ Ивана Алексѣева, — дѣвственники, „какъ звѣри, немилосерды были къ женщинѣ, страдавшей муками родовъ, положили уставъ, дабы отъ всякаго христіанскаго общенія и отъ домовъ, родители и служащіе родамъ отгоними были“, запретили „бабамъ помоществовати тому нужному дѣлу (родамъ), подъ угрозою отлученія отъ молитвъ и яденія за ослушаніе, не токмо сами не сожалѣли, но и пристоящимъ на то женамъ въ бѣдствѣ родовъ не велѣли сострадати родильницѣ, напротивъ, толико страждущей рожде-

ніемъ женѣ требовательно заповѣдали своимъ, да не помоществуютъ, и повелѣли оставляти умерети той рождавшей женѣ, нежели оскернитися, прикоснувшися болѣзнямъ оныя".

Дьяволъ, вовлекая людей въ грѣхопаденіе, чаще всего дѣлаетъ орудіемъ соблазна женщину. Монаху запрещалось ѣсть и пить съ женщиною, имѣть съ нею какое-нибудь дѣло, даже думать о ней. Нѣкоторые монастырскіе уставы не дозволяли имѣть въ монастырѣ даже животныхъ женскаго пола, а „Стоглавъ" нашелъ соблазнительнымъ и запретилъ обычай погребать вмѣстѣ на одномъ и томъ же монастырскомъ кладбищѣ покойниковъ обоего пола *). Русская, какъ и всякая патріархальная жизнь, выработала много самыхъ невыгодныхъ понятій о низкости и злостности женской природы. Она освятила эти понятія своимъ авторитетомъ и, пользуясь греческими источниками, развила и насадила въ русской землѣ цѣлую доктрину *„о женской злобѣ"*. Русскіе моралисты, презиравшіе даже тѣхъ греческихъ мыслителей, которыхъ уважали отцы ихъ церкви, въ своихъ нападкахъ на женщину извлекали матерьялы не только изъ Сираха, Соломона, Златоуста, изъ аскетическихъ сочиненій, но не брезговали даже Эврипидомъ, Пифагоромъ, Діогеномъ и другими представителями „лжеименной эллинской мудрости", выбирая все, что нахо-

*) На Афонѣ до сихъ поръ не дозволяютъ жить даже животнымъ женскаго пола, а монахи досадуютъ, что на неприступныхъ твердыняхъ горы все еще водятся дикія козы и кабаны съ самками, и попадаясь на встрѣчу отшельникамъ, смущаютъ ихъ помыслы. Истые афонскіе отшельники даже не поминаютъ женщинъ за проскомидіей. (Благовѣщенскій, Среди богомольцевъ, стр. 46—47).

дили противъ женщинъ, и оставляя въ сторонѣ хорошія мнѣнія о нихъ. У Златоуста, напр., есть не мало мѣстъ, въ которыхъ этотъ ораторъ относится къ женщинамъ очень благосклонно; но наши составители „Пчелы", „Притчи о женской злобѣ" и другихъ подобныхъ сочиненій оставляли эти мѣста безъ вниманія и выбирали только желчныя нападки Златоуста на развращенныхъ и безнравственныхъ матронъ современной ему Византіи. Однако, дѣлая уступку здравому смыслу, даже и пресловутый „Домострой" счелъ нужнымъ посвятить цѣлую главу „похвалѣ женамъ", наполненную разными текстами и изображающую идеалъ супруги въ восточно-патріархальномъ вкусѣ. Но восторгаясь своимъ идеаломъ, онъ проповѣдывалъ, что „добрыхъ женъ" почти вовсе не встрѣчается въ жизни и что женщины вообще несравненно ниже мужчины во всѣхъ отношеніяхъ. „Умъ женскій не твердъ, аки храмъ непокровенъ; аки оплотъ неокопанъ до вѣтру стоитъ, такъ и мудрость женская до прелестнаго глаголанія и до сладкаго увѣщанія тверда есть. Немощнѣйшіе суть разумы женскіе: въ нечувственныхъ (*т. е. въ сверхъестественномъ*) ничтоже могуще умное постигнути". Еще въ XI в. Святославовъ Изборникъ началъ пропагандировать доктрину о „женской злобѣ". „Жена, соблазнившая Адама, положила начало всякому грѣху. Не слушай злой жены; медъ каплетъ изъ устъ ея, но онъ скоро будетъ горчѣе желчи и полыни и острѣе ножа обоюдоостраго. Женщина уловляетъ души честныхъ людей и низводитъ въ адъ; пути адовы—пути ея. Добраго мужчину найдешь одного въ тысячѣ, а женщины ни одной не встрѣтишь и въ десяткѣ тысячъ... Женщина заключила въ темницу Іосифа

Прекраснаго; она совѣтовала самоубійствомъ кончить жизнь Іову; жена была виновницей убійства Уріи и паденія мудрѣйшаго Давида и Соломона; она ослѣпила сильнѣйшаго изъ людей, Сампсона; она умертвила Навуфея, злоумышляла на жизнь пророка Иліи и добилась головы Іоанна Крестителя. Злая жена, это—зло дьявольское и острое оружіе!..“ Женская природа до того испорчена, что, по мнѣнію „Пчелы“, злой мужчина всетаки лучше доброй женщины, а злая женщина злѣе всевозможныхъ золъ, лютѣе льва, ехиднѣе змѣи и всякой гадины. „Отъ жены начало грѣху и тою всѣ мы умираемъ“. „Что есть злая жена? Сѣть дьяволомъ сотворенная! Прельщаетъ лестью, свѣтлымъ лицомъ; высокими очами поводитъ, ланиты складываетъ, языкомъ поетъ, гласомъ скверное глаголетъ, словами чаруетъ, одѣяніи повлачаетъ, злыми дѣлами обаяетъ, многихъ язвитъ и губитъ. Отъ красоты женской многіе погибли!.. Что есть злая жена? Источникъ злобы, смертоносная бесѣда, душамъ пагуба, хоругвь адова, проказливая на святыхъ клеветница, сатанинъ праздникъ, покоище змѣиное, увѣтъ дьявольскій, спасающимся соблазнъ, неисцѣлимая болѣзнь, денная бл..., бѣшенная сука, коза неистовая, вѣтеръ сѣверный, день ненастный, гостинница жидовская! Что есть злая жена? Око дьявольское, воевода неправдамъ, стрѣла сатанинская, торгъ адовъ, неукротимый звѣрь, грѣхамъ пастухъ, ослѣпленіе уму, неукротимая ехидна, неумолимая скорпія, злообразный скименъ, неудержимый аспидъ, ненасытная похоть. Что есть злая жена? Лютый морозъ, колодезь смрадный, первый врагъ, пустота дому. Лучше видѣть въ дому своемъ вола, нежели жену злообразную. Лучше лихорадкою болѣть, не-

жели женою обладаемому быть: лихорадка потрясетъ, да и отпуститъ, а злая жена до смерти изсушитъ. У одного человѣка умерла жена злая. Онъ же сталъ продавать дѣтей, а люди клянутъ его за это. Онъ же сказалъ: боюсь, чтобы дѣти не были въ свою мать,—выростутъ, такъ и меня самого продадутъ. Нѣкто плакалъ о женѣ, приговаривая: не объ этой плачу, а о томъ, если и другая будетъ такая же. Нѣкто убилъ свою жену, потому что была зла, и скаталъ за себя другую, но ему сказали: какъ же мы за тебя отдадимъ, когда ты убилъ первую жену. Онъ же отвѣчалъ: если такова же будетъ и другая и третья, то и ихъ убью!.. Жена злая кротима высится, а біема бѣсится. Если имѣетъ мужа боярина, то не перестаетъ день и ночь острить слова на убійство, какъ Иродіада; если имѣетъ мужа убогаго, то на гнѣвъ и ссору поостряетъ его. Если вдова, то сама собою всѣхъ укоряетъ и истязаетъ. Всякаго зла злѣе злая жена. И Бога не боится, и священника не усрамляется, и сѣдины не почитаетъ. Если и убога, то злобою богата. Всякаго укоряетъ и осуждаетъ, клянетъ и попираетъ".

Вся эта брань, эти притчи, эти глупые анекдоты живо распространялись въ народѣ и, встрѣчая самый благосклонный пріемъ у патріархальныхъ обитателей „темнаго царства", сливались съ тою „народною мудростью", которая, въ свою очередь, клеймила женщину ничѣмъ не хуже мрачныхъ оріенталовъ и ихъ вѣрныхъ русскихъ послѣдователей. Народныя пословицы относятся къ женщинѣ такъ же враждебно, какъ и древніе моралисты-книжники. „Отъ нашего ребра намъ не ждать добра.—Баба да бѣсъ, одинъ у нихъ вѣсъ.—Кто бабѣ повѣритъ,

трехъ дней не проживетъ.—Собака умнѣй бабы, на хозяина не лаетъ.—Передъ злой женой — сатана младенецъ непорочный.— Дважды жена мила бываетъ—какъ въ избу введутъ, да какъ вонъ понесутъ". Во всѣхъ этихъ пословицахъ вліяніе Востока очевидно; очень многія изъ нихъ — ничто иное, какъ переведенныя народнымъ языкомъ изрѣченія „Пчелы", „Притчи о женской злобѣ" и другихъ подобныхъ сочиненій. Восточное умонастроеніе противъ женщины господствовало во всѣхъ классахъ народа и разбивало всѣ сомнѣнія въ своей справедливости. Памятникомъ этихъ неудачныхъ сомнѣній служитъ „Притча о женской злобѣ", изложенная въ формѣ спора отца съ сыномъ. Отецъ собираетъ все, что говорилось тогда худого о женщинѣ, онъ осыпаетъ ее бранью, клеймитъ презрѣніемъ, старается убѣдить сына въ низкости и сатанинской злостности женской природы; сынъ же робко и боязливо защищаетъ женщину, опираясь главнымъ образомъ на изрѣченія евангелія, но въ концѣ концовъ вполнѣ соглашается съ отцомъ, убѣжденный его аргументами, и высказываетъ одну только надежду, что Богъ дастъ ему все-таки хорошую жену; но отецъ старается разбить и эту надежду, замѣчая, что „въ нынѣшнихъ лѣтахъ развѣ едина жена изъ тысячи таковая, яко глаголеши, обрящется".

Убѣжденные въ исконной злобѣ женщины, въ ея нечистотѣ, въ наклонностяхъ ко всякому грѣху, наши предки не только поддерживали древнее вѣрованіе въ тѣсную связь женщины съ демонскимъ міромъ, но и развивали его. Старинныя легенды то и дѣло разсказываютъ о женской бѣсноватости, о любовной связи чертей съ женщинами и т. п. Такъ, напр., къ женѣ

муромскаго князя Павла постоянно леталъ, въ образѣ змія, дьяволъ. Такъ, въ окрестностяхъ Устюга къ дочери одного священника, Соломоніи, вскорѣ послѣ выхода ея замужъ, навязался дьяволъ; „пришелъ къ ней звѣрскимъ образомъ, мохнатый, съ когтями, и ляже къ ней на одръ и оскверни ее блудомъ... И съ того дня окаянніи демони начаша къ ней приходити, кромѣ великихъ праздниковъ, по пяти и по шести человѣческимъ зракомъ, яко прекрасные юноши, и тако нападаху на нее и оскверняху ее“. Соломонія начала рождать чертенятъ, и въ качествѣ повивальной бабки за ней ухаживала при этомъ „жена отъ тѣхъ темнозрачныхъ демоновъ“, которая и уносила новорожденныхъ. Погибель Соломоніи была неизбѣжна, если бы ее не спасли чудеснымъ образомъ во время сна ея Прокопій и Іоаннъ Устюжскіе. „Іоаннъ“, разсказывала Соломонія—„разрѣзалъ утробу мою, взялъ изъ меня демона и подалъ его св. Прокопію, который положилъ его, окаяннаго, на помостъ и заклалъ кочергами. Св. же Іоаннъ паки нача изымати изъ утробы моей по единому и давати св. Прокопію, онъ же заклаша ихъ по единому, меташе ихъ на помостъ церковный и давляше ихъ ногою своею“. Древнія языческія повѣрья, предразсудки, обряды, ворожба, знахарство, пѣсни удерживались преимущественно женщинами. Считая дьявольскимъ все языческое, старинное міросозерцаніе указывало на такихъ женщинъ, какъ на вѣдьмъ, какъ на присяжныхъ служительницъ сатаны. Древнерусская жизнь была исполнена всевозможныхъ суевѣрій. Волхвы, чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздочеты, облакопрогонники, облакохранительники, вѣдуны, вѣ-

дуньи, лихія бабы, знахарки-лекарки, гадальщицы, кликуши, бѣсноватыя были безчисленны. Они предсказывали будущее, находили потерянное, привораживали, отвораживали, разстроивали свадьбы, лечили болѣзни, портили людей и т. д., и т. д. Ихъ боялись, но къ ихъ помощи постоянно прибѣгали всѣ, начиная съ царей и царицъ, а духовные нерѣдко сами были въ связи съ ними и занимались тѣмъ же вѣдовскимъ искусствомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли какъ бы особые цехи и передавали другимъ тайны своего ремесла. Иногда этимъ занимались и мужчины, но чаще всего пожилыя и старыя женщины. Невѣжественная, суевѣрная, страдавшая подъ невыносимымъ деспотизмомъ семьи и общества и ненаходившая выхода изъ своего рабства—женщина имѣла въ вѣдовствѣ самое сильное, по тогдашнему воззрѣнію, орудіе для огражденія своей личности и для осуществленія своихъ желаній. Женщина, по старинному воззрѣнію, гораздо способнѣе мужчины входить въ короткую связь съ нечистою силою. „Паче же женами бѣсовская волшвенія бываютъ“, — говоритъ лѣтописецъ — „искони бо бѣсъ жену прельсти, сія же мужа; тако и въ наши дни много волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими кознями“. Воздвигая гоненія на игрища, хороводы, пѣсни, музыку, старая мораль строжайшимъ образомъ преслѣдовала все, что носило на себѣ характеръ волшебства. У насъ привыкли хвалиться тѣмъ, что въ древней Россіи не было тѣхъ вѣдовскихъ процессовъ и казней, которыми католицизмъ столько вѣковъ позорилъ западную Европу. Но это чистѣйшая ложь. Недовольствуясь церковною анаѳемой, ссылкой, пожиз-

неннымъ заключеніемъ въ монастырѣ, кнутомъ и батогами, наши предки сплошь и рядомъ казнили волшебниковъ, еретиковъ и вѣдьмъ смертью, и самою употребительною казнью за это было сожженіе. Въ 1227 году въ Новгородѣ сожгли четырехъ волхвовъ. Въ 1411 году псковичи сожгли двѣнадцать вѣщихъ жонокъ. Князь Иванъ Можайскій сжегъ за волшебство мать Григорья Мамона. Во время Кошихина мужчинъ за богохульство, святотатство, волшебство, чернокнижество и ересь сожигали живыми, а женщинамъ отрубали голову. Федоръ Алексѣевичъ повелѣвалъ „сожигать безъ всякаго милосердія" всѣхъ, имѣющихъ у себя „волшебныя, чародѣйныя, гадательныя и всякія церковью возбраняемыя книги и писанія". Въ 1497 г. великій князь велѣлъ утопить въ Москвѣ рѣкѣ нѣсколько бабъ, приходившихъ съ зельемъ волховать къ женѣ его по ея просьбѣ. Даже по воинскому уставу 1716 г. чародѣямъ и чернокнижкамъ, входящимъ въ обязательство съ дьяволомъ, полагалась смертная казнь черезъ сожженіе; и вѣдовскіе процессы не прекращались до конца XVIII в.: они возникали при каждомъ почти народномъ бѣдствіи, при малѣйшемъ несчастіи въ царскомъ семействѣ, вслѣдствіе личныхъ ссоръ, при малѣйшемъ подозрѣніи со стороны невѣжественной и суевѣрной власти и т. д. Когда въ 1547 г. выгорѣла Москва, то взволнованный народъ приписалъ причину пожара родственницѣ царя, Аннѣ Глинской, которая, будто бы, „со своими дѣтями и съ людьми волховала, вынимала сердца человѣческія, клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила,—и оттого Москва выгорѣла". Одинъ изъ Глинскихъ погибъ, а Анну кое-какъ спасло отъ разъярен-

наго народа правительство. При Федорѣ Ивановичѣ былъ большой розыскъ надъ вѣдунами, сгубившими въ Астрахани крымскаго царевича. Ихъ обвинилъ лекарь арапъ, приглашенный къ больному царевичу. Вѣдуновъ подвергли жесточайшимъ пыткамъ, на которыхъ они признались, что „портили царевича и царицу, пили изъ нихъ изъ сонныхъ кровь“; послѣ пытокъ ихъ всѣхъ сожгли. Розыски надъ вѣдунами и вѣдьмами сопровождались обыкновенно ужасными пытками, подъ которыми умирало множество обвиненныхъ. Кромѣ смертной казни, подсудимыхъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ, разграбляли имущество и затѣмъ „выбивали“ ихъ изъ города или деревни, чаще же всего ссылали въ какой-нибудь монастырь и морили ихъ здѣсь въ ужасной кельѣ, прикованными на цѣпь. Иногда чародѣевъ, которые, по извѣстному народному повѣрью, могутъ уходить изъ тюрьмы посредствомъ воды и нарисованной на стѣнѣ лодки, истомляли жаждою, предписывая вовсе не давать имъ воды. Противъ суевѣрія правительство начало бороться кнутомъ и ссылкою. Со времени Петра кликушъ хватали вездѣ, держали въ тюрьмахъ, пытали, сѣкли, наконецъ, разсылали въ работу по прядильнымъ дворамъ и фабрикамъ. Со второй же половины столѣтія точно также начали преслѣдовать и вѣру въ вѣдовство. Только въ XVIII в., подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, начинается сильная реакція этому мрачному вѣрованію въ волшебство. Въ 1770 году въ Яренскомъ уѣздѣ нѣсколько кликушъ, по злобѣ на разныхъ лицъ, начали обвинять ихъ въ вѣдовской порчѣ. Оговоренные были арестованы, привезены въ городъ и подъ плетьми признали себя вѣдунами и вѣдьмами. Одна изъ нихъ

созналась, что напускала порчу по вѣтру посредствомъ червей, полученныхъ ею отъ дьявола: она представила судьямъ и самыхъ червей, а тѣ препроводили ихъ въ сенатъ. Но сенатъ за это дѣло отрѣшилъ отъ мѣстъ городскія власти, кликушъ велѣлъ наказать плетьми и впредь подобныхъ кликальщицъ предписалъ наказывать, а наговорамъ ихъ не вѣрить. Въ 1786 г., въ Саратовскомъ намѣстничествѣ, въ деревнѣ Глотовой, крестьянская сходка пытала въ вѣдовствѣ женку Козыреву: привязанную къ жерди, ее били плетьми, палками и кнутомъ, подвѣшивали къ воротному столбу, съ колодками на шеѣ и на рукахъ и т. д. Козырева призналась, что она „чародѣйка и что чрезъ чародѣйство разные люди ею заражены припадочною болѣзнію“; что она блудница, еретица, отреклась отъ Сына Божія, отъ пресв. Богородицы, отъ сырой земли, отъ солнца, отъ луны, отъ неба, отъ лѣса, отъ травы, отъ воды и отъ своихъ родителей, и, скидая съ себя крестъ, клала его подъ пяту. Она призналась, что въ ея распоряженіи состоитъ десятка три дьяволовъ, которыхъ она „посылаетъ на работу,—вить песокъ и разсѣвать оный и въ разныхъ людей для мученія“. Вольскій судъ нашелъ все это „ни мало вѣроятія недостойнымъ“, однакожъ не рѣшилъ дѣла и передалъ его саратовскому совѣстному суду. Послѣдній нашелъ Козыреву виновною въ томъ, что она „для своей корысти отъ глупости похвалялась выдуманными чародѣйствами, чего для, въ страхъ другимъ, отослалъ ее въ рабочій домъ на два мѣсяца“. Крестьянъ же и крестьянокъ, которые объявили, что „они чувствуютъ во внутренности у себя дьяволовъ, что никакъ неестественно, за таковую нелѣпую выдумку“ судъ приговорилъ къ ра-

бочему же дому на двѣ недѣли. Но исчезнувшая въ образованныхъ классахъ вѣра въ „лихихъ бабъ“ до сихъ поръ живетъ въ нашемъ простонародьѣ, по временамъ доводя его до ужасныхъ злодѣяній. Въ 1861 году одинъ русскій туруханскій мѣщанинъ принесъ въ жертву землѣ дѣвушку. Въ 1855 г. крестьяне Новогрудскаго уѣзда, для прекращенія холеры, закопали живою въ землю семидесятилѣтнюю старуху Манькову (Журналъ Мин. Юст., т. XX).

Восточный аскетизмъ мирился съ женщиною только въ томъ случаѣ, если она служила его идеѣ и умерщвляла въ себѣ тѣ половыя свойства, за которыя главнымъ образомъ онъ отвергалъ ее, — если она дѣлалась отшельницей, дѣвственницей, аскеткой, подвижницей. Увлекая множество женщинъ въ монашество, воздвигая многочисленные женскіе монастыри, создавая цѣлые классы странницъ-богомолокъ, посвящавшихъ себя исключительно религіозному дѣлу, византизмъ въ своемъ чистомъ видѣ, несмѣшанный съ родовыми патріархальными принципами русской жизни, расходился даже съ „Домостроемъ“ и требовалъ отъ женщины одного, чтобы, не будучи ни женою, ни матерью, она была подвижницей. Монашескій идеалъ увлекаетъ собою женщинъ княжескаго рода уже при внукахъ Владиміра, а въ послѣдующихъ поколѣніяхъ онъ быстро распространяется въ средѣ всѣхъ классовъ народа. Дѣвицы, нерѣдко даже малолѣтнія, жены отъ мужей, вдовы—всѣ стремятся въ монастырь и многія изъ нихъ ведутъ здѣсь такую жизнь, которая могла примирить съ ними самаго строгаго аскета, не смотря на ихъ полъ. Вотъ какъ жила, напр., въ XIV в. вдова нижегородскаго князя Андрея Кон-

стантиновича. „Бысть ей тогда отъ рожденія лѣтъ сорокъ, и роздала все имѣніе свое церквямъ и монастырямъ и нищимъ, а слугъ своихъ, рабовъ и рабынь распустила на свободу, а сама стала жить въ монастырѣ у св. Зачатья, который сама создала еще при жизни князя. Живяще же въ молчаніи, тружаяся рукодѣльемъ, постомъ, поклоны творя, молитвами и слезами, стояніемъ ночнымъ и неспаніемъ; многажды и всю ночь безъ сна пребываше; овогда день, овогда два, иногда же и пять дней не ядяше; въ баню не хожаше, но власяницу на тѣлѣ своемъ ношаше; пива и меду не пьяше, на пирѣхъ и на свадьбахъ не бываше, изъ монастыря не схожаше, злобы ни на кого не держаше, ко всѣмъ любовь имѣяще. Таковое доброе и чистое житіе ея видѣвше, многи боярыни, жены и вдовицы и дѣвицы постригашеся у ней, яко бысть ихъ числомъ до девяноста, и всѣ общимъ житіемъ живяху". Но не въ одних только монастыряхъ можно было встрѣтить подобные примѣры женскаго благочестія, а и въ семейныхъ домахъ. Многія женщины, въ родѣ, напр., Юліаніи Лазаревской, съ дѣтства начинали подвижничать, налагали на себя обѣтъ дѣвства и даже, выходя замужъ по приказу родителей, не имѣли съ мужьями супружескихъ отношеній, постоянно молились, постились, изнуряли свое тѣло власяницами и веригами, кормили нищихъ, помогали бѣднымъ и т. д. То же самое мы видимъ и въ исторіи раскола. Женщины здѣсь не только подвижничаютъ, не только осуществляютъ въ своей жизни аскетическіе идеалы, но претерпѣваютъ и мученія, и смерть.

Но при всѣмъ томъ, что патріархальная доктрина относится благосклонно ко всѣмъ подобнымъ женщи-

намъ, послѣднія все-таки не могли стать на одинъ уровень съ мужчинами даже въ религіозномъ отношеніи. Святыхъ женщинъ было чрезвычайно мало сравнительно съ числомъ святыхъ мужчинъ, и всѣ онѣ были княжескаго происхожденія, да кромѣ того было нѣсколько мѣстночтимыхъ женщинъ тоже княжескаго рода, за столь немногими исключеніями, что они кажутся чистою случайностью. Чудесъ въ женскихъ житіяхъ гораздо меньше, чѣмъ въ мужскихъ, да и вообще въ женщину вѣровали и почитали ее меньше, чѣмъ мужчину. Находились даже люди, которые не признавали святыхъ потому только, что послѣдніе принадлежали къ женскому полу. Когда Петръ Могила открылъ мощи Юліаніи Ольшанской, то игуменъ Феодосій Сафоновичъ не хотѣлъ поклоняться ей до тѣхъ поръ, пока она не явилась ему во снѣ и не обличила его въ непочитаніи. Въ Москвѣ патріархъ Іоакимъ не признавалъ мощей и житія Анны Кашинской.

Такимъ образомъ аскетическій взглядъ содѣйствовалъ всѣми силами своего религіознаго вліянія тому подчиненію женщины, въ которомъ старался удержать ее родовой патріархальный характеръ русской жизни. Въ томъ же самомъ направленіи дѣйствовало и вліяніе инородцевъ алтайской расы. Еще до монгольскаго ига торки, берендѣи, половцы и другіе азіяты хозяйничаютъ въ Россіи, смѣшиваются съ русскими посредствомъ браковъ, оставляютъ замѣтное вліяніе на всей нашей культурѣ. Двухсотлѣтнее монгольское иго также не мало содѣйствовало огрубенію Россіи и порабощенію женщины. При нашествіи татаръ, женщины нерѣдко оказывали имъ самое энергическое сопротивленіе и рѣшались луч-

ше убить себя, чѣмъ отдаться въ руки врагамъ. Зарайская княгиня Евпраксія, напр., стояла въ высокомъ своемъ теремѣ во время битвы своего мужа Федора съ Батыемъ и держала на рукахъ сына своего Ивана. При первомъ же извѣстіи о смерти мужа и о побѣдѣ Батыя, она „ринуся съ превысокаго храма своего на среду земли съ сыномъ своимъ и заразися до смерти“. При татарскомъ владычествѣ, по словамъ Степенной Книги, „матери плакали о дѣтяхъ, растоптанныхъ татарскими конями передъ ихъ взорами; дѣвы плакали о своей невинности, и сколь многія изъ нихъ, желая спасти ее, кидались на острые ножи или въ глубокія рѣки! Жены боярскія, незнавшія трудовъ, всегда украшенныя золотыми монистами и шелковыми одеждами, всегда окруженныя толпою слугъ, сдѣлались рабынями поганыхъ, носили воду для ихъ женъ, мололи жерновами и бѣлыя свои руки опаляли у печки, готовя кушанье невѣрнымъ“. Развивая въ мужчинѣ деспотическія привычки азіятскаго домовладыки, татарское иго не мало содѣйствовало развитію въ русской женщинѣ характеризующихъ ее недостатковъ пассивности. За сверженіемъ этого ига началось покореніе Казани, Астрахани, Сибири, Кавказа, Киргизскихъ степей. Всюду русскіе смѣшивались съ инородцами и результатомъ этого скрещиванья породъ являлась новая раса, развитіе которой постоянно задерживалось и задерживается до сихъ поръ новымъ приливомъ инородческой крови, инородческихъ воззрѣній, вѣрованій, обычаевъ *). Это несомнѣнное и всестороннее влія-

*) Болѣе подробно объ этомъ говорится въ моей ст. «Восточныя Окраины», въ «Дѣлѣ», 1870 г., кн. 3.

ніе азіятовъ замѣтно не только въ низшихъ, но и въ высшихъ классахъ народонаселенія: большинство нашихъ дворянскихъ родовъ иноземнаго и, преимущественно, азіятскаго происхожденія. При такомъ смѣшеніи расъ, дикіе восточные взгляды на нечистоту и низкость женщины, азіятскіе нравы, обычаи, обряды, вѣрованія, семейные порядки легко утверждались на русской почвѣ, приготовленной уже для нихъ византизмомъ и родовымъ началомъ.

Такимъ образомъ, всѣ условія древне-русской жизни дружно стремились къ полному порабощенію женщины. На нее смотрѣли, какъ на существо низшее мужчины, ее ставили въ полную зависимость отъ семейной власти, ее дѣлали служанкою и рабынею семьи и орудіемъ, служащимъ для продолженія рода. Вся жизнь, вся дѣятельность женщины была ограничена тѣсною сферою семейства. Правда, что до XIV, частію даже до XV вѣка женщина еще удерживала за собою право появляться въ общественной жизни и нѣкоторыя другія вольности, которыми она пользовалась въ первичную эпоху нашей исторіи. Въ Новгородѣ женщины являлись иногда даже на вѣчахъ. Марфа Борецкая въ томъ же Новгородѣ, великія княгини Евдокія и Софья въ Москвѣ, Евдокія и Настасья въ Твери, Анна въ Рязани, Елена въ Суздалѣ и др. принимали дѣятельное участіе въ мужскомъ общежитіи, давали аудіенціи посламъ, даже обѣдали и пировали вмѣстѣ съ мужчинами. Но всѣ эти остатки древней женской свободы постепенно падали подъ давленіемъ трехъ упомянутыхъ факторовъ, и только тамъ, гдѣ вліяніе послѣднихъ, какъ въ Западномъ краѣ, было наиболѣе слабымъ, женщина была болѣе свободна. Гру-

быхъ москвитянъ, даже одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, кн. Курбскаго, возмущала относительная вольность, которою пользовались женщины западной Россіи, а многіе изъ литовскихъ мужчинъ завидовали русско-татарскому семейному быту. „Ни татары, ни москвитяне, писалъ литовецъ Михалонъ, — не даютъ своимъ женамъ никакой свободы, говоря, что кто даетъ свободу женѣ, тотъ отнимаетъ ее у самого себя. Онѣ у нихъ не имѣютъ власти, а у насъ нѣкоторыя владѣютъ многими мужчинами“. Конечно, и въ западной Россіи, и въ Польшѣ женщина находилась въ томъ же рабскомъ состояніи, въ какомъ была она и въ остальной Европѣ; но здѣсь ея рабство все-таки было несравненно сноснѣе, чѣмъ въ Московіи: она пользовалась здѣсь вольностями, о которыхъ не смѣла даже и мечтать великорусская женщина; довольно уже одного, что она не изгонялась здѣсь изъ общества и не содержалась, какъ рабыня, въ домашней тюрьмѣ. Что же касается Московіи, то здѣсь и въ силу восточныхъ доктринъ, желавшихъ избавить общество отъ величайшаго соблазна, отъ женской „прелести“, и въ силу родовыхъ принциповъ, ревниво охранявшихъ ее, какъ самку, предназначенную для продолженія рода, и, наконецъ, въ силу вліянія сливавшихся съ русскими азіятовъ — женщину настойчиво и рѣшительно удаляли изъ общественной жизни и запирали въ теремѣ. Затворничество женщинъ окончательно утвердилось еще въ началѣ XVI вѣка, и Герберштейнъ говоритъ, что въ Россіи „женщина считается честною тогда только, когда живетъ дома, взаперти, и никуда не выходитъ; напротивъ, если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ,

то ея поведеніе становится зазорнымъ... Весьма рѣдко позволяется ей ходить въ церковь, а еще рѣже—въ дружескія бесѣды, развѣ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, когда она не можетъ навлекать на себя подозрѣнія". Въ половинѣ XVI столѣтія заключенность женщинъ сдѣлалась еще строже, и, по свидѣтельству Бухау, знатные люди не показывали своихъ женъ и дочерей не только постороннимъ, но даже братьямъ и другимъ близкимъ родственникамъ, а въ церковь позволяли имъ выходить лишь во время говѣнья да иногда въ самые большіе праздники. Какъ дѣвушки, такъ и замужнія женщины были окружены надсмотрщиками и шпіонами. „При нихъ, пишетъ Петрей,—держатъ мальчика, который не только исправляетъ ихъ надобности, подаетъ имъ кушанья и напитки, но и долженъ также доносить мужьямъ, что дѣлали безъ нихъ ихъ жены; за то эти мальчики пользуются въ домахъ такимъ почетомъ и значеніемъ, что женщины безъ всякихъ отговорокъ дозволяютъ имъ разныя шалости, даютъ имъ подарки, если хотятъ отъ нихъ молчанія о своихъ дѣлахъ, чтобы не быть высѣченными или поколоченными отъ мужей. Женамъ мужья не дозволяютъ даже и обѣдать съ собой: сами обѣдаютъ или одни, или съ гостями, а жены особо, въ своихъ покояхъ, съ горничными, и никто изъ мужчинъ не можетъ входить туда, кромѣ мальчиковъ, назначенныхъ для услуги". Женщины жили обыкновенно въ дальнихъ покояхъ, въ особомъ отъ мужчинъ помѣщеніи. Лѣтомъ и зимою женщины выѣзжали изъ дома не иначе, какъ въ совершенно закрытыхъ экипажахъ, по бокамъ которыхъ шли скороходы и въ числѣ ихъ аргусы, которымъ поручено было отъ мужа наблюдать за госпожею во время ея вы-

ѣздовъ и путешествій. Въ низшихъ классахъ женщину, принужденную трудиться и работать наравнѣ съ мужчиной, не было никакой возможности держать въ подобномъ тюремномъ заключеніи, въ положеніи тюремнаго узника; у казаковъ женщины пользовались еще большею свободой; жены казаковъ были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походы; но чѣмъ выше было общественное положеніе рода, къ которому принадлежала женщина, тѣмъ строже держали ее въ домашней темницѣ, тѣмъ крѣпче запирали ее въ теремѣ. Положеніе царицъ и царевенъ, особенно послѣднихъ, было самое плачевное. „Сестры царскія и дочери, говоритъ Кошихинъ,—имѣя свои особые покои, живутъ, какъ пустынницы, мало видятъ людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и въ постѣ пребываютъ и лица свои слезами омываютъ, потому что, имѣя удовольство царственное, не имѣютъ того удовольства, которое отъ всемогущаго Бога дано человѣкамъ совокуплятися и плодъ творити. За князей и бояръ своего государства замужъ ихъ не выдаютъ, потому что князья и бояре ихъ холопы и въ челобитныхъ пишутся холопами, а если за раба выходитъ госпожа, то это становится въ вѣчный позоръ; а за королевичей и князей другихъ государствъ ихъ также не выдаютъ, для того, что не одной вѣры и для того, что иныхъ государствъ языка и политики не знаютъ, и оттого имъ былъ бы стыдъ“. Царевны, такимъ образомъ, были вѣчными затворницами. Но немногимъ лучше было и положеніе царицы. Она жила совершенно изолированно отъ мужа и его двора, окруженная своей многочисленной женской прислугой и разными приживалками. Очень рѣдко, только въ дни боль-

шихъ праздниковъ, у царицы, въ присутствіи ея мужа, бывали кратковременные торжественные пріемы патріарха, духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Выѣзжала она не иначе, какъ въ закрытомъ экипажѣ, въ церкви стояла за занавѣсомъ, даже при выходѣ изъ экипажа или при входѣ въ него, чтобы укрыться отъ постороннихъ взоровъ, она принуждена была проходить между ширмами, которыя нарочно становились для этого. Даже врачъ никогда не могъ видѣть государыни. Когда однажды къ больной царицѣ рѣшились призвать лекаря, то прежде чѣмъ ввели его въ комнату больной, завѣсили плотно всѣ окна, чтобы ничего не было видно, а когда нужно было пощупать ея пульсъ, то руку ея окутали тонкой матеріей, чтобы медикъ не коснулся ея тѣла. Даже нечаянная встрѣча съ царицей кого-нибудь изъ мужчинъ не проходила для послѣднихъ даромъ,— тотчасъ начинались допросы и розыски, не было ли тутъ какого злого умысла!

Заключенность женщины лишала ее всякой возможности развивать свои умственныя способности хотя до той же низкой степени, на которой стоялъ мужчина, развивавшійся въ водоворотѣ общественной жизни. Невѣжество женщинъ было изумительное, ихъ тупость поражала даже русскихъ, а не только иностранцевъ. „Московскаго государства женскій полъ, говоритъ Кошихинъ,—грамотѣ не ученые и необычай тому есть, а природнымъ разумомъ простоваты и на отвѣты не смышленны и стыдливы; понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ и, опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ, чужіе люди никто ихъ и они людей видѣть не могутъ;

и когда замужъ выйдутъ, ихъ люди также видаютъ мало; можно понять, что имъ не отъ чего быть разумными и смѣлыми". Разсказы богомолокъ и странниковъ, сплетни, сказки, пѣсни, безчисленныя повѣрья и предразсудки, ворожба и чары, а у самыхъ образованныхъ—житія святыхъ—вотъ все, что давало женщинѣ матерьялы для ея умственной дѣятельности. И въ то время, какъ на Западѣ женщины въ извѣстномъ отношеніи царили въ обществѣ своей красотой, чувствомъ, остроуміемъ; въ то время, когда онѣ занимались тамъ и науками, и искусствами, давали тонъ литературѣ, преподавали съ университетскихъ кафедръ,—наши прародительницы или спали умственно глубокимъ сномъ, апатичныя въ своемъ невѣжествѣ и самодовольныя въ своей глупости, или же тратили весь свой умъ на знаніе рутиннаго хозяйства, а свое чувство хоронили въ пучинѣ мистицизма.

Заключенность женщины уродовала ея умъ, уродовала и тѣло! На Западѣ изящная, комфортабельная обстановка, „искусство любви", музыка, танцы, театръ, литература и другія условія домашней и общественной жизни развивали въ женщинѣ нервную впечатлительность и граціозность формъ; половая функція въ тѣхъ своихъ проявленіяхъ, которыя служатъ исключительно наслажденіямъ страсти, развилась здѣсь до высшей утонченности, до идеальнаго совершенства. На Руси же все воспитаніе женщины состояло въ томъ, что ее старались покрѣпче держать въ теремѣ да откармливать, какъ на убой, чтобы она вошла въ тѣло и пріобрѣла ту красоту жирной дородности, которая такъ прельщаетъ всѣхъ нецивилизованныхъ людей. Вотъ—

Сидитъ она за тридевятью замками,
Да сидитъ она за тридевятью ключами,
Чтобы вѣтеръ не завѣлъ да и солнце не запекло,
Да и добрые молодцы чтобъ не завидѣли.

Ѣстъ хорошо, спитъ много, въ банѣ прѣетъ часто, никакого большого моціона нѣтъ, нервы ничѣмъ не разстраиваются, желудокъ работаетъ исправно,—баба жирѣетъ, и съ каждымъ фунтомъ жира ея красота возвышается, по вкусамъ того времени и даже въ современномъ вкусѣ нашего купечества. Это не здоровая красота работящей крестьянки, а красота откормленнаго каплуна въ юпкѣ. „Имѣть тонкую талію женщина считала такимъ же порокомъ, какъ и имѣть маленькія ножки. Для достиженія толщины, женщины не щадили никакихъ жертвъ, — лежали на кровати цѣлый день, старались, если можно, и спать цѣлый день, даже пили водку, отъ которой дѣйствительно тучнѣли" (Невилль). Ганве передаетъ, что часто слыхалъ отъ русскихъ женщинъ: „далъ бы Богъ быть дородной, а за красотой дѣло не станетъ"... Рексоллю говорили, что если въ женщинѣ меньше пяти пудовъ вѣсу, то и красавицей нельзя ее назвать. При такихъ понятіяхъ о женской красотѣ, при неразвитости женскаго чувства и фантазіи, при изолированности женщины въ теремѣ—у насъ не могло развиться той романической любви, какую мы видимъ въ старинной Европѣ. Древнерусская любовь носила грубо-чувственный характеръ. Это была не любовь, какъ понимаемъ ее мы, а въ буквальномъ смыслѣ плотоугодіе, раздраженіе однихъ только извѣстныхъ нервовъ вслѣдствіе усиленнаго прилива крови... Теремъ сдѣлалъ то, что въ высшихъ и среднихъ классахъ любовь имѣла

даже болѣе чувственный характеръ, чѣмъ у простого народа. Хотя въ нашихъ великорусскихъ пѣсняхъ, сказкахъ, былинахъ о любви говорится большею частью въ томъ же духѣ и нерѣдко съ крайнимъ цинизмомъ, но за то въ произведеніяхъ малорусской народной поэзіи эта страсть выражается въ самыхъ граціозныхъ формахъ и соединяется съ утонченными человѣческими чувствованіями, которыя одни только и поднимаютъ ее выше простого животнаго вожделѣнія. Въ Московіи же эти чувствованія не были развиты, женская красота состояла въ дородности, всѣ женщины, вслѣдствіе однообразныхъ условій жизни, были на одинъ образецъ, и страсть носила не индивидуальный, а родовой характеръ; древнерусскій человѣкъ влюблялся рѣдко; чувствуя вожделѣніе, онъ искалъ себѣ невѣсту или любовницу и выбиралъ ее, какъ товаръ. У купцовъ и крестьянъ это дѣлается и до сихъ поръ. Въ старинныхъ легендахъ ясно выражается то воззрѣніе, что природа женщины совершенно одинакова, и что любовь есть простое удовлетвореніе животнаго позыва. Когда князь Петръ съ женою своей Февроніей, изгнанные изъ Мурома, плыли по рѣкѣ, то одинъ изъ ихъ спутниковъ, имѣвшій при себѣ и жену свою, „возревнова на княгиню помысломъ; она же, уразумѣвъ злой помыслъ его, рече ему: почерпни воды изъ рѣки съ этой стороны судна; онъ же почерпе; и повелѣ ему испити. Онъ же выпилъ. Она же, блаженная, рече: равна ли вода, или едина сладчайшая? Онъ же рече: едина есть, госпоже, вода. Паки же она рече: *сице едино есть естество женское;* почто убо свою жену оставя, на чужую мыслиши!..“ Конечно, эта идея объ „одинаковости естества женскаго“, даже при исклю-

чительно чувственномъ характерѣ любви, не могла безусловно заправлять половыми отношеніями; человѣкъ все-таки могъ привязываться къ одному „естеству" сильнѣе, чѣмъ къ другому; но, во всякомъ случаѣ, онъ увлекался только „естествомъ". Достаточно прочесть древнерусскій романъ, „Повѣсть о Саввѣ Грудцынѣ", чтобы познакомиться съ характеромъ старинной любви. Купеческій сынокъ Савва, пріѣхавъ по торговымъ дѣламъ въ Казань, нашелъ здѣсь пріятеля своего отца, Божена Второго, и поселился у него въ домѣ. Дьяволъ же уязвилъ молодую жену Божена „на юношу онаго къ скверному смѣшенію блуда, и она непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы къ паденію блудному. Женское естество умѣетъ уловляти умы младыхъ къ любодѣянію. И такъ Савва лестію женскою, паче же рещи отъ зависти діавола, запятъ бысть, падеся въ сѣть любодѣянія съ женою оною и непрестанно во ономъ скверномъ дѣлѣ пребывая съ нею, ниже бо воскресенья день, ниже праздники помняше, но всегда въ калѣ блуда, яко свинія валяшеся и въ таковомъ ненасытномъ блуженіи много время, яко скотъ, пребываше". Когда же, вслѣдствіе угрызеній совѣсти, Савва прекратилъ эти любовныя отношенія, то мстительная женщина, опоивъ его приворотнымъ зельемъ, убѣдила мужа выгнать его изъ дома. Зелье подѣйствовало на Савву такъ сильно, что онъ рѣшился продать свою душу чорту, лишь бы послѣдній помогъ ему „паки совокупитися съ женою оною".

При такомъ характерѣ любви, на любимую женщину, естественно, смотрѣли только, какъ на утѣху, какъ на орудіе наслажденія. На Западѣ въ концѣ среднихъ вѣ-

ковъ и въ эпоху возрожденія женщина съумѣла свергнуть съ себя половое рабство и изъ постельной куклы, изъ любимой вещи сдѣлалась свободно любящимъ лицомъ и, будучи рабынею, все-таки царила надъ обществомъ силою своей любви и красоты. Русская же женщина развивалась при болѣе невыгодныхъ для нея условіяхъ и неспособна была ни добиться такой свободы, какъ европеянка, ни внушать мужчинѣ той романической любви, того энтузіазма, того страстнаго поклоненія красотѣ, той преданности, доходившей до самопожертвованія, какіе мы видимъ въ старинной Европѣ. И хотя европейское „уваженіе къ дамѣ“, рыцарское служеніе прекрасному полу и обязательная для всѣхъ вѣжливость къ женщинѣ далеко не удовлетворяли всѣмъ справедливымъ притязаніямъ послѣдней и не избавляли ее отъ рабскаго ига, но все-таки они значительно облегчали ея положеніе и поднимали ее съ той низкой ступени, на которой оставалась несчастная и всѣми презираемая рабыня — русская женщина. Иностранные путешественники удивлялись, что „въ Московіи никто не унижается до того, чтобы преклонить колѣна передъ женщиной или воскурить передъ нею ѳиміамъ“. Но удивляться тутъ было рѣшительно нечему; это самымъ логическимъ образомъ вытекало изъ всего строя древнерусской жизни, выработавшей ту „народную мудрость“, которая еще до сихъ поръ твердитъ на разные лады, что „курица—не птица, а женщина—не человѣкъ“...

IV.

По народному воззрѣнію, бракъ—*судъ божій;* женихъ и невѣста соединяются другъ съ другомъ не по свободному выбору, не вслѣдствіе стеченія извѣстныхъ обстоятельствъ, а потому, что ихъ союзъ предопредѣленъ рокомъ, потому, что имъ *суждено* жить вмѣстѣ: противъ судьбы ничего не подѣлаешь: „суженаго конемъ не объѣдешь“.

Но кромѣ этого таинственнаго рока, бракомъ заправляетъ другой рокъ, который уже не имѣетъ въ себѣ ничего таинственнаго и выражается въ волѣ отца, а за смертью его, въ волѣ матери или опекуна. При тѣхъ патріархальныхъ порядкахъ, которые всевластно царили въ древней Россіи и которыми до сихъ поръ держится жизнь низшихъ и даже среднихъ классовъ, ни за женихомъ, ни за невѣстою свободной воли не признается. Мужчину *женятъ*, а дѣвушку *выдаютъ*, *продаютъ* или, какъ выражаются въ Архангельской губерніи, *пропиваютъ*.

Дѣвушку выдавали за того, за кого „отецъ умыслилъ, а жена и сродичи приговорили“, по выраженію Кошихина, — выраженію, вполнѣ обрисовывающему всю полноту отцовскаго самодержавія и напоминающему другое выраженіе — „царь присудилъ, а бояре приговорили“. Но ни одинъ отецъ или опекунъ съ семейнымъ совѣтомъ женили сына и выдавали дочь: это право, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, принадлежало всякой власти,— помѣщику, общинѣ, царю,— такъ какъ всякая власть носила отеческій характеръ. По словамъ пѣсни, браки заключались —

По божьему повелѣнью,
По царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору.

По обычаю древней Руси, каждый домовладыка былъ обязанъ заботиться о всѣхъ домочадцахъ, о рабахъ и прислугѣ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ,—дѣвицъ выдавать замужъ, а молодцовъ женить. Помѣщики дѣлали это вплоть до отмѣны крѣпостного права. У казаковъ нерѣдко атаманъ давалъ невѣстъ, какъ въ семействахъ отецъ семьи, и Стенька Разинъ устроилъ такимъ образомъ не одну сотню свадебъ. Вельможи, великіе князья, цари также устрояли свадьбы приближенныхъ къ себѣ лицъ, не спрашивая, конечно, объ ихъ согласіи. Какъ увидимъ ниже, это бывало даже и въ XIX в. Иногда правительство устрояло подобные браки гуртомъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ видахъ умноженія народонаселенія Сибири, повелѣно было, чтобы тамошніе пашенные крестьяне непремѣнно отдавали своихъ дочерей за ссыльныхъ; но такъ какъ они не хотѣли брать себѣ въ зятья воровъ и мошенниковъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большой штрафъ. Иногда правительство высылало въ Сибирь „женокъ и дѣвокъ“, поручая тамошней администраціи выдавать ихъ замужъ. Въ 1759 г., напр., было опредѣлено поселить на сибирскую линію годныхъ для замужества ссыльныхъ женщинъ. Сибирская губернская канцелярія предписывала воеводамъ и управителямъ, „собравъ этихъ женокъ, персонально учинить имъ осмотръ и годныхъ для замужества отправлять въ Омскъ, къ бригадиру Фрауендорфу“, которому предписывалось разселить ихъ по линіи

и выдавать замужъ за всѣхъ, кромѣ военнослужащихъ. Многія изъ этихъ несчастныхъ невѣстъ беременѣли въ Омскѣ или по дорогѣ; нѣкоторыя тащились съ грудными ребятами; другія кое-какъ волокли ноги отъ дорожнаго изнуренія и угнетавшихъ ихъ болѣзней. Матери по дорогѣ дарили или продавали желающимъ своихъ дѣтей, нести которыхъ подъ палящими лучами солнца было невыносимо и отъ которыхъ онѣ желали избавиться, чтобы легче устроить свою будущую брачную карьеру. Большинство этихъ подневольныхъ невѣстъ было сослано за преступленія противъ семейства; изъ 77 женщинъ, напр., доставленныхъ на линію черезъ Омскъ въ 1759 г., было сослано 24 за мужеубійство, 10 за дѣтоубійство, 1 за отцеубійство, 1 за блудъ съ отцомъ, остальныя за поджогъ помѣщичьихъ имѣній, кражу, побѣгъ, „порчу волшебными травами и словами“. Женщины эти, уже настрадавшіяся въ семейной жизни до ссылки, въ Сибири снова поступали въ семейную неволю, раздаваемыя начальствомъ холостымъ офицерамъ „въ услуженіе“, а казакамъ и солдатамъ въ замужество. Въ началѣ настоящаго столѣтія вздумали было заселить трактъ отъ Енисейска до Туруханска. Приплавили народъ на двухъ большихъ баркахъ и въ предположенныхъ къ заселенію пунктахъ начали оставлять по три и по четыре семьи, снабжая ихъ всѣмъ необходимымъ для домообзаводства. Тѣмъ изъ поселенцевъ, которые не были женаты, давались ссыльныя женщины по назначенію земской полиціи. Случалось, что нѣкоторые изъ мужчинъ не хотѣли жениться на предложенныхъ невѣстахъ, или, наоборотъ, женщины отказывались выходить за предложенныхъ мужчинъ, но ихъ принуждали розгами. Въ

XIX в. подобные браки по приказу начальства были обычнымъ явленіемъ въ военныхъ поселеніяхъ. Что же касается браковъ „по мірскому приговору“, то крестьянскій міръ до сихъ поръ нерѣдко вмѣшивается въ брачныя дѣла своихъ членовъ, неимѣющихъ родителей, назначая, напр., извѣстную сироту-дѣвушку въ жены сиротѣ-парню. Въ древности за выводъ невѣсты изъ общины послѣдняя брала пошлину, которая, по всей вѣроятности, замѣнила собою нервичное родовое право первой ночи. Идея отеческаго вмѣшательства власти въ дѣло заключенія брака до сихъ поръ живетъ даже въ нашемъ законодательствѣ, выражаясь въ обязанности жениха имѣть дозволеніе подлежащаго начальства на вступленіе въ бракъ.

Въ старой Россіи свободою въ выборѣ себѣ невѣсты пользовался только одинъ царь. Подобно императорамъ Византіи и среднеазіятскимъ ханамъ, царь древней Руси выбиралъ себѣ невѣсту изъ дѣвицъ всей земли. Въ Москвѣ и въ провинціяхъ боярамъ, помѣщикамъ, дѣтямъ боярскимъ разсылались циркулярные царскіе указы, которыми эти господа извѣщались, что властямъ поручено „смотрѣть у нихъ дочерей-дѣвокъ“ государю въ невѣсты; „и у которыхъ были дочери-дѣвки“, тѣмъ предписывалось, „часа не мѣшкая“, везти ихъ на смотръ въ городъ къ воеводамъ, а потомъ, по выбору послѣднихъ, въ Москву. „А кто дочь-дѣвку у себя утаитъ и къ боярамъ (на смотръ) не повезетъ“, тому полагалась „великая опала и казнь“. Иногда такимъ образомъ въ Москву свозили до двухъ тысячъ дѣвицъ разнаго званія, изъ которыхъ и выбиралась невѣста. „Надежнымъ сановникамъ и довѣреннымъ боярынямъ поручалось свидѣтель-

ствовать этихъ дѣвушекъ, такъ что самыя сокровенныя части тѣла не оставались безъ подробнаго разсмотрѣнія" (Пав. Іовій). Изслѣдовались дѣвственность невѣсты, ея здоровье и способность къ дѣторожденію. Само собою понятно, что между родственниками привезенныхъ на смотръ дѣвушекъ шло ожесточенное соперничество и каждый родъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы породниться съ царемъ. На дѣвицъ, которыя наиболѣе нравились царю, даже на ту, которая была уже объявлена невѣстою и жила во дворцѣ, сплетничали, сочиняли о нихъ небылицы, старались ихъ „испортить" и нерѣдко успѣвали въ этомъ: невѣста занемогала, ее высылали изъ дворца, а иногда вмѣстѣ съ ея родственниками даже отправляли въ ссылку за покушеніе обмануть царя. Невѣста Михаила Федоровича, Марья Хлопова, будучи взята во дворецъ, объѣлась здѣсь сластями и заболѣла. Соперники Хлоповыхъ, Салтыковы, успѣли убѣдить кого слѣдовало, что „болѣзнь ея великая"; ее сослали сначала въ Тобольскъ, а потомъ перевели въ Нижній. Вскорѣ царь узналъ, что она здорова; началось слѣдствіе, и оказалось, что ее погубила интрига Салтыковыхъ; сослали Салтыковыхъ. Марья Долгорукова, вышедшая за Михаила, умерла черезъ три мѣсяца отъ руки враговъ своихъ. Передъ свадьбой Алексѣя его невѣстѣ Всеволожской при убираньи головы такъ закрутили волосы, что она упала въ обморокъ; это было выставлено доказательствомъ, что она испорчена и больна падучею болѣзнью; отца ея высѣкли кнутомъ и вмѣстѣ съ дочерью сослали въ Сибирь.—„Когда невѣста была окончательно выбрана, разсказываетъ Іовій,—прочія соперницы ея по красотѣ, стыдливости и скромности, нерѣдко въ тотъ

же самый день, обручались съ боярами и военными сановниками“, причемъ царь игралъ роль отца, опредѣляя, кому на комъ жениться.

У обыкновенныхъ смертныхъ бракъ былъ договоромъ двухъ семействъ, при чемъ женихъ и невѣста вплоть до свадьбы не только не видѣли другъ друга въ глаза, но даже и не знали, что ихъ любезнѣйшіе родители хотятъ сочетать ихъ бракомъ. Дѣло начиналось обоюдными справками о женихѣ и невѣстѣ, объ ихъ состояніи, характерѣ, нравственности, наружности. Осмотръ невѣсты производила обыкновенно мать или другая родственница жениха, который не видѣлъ своей суженой вплоть до свадьбы. Мы уже говорили въ первой главѣ, что эти смотрины въ крестьянской жизни до сихъ поръ носятъ характеръ осмотра продаваемаго товара его покупателями, въ старину же это было всеобщимъ обыкновеніемъ. Какъ при продажѣ всякаго товара, такъ и при смотринахъ невѣсты, дѣло рѣдко обходилось безъ плутовства. Больную и блѣдную дѣвушку румянили, сухопарую превращали посредствомъ фальшивыхъ накладокъ въ толстуху и т. д. Если же невѣста была до того плоха, что обмануть такимъ образомъ было нельзя, то совершали подлогъ и вмѣсто одной дѣвушки показывали другую, а замужъ выдавали первую. „Во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ“, говоритъ Кошихинъ, подробно описывая разныя варьяціи этого мошенничества. Обманъ открывался только послѣ вѣнчанья, когда женихъ въ брачномъ покоѣ находилъ въ невѣстѣ тѣ крупные недостатки—хромоту, нѣмоту, и безобразіе,—которые были искусно скрыты ея родителями, или же вмѣсто дѣвуш-

ки, показанной подъ чужимъ именемъ на смотринахъ, встрѣчалъ урода, подъ именемъ котораго была показана подставная красавица. Обманутый женихъ мотъ жаловаться духовному начальству; производилось слѣдствіе, и если обманъ былъ доказанъ, то виновнаго наказывали кнутомъ, а бракъ расторгали. Но доказать обманъ было чрезвычайно трудно, и въ большинствѣ подобныхъ случаевъ мужьямъ оставалось только одно утѣшеніе—вымещать на женахъ мошенничество ихъ родителей, вгонять ихъ въ гробъ или принуждать къ постриженію въ монастырь, чтобы затѣмъ можно было жениться въ другой разъ.

Нашихъ предковъ женили и выдавали замужъ очень рано, опираясь въ этомъ случаѣ на византійскіе законы, которые, будучи составлены для людей юга, гдѣ половая зрѣлость достигается гораздо скорѣе, чѣмъ на сѣверѣ, опредѣлили minimum возраста для жениха 14, а для невѣсты 12 лѣтъ. Нашъ Стоглавъ требуетъ отъ перваго 15, а отъ второй 12 лѣтъ. Но на практикѣ это сплошь и рядомъ не выполнялось, да, собственно говоря, не было до XVIII вѣка и опредѣленныхъ постановленій относительно возраста брачущихся. Дѣвушекъ часто выдавали замужъ еще въ дѣтствѣ, лѣтъ 13, 10, даже 8, а мальчиковъ женили иногда даже 7 лѣтъ! Нерѣдко случалось, что мальчугана женили на взрослой дѣвушкѣ; такіе браки взрослыхъ съ малолѣтними во многихъ мѣстностяхъ существовали почти вплоть до настоящаго столѣтія и были особою формою снохачества. Отцы или опекуны, взявъ дѣвицу для своего малолѣтняго сына, жили съ нею сами до совершеннолѣтія мужа, который, выросши и почувствовавъ потребности по-

лового инстинкта, нерѣдко находилъ въ своей женѣ уже отжившую старуху. Въ архивахъ Сибири я не разъ наталкивался на документы, свидѣтельствующіе о распространенности этого гнуснаго злоупотребленія даже въ XVIII в. Такъ, въ 1749 г. одинъ енисейскій крестьянинъ жаловался, что отецъ женилъ его семилѣтняго на сорокалѣтней дѣвкѣ, что теперь ей уже шестьдесятъ лѣтъ и она неспособна быть женой. Такъ, въ 1735 г. по улицамъ города Ачинска ходила подгулявшая сватья ачинскаго попа Никифора „и сказывала на него, попа, духовное дѣло. А невѣстка его, попова, сказывала, что-де онъ, попъ, взялъ ее, Палагею, въ замужество за сына своего малолѣтняго и растлилъ дѣвство ея и прижилъ съ нею младенца“. И хотя въ настоящее время такіе браки взрослыхъ съ малолѣтними невозможны, но снохачество существуетъ до сихъ поръ; во многихъ мѣстностяхъ оно распространено чрезвычайно и нерѣдко доводитъ до семейныхъ кровавыхъ трагедій. Вотъ напр., два факта изъ крестьянской жизни. Одинъ крестьянинъ засталъ свою жену съ отцемъ и убилъ послѣдняго, а самъ умеръ въ острогѣ. Другой, женивъ своего сына полуидіота на хорошенькой дѣвушкѣ, сталъ добиваться ея любви, но она воспротивилась его требованіямъ и избавилась отъ него ссылкою его въ Сибирь. Старикъ не угомонился, и на пути въ каждомъ городѣ просилъ о высылкѣ къ нему сына съ женою. Въ Воронежской губерніи одно сельское общество купило для церкви колоколъ, который никакъ не могъ быть поднятъ на колокольню, несмотря на всѣ усилія собравшихся крестьянъ. Дьячекъ, полагая, что колоколъ нейдетъ отъ того, что среди собравшихся много грѣшниковъ, пред-

ложилъ выйдти изъ толпы снохачамъ, и, къ общему удивленію, отступила въ сторону почти половина собравшихся крестьянъ!... Женщины вступаютъ въ эту связь со свекрами единственно изъ боязни, какую онѣ питаютъ къ нимъ. Въ случаѣ противодѣйствія снохи, не только свекоръ начинаетъ деспотствовать надъ нею, но и вся семья начинаетъ преслѣдовать несчастную, угождая развратному самодуру, а подневольный мужъ рѣдко въ силахъ защитить ее, да и его часто умѣютъ вооружить противъ бѣдной женщины.

Въ низшихъ классахъ русскаго народа бракъ до сихъ поръ носитъ формальный характеръ купли-продажи. Родственники невѣсты продаютъ ее, родственники жениха покупаютъ ее. И хотя въ большинствѣ мѣстностей свадьба имѣетъ такой торговый характеръ только по своимъ древнимъ обрядамъ, но по мѣстамъ купля-продажа невѣсты существуетъ даже до сихъ поръ въ своей первобытной формѣ. „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ г. Нерехтѣ, невѣсту покупаютъ за деньги. Не только бѣдные, но и богатые поселяне считаютъ себѣ за безчестье отдать дочь безденежно. Чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется *калымомъ*“ (Терещенко). Въ древней Россіи такая купля-продажа невѣсты была гораздо распространеннѣе, чѣмъ нынѣ, но въ XVI и XVII столѣтіяхъ не только въ высшихъ, но даже и въ низшихъ классахъ народонаселенія бракъ большею частію уже потерялъ характеръ чисто торговой сдѣлки, и калымъ уступилъ мѣсто приданому. Бракъ былъ договоромъ двухъ семей и актомъ этого договора служила рядная запись, которую писалъ подъ-

ячій, нарочно для этого приглашаемый. Въ рядной записи подробно исчислялось все слѣдующее за невѣстой приданое, которое обыкновенно доставлялось въ домъ новобрачныхъ послѣ свадьбы. Но такъ какъ родители невѣсты сплошь и рядомъ старались обмануть жениха относительно приданаго, то родители жениха нерѣдко требовали, чтобы оно было отдано до свадьбы, по пословицѣ „денежки на столъ, дѣвушку за столъ". При свадьбахъ нашего купечества это стремленіе смошенничать на приданомъ до сихъ поръ не только существуетъ, но даже считается дѣломъ совершенно обычнымъ и извинительнымъ. Въ виду такого сильнаго и всеобщаго поползновенія къ обману въ брачныхъ дѣлахъ, въ рядной записи, для гарантированія вѣрности условій, назначалась неустойка или попятное, которое платила сторона, нарушившая условіе. Величина неустойки была соразмѣрна съ величиной приданаго и всегда назначалась въ такой суммѣ, уплата которой была бы тягостною для нарушителя ряднаго договора.

Свадьба сопровождалась множествомъ обрядныхъ церемоній, соблюденіе которыхъ считалось обязательнымъ и описаніемъ которыхъ въ нѣкоторыхъ „домострояхъ" занята цѣлая, весьма обширная глава: „О чинахъ свадебныхъ". Въ этихъ обрядахъ прежде всего выражалась та мысль, что невѣста поступаетъ въ полную зависимость къ своему мужу и повелителю. Отецъ невѣсты бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: „по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня, за ослушаніе будетъ учить тебя этою плетью мужъ". Съ этими словами плеть передавалась жениху, который, закладывая,

ее за кушакъ, выражалъ надежду, что въ ней ему не встрѣтится надобности. Эта плеть вѣшалась надъ брачнымъ ложемъ, и во многихъ мѣстностяхъ женихъ производилъ ею обрядовое сѣченіе новобрачной при извѣстномъ унизительномъ обрядѣ разуванія ею своего суженаго. Дѣвственность невѣсты была главнымъ требованіемъ со стороны жениха и грубое матерьяльное понятіе нашихъ предковъ о добродѣтели совершенно отожествляло послѣднюю съ сохраненіемъ гимена до времени брака. Невѣсты, съ своими свахами и родственниками, сплошь и рядомъ обманывали жениха фальшивыми признаками дѣвственности, а женихъ съ своими родственниками производили точное и подробное изслѣдованіе этихъ признаковъ. Это совершалось почти публично, раздражая сладострастіе присутствовавшихъ на свадьбѣ гостей, обыкновенно предававшихся пьянству, дебошу и самому необузданному разврату. Иностранные писатели стѣснялись „объяснить, какъ доказывается дѣвство вѣнчающихся невѣстъ, такъ какъ распространяться объ этомъ невозможно по требованію благонравія“ (Корбъ). Въ купечествѣ, мѣщанствѣ, крестьянствѣ эти отвратительные обычаи въ полномъ ходу до сихъ поръ. Въ Астрахани, напримѣръ, свадьба оканчивается слѣдующимъ образомъ. Въ боковой комнатѣ, часто отдѣленной отъ гостей одними только ширмами, женихъ и невѣста занимаютъ брачную постель, и молодой мужъ обязанъ тутъ же, пока еще не разъѣхались гости, почти въ ихъ присутствіи, отправить въ первый разъ свои супружескія обязанности; въ это время музыканты играютъ сладострастную пѣсню „*бѣда*“, слова которой припѣваются всѣми гостями. По совершеніи

акта, сваха входитъ въ брачный покой, мѣняетъ на новобрачной бѣлье, унося съ собою рубашку, запятнанную знаками „честности“. Развернувъ эту рубашку и держа ее въ обѣихъ рукахъ, она, какъ пьяная вакханка, является къ гостямъ съ пѣніемъ и пляскою, показывая всѣмъ свой трофей. Затѣмъ, съ провожатыми и съ музыкою, она отправляется въ экипажѣ въ домъ родителей невѣсты, чтобы передать имъ свой трофей. На каждомъ углу, у каждаго трактира шествіе останавливается; сваха и провожатые соскакиваютъ съ экипажей, танцуютъ, поютъ, а музыка играетъ „*бѣду*“. Такимъ образомъ процессія, проѣхавъ черезъ весь городъ, достигаетъ дома родителей невѣсты, которымъ и передается запачканное бѣлье, а затѣмъ начинается новая оргія (Медико-Топогр. Сборн., I, 397). Сальныя шутки надъ молодыми, похабные разговоры, свидѣтельствованіе бѣлья и постели, весь этотъ грязный цинизмъ нашихъ свадебъ до сихъ поръ служитъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ выраженій русскаго варварства, выработаннаго тысячелѣтней исторіей. Отвратительна радостная оргія, начинающаяся послѣ того, какъ женихъ найдетъ возможнымъ благодарить родителей невѣсты за ея дѣвственность, но еще отвратительнѣе для каждаго, не въ конецъ испорченнаго человѣка, тѣ сцены, которыя начинаются, если молодая окажется недѣвственницей. Насмѣшки, брань, побои сыплются на несчастную, а родители иногда даже начинаютъ пытать ее, всовывая, напримѣръ, булавки подъ ногти, съ кѣмъ и когда она любилась *).

*) Интересные матерьялы объ этомъ см. въ „Сборникѣ народныхъ юридическихъ обычаевъ“, т. I, Спб. 1878 г.

„Чтобы со стороны невѣсты не было никакого обмана, ее обыс-

Въ старину эти варварскіе обычаи господствовали между всѣми классами общества, и невѣсты, неуспѣвшія обмануть своихъ взыскательныхъ жениховъ, нерѣдко расплачивались очень дорого за свою невоздержность въ дѣвичествѣ. Такъ, Иванъ Грозный, не найдя дѣвственницей свою жену Марью Долгорукову, на другой же день послѣ свадьбы велѣлъ *затиснуть* ее въ колымагу, повезти на борзыхъ коняхъ и опрокинуть въ воду. Нерѣдко случалось, что женихъ, найдя свою невѣсту недѣвственницей, отсылалъ ее къ ея родителямъ. Если же она и оставалась его женою, то цѣлую жизнь принуждена была выносить попреки и побои мужа, который часто старался отдѣлаться отъ нея какимъ бы то ни было способомъ, вгонялъ ее въ гробъ, заставлялъ постригаться въ монастырь, а затѣмъ начиналъ искать себѣ другую, „честную" невѣсту. Мужъ не могъ, даже еслибы онъ и хотѣлъ, извинить совершенно своей женѣ грѣхъ ея молодости, — его по-

---

киваютъ, раздѣваютъ до-нага, одѣваютъ въ новое бѣлье и тогда только укладываютъ въ постель (отд. I, 163). Въ Кіевской губ. подгулявшая толпа, особенно *хлопцы*, подходятъ въ это время къ дверямъ, окнамъ и проч., чтобы подслушать, издастъ ли молодая крикъ или нѣтъ (с. 189). Пьяные поѣзжане ждутъ съ такимъ нетерпѣніемъ результата, что если молодой почему-нибудь не въ состояніи скоро выполнить что слѣдуетъ, то, смотря по мѣстности, это дѣлаютъ или женатый, почтенный родственникъ его, или даже сваха, или сама молодая перстами (ст. 174, 190). При этомъ, какъ этотъ родственникъ, такъ и самъ женихъ (почему—неизвѣстно) не должны доводить акта до конца и молодая должна освободиться отъ молодого, коль скоро получится результатъ, нетерпѣливо ожидаемый поѣзжанами. Если невѣста оказывается „честною", настаетъ бѣшеное веселье, въ противномъ случаѣ родственники жениха срамятъ ее и ея родню, поютъ циническія пѣсни, надѣваютъ хомутъ на ея мать

карало бы за это общественное мнѣніе. Лица, имѣвшія доступъ ко двору, на другой день послѣ свадьбы являлись къ царю со всѣмъ поѣздомъ; но молодой мужъ недѣвственницы не смѣлъ показаться на глаза государю и не имѣлъ этого права представиться ему. „Если поступающій въ священники на брачномъ ложѣ не находилъ дѣвства и это впослѣдствіи обнаруживалось, то онъ лишался своей должности“ (Олеарій).

Признаніе брака церковнымъ таинствомъ утвердилось въ массѣ народа только въ позднѣйшее время и церковь, въ теченіе долгихъ столѣтій, напрасно старалась подчинить браки регулированью своихъ византійскихъ законовъ. Простой народъ долго избѣгалъ церковнаго вѣнчанья и считалъ его обязательнымъ только для кня-

---

и т. д. Самой же молодой достается еще хуже. Въ Черниговской губ., напр., мужъ тутъ же бьетъ ее нагайкой до тѣхъ поръ, какъ выражается очевидецъ, „пока тѣло ея не сдѣлается чернымъ, какъ земля“ (ст. 180). Иногда приходится разламывать двери каморы, чтобы только освободить отъ него молодую, которую приходится отливать водою. Ея позоръ дѣлается извѣстнымъ всѣмъ, а въ Кіевской губерніи, когда на завтра молодая приходитъ съ мужемъ въ церковь, то священникъ заставляетъ ее проползти три раза вокругъ церкви на колѣняхъ; теперь, впрочемъ, это начинаетъ выводиться, и вмѣсто ползанія священникъ заставляетъ ее проработать на себя нѣсколько дней (стр. 167). Да, некрасивые обычаи! Но, по нашему мнѣнію, нельзя видѣть въ нихъ что-нибудь особенно варварское, животное: тутъ недостаетъ только нравственной культуры и чувство обманутаго ожиданія люди не умѣютъ сдерживать, тѣмъ болѣе, что, по обычаю, всѣ пьяны въ это время. Мы думаемъ такъ не безъ основанія. Въ настоящее время молодой нерѣдко не только не бьетъ жены и прощаетъ ее, но даже принимаетъ грѣхъ на себя. Если же молодая заблаговременно при всѣхъ поѣзжанахъ покается, то расправы вовсе не бываетъ (стр. 167 и др.).“

зей и бояръ. Въ XVI, XVII, мѣстами даже въ XVIII вѣкѣ, когда еще продолжалась борьба съ язычествомъ, простолюдины сплошь и рядомъ женились безъ церковнаго благословенія, „въ роду и въ племени, въ кумовствѣ и сватовствѣ, и въ крестномъ братствѣ, и при жизни первыхъ женъ". Церковный обрядъ бракосочетанія часто замѣнялся древнимъ языческимъ обрядомъ хожденія жениха и невѣсты —

Безъ вѣнчанья, безъ попа,
Вкругъ зеленаго ракитова куста.

Этотъ обрядъ и далъ происхожденіе пословицѣ — „вѣнчали вкругъ ели, а черти пѣли". Стенька Разинъ положительно отвергалъ церковное вѣнчанье, говоря: „къ чему вѣнчаться? Станьте въ парѣ подлѣ дерева да пропляшите вокругъ него — вотъ и повѣнчались!" Онъ собиралъ молодежь, приводилъ къ вербовому дереву, заставлялъ ихъ парами плясать вокругъ него и потомъ увѣрялъ, что они послѣ этого обряда сдѣлались совершенно законными супругами. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи до позднѣйшаго времени, при празднествахъ масляницы, молодые парни, условившись съ дѣвицами, увозили ихъ въ лѣсъ, къ завѣтному дубу, объѣзжали его три раза и тѣмъ оканчивали свое вѣнчанье. Церковь и свѣтская власть не переставали преслѣдовать такія „блудодѣйственныя" связи, дѣйствуя посредствомъ увѣщаній, эпитимій, штрафовъ и наказаній, нерѣдко очень строгихъ. Въ 1593 г., напримѣръ, казанскій архіерей доносилъ царю, что многіе жители казанскаго края не ходятъ въ церковь, не держатъ постовъ; обвѣнчавшись въ церкви, потомъ перевѣнчиваются у поповъ татарскихъ, живутъ безъ церковнаго

благословенія съ нѣмецкими плѣнницами и т. д. Царь велѣлъ ихъ смирять, въ тюрьму сажать, въ желѣза, въ цѣпи, бить батогами, а менѣе виновныхъ отсылать къ владыкѣ для наложенія эпитимьи. Но при всѣхъ подобныхъ строгостяхъ, при всѣхъ вѣковыхъ усиліяхъ церкви, безцерковный бракъ получилъ широкое развитіе не только въ расколѣ, какъ увидимъ ниже, но и внѣ его. Невѣнчанныя супружескія пары даже въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются между простонародьемъ Сибири, напримѣръ,—и такія связи извѣстны здѣсь подъ именемъ *сибирскихъ браковъ*.

Церковь боролась съ остатками язычества не за одно только свое право вѣнчать брачныя связи; она старалась подчинить всѣ эти связи своимъ правиламъ, прекратить браки между близкими родственниками и кумовьями, установить для бракосочетаній опредѣленное время, заставить брачущихся платить вѣнчальныя пошлины, воспретить разводы, которые въ древности были такъ часты, и т. д. Но особенныя усилія церкви были направлены на искорененіе многоженства, которое продолжало держаться въ жизни и послѣ введенія христіанства. Многіе имѣли по двѣ и по три жены. Въ XVI и XVII вв. многоженство было чрезвычайно распространено въ Сибири. Такъ какъ тогдашній сибирякъ не велъ осѣдлой жизни, а странствовалъ по разнымъ мѣстамъ, то и жены его были разсѣяны по тѣмъ поселеніямъ, которыя лежали на его обычномъ пути. Онъ жилъ съ ними обыкновенно *сибирскимъ бракомъ*, т. е. не вѣнчавшись. Но положеніе женщины въ подобномъ бракѣ, при грубости тогдашнихъ нравовъ, было крайне шатко и необезпечено; мужъ во всякое время могъ прогнать или

бросить ее. Женщины поэтому, естественно, старались замѣнять такіе браки церковными; объ этомъ же хлопотало и духовенство, дѣйствуя иногда съ чрезвычайною строгостью, доходившею до того, что даже въ XVIII вѣкѣ сибирскіе архіереи, разъѣзжая по епархіямъ, нерѣдко наказывали публично плетьми „явныхъ прелюбодѣекъ“. Все это содѣйствовало большему и большему водворенію въ жизни оффиціальнаго брака Но и въ этой формѣ бракъ сплошь и рядомъ оставался временною связью, даже многоженствомъ. Почти до самаго начала XIX в. въ Россіи, а особенно въ Сибири, бракъ нетрудно было заключить безъ всякихъ формальностей, безъ документовъ и свидѣтелей, или съ подложными документами и подкупными свидѣтелями. И вотъ у людей грубыхъ, чувственныхъ, развратныхъ появлялось разомъ по нѣскольку законныхъ женъ въ разныхъ мѣстностяхъ. При старинной бродячести народонаселенія, бѣглые крестьяне, солдаты, казаки, разные гулящіе люди, искрещивая страну по всѣмъ направленіямъ, живя то здѣсь, то тамъ, обзаводились нѣсколькими законными супружницами. Такія связи заключались часто даже съ вѣдома духовенства, особенно въ мѣстахъ глухихъ и удаленныхъ отъ центровъ государственной жизни. Въ половинѣ XVIII в. священники Якутской области прославились, между прочимъ, тѣмъ, что безъ всякаго стѣсненія вѣнчали женъ отъ живыхъ мужей и мужей отъ живыхъ женъ. Въ 1752 г. желѣзинской крѣпости солдатъ Гулянинъ женился на дѣвкѣ Ульянѣ. „Жила я съ нимъ, пишетъ Ульяна въ своемъ прошеніи,— съ полгода. Когда мужъ ушелъ съ своимъ полкомъ изъ Сибири, то я осталась отъ него беременною и родила

сына. Черезъ три года ямышевскій благочинный Степанъ Сѣдачевъ, сказавъ мнѣ, будто мужъ мой померъ, зазвалъ меня, по наущенію канонера Еркина, къ себѣ въ домъ и напоивъ пьяною, привелъ въ церковь и съ вышеписаннымъ канонеромъ обвѣнчалъ насильно". Другой случай. Въ томскомъ алексѣевскомъ монастырѣ у заказныхъ дѣлъ попъ Копыловъ донесъ, что „усмотрѣлъ онъ въ Томскѣ у знаменской церкви, какъ священникъ Кастагаевъ вѣнчалъ солдата Замятина вторымъ бракомъ на дѣвкѣ Валгусовой, и что тотъ солдатъ имѣетъ у себя первозаконную жену, которая и понынѣ жива". Началось слѣдствіе. Замятинъ объяснилъ, что „женился онъ вторично того ради, что первая жена, по отбытіи его изъ Томска въ солдатство", черезъ три мѣсяца вышла замужъ за крестьянина Нагибина, который первозаконную жену свою выдалъ за какого-то Елисея кузнеца. Замятина свели съ его первою женой, а „оную блудницу, незаконную жену его, посадили подъ караулъ до указа его преосвященства". Но Замятинъ, прогнавъ свою первую жену, „оную блудницу подговоря тайно, изъ-подъ караула увелъ съ собою". Слѣдователи спрашиваютъ у митрополита, что дѣлать имъ съ преступниками, и при этомъ замѣчаютъ, что случаи двоеженства и троеженства бываютъ такъ же часты, какъ и женитьба на самыхъ близкихъ родственницахъ. Значительная часть подобныхъ случаевъ двоеженства, троеженства и т. д. зависѣла просто отъ недозволенности развода; супруги самовольно расторгали свой бракъ и вступали въ новый; но все-таки главнымъ мотивомъ всѣхъ подобныхъ явленій служила и служитъ падкость мужчинъ къ многоженству. Эта наклонность и въ ста-

рину и въ настоящее время проявляется еще и въ другой, болѣе употребительной формѣ. Содержаніе при законной женѣ наложницы или нѣсколькихъ наложницъ—тоже многоженство. Преслѣдуя многоженство во всѣхъ его формахъ, церковь дозволяла православному имѣть преемственно не болѣе трехъ женъ. При этомъ третій бракъ не считался даже таинствомъ, и священникъ, который, вмѣсто простого чтенія молитвъ надъ троеженцемъ вѣнчалъ его, лишался своего сана. Третій бракъ дозволялся только въ томъ случаѣ, если ни отъ перваго, ни отъ втораго не было дѣтей, а вступившія въ него лица на пять лѣтъ отлучались отъ церкви. Четвертый же бракъ считался явнымъ преступленіемъ, былъ ли онъ вѣнчанъ или нѣтъ—все равно. Утрированный, такимъ образомъ принципъ моногаміи съ особенною строгостію прилагался къ духовенству. Попы и дьяконы могли жениться только одинъ разъ; но, запрещая овдовѣвшему попу второй бракъ, церковное законодательство въ то же времв признавало за массою духовенства неспособность къ воздержанію и чтобы избавить церковь отъ оскверненія ея грѣшными служителями, не дозволяло вдовымъ попамъ ни служить обѣденъ, ни совершать таинствъ,—они могли исполнять только обязанности дьячковъ, Но всѣ эти церковныя правила утверждались въ жизни очень медленно и духовенство, особенно низшее, сплошь и рядомъ нарушало ихъ. Нечего говорить о многочисленныхъ бракахъ Ивана Грознаго, которые духовенство утверждало, съ назначеніемъ царю церковнаго наказанія, и въ то же время грозило проклятіемъ всякому, кто, подобно Ивану, женится болѣе трехъ разъ, — самые обыкновенные

смертные могли дѣлать то же самое, что и Грозный царь, Въ XV и XVI в. духовенство, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, дозволяло православнымъ жениться но пяти, по восьми, даже по десяти разъ. Къ числу важныхъ ограниченій, полагавшихся церковью свободѣ полового союза, относятся еще обязанность бракосочетающихся имѣть дозволеніе своихъ родителей или опекуновъ и запрещеніе брака между лицами, состоящими въ родствѣ до седьмой степени, кумовствѣ и свойствѣ. Это послѣднее ограниченіе было всегда тягостнымъ особенно для жителей отдаленныхъ захолустныхъ поселеній, большинство жителей которыхъ обыкновенно состояло въ родствѣ или кумовствѣ между собою. Стѣснительность этихъ правилъ хорошо выражается въ извѣстной пѣсенкѣ—

Радъ бы я жениться, да некого взять:
За моремъ синичка—сестричка мнѣ,

и т. д.,—все родственницы...

По патріархальному воззрѣнію, женщина, вступая въ бракъ, не имѣетъ никакихъ личныхъ цѣлей; бракъ существуетъ не для ея удовольствія, не для ея интересовъ; женщина служитъ только орудіемъ для продолженія рода. Первое достоинство жены—чадородіе. Она должна рождать мужу дѣтей, и преимущественно сыновей, этихъ столповъ рода. Неплодіе жены считалось величайшимъ несчастіемъ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ наказаній божіихъ. Такія жены обращались обыкновенно къ самому вѣрному средству, къ усердной молитвѣ; съ плачемъ и рыданіемъ, доходившими, по выраженію древнихъ сказаній, до изступленія ума, онѣ молили постоянно Бога и святыхъ о томъ, чтобы „прижи-

ти имъ чадо мужеска пола". И много считается примѣровъ успѣшности этихъ молитвъ несчастныхъ женъ... Мать Александра Каргопольскаго, оскорбляемая дряхлымъ мужемъ за безчадіе, который говаривалъ, что значитъ „есть въ ней зазоръ нѣкій, рекше грѣхъ", по молитвѣ родила сына, точно также, какъ и мать Александра Свирскаго. Молитвою послѣдняго даруется чадо мужеска пола боярину Апрѣлеву, жена котораго „ради безчадія поносима была имъ и оскорбляема, многажды же и біема бываше". Бездѣтные мужья не менѣе своихъ супругъ горевали о неимѣніи потомства. Эта мысль отравляла всю ихъ жизнь, преслѣдовала на каждомъ шагу. Вотъ, напримѣръ, ѣдетъ на охоту бездѣтный великій князь Иванъ Васильевичъ; увидѣлъ онъ на деревѣ птичье гнѣздо и горько заплакалъ. „Сотвори плачь и рыданіе велико: о, горе мнѣ бездѣтному! Кому я себя уподоблю, къ кому приравнять себя! Вотъ птицы небесныя, — и онѣ плодовиты; звѣри земные—и тѣ плодовиты! и вода плодовита! она играетъ волнами, въ ней плещутся и веселятся рыбы! Господи, и къ этой землѣ я не могу приравнять себя,—она приноситъ плоды на всякое время!..." Обѣты, молебны, путешествія ко святымъ мѣстамъ, кормленіе нищихъ, ворожба и чародѣйство—все употреблялось неплодными супругами, чтобы только имѣть дѣтей. Борисъ Годуновъ, очень заботившійся о чадородіи своей сестры, царицы Ирины, поручалъ даже Горсею развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ „къ зачатію и нарожденію дѣтей и привести въ Москву докторицу, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія". Мужъ ненавидѣлъ безплодную жену, презиралъ, притѣснялъ

ее, билъ, разводился съ нею, заключалъ ее въ монастырь Эти разводы и постриженія особенно часты бывали въ царскомъ семействѣ. „Царица должна была дать наслѣдника царю и царству. Въ этомъ заключался главный, основной смыслъ ея царственнаго положенія. Никакого другого смысла въ ея личности не признавали и не сознавали государственныя стремленія, государственныя положенія жизни, для которыхъ поэтому личность царицы являлась полною жертвою“ (Забѣлинъ). Неплодіе царицы считалось такимъ народнымъ бѣдствіемъ, которое давало безотвѣтнымъ обыкновенно подданнымъ право требовать, чтобы царь развелся съ неплодной супругой. Такъ, при Федорѣ Ивановичѣ, митрополитъ, бояре Шуйскіе съ своими сторонниками, а также гости и всѣ люди купеческіе сошлись на совѣтъ и рукописаніемъ утвердили бить челомъ государю, чтобы онъ „чадородія ради второй бракъ принялъ, а первую свою царицу, Ирину Федоровну, отпустилъ бы въ иноческій чинъ“. Борисъ Годуновъ разстроилъ это предпріятіе. Постриженіе безплодной жены хотя и не могло, по закону, совершиться безъ ея согласія, но, въ большинствѣ случаевъ, оно производилось вопреки закону. Женъ постригали силою, и при этомъ наши благочестивые предки разыгрывали иногда возмутительныя сцены. Такъ, напр., постригали жену великаго князя Ивана Васильевича, Соломонію. „Она, говоритъ Герберштейнъ,—плакала и кричала и никакъ не хотѣла надѣвать кукуля, вырвала его изъ рукъ митрополита, бросила на полъ и топтала ногами. Иванъ Шигона, одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей государя, въ негодованіи на такую дерзость, сталъ ее жестоко бранить и ударилъ плетью, сказавши: какъ ты

смѣешь сопротивляться волѣ государя и медлить исполненіемъ его приказанія?...“ Напрасно несчастная заявляла, что ее постригаютъ насильно, что она вовсе не хочетъ идти въ монастырь; она молила Бога отомстить за это насиліе. Всякое сопротивленіе было напрасно, и Соломонія умерла въ монастырѣ, какъ умирало въ немъ множество такихъ же несчастныхъ неплодныхъ женъ нашихъ старинныхъ царей и вельможъ.

Имѣя значеніе родительницы, значеніе почвы, въ которой не долженъ изсякнуть корень рода, жена должна была играть еще роль хозяйки, „вѣковѣчной ключницы“ мужа, „вѣковѣчной его портомойницы“, по выраженію народной пѣсни. Многоученый профессоръ Соловьевъ, излагая по „Домострою“ хозяйственныя обязанности жены, говоритъ, что „женщина поставлена здѣсь на видномъ мѣстѣ, ея дѣятельность обширна“. Въ дѣйствительности же, а не въ соловьевской исторіи, древнерусская женщина высшихъ и среднихъ классовъ была не хозяйкою, а только домоправительницею, экономкою, первою служанкою домовладыки. Дѣйствительно, „ея дѣятельность была обширна“; по „Домострою“, она встаетъ раньше всѣхъ, будитъ слугъ, до ночи не перестаетъ работать и ложится позже всѣхъ; всякое домашнее дѣло она должна знать лучше тѣхъ, которые работаютъ по ея приказанію,—и щи сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и шить, и вышивать и т. д., и т. д. Даже царицы обязаны были сами вникать въ послѣднія мелочи своего хозяйства. Не требуя отъ жены такой непрерывной дѣятельности, домостройные принципы вовсе не имѣли въ виду ея самостоятельнаго хозяйственнаго значенія. Подобно китайскимъ морали-

стамъ, подобно индѣйскому законодателю Ману, указывавшимъ въ непрерывной работѣ женщины лучшее средство для ея порабощенія патріархальному режиму, нашъ „Домострой“ съ той же самой цѣлью настаиваетъ, чтобы „жена никогда безъ рукодѣлья ни часу не была, кромѣ немощи“. Все, что ни дѣлаетъ жена, она должна дѣлать по „мужнину наказанію“; обо всемъ она должна спрашивать приказовъ и совѣтовъ своего повелителя; лично для себя она не смѣетъ сдѣлать безъ его дозволенія никакого расхода, никакой перемѣны въ хозяйствѣ. Она должна работать, повиноваться и управлять работами прислуги. Въ крестьянской жизни женщина была всегда самой дѣятельной труженицей и работала больше мужчины. Въ настоящее время въ Архангельской губерніи, напр., при своихъ многочисленныхъ, чисто-женскихъ работахъ, женщина коситъ, жнетъ, сушитъ, молотитъ и мелетъ хлѣбъ, рубитъ дрова и лѣсъ, исправляетъ дороги и нерѣдко таскаетъ при этомъ такія тяжести, какихъ не захочетъ принять на себя мужикъ, сплавляетъ лѣсъ и скотъ, исполняя въ одно и то же время обязанности гребца и повара, тянетъ бичевой суда, ходитъ съ извозомъ; въ Поморьѣ лѣтомъ, когда всѣ мужчины до одного уѣзжаютъ на отдаленные морскіе промыслы, женщины однѣ занимаются всѣми полевыми работами, ѣздятъ на близкіе промыслы въ море, отправляютъ подводную повинность и общественныя службы и т. д. *). Сами крестьяне сознаютъ, что жен-

---

*) По наблюденіямъ Потанина, на сѣверѣ губ. Вологодской, Вятской, Костромской „женщина жнетъ, *коситъ*, сѣетъ и иногда даже пашетъ. Въ Поволжьи подъ этотъ типъ подходитъ женщина чувашка. Лаптевъ въ своемъ описаніи Казанской губерніи (Матеріалы для

щины работаютъ больше ихъ. И въ народной жизни жена до сихъ поръ имѣетъ свое главное значеніе, какъ производительная сила, какъ семейная работница. „Мужъ возомъ не наловитъ, что жена горшкомъ наноситъ", говоритъ пословица. „Съ лица не воду пить, умѣла бы пироги печь". „Добрая жена да жирные щи,—другого добра не ищи". Но тяжелая работа, хлопотливая хозяйственная дѣятельность, непрестанный изнурительный трудъ выпали только на долю женщины низшихъ классовъ. Древне-русская барыня, не смотря на всѣ ста-

---

географіи и статистики Россіи. Казанская губернія, стр. 215) говоритъ, что бѣдныя татарки изъ полевыхъ работъ участвуютъ только въ жнитвѣ хлѣба и сгребаніи сѣна, между тѣмъ, какъ чувашки постоянно, а русская женщина весьма часто пашутъ и боронятъ. Внутри категоріи земледѣльческой женщины встрѣчается разница; такъ, напр., въ Никольскомъ уѣздѣ женщина не только жнетъ, но и коситъ; то же самое я записалъ отъ одного татарина о татарской женщинѣ Пензенской губ. (дер. Аллагузова), въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи, въ Балахнинскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи — женщины только жнутъ и ходятъ наниматься жать въ другія хозяйства, но не косятъ, тогда какъ мужчины косятъ, но не жнутъ.

„У женщины въ земледѣльческой области досуга нѣтъ, поэтому ни въ платьѣ, ни въ жилищѣ, ни въ посудѣ у нея нѣтъ особенной чистоты; въ Никольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, полъ въ крестьянской избѣ моется два раза въ годъ; бѣлье моется рѣдко и безъ мыла; обѣдъ необыкновенно простъ: уха изъ вонючей трески, щи, состоящіе изъ воды и овсяной крупы, вареные грибы и брусника съ толокномъ — вотъ и весь меню никольскаго крестьянина. Если гдѣ женщина болѣе является рабой мужа, такъ это здѣсь; между тѣмъ и бѣломорка и уралка являются уважаемыми совѣтницами мужа". Кромѣ того, здѣсь, какъ и въ Архангельской губ., есть вдовы и дѣвицы, имѣющія надѣлъ, работающія и даже одѣвающіяся какъ мужчины.

ранія „Домостроя“, была существомъ вполнѣ тунеяднымъ, самкою, жирѣвшею и тупѣвшею въ своемъ теремномъ ничегонедѣланіи. „Русскія женщины, говоритъ Корбъ,—вовсе не занимаются домашнимъ хозяйствомъ; въ отсутствіе господина рабы его, безъ вѣдома и согласія хозяйки, по довѣрію хозяина, распоряжаются всѣмъ. Москвитяне содержатъ огромныя толпы дѣвокъ, но, исключая самой легкой работы, поручаемой имъ по рас-

---

„Самые крупные случаи экономической вирилэсценціи представляютъ—женщина въ Донскомъ войскѣ, о которой мы выше подробно писали, и женщина села Кимры, которое извѣстно, производствомъ сапоговъ. Всѣ полевыя работы лежатъ здѣсь на женщинѣ: она пашетъ, жнетъ, убираетъ хлѣбъ, а въ зимнее время даже занимается возкой дровъ; мужчина во все время года занимается исключительно шитьемъ сапоговъ, и только во время сѣнокоса съ Петрова до Ильина дня или до Перваго-Спаса мужчины оставляютъ свои занятія, присоединяются къ своимъ женамъ, помогаютъ имъ косить сѣно и потомъ снова садятся за сапогъ.

„Въ области кустарной промышленности трудъ женскій становится сложнѣе; здѣсь часто женщина помогаетъ мужчинѣ въ производствѣ, за которымъ въ другихъ мѣстахъ женщину увидѣть нельзя. Такъ, напр., гдѣ населеніе занято шитьемъ сапоговъ, на женщинахъ лежитъ тачанье голенищъ; въ селѣ Павловѣ женщины „глянчатъ“ (шлифуютъ) и „чернятъ“ желѣзныя издѣлія.

„Есть женскіе отхожіе промыслы. Съ сѣвера на югъ въ степи идутъ женщины—жницы; онѣ расходятся въ заволжской степи (по Самарской губерніи). Другой отхожій промыселъ существуетъ на югѣ Поволжья — это обмазываніе избъ глиной и дѣланіе кизяка; употребленіе послѣдняго распространено къ югу отъ Самары; женщины, занимающіяся этимъ, соединяются въ артели и расходятся на востокъ, въ Бугурусланскій уѣздъ и въ Уральское войско; производство это грязное, потому что кизякъ (дрова) дѣлаются изъ навоза, который предварительно смачивается водой и утаптывается ногами“. (См. сборникъ „Первый Шагъ“, Каз., 1876).

поряженію жены хозяина, онѣ почти ничего не дѣлаютъ и проводятъ жизнь запертыми въ домѣ своего господина, гдѣ иногда прядутъ или ткутъ холсты. Русскія женщины проводятъ вообще жизнь праздно, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что онѣ слишкомъ часто ходятъ въ баню, такъ какъ это видоизмѣненіе праздности до нѣкоторой степени все-таки служитъ имъ развлеченіемъ въ скукѣ отъ бездѣйствія, снѣдающей эти жалкія существа". Баня, дѣйствительно, была почти такимъ же развлеченіемъ для древне-русской барыни, какимъ служитъ балъ для современной женщины. До позднѣйшаго времени день бани былъ праздникомъ для нашихъ захолустныхъ помѣщицъ, и послѣ бани дворня торжественно поздравляла ихъ—„имѣемъ честь поздравить выпаримшись". При такой бездѣльной и тупой жизни, за женщиною оставалось только одно значеніе родоначальницы, ожирѣвшей на своихъ пуховикахъ и отупѣвшей отъ своей сонной праздности.

Жена должна быть рабынею мужа. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ одна Кормчая, на тему, „яко не подобаетъ жены госпожею звати". „Пытайте ученья, которое говоритъ: женѣ не велю учити, ни владѣти мужемъ, но быти въ молчаніи и въ покореніи мужу своему... Того ради не подобаетъ жены звати *госпожею*, а женѣ слѣдуетъ мужа звати *господиномъ*. Какой властитель низшихъ себя называетъ господами или какая госпожа зоветъ рабу госпожею? Не осрамляйте мужской главы; иначе Христа осрамите вы, а кто осрамитъ его, тотъ не прощенъ будетъ ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій". Преобладаніе жены надъ мужемъ считалось величайшимъ позоромъ для человѣка. „Не скотъ въ ско-

тѣхъ — коза", проповѣдуетъ Даніилъ Заточникъ, „не звѣрь въ звѣрехъ—ежъ, не рыба въ рыбахъ—ракъ, не птица въ птицѣхъ — нетопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ". Мужъ, по „Домострою", обязанъ поучать жену свою о „всякомъ благочиніи, какъ душу спасти, и Богу и мужу угодити, и домъ свой добре строити; а жена должна во всемъ ему покорятися и *со страхомъ* внимати". „Ежедневно жена должна спрашиваться у мужа обо всемъ и совѣтоваться, какъ въ люди ходити и къ себѣ принимати, и съ гостями что бесѣдовати", какъ и что дѣлать по хозяйству и т. д. Даже въ разговорахъ съ чужими людьми она должна разузнавать и поучаться, „какъ добрыя жены живутъ и какъ мужей своихъ слушаютъ, и съ ними спрашиваются и имъ повинуются во всемъ". „А если жену слово и наказаніе не иметъ, если она не слушаетъ и не внимаетъ, и не боится, и не творитъ, какъ мужъ учитъ, то плетію постегати, винѣ смотря, наединѣ, а не передъ людьми, и поучивъ, примолвити и пожаловати, и никакожъ не гнѣваться другъ на друга. А за всякую вину по уху и по лицу ни бити, ни кулакомъ подъ сердце, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотити, ничѣмъ желѣзнымъ, ни деревомъ не бити. Кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многія притчи оттого бываютъ, слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнетъ, и главоболіе и зубная болѣзнь; а у беременныхъ женъ и дѣтямъ въ утробахъ бываетъ поврежденіе; а плетію бити и разумно, и больно, и страшно, и здорово. А въ случаѣ большой вины, и за ослушаніе и небреженіе, снять рубашку да плетію вѣжливенько бити, за руки держа, по винѣ смотря". Въ народныхъ пословицахъ эта док-

трина о мужниной власти, эта тиранническая система страха и побоевъ выражаются еще въ болѣе рѣзкихъ и отвратительныхъ формахъ, чѣмъ въ „Домостроѣ“, который, по крайней мѣрѣ, не совѣтуетъ уродовать жены. „Женѣ спускать—добра не видать“. „Жена безъ грозы—хуже козы“. „Люби жену какъ душу, тряси ее какъ грушу“. „Бей жену къ обѣду, а къ ужину опять“. „Бей жену обухомъ, припади да понюхай,—дышетъ да морочитъ, еще хочетъ“. „Жена не горшокъ, не разшибешь“. Побои, по народному воззрѣнію, служатъ даже доказательствомъ любви. „Любить жену—держать грозу“. „Кого люблю, того и бью“. „Жену не бить, и милу не быть“. Иностранные путешественники говорятъ, что древне-русскія женщины „не очень-то обижались, если мужья иной разъ порядкомъ-таки поучивали ихъ плеткой или кнутомъ“; онѣ считали даже побои доказательствомъ мужниной любви. Одна русская, вышедшая за итальянца и жившая съ нимъ въ мирѣ и согласіи, начала жаловаться, что не видитъ доказательствъ его дѣйствительной любви къ ней, потому что ни разу не получала отъ него побоевъ. Мужъ, желая доказать ей свою любовь требуемымъ ею способомъ, раза три поколотилъ ее, и въ третій разъ такъ сильно, что уходилъ ее до смерти. Корбъ и Олеарій, сомнѣваясь въ дѣйствительности этого факта или, по крайней мѣрѣ, считая его исключеніемъ, отрицаютъ существованіе самаго мнѣнія о солидарности мужниной любви и плети, — солидарности, которая такъ ясно выражена въ вышеприведенныхъ нами народныхъ пословицахъ. Конечно, масса женщинъ не могла никогда дойдти до того, чтобы желать истязанія своего тѣла мужемъ; но въ то же самое время

всегда существовала, существуетъ даже и теперь, масса другихъ женщинъ, до того подавленныхъ патріархальнымъ режимомъ, что у нихъ нѣтъ и мысли о незаконности мужниной тиранніи, нѣтъ и представленія о какихъ-нибудь другихъ порядкахъ, при которыхъ любящій мужъ не бьетъ своей жены. По ихъ мнѣнію, баба дура: ее надо учить уму-разуму, а учить значитъ *наказывать*. Кто любитъ, тотъ и учитъ; кто любитъ, тотъ и лупитъ *). Противъ наказанія, противъ насилія возмущается только существо, сознающее свою личность;

*) Истязанія мужемъ жены служатъ даже сюжетомъ *веселыхъ* хороводныхъ игръ, въ которыхъ молодежь обоего пола забавляется разыгрываньемъ этихъ варварскихъ сценъ, изображая въ лицахъ содержаніе поющейся при этомъ пѣсни:

Мой постылый мужъ
Да поднимается,
За шелкову плетку
Принимается...
Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула...

Жена проситъ свекра защитить ее; но „свекоръ батюшка велитъ больше бить, велитъ больше бить, велитъ кровь пролить“, и снова—

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула!
Ахъ, люли, люли,
Кровь пробрызнула!...

Жена проситъ свекровь отнять ее „отъ лиха мужа, змѣя лютова“; но и свекровь „велитъ больше бить, велитъ кровь пролить“; снова—

Плетка свиснула,
Кровь пробрызнула!
Ахъ, люли, люли,
Кровь пробрызнула!...

Жена кланяется мужу, проситъ прощенія, и они цѣлуются (Деревеское веселье въ Вологодскомъ уѣздѣ, „Современникъ“, т. CIII).

но патріархальная жена, воспитанная въ понятіяхъ рабства, совершенно отупѣвшая въ своей семейной темницѣ, вовсе не личность, а только добавленіе къ личности мужа. Домостройные порядки и стремились именно къ тому, чтобы, упрочивъ неограниченное самодержавіе мужа, довести женщину до того же самаго состоянія, въ какомъ находится превратившійся въ идіота узникъ, который, будучи освобожденъ послѣ долгихъ лѣтъ одиночнаго заключенія, ни за что не хочетъ покинуть милой ему тюрьмы, и его приходится освобождать силою. Огромную массу русскихъ женщинъ домостройные порядки успѣли довести именно до такого состоянія. Всѣ мысли, желанія, чувствованія подобной женщины принадлежатъ ея мужу. У ней нѣтъ ничего своего, нѣтъ даже личнаго самолюбія,—она можетъ гордиться и тщеславиться только своимъ повелителемъ, подобно тому, какъ какой-нибудь любимый рабъ, камердинеръ, дворецкій гордятся и тщеславятся своимъ бариномъ. Это рабское свойство рѣзко выражается въ мѣстничествѣ женщинъ. Не только разныя боярыни постоянно ссорились и грызлись между собою за мѣста, охраняя такимъ образомъ мѣстную честь мужей своихъ, но то же самое происходило и въ низшихъ классахъ народонаселенія; баба, несознававшая своей личности, ссорилась съ другою бабою за относительное достоинство мужей. Вотъ что писалъ, напр., въ 1681 году изъ Москвы одинъ дворецкій своему помѣщику: „А что, государь, написано въ памяти твоей, чтобы бабъ развесть по избамъ, и бабы, государь, ни которая не слушаетъ; все лишь бранятся межъ себя, и меня, холопа твоего, не слушаютъ, лаютъ; и ихъ развесть безъ твоего государскаго указу

нельзя. Приходилъ я, холопъ твой, многажды въ избу и имъ говорилъ, чтобъ *измѣстили* Марью Чеглокову, дали мѣсто; и онѣ не даютъ, никто не хочетъ *ниже сидѣть*".

Забитость и раболѣпность женщины были непосредственнымъ результатомъ тираннiи ея повелителя,—тираннiи, дѣйствительность которой далеко превосходила собою ея домостройный идеалъ: мужъ былъ хозяиномъ жены и дѣлалъ съ нею что угодно. Онъ продавалъ, закладывалъ ее, какъ вещь или скотину. Во времена голода и другихъ общественныхъ бѣдствiй сплошь и рядомъ „мужи своя жены даяху, да прокормятъ себя". Въ XVII вѣкѣ патрiархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей, что они, отправляясь на отдаленную службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ и вмѣсто процентовъ предоставляли имъ право любиться съ своими заложенными супружницами. Если должникъ не выкупалъ въ срокъ своей жены, то заимодавецъ продавалъ ее для блуда другому, другой третьему и т. д. Факты продажи женъ часто встрѣчаются даже въ документахъ XVIII в. Такъ, напр., въ 1742 г., верхотомскаго острога крестьянинъ Краснояровъ, разъѣзжавшiй для торговли по разнымъ мѣстамъ вмѣстѣ съ своею женой, вернулся домой безъ нея; оказалось, что онъ продалъ ее кому-то въ деревнѣ Усовой.

Мужъ даже считалъ себя господиномъ жениной жизни; случалось, что онъ умерщвлялъ любимую женщину вслѣдствiе какого-нибудь дикаго каприза. Костомаровъ описываетъ слѣдующую, напр., глубоко потрясающую сцену. Разинъ съ своими сподвижниками катался по Волгѣ.

„Казаки пили, ѣли, прохлаждались. Возлѣ Стеньки сидѣла его любовница, плѣнная персидская княжна. Она была одѣта великолѣпно; жемчуги, брилліанты и разные драгоцѣнные камни придавали блескъ ея природной, ослѣпительной красотѣ. Уже замѣчали, что она начала пріобрѣтать силу надъ необузданнымъ сердцемъ атамана. Вдругъ, упившись до ярости, Стенька вскакиваетъ съ своего мѣста, неистово подходитъ къ окраинѣ струга и, обращаясь къ Волгѣ, говоритъ: ахъ ты, Волга матушка, рѣка, великая! много ты дала мнѣ и злата, и сребра, и всего добраго; какъ отецъ и мать славою и честью меня надѣлила, а я тебя еще ничѣмъ не благодарилъ; на же тебѣ, возьми! Онъ схватилъ княжну одной рукой за горло, другою за ноги и бросилъ въ волны“. Вѣроятно, преслѣдуя жестоко своихъ казаковъ за вольное обращеніе съ женщинами, въ то же время самъ увлекшись этою княжною и тѣмъ возбудивъ ропотъ и укоры своей братіи, пьяный Стенька хотѣлъ показать ей своимъ поступкомъ, какъ мало силы можетъ имѣть надъ нимъ привязанность къ женщинѣ. Если такимъ образомъ мужчина могъ жертвовать женщиной лишь для того, чтобы доказать, что онъ не подчиняется вліянію бабы, то чего же хорошаго могла ждать отъ подобнаго самодура жена въ тѣхъ случаяхъ, когда она чѣмъ нибудь дѣйствительно разгнѣвала или оскорбила его? Даже въ настоящее время въ каждомъ городѣ, въ каждомъ селѣ, пожалуй, даже въ каждой деревнѣ можно слышать, по крайней мѣрѣ, одну довольно равнодушно передаваемую исторію о томъ, какъ такой-то мужъ забилъ до смерти, постепенно вогналъ въ гробъ

свою несчастную половину *). Въ древней Россіи къ подобнымъ фактамъ относились еще равнодушнѣе, и „*нравоучительная*“ книга — „Пчела“ съ варварскимъ цинизомъ, въ видѣ наставленія мужьямъ разсказываетъ анекдотъ о томъ, какъ нѣкто убилъ жену свою за то, что зла была, и когда онъ началъ свататься на другой, то ему сказали—какъ отдать за тебя, ты и первую жену убилъ; онъ же отвѣчалъ: „если таковы же будуть вторая и третья, то и ихъ убью“. Иностранцевъ поражала эта тираннія надъ женами, хотя и въ западной Европѣ того времени положеніе женщины было далеко незавиднымъ. „Русскіе, говоритъ Коллинсъ,—обходятся съ женами жестоко и держатъ ихъ въ строгомъ

*) До какой степени равнодушно относится общество къ подобнымъ злодѣяніямъ, показываетъ слѣдующій случай изъ судебной практики 1870 года. Крестьянинъ Салопинъ задушилъ свою жену, которая часто подвергалась отъ него побоямъ, истязаніямъ и всевозможнымъ притѣсненіямъ. Мужъ не позволялъ ей даже видѣться съ ея матерью, такъ что свиданія между матерью и дочерью должны были происходить тайкомъ; „развѣ на рѣкѣ гдѣ встрѣтишься да погорюешь“, показывала на судѣ мать. Салопина придумала особые условные знаки, посредствомъ которыхъ ея близкіе узнавали, когда она была бита; „когда повыше платокъ на головѣ—не бита, а пониже—бита; ну и часто это она низко повязывалась“, показывали свидѣтели. Нетолько сама убитая, но и многіе другіе знали, что мужъ, который не скрывалъ своихъ намѣреній, собирается ее задушить; извѣстна была даже ночь, въ которую должно было совершиться это преступленіе; извѣстно было, наконецъ, почему однажды въ назначенный срокъ не состоялось задушеніе,—именно потому, что какъ разъ въ это время вернулся домой мужнинъ отецъ. И при всемъ этомъ убійство совершилось безпрепятственно, а родственники Салопиной ограничились только тѣмъ, что однажды цѣлую ночь простояли подъ окномъ Салопиныхъ, ожидая наступленія роковой минуты!...

повиновеніи. Года три или четыре назадъ одинъ купецъ билъ свою жену до тѣхъ поръ, пока могъ, плетью пальца въ два толщиною; наконецъ, заставилъ ее надѣть платье, пропитанное водкою, зажегъ его и такимъ образомъ несчастная погибла въ пламени... Всего удивительнѣе, что ея смерть не была отмщена ни кѣмъ, потому что въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона, который бы преслѣдовалъ за убійство жены или раба, если убійство совершено въ наказаніе за проступокъ". Но если мужъ и не убивалъ своей жены, если онъ и не вгонялъ ее постепенно въ гробъ, то во всякомъ случаѣ жизнь ея была непрерывнымъ рядомъ мученій и лишеній. Запертая въ теремѣ, окруженная шпіонами изъ прислуги, несмѣвшая безъ дозволенія мужа высунуть носа изъ дома, жена за самомалѣйшій проступокъ подвергалась *ученью*. Надъ супружескою кроватью постоянно висѣла плеть, исключительно предназначенная для жены и называвшаяся *дуракомъ;* мужъ таскалъ жену за волосы, привязывалъ веревками и сѣкъ дуракомъ до крови; вмѣсто плети иногда употреблялись розги и даже палки. Одною изъ главныхъ причинъ этой тиранніи была ревность. „Въ Россіи часто случается между супругами, говоритъ Коллинсъ,—когда ихъ любовь безразсудна или водка слишкомъ шумитъ въ головѣ, то ревность пускаетъ въ ходъ кожаную плеть въ палецъ толщиной". Убійства изъ-за ревности невѣрныхъ женъ и ихъ любовниковъ были очень часты. „Если кто соблудитъ съ замужней женщиною, разсказываетъ Петрей,—и мужъ оставлялъ ее у себя, то прелюбодѣй долженъ былъ вполнѣ удовлетворить его деньгами и быть сѣченнымъ розгами по голой спинѣ отъ думы до дома мужа, который опять

беретъ къ себѣ жену. Если же онъ не бралъ ее, у ней остригали волосы, отдавали ее въ монастырь и дѣлали черницею, а мужъ бралъ себѣ другую жену; прелюбодѣй же уплачивалъ ему извѣстную сумму денегъ". „Если жена впала въ развратную жизнь, и на то поступала отъ мужа жалоба, и преступленіе было доказано, то ее наказывали плетью и выдерживали нѣсколько дней въ монастырѣ на хлѣбѣ и на водѣ, а затѣмъ она возвращалась въ домъ мужа, гдѣ получала новое наказаніе плетью за запущенное хозяйство" (Олеарій). Само собою понятно, что женщина при этомъ не имѣла никакой возможности такимъ же образомъ преслѣдовать мужа за его невѣрность. Оставляя за собой и монополію жениной любви, и привиллегію внѣбрачныхъ связей, мужчина употреблялъ всѣ усилія, чтобы подчинить женщину тѣмъ правиламъ половой морали, которыя вполнѣ удовлетворяли требованіямъ его чувственности. Онъ поддерживалъ женскую добродѣтель и посредствомъ своего *дурака*, и посредствомъ вмѣшательства власти, и посредствомъ религіознаго страха. Блудъ считался величайшимъ грѣхомъ; адскія наказанія за него представлялись самыми ужасными, и старинные моралисты и легенды, изображая эти мученія, выводятъ на сцену преимущественно женщинъ; наказанія блудницъ описываются гораздо подробнѣе, чѣмъ наказанія блудниковъ; первыя подвергаются болѣе разнообразнымъ и утонченнымъ мукамъ, чѣмъ послѣдніе. Такія представленія вполнѣ гармонировали съ тою обыденною моралью, которая обыкновенно направляетъ жизнію патріархальныхъ обществъ. Мужчинѣ, если не de jure, то de facto, все дозволительно въ любовныхъ дѣлахъ, женщина же до мелочей обязана слѣдо-

вать правиламъ составленнаго для нея кодекса половой морали. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и духовная, и свѣтская власть всегда преслѣдовали малѣйшія проявленія половой свободы и распущенности, — внѣбрачныя связи, хороводы, страстныя пѣсни и т. д. Но всѣ эти преслѣдованія оставались большею частію на бумагѣ, жизнь шла независимо отъ нихъ, и только мужчины, дозволявшіе себѣ все, ревниво наблюдали за нравственностью принадлежавшихъ имъ женщинъ, не подчиняясь въ то же время никакимъ правиламъ въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ женщинамъ. Только у казаковъ, въ видахъ поддержанія среди ихъ воинственнаго духа, половые проступки мужчинъ наказывались съ такою же строгостью, какъ и проступки женщинъ. Запорожцевъ за прелюбодѣяніе наказывали иногда до смерти. Ермакъ также не спускалъ этого проступка своимъ сподвижникамъ. Стенька Разинъ раздѣлывался за него безчеловѣчно. Однажды, напр., какой-то казакъ вступилъ въ связь съ чужою женою. Разинъ велѣлъ бросить его въ воду, а женщину повѣсить за ноги къ столбу, воткнутому въ водѣ. Но и у казаковъ такіе нравы держались недолго и власть поддерживала ихъ посредствомъ строгостей только по временамъ, въ особенныхъ обстоятельствахъ. Вообще же въ этомъ отношеніи древнерусская жизнь была исполнена самаго безнравственнаго лицемѣрія; каждый дозволялъ себѣ всевозможныя мерзости и въ то же время фарисейски преслѣдовалъ другихъ за малѣйшее отступленіе отъ правилъ обыденной морали. Дозволяя себѣ всевозможныя половыя излишества, мужчины строго наказывали женщинъ даже за одинъ ласковый взглядъ, брошенный на

чужого мужчину. Да что мужчины, — то же самое дѣлали и женщины, эти тупыя рабыни, развращенныя неволею; своими сплетнями, пересудами, бранью, интригами онѣ съ какимъ-то демонскимъ злорадствомъ отравляли жизнь каждой сестры своей за малѣйшее отступленіе отъ требованій той морали, которая давила ихъ самихъ, за всякое стремленіе къ той свободѣ чувства, къ которой такъ или иначе стремились почти всѣ онѣ.

Въ древнерусской брачной жизни насъ поражаетъ отсутствіе любви; то, что связываетъ здѣсь мужа и жену, вовсе не любовь, какъ понимаемъ ее мы, а просто привычка или же чувство покорности и преданности со стороны жены, чувство снисхожденія и господскаго покровительства со стороны мужа. Да и откуда было браться любви, когда женихъ и невѣста до свадьбы не знали другъ друга, когда бракъ заключался по волѣ и выбору родителей, когда мужъ былъ поставленъ въ положеніе неограниченнаго деспота, а жена принижена до роли самой послѣдней рабыни, когда сплошь и рядомъ дѣвушку почти ребенкомъ еще выдавали за пожилого мужчину, даже за старика и т. д. Вслѣдствіе этого въ древнерусской жизни мы постоянно видимъ, что супруги, испытавъ всѣ средства, чтобы возбудить другъ въ другѣ любовь, побѣдить холодность, искоренить отвращеніе, прибѣгаютъ наконецъ къ помощи чародѣйства, обращаются къ колдуньѣ, которая „отнимала сердце и ревность“ у мужей, возбуждала въ нихъ любовь и т. д. „Притча о женской злобѣ“ такъ говоритъ о развитіи въ женщинѣ этого стремленія къ привораживанью. „Съ дѣтства начинаетъ она у проклятыхъ

бабъ обавничеству навыкать и еретичества искать, и вопрошаетъ многихъ, какъ бы ей замужъ выйдти и какъ бы ей мужа очаровать на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и взыщетъ обавниковъ и обавницъ волшебствъ сатанинскихъ, и надъ пищею будетъ шептать, и подъ ноги подсыпать, въ возглавіе и въ постель вшивать, и въ порты врѣзаючи, и надъ челомъ втыкаючи, коренья и травы примѣшивать и всѣми способами надъ мужемъ чаровать". Мужья обращались къ чародѣйкамъ съ тою же самою цѣлью, или для того, чтобы узнать отъ нихъ о невѣрности или вѣрности своихъ женъ. Ворожея присматривалась къ сердцу подозрѣваемой женщины, и если замѣчала, что оно трепещетъ, то укоряла ее въ измѣнѣ мужу, который, конечно, не оставлялъ ее безъ наказанія. Привораживанье между супругами, существующее до сихъ поръ въ средѣ простонародья, въ старину, даже въ XVIII в., подавало поводъ къ многочисленнымъ судебнымъ процессамъ, изъ которыхъ мы разскажемъ здѣсь одинъ довольно характеристичный случай. Въ 1750 г. сержантъ Тулубьевъ, квартируя въ Тюмени у разночинки Тверитиновой, лишилъ невинности дочь ея Ирину и жилъ съ нею блудно. Поссорясь съ матерью, онъ перешелъ на другую квартиру и послалъ сватать за себя Ирину. Мать отказала. Тулубьевъ, улуча время, когда матери не было дома, явился къ Иринѣ съ двумя солдатами и увелъ ее къ попу, а оттуда въ церковь, гдѣ уже былъ другой попъ, подъячій, три солдата и дворовый человѣкъ Тулубьева, Дунаевъ. Когда приступили къ вѣнчанью, Тулубьевъ поставилъ вмѣсто себя Дунаева; Ирина вырвалась и побѣжала, но ее вернули и силою поставили подъ вѣнецъ. Одинъ попъ сталъ

молитвы читать, другой скорѣе вѣнчать, а подъячій пѣлъ за дьячка. Обвѣнчавъ Ирину съ Дунаевымъ, Тулубьевъ сталъ жить съ нею самъ. „Черезъ три дня послѣ вѣнца, Тулубьевъ, отрѣзавъ, взялъ хлѣба печенаго ломоть и увелъ Ирину съ собою въ баню, и совокупя къ тому хлѣбу воскъ, печину, соль, волосовъ и обтирая съ себя тѣмъ хлѣбомъ въ банѣ потъ, сперва съ правой руки, потомъ съ лѣвой ноги, и скоблилъ съ ногъ своихъ ножемъ кожу и взялъ съ паренаго вѣника три листа и смялъ все это въ одно мѣсто и сдѣлалъ колобокъ. А послѣ того и съ Ирины такимъ же образомъ потъ особливымъ хлѣбомъ вытиралъ и сминалъ по вышеписанному. И сдѣлавъ тѣ колобки порознь и вышедъ изъ бани, на оные колобки, смотря въ имѣвшуюся у него книгу, которую носилъ при себѣ сокровенно, невѣдомо что шепталъ“. Съ Дунаевымъ жить онъ ей, Иринѣ, не дозволялъ и билъ ее, выспрашивая, не живетъ ли она съ Дунаевымъ, уводилъ ее въ лѣсъ, привязывалъ ее къ березѣ и читалъ надъ нею свою волшебную книжку. „Потомъ, наскобливъ ножемъ съ horомныхъ угловъ стружекъ и положа оныя съ телѣжною колесною грязью въ теплую банную воду, поилъ тѣмъ ее, Ирину, насильно, также виномъ съ порохомъ и роснымъ ладаномъ ее напаивалъ принужденно, и нашептавъ на воскъ и сѣру, на крестъ оные лѣпилъ и носить ей, женкѣ, на себѣ велѣлъ. Отъ такого его волшебства сдѣлалось ей, Иринѣ, приключеніе, что она безъ него, Тулубьева, жить не могла и по немъ тосковала, и для того за нимъ, когда онъ съ квартиры куда пойдетъ или поѣдетъ, бывъ въ безпамятствѣ, неоднократно бѣгивала и драла на себѣ платье и на головѣ

волосы. Отъ этого нечаяннаго приключенія и тоски пользовалъ ее его жъ, Тулубьева, человѣкъ, Васильевъ, давалъ ей, наговоря съ ея волосъ, кои она тайно, по совѣту его, у онаго сержанта изъ кармана вынула, одинъ разъ пить квасу, съ котораго-де времени стало ей легче и тосковать по Тулубьевѣ она перестала". Волшебную книжку Ирина украла у Тулубьева и представила ее полковому попу, который отослалъ ее своему начальству. Началось дѣло, кончившееся тѣмъ, что Тулубьева заключили въ енисейскій монастырь, а бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгли. Ирина же хотя и признана была достойною монастырскаго заключенія, „но понеже она развращена къ тому чародѣйствомъ Тулубьева и присушкою, для такихъ резоновъ и за претерпѣнныя ею отъ Тулубьева обиды, отъ посылки въ монастырь ее было рѣшено освободить"; но такъ какъ, за выходъ замужъ безъ дозволенія матери, ее „безъ духовнаго пластыря оставить невозможно", то и опредѣлено было подвергнуть ее трехлѣтней эпитиміи.

И стремленіе къ возможно частой перемѣнѣ женщинъ, и постоянные промахи въ выборѣ невѣстъ, неизбѣжные при старинныхъ порядкахъ, и отсутствіе любви въ бракѣ—все поддерживало въ древней Россіи легкую расторжимость браковъ, несмотря на вѣковое противодѣйствіе церкви и государства. Мужъ продавалъ, закладывалъ, прогонялъ отъ себя нелюбимую жену. И хотя прогнанная жена находилась не въ завидномъ состояніи, но въ болѣе древнее время, даже въ XV в., такія жены могли свободно вступать во второй бракъ и многія изъ нихъ имѣли точно такую же возможность бросать своихъ мужей, какую имѣли по-

слѣдніе прогонять ихъ. По мѣрѣ же того, какъ византійскія постановленія входили въ силу, по мѣрѣ того, какъ бракъ дѣлался союзомъ нерасторжимымъ, а мужъ облекался неограниченно-самодержавными правами, положеніе жены, отъ которой хотѣлъ отдѣлаться мужъ, постепенно ухудшалось. Мужъ всегда могъ развестись съ женой, обвинивъ ее въ прелюбодѣяніи, а обвинить было очень легко. „Если, пишетъ Олеарій,—по одному только подозрѣнію или по другимъ какимъ ничтожнымъ причинамъ, мужъ возненавидитъ свою жену, то онъ подкупаетъ двухъ бѣдняковъ-негодяевъ и идетъ съ ними къ судьѣ обвинять жену и доказывать, что она застигнута ими въ томъ или другомъ нечестномъ дѣлѣ, или прелюбодѣяніи, и дѣло доводится до того, особенно если помогаютъ тутъ деньги, что добрую женщину, прежде даже, чѣмъ она догадается въ чемъ дѣло, одѣваютъ въ монашеское платье и заключаютъ въ монастырь, гдѣ она и проводитъ остальные дни своей жизни“. За деньги можно было найдти и такого мерзавца, который бралъ на себя роль прелюбодѣя, хотя и подлежалъ за то наказанію. Былъ еще и другой, не менѣе дѣйствительный способъ избавиться отъ жены. „Кто,—говоритъ Кошихинъ, — умыслитъ надъ женою учинить, чтобы она постриглась, и буде по доброй волѣ его не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ и мучитъ всячески и вмѣстѣ съ нею не спитъ до тѣхъ поръ, что она захочетъ постричься сама“. Такихъ постриженицъ было множество, и въ монастырской неволѣ несчастная женщина находила единственное убѣжище отъ своихъ семейныхъ извергов. Но это убѣжище было все равно, что могила.

Мы не будемъ разсказывать, какъ женщина страдала не отъ одного только мужа, но и отъ его родственниковъ, преимущественно отъ свекра, свекрови, и золовокъ—это факты общеизвѣстные и каждый можетъ наблюдать ихъ въ любой крестьянской или купеческой семьѣ нашего времени. Женщина въ такомъ семействѣ—почти все равно, что арестантъ въ острогѣ. Ея мысли, чувства, желанія, самые благородные порывы, самыя честныя стремленія—все подавлено деспотизмомъ семейной опеки и рутиною безсмысленныхъ традицій. Ее, по выраженію поэта, бьетъ привередникъ мужъ, гнетъ въ три погибели свекровь; тяжелая, постоянная работа изнуряетъ ея силы, мертвящая обстановка и деспотизмъ погружаютъ ее въ непробудный сонъ рабыни, которая только „няньчитъ, работаетъ и ѣстъ“.

И въ лицѣ ея, полномъ движенья,
Полномъ жизни, являются вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный, вѣчный испугъ.
И хоронятъ въ сырую могилу,
Какъ пройдетъ она тяжкій свой путь,
Понапрасну убитую силу
И ничѣмъ несогрѣтую грудь!..

Въ продолженіе долгихъ столѣтій эта многострадальная мать русскаго народа томится въ своей неволѣ и для той же неволи воспитываетъ своихъ дѣтей. Историкъ совершенно правъ, говоря о древнерусской женщинѣ, что „рѣдко дозволялось ей имѣть вліяніе на дѣтей своихъ, начиная съ того, что знатной женщинѣ считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ поэтому отдавали кормилицамъ; мать впослѣдствіи имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и дядьки,

которые воспитывали господскихъ дѣтей подъ властью отца семейства“ (Костомаровъ). Но это относится только къ женщинамъ высшаго круга; въ среднихъ и низшихъ классахъ вліяніе матери всегда было сильно, и народъ вполнѣ сознаетъ это, говоря: „что мать въ голову вобьетъ, того и отецъ не выбьетъ“. Но мать, при своемъ глубокомъ невѣжествѣ, при своей рабской пассивности, могла вбивать въ голову только то, чѣмъ отецъ забилъ ея собственную несчастную голову. Еще надъ колыбелью своего ребенка она поетъ тысячелѣтнюю пѣсню о рабскомъ терпѣніи, о непреложности „святорусскихъ“ порядковъ, о неизбѣжности всероссійскаго горя-злосчастія, о необходимости покориться злодѣйкѣ-судьбѣ. Дорого расплачиваемся мы за такіе уроки своихъ матерей, въ рабствѣ зачатыхъ, въ неволѣ рожденныхъ, въ рабствѣ зачинавшихъ, въ неволѣ и для неволи рождавшихъ, впродолженіе десятковъ вѣковъ, цѣлые милліоны людей.

Смерть мужа, по древнерусскому патріархальному воззрѣнію, далеко не освобождала жены изъ ея зависимаго положенія. Вторичное замужество вдовы считалось дѣломъ совершенно неодобрительнымъ въ нравственномъ отношеніи. Попадьи, вышедшія замужъ по смерти поповъ своихъ, мучатся въ адскомъ пламени наряду съ блудницама (Буслаевъ, I, 495). По другому сказанію, за ихъ грѣхъ отвѣчаютъ на томъ свѣтѣ и сами умершіе мужья ихъ, непринявшіе заблаговременнно мѣръ, чтобы ихъ жены не оставляли состоянія „честнаго вдовства“. Въ древности вдову сожигали съ трупомъ ея мужа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ она вошла въ рай и служила бы ему тамъ, какъ на землѣ. Византизмъ измѣ-

нилъ, но не искоренилъ этого вѣрованія и основаннаго на немъ обычая. Вдову начали постригать въ монастырѣ, гдѣ она должна была постоянно молиться объ успокоеніи души своего мужа и стараться о соединеніи съ нимъ „на лонѣ авраамлѣ" послѣ своей смерти. Мужья употребляли всѣ усилія, чтвбы побудить своихъ женъ къ постриженію послѣ своей смерти. Главною приманкою служили большія наслѣдственныя доли, назначавшіяся вдовамъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ шли въ монастырь. Жены, желая выманить наслѣдство, обѣщались умирающимъ мужьямъ исполнить ихъ волю, плакали и клялись въ вѣрности своего обѣта, но сплошь и рядомъ, по выраженію одного моралиста, онѣ, „лукавыя, не постригашася и замужъ идоша, и дѣтямъ ничто же даяше" изъ наслѣдства, которое они выманивали у своихъ умирающихъ мужей, „умильно лжуще" о своемъ намѣреніи постричься.

Положеніе вдовы было различно, смотря по тому, имѣла она дѣтей или нѣтъ. Бездѣтная вдова считалась *сиротою*, личностью беззащитною и безпомощною и если не возвращалась въ семейство своихъ родителей, то поступала на попеченіе церкви, шла въ монастырь или въ богадѣльню, вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и т. д. Свою силу и значеніе женщина получала только отъ семейства, за неимѣніемъ котораго у нея не оставалось въ обществѣ никакой опоры, кромѣ благотворительныхъ заведеній. Напротивъ того, матерая вдова по смерти мужа облекалась полнотою его правъ и становилась во главѣ дома, по крайней мѣрѣ до совершеннолѣтія своихъ дѣтей или до вторичнаго замужества. Мать во всякомъ случаѣ считалась выше сына,

и даже мать царя вплоть до своей смерти была опекуншею его, хотя бы только по имени. Матерая вдова дѣлалась вполнѣ *отцомъ*, если можно такъ выразиться; она вступала во всѣ отцовскія права надъ семьей. Освободившись отъ своего рабскаго ига, вдова нерѣдко сама превращалась въ такого же деспота, какимъ былъ ея покойный повелитель,—угнетала дѣтей, бросала ихъ на произволъ судьбы, насильно выдавала дочерей замужъ и т. д. Но если она была совершенно забитою личностью, то ей угрожало въ свою очередь дикое самодурство ея милыхъ чадъ, избавившихся отъ тятенькиной узды. Случалось, что дѣти, получивъ наслѣдство родителя, выгоняли мать свою изъ дому, и она принуждена была жить подаяніемъ. Вынесши на своихъ плечахъ деспотизмъ родителей, потомъ деспотизмъ мужа, русская женщина нерѣдко умирала подъ деспотизмомъ собственныхъ дѣтей.

V.

Полное осуществленіе тѣхъ идеаловъ семейной и общественной жизни, которые царили надъ умами нашихъ предковъ, положительно невозможно. Эти идеалы противуестественны; отъ нихъ вѣетъ не развитіемъ, не движеніемъ, не жизнію, а застоемъ и смертью. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ не сознаетъ еще ихъ негодности и нераціональности, его природа инстинктивно протестуетъ противъ такихъ порядковъ, нарушая ихъ ежеминутно, хотя въ то же время запуганная совѣсть и старается обуздать совершенно естественные порывы этой непосредственной природы, стремящейся къ сво-

бодѣ и счастію. Въ грубомъ, невѣжественномъ, основанномъ на рабствѣ и насиліи, обществѣ эти стремленія принимаютъ уродливый характеръ, выражаясь въ порокахъ и преступленіяхъ, которыми была такъ богата древняя Русь. Глубокая и всесторонняя развращенность господствовала здѣсь во всѣхъ классахъ общества, прикрываясь фарисейскою маскою обрядовой добродѣтели. Самое крайнее лицемѣріе проникало собою всю жизнь. Вотъ, напр., Стоглавый соборъ, запрещая держать по монастырямъ водку, говоритъ: „а отъ фряжскихъ винъ не возбраняется, нѣсть бо нигдѣ писано, что не пити сего вина; аще гдѣ обрящутся фряжскія вина, то во славу божію испиваютъ!..“ Или вотъ другой, еще болѣе разительный примѣръ этого лицемѣрія. Всѣ попы носили скуфью, которая считалась главнымъ признакомъ ихъ сана. „Міранинъ, разсказываютъ иностранцы, — въ дракѣ съ священникомъ болѣе всего заботился о томъ, чтобы не замарать его скуфьи; кто хотѣлъ бить попа, тотъ съ должнымъ почтеніемъ снималъ съ его головы скуфью, клалъ ее на приличномъ мѣстѣ, а потомъ могъ уже безнаказанно и сколько ему угодно колотить попа“ (Корбъ). Такимъ образомъ, и уваженіе къ сану было соблюдено и попъ отколоченъ!

Такимъ же лицемѣріемъ были проникнуты и всѣ семейныя отношенія. Отецъ держалъ домочадцевъ въ рукахъ посредствомъ страха, изъ-за котораго они повиновались ему и, по наружности, уважали его. Но раболѣпныя, въ присутствіи родителей, дѣти еще съ младенчества пріучались смѣяться надъ ними заглаза и обманывать ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Ложные доносы и обманъ были одинаково сильны какъ между

чужими людьми, такъ и между родственниками. Въ XVII в. правительство нашлось вынужденнымъ поставить, чтобы даже отецъ съ сыномъ не ссужали другъ друга деньгами и не закладывали вещей безъ дачи съ обѣихъ сторонъ извѣстной росписки, подъ страхомъ заключенія въ тюрьму обоихъ тяжущихся до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено ясныхъ доказательствъ, что искъ справедливъ. Брань, ссоры, мелкія интриги, даже драки нерѣдко наполняли собою всю жизнь древнерусскаго семейства. И отношенія домочадцевъ къ отцу до такой степени не выполняли требованій домостройнаго идеала, что моралисты нерѣдко нападали на *дѣтей* съ такою же ожесточенностью, какъ и на жену, которая навлекала на себя ихъ постоянную брань главнымъ образомъ за свое противодѣйствіе домостройнымъ принципамъ и освящаемому ими мужнину деспотизму. „Лучше, говоритъ одинъ моралистъ, — имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищу ходитъ — молоко принесетъ; дочь по селищу ходитъ—стыдъ принесетъ отцу своему". Эту взаимную враждебность домочадцевъ, эту семейную борьбу за существованіе, эти стремленія личности, подавленной семейнымъ деспотизмомъ, хоть сколько-нибудь облегчить свое иго и охранить свою жизнь, мы можемъ до сихъ поръ наблюдать въ патріархальной семьѣ современнаго намъ „темнаго царства". „Здѣсь, говоритъ Добролюбовъ,—всѣ въ войнѣ: жена съ мужемъ за его самовольство, мужъ съ женою за ея непослушаніе или неугожденіе, родители съ дѣтьми за то, что дѣти хотятъ жить своимъ умомъ, дѣти съ родителями за то, что имъ не

даютъ жить своимъ умомъ“ и т. д... „Наружная покорность и тупое сосредоточенное горе, доходящее до совершеннаго идіотства и плачевнѣйшаго обезличенія, переплетаются въ темномъ царствѣ съ рабскою хитростью, гнуснѣйшимъ обманомъ, безсовѣстнѣйшимъ вѣроломствомъ. Тутъ никто не можетъ ни на кого положиться: каждую минуту вы можете ждать, что пріятель вашъ похвалится тѣмъ, какъ онъ ловко обсчиталъ или обворовалъ васъ; тесть надуетъ зятя приданымъ; женихъ обочтетъ и обидитъ сваху; невѣста-дочь проведетъ отца и мать, жена обманетъ мужа. Ничего святого, ничего чистаго, ничего праваго въ этомъ темномъ мірѣ: господствующее намъ нимъ самодурство, дикое, бездушное, неправое прогнало изъ него всякое сознаніе чести и права... И не можетъ быть ихъ тамъ, гдѣ повержено въ прахъ и нагло растоптано самодурами человѣческое достоинство, свобода личности, вѣра въ любовь и счастье и святыня честнаго труда“.

Изъ этого сплетенія семейныхъ интригъ, козней, ссоръ и всевозможныхъ доѣзжаній другъ друга рѣзче всего выдается борьба жены съ мужемъ. Практическая народная мудрость говоритъ, что „честиый мужъ только одну жену обманываетъ“; „и дура жена мужу правды не скажетъ“. Дѣйствительно, большинство супружествъ въ древней Россіи, какъ и въ нынѣшнемъ темномъ царствѣ, вовсе не имѣло характера мирнаго союза двухъ любящихъ существъ, а походило вполнѣ на союзъ господина съ рабыней, которая и ненавидитъ, и боится своего притѣснителя. Силою выданная за нелюбимаго человѣка, страдающая отъ его деспотизма и самодурства, озлобленная, раздраженная, вѣчно недовольная

всѣмъ окружающимъ, женщина дѣлается болѣзненно-сварливою, упорною; она перечитъ мужу во всемъ, она противодѣйствуетъ ему во всѣхъ мелочахъ, на каждомъ шагу. Произведенія нашей древней письменности и народной поэзіи представляютъ немало картинъ этой вѣчной супружеской войны, нерѣдко начинающейся просто изъ-за того, что „мужъ говоритъ брито, а жена—стрижено“. Въ западной Россіи, гдѣ женщина, подъ вліяніемъ польской цивилизаціи, пользовалась несравненно бо̀льшею свободой, чѣмъ въ Великороссіи, эти супружескіе раздоры нерѣдко принимали характеръ публичнаго скандала. Такова была, напр., семейная жизнь извѣстнаго князя Курбскаго. Оставивъ въ Московіи мать, жену и ребенка, которые были „покорены“ царемъ въ темницѣ, Курбскій женился на одной вдовѣ, бывшей матерью двухъ сыновей отъ перваго брака съ Монтолтомъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы уже наряжено было слѣдствіе по жалобѣ сына княгини, что будто Курбскій избилъ свою жену, измучилъ, посадилъ въ заключеніе, отчего она и умерла. По слѣдствію это оказалось ложью и опровергнуто самою княгинею. Но въ тотъ же самый день, какъ было кончено слѣдствіе, Курбскій подалъ жалобу, что жена его недавно взяла изъ кладовой сундукъ, въ которомъ лежали важныя бумаги, переданныя ею своимъ сыновьямъ Монтолтамъ, и что послѣдніе покушаются на его жизнь. Наконецъ, по приговору пріятелей, Курбскіе развелись 1-го августа 1578 г., а 2-го августа княгиня подала уже новую жалобу на своего бывшаго мужа, что онъ обходился съ нею не какъ съ женою, держалъ въ заключеніи, билъ палкою, вымогалъ деньги, при разводѣ воспользовался ея имуществомъ и

т. д. Послѣдовала мировая. Но когда Курбскій женился на одной дѣвицѣ, которою былъ очень доволенъ, то старая жена опять подала жалобу на незаконное расторженіе брака; но Курбскій выставилъ законную для церковнаго суда причину: три свидѣтеля показали, что они собственными глазами видѣли, какъ бывшая кн. Курбская нарушала супружескую вѣрность. Дѣло опять кончилось мировою. Въ Великороссіи супружескіе раздоры рѣдко доходили до суда, а почти всегда оканчивались такъ или иначе въ предѣлахъ семейства. Впрочемъ жена черезъ своихъ родственниковъ могла жаловаться патріарху на жестокое обхожденіе съ нею мужа. Если слѣдствіе подтверждало справедливость ея жалобы, то мужа посылали на смиреніе въ монастырь на полгода или на годъ, а потомъ возвращали къ женѣ, и хотя „велѣли жить съ нею по закону", но онъ, конечно, жестоко отплачивалъ ей за понесенное имъ черезъ нее наказаніе. Въ случаѣ вторичной жалобы жены, ихъ разводили, раздѣляя пополамъ ихъ имущество и дозволяя вступленіе во второй бракъ не раньше, какъ черезъ семь лѣтъ. Но это ограниченіе мужнинаго самовластія, достигнутое усиліями жены и ея рода, приносило пользу немногимъ женщинамъ, такъ какъ вести процессъ противъ мужа было не только трудно, но даже и опасно для жены: въ глазахъ мужа такой поступокъ значилъ то же самое, что въ глазахъ восточнаго деспота возстаніе его вѣрноподданныхъ рабовъ, и бунтовщица жена должна была жестоко расплачиваться за попытку къ этой домашней революціи. Не болѣе пользы приносило и то обстоятельство, что мужъ въ рядной записи нерѣдко обязывался „жены своей не бить и не извѣчить;

смиряти ее по винѣ и полюдски, а не извѣчьемъ“; въ случаѣ нарушенія этого условія, родители жены могли жаловаться на зятя, что, однакожъ, не избавляло ихъ дочери отъ тирана-мужа и при самомъ лучшемъ ходѣ дѣла только еще болѣе вооружало послѣдняго противъ жены, посягнушей на его власть. Представьте себѣ, какую бурю поднялъ бы въ своемъ логовищѣ незабвенный Титъ Титычъ Брусковъ, если бы забитая его супруга осмѣлилась жаловаться начальству на его звѣрское самодурство? Однакожъ, при всемъ этомъ, жалобы на мужей, на ихъ „побои и всегдашнія изгонительства“ были нерѣдки. Случалось даже, что слабые мужья жаловались на своихъ женъ, бравшихъ надъ ними верхъ въ домашней войнѣ. Вотъ, напр., интересное „челобитье на ругательницу жену“; 1670 г. Жалуется сынъ боярскій Скарятинъ на жену свою Пелагею. „Во 176 г. кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла“; хотя по жалобѣ дьякъ Взимковъ „ругательство жены моей и зубное яденье на тѣлѣ моемъ досматривалъ, но въ томъ ея ругательствѣ ей никакаго указу не учинено. А во 178 г. она, жена моя Пелагея, хотѣла меня, холопа твоего, топоромъ срубить, и я отъ ея топороваго сѣченья руками укрывался, и посѣкла у меня правую руку по запястью, и я съ дворишка своего чуть живъ ушелъ. Да и впредь она, жена моя, хвалится на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ; и по твоему государеву указу посажена она, ругательница жена моя, за приставы, и она, сидя за приставы, хвалится на меня и нынѣ всякимъ дурнымъ смертнымъ убивствомъ. Милосердый государь, пожалуй меня, вели

въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ ей, женѣ моей, царской указъ учинить и меня съ нею развесть, чтобы мнѣ отъ нея впредь напрасною смертью не умереть". Подобныя жалобы, какъ мы уже замѣтили, рѣдко имѣли желанный результатъ, и поэтому супруги, чтобы погубить другъ друга или отдѣлаться другъ отъ друга, чаще всего прибѣгали къ столь распространенному между нашими добродѣтельными предками доносу и обвиняли одинъ другого въ государственной измѣнѣ, въ чародѣйствѣ, въ ереси и т. д. Правительство строжайшимъ образомъ преслѣдовало эти преступленія, и подобная жалоба жены на мужа или мужа на жену вполнѣ достигала желанной для доносителя цѣли, не смотря на степень ея справедливости. Иностранцы изумлялись обилію и разнообразію доносовъ, дѣлавшихся супругами другъ на друга. Русскіе лѣтописцы, уже привыкшіе къ этому проявленію національной добродѣтели, по временамъ тоже негодуютъ при видѣ того, какъ „попы и дьяконы, и чернцы и черницы, и проскурницы, жены на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей доносятъ". При Борисѣ, жена одного боярина, по злобѣ на мужа, который тиранилъ ее, донесла, что онъ умѣетъ лечить подагру, которою боленъ царь. Бояринъ клялся и божился, что лечить онъ не умѣетъ; его пытали и хотѣли казнить, если онъ не вылечитъ царя. Тотъ въ отчаяніи выбралъ травъ, какихъ попало, сдѣлалъ изъ нихъ ванну для царя, и послѣднему, случайно конечно, стало легче послѣ этого. Боярина еще разъ посѣкли за то, что, зная средство, онъ не хотѣлъ говорить о немъ. Ему было строго-на-строго наказано, чтобы онъ не смѣлъ мстить своей женѣ. „При насъ, — разсказываетъ Олеа-

рій,—одинъ изъ великокняжескихъ конюховъ обвинялся по доносу своей злой жены въ томъ, что имѣлъ будто бы намѣреніе отравить великокняжескихъ лошадей, а если бы представился случай, то и самого великаго князя. По этому доносу сказанная жена конюха была подвергнута пыткѣ, и такъ какъ она вынесла всѣ мученія, не измѣнивъ показанія, то мужъ ея признанъ былъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь, она же осталась въ Москвѣ и получала отъ казны на прожитокъ половинное жалованье своего мужа.

Кромѣ силы клеветы и доноса, въ рукахъ женщины была еще другая тайная сила—волшебство и чародѣйство. „Эта послѣдняя сила была страшилищемъ, передъ которымъ трепетало все общество до послѣдняго человѣка, сколько-нибудь значимаго для подыскателей чужой погибели. Отъ этой силы было мудрено укрыться даже въ собственныхъ хоромахъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ клѣтяхъ этихъ хоромъ. Она была ежеминутно направляема противъ всякаго, забиравшаго въ свои руки какую-либо власть, а тѣмъ больше власть госуд[illegible]ую, дворовую“ (Забѣлинъ). Нерѣдко мужья отравляли и тайно убивали своихъ женъ, но гораздо чаще жены прибѣгали къ этимъ средствамъ, которыя всегда служатъ страшнымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ забитыхъ и угнетенныхъ людей. Мужеубійство было столь обычнымъ явленіемъ, что даже въ женихѣ возникали уже мрачныя подозрѣнія относительно его любимой невѣсты, и Горе-Злочастіе, являясь ему во снѣ, предсказывало —

Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ жены удавлену,
Изъ-за злата и сребра быть убитому!

Наказаніе за мужеубійство было ужасное. Виновную закапывали живою въ землю, оставляя наружу голову, и держали ее въ такомъ положеніи до смерти. Ей не давали ни пить, ни ѣсть и сторожа день и ночь караулили, чтобы кто-нибудь изъ состраданія не покормилъ ее. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги шли на гробъ осужденной и на свѣчи. Такія преступницы жили иногда по нѣскольку сутокъ. Корбъ разсказываетъ случай, какъ мать уговорилась съ дочерью убить своего мужа. „Это преступленіе совершено ими посредствомъ двухъ нанятыхъ за 30 крейцеровъ разбойниковъ. Онѣ были закопаны живыми по шею въ землю. Мать переносила жестокій холодъ до третьяго дня, дочь же болѣе шести дней. Послѣ смерти, трупы ихъ были вытащены изъ ямы и повѣшены за ноги, внизъ головами, рядомъ съ помянутыми наемными убійцами. Такое наказаніе назначается только для женщинъ, убивающихъ мужей; мужчины же, виновные въ смерти своихъ женъ, менѣе строго наказываются и очень часто подвергаются только денежной пенѣ“. Закона о наказаніи женоубійцъ никакого не было, однакожъ случаи такихъ наказаній бывали. Въ 1664 году нѣкто Долговъ убилъ свою жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки. Въ 1674 году крестьянинъ Баженовъ убилъ свою жену за то, что она утаила отъ него два аршина сукна сермяжнаго, а больше вины ея не было и жилъ онъ съ нею въ согласіи. Въ Москвѣ судили дѣло по прежнимъ случаямъ: стрѣлецъ Еремѣевъ за убійство жены въ пьяномъ видѣ казненъ смертью; другой стрѣлецъ, тоже пьяный, зарѣзалъ жену за невѣжливыя слова,—и ему отсѣкли лѣвую руку да пра-

всѣмъ окружающимъ, женщина дѣлается болѣзненно-сварливою, упорною; она перечитъ мужу во всемъ, она противодѣйствуетъ ему во всѣхъ мелочахъ, на каждомъ шагу. Произведенія нашей древней письменности и народной поэзіи представляютъ немало картинъ этой вѣчной супружеской войны, нерѣдко начинающейся просто изъ-за того, что „мужъ говоритъ брито, а жена—стрижено". Въ западной Россіи, гдѣ женщина, подъ вліяніемъ польской цивилизаціи, пользовалась несравненно бо̀льшею свободой, чѣмъ въ Великороссіи, эти супружескіе раздоры нерѣдко принимали характеръ публичнаго скандала. Такова была, напр., семейная жизнь извѣстнаго князя Курбскаго. Оставивъ въ Московіи мать, жену и ребенка, которые были „покорены" царемъ въ темницѣ, Курбскій женился на одной вдовѣ, бывшей матерью двухъ сыновей отъ перваго брака съ Монтолтомъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы уже наряжено было слѣдствіе по жалобѣ сына княгини, что будто Курбскій избилъ свою жену, измучилъ, посадилъ въ заключеніе, отчего она и умерла. По слѣдствію это оказалось ложью и опровергнуто самою княгинею. Но въ тотъ же самый день, какъ было кончено слѣдствіе, Курбскій подалъ жалобу, что жена его недавно взяла изъ кладовой сундукъ, въ которомъ лежали важныя бумаги, переданныя ею своимъ сыновьямъ Монтолтамъ, и что послѣдніе покушаются на его жизнь. Наконецъ, по приговору пріятелей, Курбскіе развелись 1-го августа 1578 г., а 2-го августа княгиня подала уже новую жалобу на своего бывшаго мужа; что онъ обходился съ нею не какъ съ женою, держалъ въ заключеніи, билъ палкою, вымогалъ деньги, при разводѣ воспользовался ея имуществомъ и

т. д. Послѣдовала мировая. Но когда Курбскій женился на одной дѣвицѣ, которою былъ очень доволенъ, то старая жена опять подала жалобу на незаконное расторженіе брака; но Курбскій выставилъ законную для церковнаго суда причину: три свидѣтеля показали, что они собственными глазами видѣли, какъ бывшая кн. Курбская нарушала супружескую вѣрность. Дѣло опять кончилось мировою. Въ Великороссіи супружескіе раздоры рѣдко доходили до суда, а почти всегда оканчивались такъ или иначе въ предѣлахъ семейства. Впрочемъ жена черезъ своихъ родственниковъ могла жаловаться патріарху на жестокое обхожденіе съ нею мужа. Если слѣдствіе подтверждало справедливость ея жалобы, то мужа посылали на смиреніе въ монастырь на полгода или на годъ, а потомъ возвращали къ женѣ, и хотя „велѣли жить съ нею по закону", но онъ, конечно, жестоко отплачивалъ ей за понесенное имъ черезъ нее наказаніе. Въ случаѣ вторичной жалобы жены, ихъ разводили, раздѣляя пополамъ ихъ имущество и дозволяя вступленіе во второй бракъ не раньше, какъ черезъ семь лѣтъ. Но это ограниченіе мужнинаго самовластія, достигнутое усиліями жены и ея рода, приносило пользу немногимъ женщинамъ, такъ какъ вести процессъ противъ мужа было не только трудно, но даже и опасно для жены: въ глазахъ мужа такой поступокъ значилъ то же самое, что въ глазахъ восточнаго деспота возстаніе его вѣрноподданныхъ рабовъ, и бунтовщица жена должна была жестоко расплачиваться за попытку къ этой домашней революціи. Не болѣе пользы приносило и то обстоятельство, что мужъ въ рядной записи нерѣдко обязывался „жены своей не бить и не извѣчить;

смиряти ее по винѣ и полюдски, а не извѣчьемъ“; въ случаѣ нарушенія этого условія, родители жены могли жаловаться на зятя, что, однакожъ, не избавляло ихъ дочери отъ тирана-мужа и при самомъ лучшемъ ходѣ дѣла только еще болѣе вооружало послѣдняго противъ жены, посягнушей на его власть. Представьте себѣ, какую бурю поднялъ бы въ своемъ логовищѣ незабвенный Титъ Титычъ Брусковъ, если бы забитая его супруга осмѣлилась жаловаться начальству на его звѣрское самодурство? Однакожъ, при всемъ этомъ, жалобы на мужей, на ихъ „побои и всегдашнія изгонительства“ были нерѣдки. Случалось даже, что слабые мужья жаловались на своихъ женъ, бравшихъ надъ ними верхъ въ домашней войнѣ. Вотъ, напр., интересное „челобитье на поругательницу жену“; 1670 г. Жалуется сынъ боярскій Скарятинъ на жену свою Пелагею. „Во 176 г. кусала она, жена моя, тѣло мое на плечахъ зубомъ, и щипками на рукахъ тѣло мое щипала и бороду драла“; хотя по жалобѣ дьякъ Взимковъ „поругательство жены моей и зубное яденье на тѣлѣ моемъ досматривалъ, но въ томъ ея поругательствѣ ей никакаго указу не учинено. А во 178 г. она, жена моя Пелагея, хотѣла меня, холопа твоего, топоромъ срубить, и я отъ ея топороваго сѣченья руками укрывался, и посѣкла у меня правую руку по запястью, и я съ дворишка своего чуть живъ ушелъ. Да и впредь она, жена моя, хвалится на меня всякимъ дурнымъ смертоубивствомъ; и по твоему государеву указу посажена она, поругательница жена моя, за приставы, и она, сидя за приставы, хвалится на меня и нынѣ всякимъ дурнымъ смертнымъ убивствомъ. Милосердый государь, пожалуй меня, вели

въ такомъ поругательствѣ и въ похвальбѣ ей, женѣ моей, царской указъ учинить и меня съ нею развесть, чтобы мнѣ отъ нея впредь напрасною смертью не умереть“. Подобныя жалобы, какъ мы уже замѣтили, рѣдко имѣли желанный результатъ, и поэтому супруги, чтобы погубить другъ друга или отдѣлаться другъ отъ друга, чаще всего прибѣгали къ столь распространенному между нашими добродѣтельными предками доносу и обвиняли одинъ другого въ государственной измѣнѣ, въ чародѣйствѣ, въ ереси и т. д. Правительство строжайшимъ образомъ преслѣдовало эти приступленія, и подобная жалоба жены на мужа или мужа на жену вполнѣ достигала желанной для доносителя цѣли, не смотря на степень ея справедливости. Иностранцы изумлялись обилію и разнообразію доносовъ, дѣлавшихся супругами другъ на друга. Русскіе лѣтописцы, уже привыкшіе къ этому проявленію національной добродѣтели, по временамъ тоже негодуютъ при видѣ того, какъ „попы и дьяконы, и чернцы и черницы, и проскурницы, жены на мужьевъ, дѣти на отцовъ, отцы на дѣтей доносятъ“. При Борисѣ, жена одного боярина, по злобѣ на мужа, который тиранилъ ее, донесла, что онъ умѣетъ лечить подагру, которою боленъ царь. Бояринъ клялся и божился, что лечить онъ не умѣетъ; его пытали и хотѣли казнить, если онъ не вылечитъ царя. Тотъ въ отчаяніи выбралъ травъ, какихъ попало, сдѣлалъ изъ нихъ ванну для царя, и послѣднему, случайно конечно, стало легче послѣ этого. Боярина еще разъ посѣкли за то, что, зная средство, онъ не хотѣлъ говорить о немъ. Ему было строго-на-строго наказано, чтобы онъ не смѣлъ мстить своей женѣ. „При насъ, — разсказываетъ Олеа-

рій,—одинъ изъ великокняжескихъ конюховъ обвинялся по доносу своей злой жены въ томъ, что имѣлъ будто бы намѣреніе отравить великокняжескихъ лошадей, а если бы представился случай, то и самого великаго князя. По этому доносу сказанная жена конюха была подвергнута пыткѣ, и такъ какъ она вынесла всѣ мученія, не измѣнивъ показанія, то мужъ ея признанъ былъ виновнымъ и сосланъ въ Сибирь, она же осталась въ Москвѣ и получала отъ казны на прожитокъ половинное жалованье своего мужа.

Кромѣ силы клеветы и доноса, въ рукахъ женщины была еще другая тайная сила—волшебство и чародѣйство. „Эта послѣдняя сила была страшилищемъ, передъ которымъ трепетало все общество до послѣдняго человѣка, сколько-нибудь значимаго для подыскателей чужой погибели. Отъ этой силы было мудрено укрыться даже въ собственныхъ хоромахъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ клѣтяхъ этихъ хоромъ. Она была ежеминутно направляема противъ всякаго, забиравшаго въ свои руки какую-либо власть, а тѣмъ больше власть государскую, дворовую“ (Забѣлинъ). Нерѣдко мужья отравляли и тайно убивали своихъ женъ, но гораздо чаще жены прибѣгали къ этимъ средствамъ, которыя всегда служатъ страшнымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ забитыхъ и угнетенныхъ людей. Мужеубійство было столь обычнымъ явленіемъ, что даже въ женихѣ возникали уже мрачныя подозрѣнія относительно его любимой невѣсты, и Горе-Злочастіе, являясь ему во снѣ, предсказывало —

Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
Еще быть тебѣ отъ жены удавлену,
Изъ-за злата и сребра быть убитому!

Наказаніе за мужеубійство было ужасное. Виновную закапывали живою въ землю, оставляя наружу голову, и держали ее въ такомъ положеніи до смерти. Ей не давали ни пить, ни ѣсть и сторожа день и ночь караулили, чтобы кто-нибудь изъ состраданія не покормилъ ее. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги шли на гробъ осужденной и на свѣчи. Такія преступницы жили иногда по нѣскольку сутокъ. Корбъ разсказываетъ случай, какъ мать уговорилась съ дочерью убить своего мужа. „Это преступленіе совершено ими посредствомъ двухъ нанятыхъ за 30 крейцеровъ разбойниковъ. Онѣ были закопаны живыми по шею въ землю. Мать переносила жестокій холодъ до третьяго дня, дочь же болѣе шести дней. Послѣ смерти, трупы ихъ были вытащены изъ ямы и повѣшены за ноги, внизъ головами, рядомъ съ помянутыми наемными убійцами. Такое наказаніе назначается только для женщинъ, убивающихъ мужей; мужчины же, виновные въ смерти своихъ женъ, менѣе строго наказываются и очень часто подвергаются только денежной пенѣ“. Закона о наказаніи женоубійцъ никакого не было, однакожъ случаи такихъ наказаній бывали. Въ 1664 году нѣкто Долговъ убилъ свою жену за невѣрность; его наказали кнутомъ и отпустили на поруки. Въ 1674 году крестьянинъ Баженовъ убилъ свою жену за то, что она утаила отъ него два аршина сукна сермяжнаго, а больше вины ея не было и жилъ онъ съ нею въ согласіи. Въ Москвѣ судили дѣло по прежнимъ случаямъ: стрѣлецъ Еремѣевъ за убійство жены въ пьяномъ видѣ казненъ смертью; другой стрѣлецъ, тоже пьяный, зарѣзалъ жену за невѣжливыя слова,—и ему отсѣкли лѣвую руку да пра

вую ногу; то же самое велѣно было сдѣлать и съ Баженовымъ и потомъ освободить безъ поруки, „потому что убилъ онъ жену не за великое дѣло“. Случалось, что мужья убивали своихъ женъ единственно изъ боязни, чтобы послѣднія не донесли о какихъ-нибудь ихъ преступленіяхъ. Такъ, самозванецъ Тимошка Анкудиновъ, жившій неладно со своей женой, постоянно попрекавшей его за его плутни и за самый омерзительный развратъ, рѣшился отдѣлаться отъ жены. Онъ взялъ и отнесъ своего сынишку къ одному пріятелю, затѣмъ вернулся ночью домой, заперъ жену въ комнату и сжегъ ее вмѣстѣ съ домомъ, бѣжавъ тотчасъ въ Польшу. Супругоубійство до сихъ поръ служитъ однимъ изъ главныхъ болѣзненныхъ феноменовъ нашей жизни. Оно совершается преимущественно женами; по даннымъ тобольскаго приказа о ссыльныхъ, на 100 мужчинъ, сосланныхъ по суду за всѣ вообще преступленія, приходится женщинъ только 16,49, между тѣмъ какъ за супругоубійство на 100 мужчинъ приходится 161,61 женщинъ. Случается, что женщина совершаетъ преемственно не одно мужеубійство. Такъ, напр., въ тридцатыхъ годахъ въ минусинскомъ острогѣ сидѣла одна каторжная, сосланная въ Сибирь за то, что зарѣзала своего перваго мужа; второго, пріобрѣтеннаго въ Сибири, она задавила пьянымъ; съ третьимъ же, каторжникомъ, сошлась и вмѣстѣ съ нимъ удушила четырехъ евреевъ. Народныя пѣсни спокойно рисуютъ сцены, въ которыхъ жена при помощи любовника убиваетъ мужа. Она стала —

Петлюшку на шеюшку
Накидывати,

Своему милому конецъ подала:
Ты тяни, тяни, милой,
Натягивай, небось!
Старый захрипѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится,
Высунулъ языкъ,
Будто Вася бузыкъ (пьяница)...

Много зла, много горя должна перенести женщина, чтобы дойдти до такого звѣрскаго состоянія!

Но не каждая натура способна ожесточиться до убійства и протестовать противъ насилія преступленіемъ. Женщины нерѣдко бѣгали отъ мужей, скрываясь у своихъ родственниковъ или у чужихъ людей, находя даже возможность выходить вторично замужъ. Въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ жизнь иной женщины представляется столь невыносимою, что ночью она бѣжитъ отъ мужа, босая, пѣшкомъ, черезъ колючія травы; мужъ догоняетъ ее на лошадяхъ и уговариваетъ возвратиться; она проситъ у него ножа, чтобъ повынимать занозы изъ своихъ ногъ, и въ отчаяньи поражаетъ себя ножемъ въ сердце. Смерть, какъ для Катерины въ „Грозѣ" Островскаго, остается для нея единственною освободительницей. И сколько такихъ Катеринъ утопилось, удавилось, зарѣзалось, отравилось впродолженіе нашей тысячелѣтней исторіи! Сколько женщинъ, стремившихся къ свободѣ, не могли найдти своимъ стремленіямъ никакого другого выхода, кромѣ преступленій, мужеубійства, отравленія, поджога и т. д.

Неволя не убивала въ женщинѣ естественнаго чувства свободы. Воспитанная въ патріархальныхъ поня-

тіяхъ, проникнутая мыслью, что она предназначена исключительно для семейной жизни, женщина прежде всего стремилась къ свободному пользованію той своей органической функціей, въ которой патріархалы видятъ ея единственное предназначеніе. Неволя женщины доводила ее до неистоваго разврата, которымъ она мстила своимъ владыкамъ и посредствомъ котораго разрушала служившее для нея тюрьмою зданіе архаическаго семейства. Оно не удовлетворяло даже и мужчинъ. Жизнь съ нелюбимою или нелюбящею женою, женитьба по приказу родителей, семейныя ссоры, чувственное стремленіе къ частой перемѣнѣ женщинъ—все это заставляло мужчинъ недовольствоваться ласками своей надоѣдавшей жены. Мужчина самъ разрушалъ одною рукою то семейство, которое онъ такъ ревностно поддерживалъ другою. Патріархальныя добродѣтели нашихъ предковъ и чистота ихъ нравовъ существуютъ только въ фантазіи новѣйшихъ поклонниковъ старины. Всеобщая опека, тяжелый деспотизмъ, рабство ума и чувства, — все это не могло задушить въ человѣкѣ естественныхъ желаній свободы и наслажденія; но, не находя для себя надлежащаго выхода, эти желанія вырывались наружу въ формѣ самыхъ безобразныхъ пороковъ и превращали въ Содомъ и Гомору ту страну, которую ея опекуны хотѣли сдѣлать образцомъ добродѣтели для всего міра...

Въ Россіи не было ни наукъ, ни искусствъ; женщины были исключены изъ общества и не развивали въ немъ тѣхъ чувствъ приличія и вѣжливости, той романической любви, которыя распространяли онѣ въ западной Европѣ; поэтому, нашимъ предкамъ были вовсе неизвѣстны утонченныя наслажденія европейскаго общества, и всѣ

ихъ удовольствія носили крайне грубый, исключительно чувственный характеръ. „Жизнь этого общества, лишеннаго философскихъ и поэтическихъ созерцаній и идеализацій, стала уподобляться жизни стада, гдѣ первое исключительное побужденіе—*кормъ* въ животномъ смыслѣ для самого стада и *кормленіе* въ воеводскомъ смыслѣ для пастуховъ; а затѣмъ тяжелое, умственное лежаніе на боку и медленное, нескончаемое пережевыванье двухъ-трехъ понятій, какими былъ ограниченъ общественный кругозоръ жизни“ (Забѣлинъ). Главнымъ національнымъ порокомъ было пьянство,—повальное, непрестанное пьянство, доходившее до такихъ размѣровъ, что Русь походила на одинъ сплошной громадный кабакъ. Женщины подвизались на этомъ поприщѣ не меньше мужчинъ, находя въ водкѣ и забвеніе своего горя, и одно изъ главныхъ, доступныхъ имъ удовольствій. „Рѣдко пройдешь мимо кабаковъ, говоритъ Петрей,—не увидавъ множества выбѣгающей оттуда бахусовой братіи; одни нагишомъ, другіе въ однѣхъ рубашкахъ; нѣкоторые не въ состояніи идти домой, валяются въ грязи или снѣгу, либо укладываются на тѣлежки и сани, какъ свиньи, и везутся домой своею прислугою и женами. И это водится не только между мужчинами и простолюдьемъ, но и между богатыми и знатными женщинами“. Олеарій описываетъ одну пирушку, на которой онъ присутствовалъ. Жены преисправно тянули водку вмѣстѣ съ своими мужьями. Когда мужья спьяна попадали на полъ, жены сѣли на нихъ и продолжали пьянствовать, пока не упились до-нельзя. Даже царицы и царевны не прочь были выпить. Когда на одной изъ царевенъ XVII вѣка сватался иностранный принцъ, то

расхваливая ему достоинства невѣсты, между прочимъ выставляли на видъ и то обстоятельство, что она и пьяною-то была не больше одного раза!.. Женское пьянство и до сихъ поръ довольно распространено у насъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно почти равняется мужскому; но въ древней Руси оно имѣло гораздо обширнѣйшіе размѣры.

Юрій Крижаничъ считаетъ тогдашнюю Россію страною болѣе развращенною, чѣмъ Турція. Иностранцы почти единогласно утверждаютъ, что „блудъ, прелюбодѣяніе и тому подобный развратъ существуютъ въ Московіи внѣ всевозможныхъ размѣровъ. Вотъ почему, сказалъ однажды одинъ воевода какому-то капитану, осужденному на смерть за растлѣніе своей восьмилѣтней дочери: „зачѣмъ ты не искалъ удовлетворенія твоихъ прихотей на сторонѣ? Вѣдь ты могъ бы имѣть столько же непотребницъ и развратницъ, сколько бы заплатилъ копѣекъ“ (Корбъ). Записки Желябужскаго переполнены разсказами о томъ, какъ такого-то „били кнутомъ за то, что онъ дѣвку растлилъ“, такого-то пытали въ застѣнкѣ „въ блудномъ дѣлѣ“, такихъ-то „били кнутомъ нещадно за то, что они брали женокъ и дѣвокъ на постелю“ и т. д. Хотя правительство строго преслѣдовало развратъ, ставя развратниковъ на ряду съ ворами и разбойниками, но эти преслѣдованія не вели ни къ чему. Хотя публичные дома вовсе не были дозволены и жители нѣкоторыхъ общинъ нерѣдко „выбивали“ изъ своихъ поселеній „блудныхъ женокъ“, но развратъ всетаки не скрывался и съ наглымъ цинизмомъ выставлялъ себя на всенародныя очи. Главными притонами разврата были корчмы или ропаты, гдѣ вмѣстѣ съ жен-

щинами продавались табакъ и водка и шли запрещенныя игры. Содержатели и содержательницы этихъ заведеній получали столь выгодные барыши, что считали ихъ достаточнымъ вознагражденіемъ за кнутъ, которымъ били ихъ, какъ скоро начальство узнавало о существованіи корчмы. Но начальство обыкновенно само пользовалось доходами съ корчмы и смотрѣло на все сквозь пальцы. Нѣкоторые воеводы даже сами заводили развратные дома съ цѣлью извлекать изъ нихъ непосредственные барыши; другіе пользовались этими домами, чтобы лучше строить свои каверзы. Такъ, напр., енисейскій воевода Голохвастовъ (1665) отдавалъ на откупъ помѣсячно „зернь и корчму и безмужныхъ женъ на блудъ, и оттого бралъ себѣ откупу рублевъ по сту и больше, и тѣмъ блуднымъ женкамъ велѣлъ наговаривать на торговыхъ и проѣзжихъ и промышленныхъ людей напрасно, для взятки“. Другимъ притономъ разврата были публичныя бани, въ которыхъ мужчины и женщины мылись обыкновенно вмѣстѣ. Пьяныя проститутки нерѣдко нагишомъ выбѣгали изъ этихъ бань на улицу и зазывали прохожихъ мужчинъ. Около бань и кабаковъ развратъ творился иногда публично. Олеарій былъ свидѣтелемъ въ Новгородѣ, какъ во время большого стеченія народа по случаю богомолья, вышедшая изъ кабака пьяная женщина упала на улицѣ въ самой неприличной позѣ. Идетъ пьяный мужикъ и, увидя ее полунагую, какъ звѣрь бросился на нее, но упалъ на нее уже совершенно безчувственнымъ отъ водки. Зрители стояли и потѣшались надъ этой группой... Корчмы и бани были притонами разврата большею частью для бѣдняковъ; для людей же богатыхъ

женское тѣло предлагалось не такъ публично многочисленными своднями; отцы торговали своими дочерьми, мужья женами. „Когда, говоритъ Петрей, — бѣдные и мелкіе дворяне или горожане придутъ въ крайность и у нихъ не будетъ денегъ, они бродятъ по всѣмъ закоулкамъ и смотрятъ, не попадется ли какихъ-нибудь богатыхъ молодчиковъ, и предлагая имъ для блуда своихъ женъ, берутъ съ нихъ по 2 и по 3 талера, смотря по красотѣ и миловидности жены. Мужъ все время ходитъ за дверью и сторожитъ, чтобы никто не помѣшалъ имъ“. Богатые люди, недовольствуясь женами, содержали на сторонѣ любовницъ, нерѣдко по нѣскольку разомъ,—заводили даже гаремы. Такъ, одинъ фаворитъ Алексѣя Михайловича обзавелся гаремомъ и такъ какъ жена его была этимъ недовольна, то онъ отравилъ ее. Помѣщики сплошь и рядомъ держали у себя по нѣскольку любовницъ, насиловали своихъ крестьянокъ, растлѣвали малолѣтнихъ дѣвушекъ, пользовались правомъ первой ночи. Въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ, напр., въ казанскомъ краѣ и Сибири, русскіе творили всевозможныя насилія, подобно своимъ предкамъ, которые „умыкали красныхъ дѣвокъ половецкихъ“, какъ выражается Слово о Полку Игоревѣ. Покоряя немирныхъ или усмиряя бунтовавшихъ инородцевъ, русскіе обыкновенно брали въ полонъ ихъ женщинъ и раздѣляли съ ними свое ложе или продавали для этого другимъ. Эти захваты совершались не въ одно только военное время, а также и въ мирное. Воеводы, ихъ чиновники, казаки, стрѣльцы,—всѣ, кто только имѣлъ въ своихъ рукахъ власть и значеніе, во время своихъ разъѣздовъ по стойбищамъ инородцевъ,

не только брали къ себѣ ихъ женщинъ ради кратковременнаго „блуднаго воровства“, но часто завладѣвали ими вовсе. Доставать инородокъ было чрезвычайно легко,—стоило только вооруженной партіи отправиться въ улусъ дикарей, и выбравъ тамъ молоденькихъ женщинъ, увезти ихъ съ собою, а еслибы этому вздумали сопротивляться ихъ мужья и родственники, то развѣ трудно было усмирить ихъ пулей, саблей или просто кнутомъ! Если русскому надоѣдала наложница, то онъ прогонялъ ее и бралъ другую; если ему нужны были деньги, онъ часто продавалъ жену, а когда разживался средствами, то или покупалъ себѣ новую, или же даромъ захватывалъ ее изъ инородческаго улуса; если онъ былъ человѣкъ практическій и если въ мѣстѣ его жительства былъ сильный запросъ на развратъ, то онъ набиралъ нѣсколько инородокъ и пускалъ ихъ въ торговый оборотъ. Такъ поступали даже простые служилые и торговые люди, и само собою понятно, что воеводы и другіе значительные чиновники, самовластно царившіе въ лѣсахъ отдаленной Сибири, могли захватывать гораздо больше женщинъ и вести болѣе обширную торговлю ими, чѣмъ подчиненные имъ люди. Нѣкоторые изъ нихъ формировали цѣлые гаремы, другіе содержали публичные дома, третьи продавали женщинъ для брака и наложничества русскимъ или инородцамъ же. Взятки даже въ XVIII в. давались сплошь и рядомъ инородческими дѣвушками. Кромы взрослыхъ и способныхъ къ половому акту инородокъ сибиряки захватывали несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ и воспитывали ихъ до возмужалости или же тотчасъ послѣ покупки растлѣвали ихъ; цѣна этихъ дѣвочекъ была очень не значительна; въ

XVIII в. въ березовскомъ краѣ, напр., семилѣтняя остячка стоила *не дороже 20 копѣекъ!..* Положеніе этихъ женщинъ было ужасное. Русскіе, которые въ своихъ набѣгахъ на инородцевъ даже въ половинѣ прошлаго столѣтія „у бабъ обрѣзывали титьки, а малыхъ ребятъ на огнѣ жгли“, не церемонились со своими рабынями. Случалось, напр., что сибирякъ распарывалъ брюхо своей наложницѣ-инородкѣ для того только, чтобы убѣдиться, съѣла ли она безъ его позволенія кусокъ рыбы!.. Въ своихъ отношеніяхъ ко всѣмъ вообще иноплеменнымъ женщинамъ, особенно во время войнъ, наши предки были ужасны. Въ ливонскую войну, напр., русскіе малыхъ дѣтей моложе девяти лѣтъ прокалывали копьями и втыкали на плетни; женщинамъ обрѣзывали сосцы, привѣшивали къ деревьямъ, разстрѣливали стрѣлами; у беременныхъ разрѣзывали утробы и вытаскивали изъ нихъ младенцевъ; красивыхъ насиловали и многихъ уводили съ собою для продажи или наложничества. Подобной же участи подвергались и русскія женщины во время смутъ, междоусобицъ, бунтовъ, даже въ мирное время. Лѣтопись разсказываетъ, напр., какъ дружинники Ярослава „насиліе творяху новгородцамъ и женамъ ихъ“, и какъ за это новгородцы перерѣзали всѣхъ ихъ. Новгородскіе ушкуйники захватывали женщинъ въ приволжскихъ городахъ, Костромѣ, Нижнемъ, и продавали ихъ татарамъ. Въ смутное время годуновцы неистовствовали надъ приверженцами Дмитрія; мужчинъ, женщинъ и дѣтей сажали на колъ, вѣшали по деревьямъ за ноги и разстрѣливали, младенцевъ жарили на сковородахъ, красивыхъ женщинъ подвергали ужаснымъ насиліямъ, захватывали въ неволю и прода-

вали. Во времена Разиныхъ и Пугачевыхъ подобныя звѣрства достигали высшей степени, и русскія женщины гораздо менѣе терпѣли отъ татаръ и другихъ иноплеменниковъ, чѣмъ отъ своихъ соотчичей. Развратники мучили и преслѣдовали ихъ нетолько во время смутъ, но и во время мира,—воровали, насиловали, тиранили. Такъ, напр., Владиміръ, князь галицкій, отбилъ у мужа попадью Настасью, а его законная жена бѣжала въ Польшу за военною силою, чтобы посредствомъ ея возстановить свои права. Въ 1406 г. Торжкомъ правили два князя—Юрій Смоленскій и Семенъ Вяземскій. „И уязви въ сердце діаволъ Юрія плотскимъ похотѣніемъ на княгиню Семенову Ульяну, взялъ на ложе ту княгиню, хотя жити съ нею; она же предобрая мужелюбица, мужески воспротивися ему; онъ же ляже съ нею, она же, вземши ножъ, удари его въ мышку. Онъ же возъярися, вскорѣ уби князя ея, а ей самой повелѣ отсѣщи руки и ноги и воврещи въ рѣку". Всякій, кто имѣлъ въ древней Руси власть или деньги, дозволялъ себѣ относительно женщинъ всевозможныя насилія. Воеводы и разные служилые люди похищали женщинъ, растлѣвали дѣвицъ, силою брали ихъ къ себѣ въ любовницы или же только на короткое время „имали ихъ къ себѣ на постель ради блуднаго воровства". Такъ, въ 1729 г. въ Томскѣ сынъ боярскій Бубенковъ заманилъ къ себѣ сестру казака Вершинина, изнасиловалъ ее и цѣлыхъ пять дней „творилъ съ нею блудное беззаконное дѣло", потомъ прогналъ отъ себя. Въ 1727 г. въ деревнѣ Атамановой попъ Осипъ надъ нѣкоею женкою Татьяною „блудное учинилъ насиліе", и когда она стала жаловаться на него тамошнимъ обывателямъ, то

„оный попъ взялъ ее въ домъ къ крестьянину Тюленеву и стегалъ плетьми, а она, Татьяна, прежде бывала у него на исповѣди“. При своихъ разъѣздахъ, служилые люди не упускали случая поразвратничать, не только соблазняя и насилуя женщинъ, но даже воруя ихъ, увозя съ собою и продавая другимъ. Въ началѣ XVIII в. домовые дѣти боярскіе тобольскаго митрополита были посланы по всѣмъ сибирскимъ городамъ десятильниками. Не довольствуясь постояннымъ удовлетвореніемъ своихъ плотскихъ страстей насчетъ обывательницъ, они еще „били ихъ и заставляли поневолѣ говорить ложно на всякихъ добрыхъ людей блудное воровство и съ тѣхъ людей имали себѣ взятки великія“; доходило до того, что „дѣвокъ разболокали до-нага и груди давили до крови и всякое ругательство чинили“. Если эти женщины не удовлетворяли ихъ желаніямъ, то десятильники „продавали ихъ такимъ людямъ, за которыхъ никто бы дочерей своихъ не отдалъ“. Иногда и въ мирное время насилія, сопровождаемыя жестокостями, далеко превосходили своимъ злодѣйствомъ даже подвиги тогдашнихъ грубыхъ воиновъ въ непріятельской землѣ. Волосъ становится дыбомъ при разсказахъ историковъ о томъ, напр., что должны были вытерпѣть русскія женщины отъ Ивана Грознаго и его сподвижниковъ. „Въ блудныхъ дѣлахъ и сладострастіи, разсказываетъ Петрей,—онъ перещеголялъ всѣхъ. Онъ часто насиловалъ самыхъ знатныхъ женщинъ и дѣвицъ, а послѣ того отсылалъ ихъ къ мужьямъ и родителямъ. Когда же онѣ хоть сколько-нибудь давали замѣтить, что блудили съ нимъ неохотно, то онъ, опозоривъ, отсылалъ ихъ домой и приказывалъ вѣшать нагихъ надъ

столами, за которыми обѣдали ихъ родители и мужья; послѣдніе не смѣли ни обѣдать, ни ужинать въ другомъ мѣстѣ, если не хотѣли распрощаться съ жизнію такимъ же плачевнымъ образомъ. Трупы висѣли до тѣхъ поръ, пока мужья и родные, по усиленному ходатайству и заступничеству, не получали позволенія похоронить ихъ. Онъ всегда мѣнялся любовницами съ своимъ сыномъ Иваномъ". Однажды метреса послѣдняго пожаловалась ему, что многія женщины смѣются надъ нею, а онъ передалъ это отцу; Грозный такъ разгнѣвался, что рѣшился перерѣзать всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ въ Москвѣ. Хотя князья, бояре и фавориты успѣли отклонить его отъ избіенія, но онъ все-таки велѣлъ привести въ Кремль нѣсколько сотъ женщинъ и дѣвушекъ и раздѣть ихъ до-нага въ присутствіи своего семейства, бояръ и всей придворной челяди; онѣ должны были разгуливать въ сильную стужу, по глубокому снѣгу. Нѣкоторыхъ онъ велѣлъ засѣчь до смерти розгами и трупы ихъ бросить медвѣдямъ. Грозный и его сподвижники очень любили подобныя зрѣлища, возбуждавшія ихъ притупѣвшую чувственность. „Во время разныхъ поѣздокъ его по странѣ, изъ города въ городъ, всѣхъ нопадавшихся ему на дорогѣ женщинъ и дѣвицъ онъ приказывалъ раздѣвать до-нага, и онѣ должны были стоять совсѣмъ нагія на дорогѣ, зимою въ снѣгу, пока не проѣдетъ онъ мимо ихъ со всею своею челядью". Женщины сильно роптали на него; но онъ вездѣ имѣлъ своихъ шпіоновъ, которые постоянно ловили женщинъ, неумѣвшихъ держать языка за зубами; ихъ тотчасъ же связывали и вѣшали или рубили въ куски. Передъ самою своею смертью, когда онъ заживо

разлагался отъ болѣзни, бывшей результатомъ его сладострастной жизни, ему пришла охота изнасиловать свою невѣстку Ирину. На ея крикъ и вопли сбѣжалось множество придворныхъ и прислуги. Иванъ оставилъ Ирину, но велѣлъ казнить всѣхъ свидѣтелей этой сцены. Всѣ эти и другія насилія Грознаго были далеко не безпримѣрвымъ явленіемъ въ нашей исторіи. То же самое, въ меньшихъ, конечно, размѣрахъ, творили постоянно всѣ сильные и грозные люди, начиная съ воеводъ и кончая разбойниками. Люди же не сильные, но богатые, напр., купцы, овладѣвали женщинами съ помощью денегъ, „прельщали ихъ на блудъ“ часто обѣщаніемъ жениться на нихъ, приживали съ ними дѣтей, а потомъ бросали ихъ на произволъ судьбы. Развращенность мужского населенія доходила до того, что многіе теряли даже всякій вкусъ къ женщинамъ и прибѣгали къ другимъ отвратительнымъ средствамъ—мужеложству и скотоложству, которыя были распространены чрезвычайно.

Запросъ на развратъ, такимъ образомъ, былъ страшный. Женщину покупали или брали силою; женскимъ тѣломъ торговали отцы и мужья, помѣщики и разные служилые люди; пролетаріатки торговали сами собою изъ-за куска хлѣба или изъ-за чарки зелена вина, въ которомъ онѣ топили свое горькослезное житейское горе. Но развратъ не ограничивался тѣми женщинами, которыхъ можно было купить или захватить силою; онъ проникалъ всюду; онъ увлекалъ и теремныхъ затворницъ высшаго класса, которыя уже не за деньги и не по принужденію, а ради удовольствія и добровольно старались усладить горечь своей рабской жизни утѣхами

свободной любви съ мужчинами, приходившимися имъ по вкусу. Не только въ народныхъ пѣсняхъ, но даже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ письменной литературы, имѣвшей аскетическій характеръ, супружеская измѣна является поступкомъ извинительнымъ и совершенно естественно вытекающимъ изъ условій подневольнаго положенія женщины въ бракѣ. Въ одной „притчѣ", напр., молодая дѣвица, отказывая своему жениху-старику, говоритъ ему, какъ она будетъ вести себя въ томъ случаѣ, если онъ убѣдитъ родителей выдать ее за него. „Ты неугоденъ будеши младости моей, и тогда я впаду въ преступленіе съ отрокомъ младымъ, съ молодцомъ хорошимъ, а не съ тобою, старымъ мужемъ, съ вонючею душою, съ понурою свиньею..." Дѣйствительность вполнѣ соотвѣтствовала этому беллетристическому вымыслу. Древнерусскія барыни были всегда очень склонны полюбиться съ кѣмъ-нибудь на сторонѣ. Запертыя въ теремѣ, постоянно болтавшія съ своими служанками „пустошныя, скоромскія рѣчи", онѣ занимали свое воображеніе и дразнили свою чувственность разными нецѣломудренными представленіями. Многочисленныя „потворенныя бабы, что молодыя жены съ чужими мужи сваживаютъ", всегда умѣли протереться въ домъ и устроить любовную интрижку. Случалось, что одна сводня обдѣлывала дѣлишки и мужа и жены. Иностранцевъ женщины не только любили, но даже предпочитали русскимъ, оправдывая свое расположеніе къ нимъ тѣмъ софизмомъ, что „женщинѣ соблудить съ иностранцомъ простительно; дитя отъ иностранца родится, крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное;

оно и грѣшнѣе—некрещеная вѣра множится“. Иногда теремныя затворницы превращались въ настоящихъ Мессалинъ. Типомъ русской Мессалины можетъ служить мать Ивана Грознаго. „По кончинѣ великаго князя она все ходила въ непотребный домъ, сильно развратничала и блудила, особливо же связалась съ однимъ дворяниномъ (Овчиною-Оболенскимъ), и вела эту связь такъ грубо, что могъ замѣтить всякій крестьянинъ... Ее открыто по всему городу ругали блудницей и всѣ ненавидѣли“ (Петрей). Передъ реформою Петра нравы дворцоваго терема окончательно пали и его обитательницы отличались крайнею легкостью поведенія. По раскольничьимъ извѣстіямъ „царевна Софья была блудница и жила блудно съ боярами, да и другая царевна, сестра ея... и бояре ходили къ нимъ и ребятъ тѣ царевны носили и душили и иныхъ на дому кормили“ (Соловьевъ, XVII, 227). У царевны Марфы нѣсколько лѣтъ былъ на содержаніи дьяконъ Иванъ (Корбъ, 219). Образъ русской аристократической Мессалины,—этой грязной, отвратительной, страстной до болѣзненнаго неистовства женщины, воспѣвается до сихъ поръ простонародьемъ въ многочисленныхъ варіантахъ пѣсни „*Барыня*“... При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, напр., на свадьбахъ, женщины развратничали почти открыто, такъ какъ пьяные мужья и не могли зорко смотрѣть за ними, и, въ свою очередь, сходились съ чужими женами. Впрочемъ, развратъ доходилъ до того, что иногда убивалъ даже всякую ревность между супругами, и мужья, открывая измѣну своихъ женъ, дѣлали изъ нея предметъ потѣхи для общества. „На этихъ дняхъ, разсказываетъ Корбъ,—приказные съ своими женами пировали у одного своего

товарища. Хозяину особенно понравилась одна гостья; задумавъ удовлетворить свою страсть, онъ сталъ спаивать всѣхъ виномъ, особенно женщинъ. Гости проникли лукавый умыселъ хозяина и тоже съ умысломъ стали щедро подчивать виномъ хозяйку. Всѣ перепились до того, что попадали на полъ. Хозяинъ, замѣтивъ, гдѣ лежала его красавица, подъ предлогомъ, чтобы женщины спали спокойнѣе, погасилъ огонь. Выпивъ еще въ другой комнатѣ, пьяные мужчины пошли къ женщинамъ. Хозяинъ пробирается къ тому мѣсту, гдѣ расположилась его красавица, но послѣдняя уже перемѣнила свое мѣсто и вмѣсто себя положила пьяную хозяйку. Хозяинъ въ темнотѣ не могъ открыть обмана и полный прежнихъ помысловъ удовлетворяетъ свою страсть, и не зная еще, что это была его жена, приглашаетъ прочихъ гостей къ тому же. Пьяные сотоварищи охотно принимаютъ его предложеніе. Когда обманъ обнаружился, хозяинъ первый же покатился со смѣху надъ тѣмъ, что предложилъ гостямъ не только кушанья и вино, но даже и свою жену“. Развратъ клалъ свой отпечатокъ на всѣ проявленія общественной жизни. Игры, пѣсни, разныя увеселенія—все болѣе или менѣе было проникнуто клубничнымъ букетомъ. Грязные анекдоты и шутки были, по свидѣтельству иностранцевъ, любимѣйшимъ сюжетомъ русской бесѣды. „Русскіе въ собраніяхъ своихъ“, говоритъ Олеарій, „обыкновенно ведутъ рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, о прелюбодѣяніяхъ, совершенныхъ частью ими, а частью и другими; тутъ же передаются разнаго рода постыдные сказки, и тотъ, кто можетъ наилучшимъ образомъ сквернословить и отпускать разныя пошлыя штуки, выражая ихъ самыми

наглыми тѣлодвиженіями, считается у нихъ пріятнѣйшимъ членомъ общества". Матерная брань неумолкаемо оглашала собою русскую землю. „У москвитянъ,—говоритъ Олеарій,—постоянно на языкѣ матерныя и сквернословныя брани и выраженія, которыми бранятся не одни только взрослые и старые люди, но и самыя дѣти, знающія эти выраженія прежде, чѣмъ они узнаютъ названіе Бога, отца и матери; такая срамная брань одинаково употреблялась какъ родителями противъ дѣтей, такъ и дѣтьми противъ родителей". Даже женщины и дѣвицы слѣдовали общему обыкновенію. Даже „злонравіи священники въ церкви и св. алтарѣ сквернословили, матерно бранящеся"...

Нравы духовенства ничѣмъ не отличались отъ нравовъ мірянъ. Извѣстно, какою репутаціей относительно полового цѣломудрія пользуются попъ, попадья и поповская дочь въ произведеніяхъ нашей народной словесности. Но бѣлое духовенство до извѣстной степени удерживалось еще отъ развращенности семействомъ и въ половомъ отношеніи было гораздо воздержнѣе монашества. Во многихъ мѣстахъ въ XV, XVI, даже XVII в. монастыри были общіе для обоихъ половъ. Можно себѣ представить, что изъ этого выходило!.. Въ другихъ монастыряхъ вмѣстѣ съ монахами жили и міряне съ женами и дѣтьми. Независимо отъ этого, въ кельи монаховъ свободно входили женщины, а въ женскихъ монастыряхъ держались лица мужского пола. Пастыри церкви, кромѣ того, постоянно вооружались противъ распространенія „содомской пагубы", противъ того, что, выражаясь словами Стоглава, у монаховъ „по всѣмъ кельямъ ребята молодые живутъ невозбранно"... Дѣла

доходили до того, что въ монастыряхъ запрещалось „нетокмо женщинъ имѣть, но и скота ни единаго женскаго полу“... Монахи, выражаясь словами Авраамія Палицына, „часто пьянствомъ утѣшахуся, отъ того же вся страсти тѣлесныя возрастаху, и въ ровъ глубокъ блуда впадали всѣ отъ простыхъ чадей даже и до священствующихъ“. Монахи и монахини, говоритъ Корбъ, погружаются во всякаго рода распутство: пьяные шалятъ на улицахъ и, лишившись всякаго стыда, нерѣдко тутъ же предаются сладострастію“.

Принципы аскетизма въ нѣкоторыхъ сектахъ раскола доведены были до полнаго отрицанія брака и половой любви. Скопцы и хлысты проповѣдуютъ безусловное умерщвленіе половой страсти, думая, что только этимъ путемъ человѣкъ можетъ превратиться въ ангела. Любовь была причиною погибели рода человѣческаго: „Первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ отъ плода древа, а паденіемъ во грѣхъ супружескаго совокупленія“. Не менѣе строгихъ аскетическихъ доктринъ держатся и многія другія секты, для которыхъ „истиннаго священства“ давно уже нѣтъ, — нѣтъ поэтому и таинствъ, а то, что называется бракомъ, есть прелюбодѣяніе. Въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія этотъ мрачный аскетизмъ дошелъ до того, что наставники преображенскаго кладбища начали проповѣдывать, что „нынѣ—въ царствованіе антихриста—размноженіе рода человѣческаго зависитъ отъ сатаны и каждый рождающійся младенецъ является на свѣтъ съ душою, данною ему дьяволомъ“. Этотъ нелѣпый аскетизмъ не замедлилъ вызвать сильнѣйшую реакцію себѣ, лишь только его начали осуществлять на практикѣ. Еще въ XVII в.

возникло нѣсколько сектъ, которыя считаютъ развратъ „любовію христовою". Простая баба Акулина основала секту „акулиновщину", въ которой мужчины и женщины, монахи и монахини живутъ другъ съ другомъ въ повальной связи. Еще въ первое время послѣ отдѣленія отъ государственной церкви, протопопъ Аввакумъ вынужденъ былъ даже съ опасностью жизни „унимать отъ блудни" своихъ единовѣрцевъ, которые „жили въ кельяхъ на уединеніи съ зазорными лицами и съ духовными дочерьми, съ женщинами и дѣвками, и подъ видомъ стряпухъ держали у себя любовницъ". „Юноши и дѣвы собирались въ темныя ночи по гумнамъ, по лѣсамъ, по посидѣлкамъ нечистымъ и досмотрѣвши юноши дѣвъ, а дѣвы юношей, предавались утѣхамъ любви". Дѣти, рожденныя отъ такихъ связей, или убивались, или воспитывались въ общинѣ, какъ чужія. У федосѣевцевъ развратъ достигъ крайнихъ размѣровъ, и учитель ихъ, Ковылинъ, говорилъ, что „лучше имѣть сто блудницъ, нежели брачиться". „Не жену, а стряпуху держи, и часто перемѣниваючи, отклоняй зазоръ", учатъ наставники бракоборцевъ; „дѣтей не роди, а ести родишь, тайно воспитай и племянничкомъ называй". Гнусинъ, бывшій главою преображенской общины въ первой четверти XIX в., сидя уже въ соловецкомъ острогѣ, одному, посѣтившему его наставнику преображенскаго кладбища, далъ слѣдующій совѣтъ: „Если пожелаешь быть наставникомъ всего федосѣевскаго согласія, то помни, что его составляютъ люди, а чтобы овладѣть ими, надо имъ не противиться. Чѣмъ чаще будешь отпускать имъ ихъ прегрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они будутъ привержены къ согласію и не пойдутъ въ

церковь: что имъ дѣлать тамъ, гдѣ даютъ одну жену, да и ту не смѣй кинуть! Отверзай вхожденіе и исхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвкамъ, и тебя почтутъ мужи и ты вознесешься!" Преображенское кладбище сдѣлалось въ это время обѣтованною землею, куда тайно отъ своихъ родственниковъ уходили не только мужчины, но и дочери богатыхъ купцовъ. Дѣтей рождалось такое множество, что за невозможностью держать всѣхъ ихъ на кладбищѣ, часть ихъ отдавалась на воспитаніе въ села. Жизнь другихъ федосѣевцевъ не лучше жизни преображенцевъ. Развитію такой безусловной половой свободы не мало содѣйствовали женщины. Такъ, напр., около 1850 г. въ окрестностяхъ Москвы возникъ новый толкъ изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который онѣ давали писанную собственною кровью подписку въ томъ, что ненавидятъ и отвергаютъ брачное супружество. Многіе богатые бракоборцы обзаводились цѣлыми гаремами. Возникло право *отцовщины*, по которому отецъ пользуется невинностью своей дочери, такъ какъ „трудящемуся подобаетъ первому вкусить отъ плода своего". Въ общинахъ бѣгуновъ жизнь еще болѣе свободна и, по выраженію одного ихъ учителя,—„грѣси паче естества, паче Содома и Гоморы". Бѣгуны считаютъ бракъ состояніемъ безпрерывнаго блуда и думаютъ, что „жена дана дьяволомъ, а дѣвка богомъ; жить съ женою грѣхъ, а съ дѣвкою нѣсть грѣха; дѣтей не надо". Свальный грѣхъ или такъ называемыя „кладки", существующія во многихъ раскольничьихъ общинахъ, достаточно извѣстны, чтобы распространяться о нихъ *).

*) Нужно замѣтить, что эти *кладки* не составляютъ исключительной принадлежности раскола, а распространены въ средѣ пра-

Развратъ велъ къ дѣтоубійству, которое всегда свирѣпствовало между раскольниками и въ нѣкоторыхъ сектахъ получило даже характеръ религіозной обязанности. У федосѣевцевъ и бѣгуновъ многіе наставники вполнѣ одобряютъ дѣтоубійство и плодоизгнаніе, проповѣдуя, что „тайный грѣхъ тайно и судится“, а убитый ребенокъ будетъ святъ и своею молитвою на небесахъ испроситъ спасеніе родителямъ. Дѣтоубійство всегда свирѣпствовало и въ средѣ православнаго народонаселенія, порождаемое своими обычными факторами—бѣдностью, стыдомъ или страхомъ стыда незамужней родильницы, а также опасеніемъ за участь незаконнорожденныхъ дѣтей, которыя, благодаря вліянію византизма и родовыхъ началъ, осуждены на самую жалкую

вославнаго простонародья. Такъ называемыя *вечорки, посидѣлки, бесѣды* носятъ въ сущности тотъ же характеръ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ Малороссіи, напр., нерѣдко оканчиваются тѣмъ, что тушится огонь и молодежь обоего пола ложится „спать“.

„*Бесѣдки* (въ Макарьевскомъ уѣздѣ) слишкомъ развращаютъ наше крестьянское юношество. Здѣсь—въ домѣ какой-либо бобылки—проводятъ почти всю ночь за глазами родителей и, вмѣсто того, чтобы прясть, предаются всевозможнымъ оргіямъ съ парнями, которые, обыкновенно, приносятъ съ собой кромѣ гостинцевъ, водки и вина. Здѣсь они вмѣстѣ съ падшими дѣвушками, подпоивъ невинныхъ и молодыхъ дѣвушекъ, развращаютъ этихъ послѣднихъ, и число проститутокъ увеличивается; бобылки тоже изъ-за отопленія своей кельи и другихъ мелкихъ корыстныхъ разсчетовъ обыкновенно занимаются сводничествомъ для тѣхъ и другихъ. Родители знаютъ, что тамъ дѣлается, и все-таки продолжаютъ смотрѣть на эти разсадники разврата и сифилиса сквозь пальцы.—Оригиналенъ здѣсь обычай и мытья въ банѣ. Въ натопленную баню идутъ вмѣстѣ не только родные—мужчины и женщины изъ одного дома, но и чужіе. Нерѣдко собираются для мытья въ банѣ парни и дѣвушки со-

и крайне нищенскую жизнь. Дѣтоубійцъ казнили ужасною смертью „безо всякія пощады“, но кары закона оставались, по обыкновенію, безсильными противъ зла, порождаемаго основными началами семейной и общественной жизни. Духовные блюстители нравовъ часто жаловались на страшную распространенность убійства незаконныхъ дѣтей, трупы которыхъ чаще всего бросались въ ямы отхожихъ мѣстъ.

Развращенность всѣхъ классовъ народонаселенія естественно вела за собою сифилисъ или, по старинному выраженію, „тайнымъ согнитіе“. Не только поддерживаясь; но даже постепенно усиливаясь въ массѣ народа, вѣковая развращенность вмѣстѣ съ бѣдностью губитъ физическія и нравственныя силы народа, изъѣденнаго

вершенно чужіе другъ другу“... Результаты понятны, но такая жизнь не мѣшаетъ дѣвушкѣ найдти мужа, если только она не родитъ. „Тогда беретъ ее за себя или вдовецъ или бѣднякъ-крестьянинъ, который радъ жениться хоть на какой-нибудь дѣвушкѣ или вдовѣ, лишь бы имѣть хозяйку въ домѣ. Но если она при всемъ „баловствѣ“ не родитъ, что, впрочемъ, почти постоянно и бываетъ — при помощи нѣкоторыхъ женщинъ, спеціально занимающихся уничтоженіемъ плода—то можетъ всегда разсчитывать на хорошую партію. И мужъ ее никогда не укоритъ и не будетъ тиранить за то, что она прежде времени лишилась своего дѣвства. Въ Ветлужскомъ краѣ Макарьевскаго уѣзда вообще на это дѣло смотрятъ весьма снисходительно. „Гдѣ ужь намъ, батюшка, разбирать честныхъ дѣвокъ, сказалъ мнѣ одинъ крестьянскій парень, пожелавшій жениться на одной чуть ли не публичной женщинѣ; да и гдѣ найдешь честныхъ? Развѣ изъ двухъ-сотъ выберется одна не тронутая, да и то наврядъ; вѣдь онѣ еще съ 13 или 14-ти лѣтъ начинаютъ съ нами баловаться. Если бы ты поглядѣлъ, что мы дѣлаемъ по ночамъ въ *бесѣдкахъ*, или когда моемся въ банѣ — не малому диву дался бы“ („Нижегородскій Сборникъ“, т. VI, с. III).

сифилисомъ и пропитаннаго золотухою въ такой сильной степени, въ какой масса народонаселенія не страдаетъ отъ этихъ болѣзней ни въ одной европейской странѣ.

Думали ли проповѣдники и насадители домостройныхъ началъ, что ихъ дѣятельность принесетъ такіе плоды, что желанные ими порядки будутъ только пустою формою, что подавленныя ими стремленія человѣческой природы все-таки вырвутся наружу и зальютъ землю мутнымъ потокомъ семейныхъ преступленій, разврата и сифилитическаго яда!

Погибель ждетъ страну, въ которой стремленіе женщины къ свободѣ и протестъ человѣческой личности противъ оковъ архаическаго семейства выражаются только въ формѣ упомянутыхъ нами болѣзненныхъ явленій. Но этого мы не можемъ сказать о древней Руси и о тѣхъ современныхъ классахъ населенія, которые почти не тронуты европейской цивилизаціей. Мы видимъ здѣсь не одинъ только протестъ порока и преступленія и слышимъ не одни только тысячелѣтнія горькослезныя жалобы женщины на свою несчастную долю,—мы видимъ здѣсь борьбу, дающую практическіе, осязаемые результаты, которые приготовляютъ путь великой идеѣ женской эманципаціи, пришедшей изъ Европы и Америки.

VI.

„Женщина, говоритъ Добролюбовъ,—которая хочетъ идти до конца въ своемъ протестѣ противъ угнетенія и произвола старшихъ въ русской семьѣ, должна быть исполнена героическаго самоотверженія. Какимъ обра-

зомъ она можетъ выдержать себя? Гдѣ взять ей столько характера? — А гдѣ беретъ дитя характеръ для того, чтобы воспротивиться всѣми силами, хотя бы за сопротивленіе было назначено самое страшное наказаніе? То же самое нужно сказать и о женщинѣ, рѣшающейся на борьбу за свои права: дѣло дошло до того, что ей уже невозможно дольше выдерживать свое униженіе; вотъ она и рвется изъ него, уже не по соображенію того, что лучше и что хуже, а только по инстинктивному стремленію къ тому, что выносимо и возможно. Натура замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія; все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха". Эти органическія стремленія къ свободѣ и счастію болѣе или менѣе присущи всѣмъ женщинамъ, всѣмъ людямъ; они существовали всегда и существовали не безплодно. Произведенія народной поэзіи ясно свидѣтельствуютъ, что женщина никогда не была вполнѣ довольна своимъ несчастнымъ положеніемъ. Главнымъ мотивомъ народныхъ женскихъ пѣсенъ служатъ безконечныя жалобы дѣвушки на своихъ родителей, женщины—на мужей и ихъ семейства, вдовы—на свое безпомощное одиночество. Эти болѣзненные стоны рабыни, эти слезы отчаянія, эти вопли о неизбѣжной долѣ женщины неумолкаемо оглашаютъ собою русскую землю впродолженіе долгихъ столѣтій. Вотъ какъ выражается, напр., эта поэзія отчаянія въ слѣдующей малорусской пѣснѣ:

„Чы я въ лузи не калына була,
Чы я въ лузи не червоная росла?
Взялы мене поломалы
И въ пучечки повязалы:

Така доля моя!
Чы я въ поли не пшеныця була,
Чы я въ поли не зеленая росла?
Взялы мене та-й пожалы
И въ снопыкы повязалы:
Така доля моя!
Чы я въ батька не дытына була,
Чы я въ батька не коханая росла?
Взялы мене повинчалы
И свитъ мыни завязалы:
Така доля моя!
Чы не було ричкы утопытась мыни,
Чы не було кращаго полюбытысь мыни?
Булы ричкы,—позсыхалы,
Булы кращи,—повмыралы:
Така доля моя!“

Но нельзя сказать, чтобы одно отчаяніе наполняло собою душу женщины. Она горько плакала о своей долѣ, протестовала противъ насилія, мстила не любимому мужу порокомъ и преступленіемъ; она, какъ въ одной малорусской пѣснѣ, умоляла отца или мать „не разлучать ее съ милымъ и не выдавать за немилаго,—вѣдь не вамъ съ нимъ жить“. Этотъ протестъ не оставался безъ результатовъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ Нижегородской губерніи, въ случаѣ упорнаго несогласія невѣсты на бракъ, отказываютъ жениху. Въ Малороссіи при сватаньи невѣсты отецъ спрашиваетъ ее: любитъ ли и пойдетъ ли она за такого-то? Въ нѣкоторыхъ малорусскихъ мѣстностяхъ родители невѣсты, цѣлуя икону, даже присягаютъ торжественно въ томъ, что они не принуждаютъ своихъ дѣтей къ бракосочетанію. Народная жизнь выработала и нѣсколько другихъ формъ свободнаго брака, заключеннаго по добро-

вольному соглашенію жениха и невѣсты. Старинные юридическіе памятники свидѣтельствуютъ, что подобные союзы, совершавшіеся безъ согласія родителей, были далеко не рѣдки, какъ не рѣдки они и нынѣ, напр., въ Сибири и Архангельской губерніи, гдѣ дѣвушки, выходя тайно отъ родителей замужъ, уносятъ съ собою изъ родительскаго дома свои вещи и называются *самокрутками* или *самоходками*. Въ послѣднее время такіе браки стали замѣтно усиливаться, напр., въ Сибири. Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ забайкальскій корреспондентъ: „Дочери предоставляются по большей части распоряженію матерей, а эти послѣднія, желая выставлять ихъ на показъ женихамъ, даютъ имъ полную свободу, отпуская ихъ на посидѣнки, вечерки и т. п., въ которыхъ принимаетъ участіе только молодой народъ. Такимъ образомъ, предоставленные самимъ себѣ, молодые люди пользуются всѣми удовольствіями, свойственными ихъ возрасту, такъ что любая здѣшняя дѣвица можетъ пѣть про себя:

„Я у батюшки, у матушки
Одна дочерь была,
Безъ калачика не ѣла
Безъ милаго не спала“.

Тамъ-то по большей части и дѣлаются условія о тайномъ уходѣ изъ дома отцовъ. Деспотизмъ главы семейства также служитъ не послѣдней причиной убѣга дочерей: дѣвушку начинаютъ сватать съ 17-ти лѣтъ, а отецъ, не желая выпустить работницу изъ своихъ рукъ, всѣмъ отказываетъ, не спрашивая дочери; вотъ ей уже 20-ть лѣтъ или болѣе, а отецъ повторяетъ

свои отказы; выведенная изъ терпѣнія, она рѣшается на тайный бракъ. Въ послѣднее время многіе отцы поняли эту причину и прежде, чѣмъ рѣшить судьбу дочери, стали заручаться согласіемъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ великорусскихъ губерніяхъ, особенно въ Рязанской, молодежь обоего пола сходится между собою на играхъ и хороводахъ овечьяго праздника, 29 октября. И спросите потомъ крестьянина, задумавшаго женить сына или выдать дочь, любятъ ли другъ друга женихъ и невѣста, и онъ отвѣтитъ: „какъ же, они на овцарѣ сошлись уже добрымъ словомъ; дѣвка и малый другъ друга знаютъ". Иногда эти браки вовсе не имѣютъ церковнаго характера, а у раскольниковъ гражданскій бракъ давнымъ давно уже принялъ довольно опредѣленную форму. Еще извѣстный протопопъ Аввакумъ рекомендовалъ гражданскій бракъ, говоря: „аще кто не имать гереевъ (для вѣнчанія) да живетъ просто". При Дмитріѣ Ростовскомъ во многихъ сектахъ „отцы и матери не вдавали дщерей законному браку, но велѣли имъ безъ вѣнчанья, съ кѣмъ хотятъ, жити". Многіе раскольники допускаютъ и церковное вѣнчанье, но не какъ таинство, а только какъ „общенародный обычай", необходимый для отличія законнаго союза отъ блуда и для заявленія о согласіи жениха и невѣсты передъ цѣлымъ обществомъ присутствующихъ въ церкви; другіе же вовсе отвергаютъ „суевѣріе черни, вѣрующей, что существо брака состоитъ въ пресвитерскомъ вѣнчаніи, а не въ обѣтѣ сочетающихся лицъ", и стоятъ положительно за одну гражданскую форму. Сплошь и рядомъ эти браки заключаются и заключались даже безъ всякихъ формальностей: молодые люди обоего пола секретно

отъ старшихъ знакомились между собою и, „безъ благословенія отца и матери, безъ всякаго чина гражданскаго и обычая, сами собою убѣгомъ и сокровеніемъ поимались и помѣшкавши гдѣ-нибудь въ отъѣздѣ, въ домъ свой, аки новобрачные, пріѣзжали“; родители поневолѣ признавали совершившійся фактъ. Для приданія дѣлу публичности, вступившіе въ подобный бракъ начинали ходить вмѣстѣ по базарамъ и другимъ люднымъ мѣстамъ, взявшись за руку или держась за одинъ платокъ. Родители признавали жену сына вполнѣ законною, равно какъ и дѣтей, а въ случаѣ смерти сына содержали его вдову, воспитывали его дѣтей и дѣлали ихъ наслѣдниками своего имѣнія. Гражданскія жены даже въ присутственныхъ мѣстахъ назывались *женами*; на ихъ имя покупались и утверждались дома, лавки, заводы, фабрики. Но съ конца тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія взглядъ правительства на гражданскій бракъ раскольниковъ совершенно измѣнился: онъ объявленъ „развратомъ“ и „беззаконною жизнью“. Преслѣдованія стѣснили развитіе гражданскаго брака; тому же содѣйствовалъ и протестъ противъ него женщины. Будучи не гарантированъ закономъ, такой бракъ не охранялъ интересовъ жены и дѣтей, которыхъ мужъ могъ безнаказанно бросить на произволъ судьбы. Это естественно вызывало реакцію со стороны женщинъ. „Теперь молода да легка“, говоритъ раскольница дѣвушка, „а затяжелѣла, такъ и милому дружку надоѣла. Мужикъ, что ему? Мужикъ баловникъ, козелъ мужикъ, похотникъ, — одна плоха, другую найдетъ; а ты вотъ роди дитя, да и корми его на свои гроши. Нѣтъ, наша бабья жизнь—бѣда въ нашемъ званіи!“ Бывали случаи,

что судъ отказывалъ такой брошенной мужемъ матери въ томъ покровительствѣ, какое дается даже простой любовницѣ, и освобождалъ раскольника отъ обязанности выдавать ей содержаніе на дѣтей, дабы, въ противномъ случаѣ, „не дать раскольникамъ повода къ заключенію, что ихъ притязанія и раскольническія понятія покровительствуются закономъ". Женщины поэтому часто стараются о приданіи браку церковной законности. Но при всемъ томъ, гражданская форма брака крѣпко держится среди раскольниковъ, а женщина въ раскольничьемъ семействѣ, особенно у молоканъ и духоборцевъ, гораздо самостоятельнѣе и равноправнѣе съ мужемъ, чѣмъ въ семействѣ православномъ. Православныя женщины, живущія по сосѣдству съ духоборцами, завидуютъ положенію ихъ женъ и нерѣдко угрожаютъ своимъ мужьямъ перейдти въ духоборчество, что нѣкоторыя и исполняютъ.

Въ господствующей церковной формѣ брака произошло также немало улучшеній въ пользу женщины. Мы уже упоминали, напр., что въ рядной записи женихъ нерѣдко обязывался не бить жены, что послѣдняя пріобрѣла право жалобы на жестокое обхожденіе мужа и по второй жалобѣ могла получить разводъ. Во время Корба, въ высшихъ слояхъ русскаго общества, женщины уже перестали считать плеть доказательствомъ мужниной любви; „онѣ, говоритъ упомянутый путешественникъ,—охотно освободились бы отъ крайне унизительной покорности своимъ мужьямъ, если бы только нашелся преобразователь столь жестокихъ для нихъ обычаевъ". Въ имущественномъ отношеніи, въ эту эпоху подчиненія были положены прочныя основы тѣхъ правъ

русской женщины, которыя въ настоящее время дѣлаютъ ея положенiе болѣе выгоднымъ, чѣмъ положенiе женщины во Францiи и Англiи. Дочь, при неимѣнiи брата, могла наслѣдовать даже и недвижимое имущество, а при братѣ—ея наслѣдственная доля замѣнялась приданымъ. Въ XVII в., даже при братьяхъ дочери начали получать на прожитокъ особыя доли изъ отцовскихъ помѣстiй. Въ приданое давалось какъ движимое, такъ и недвижимое имущество, иногда даже цѣлыя вотчины и крестьяне. Въ древнѣйшее время имущество жены состояло въ полномъ распоряженiи мужа, но очень рано въ исторiи у насъ водворилась полная раздѣльность супружескаго имущества. Жена была такою же собственницею, какъ и мужъ. Она владѣла своими вотчинами, своимъ имѣнiемъ; могла прiобрѣтать и отчуждать ихъ и вести дѣла отъ себя, даже безъ согласiя мужа. Супруги, какъ лица независимыя другъ отъ друга въ имущественномъ отношенiи, могли вступать между собою въ разнообразные договоры и сдѣлки, въ куплю-продажу, мѣну, займы и т. д. По смерти мужа, имущество жены и приданое оставались за нею; кромѣ того мужья сплошь и рядомъ назначали своимъ вдовамъ на прожитокъ извѣстную долю изъ своего имѣнiя, иногда же вдова, вмѣстѣ съ дѣтьми, получала сполна все имущество покойнаго. Такимъ образомъ, дѣвушка съ прожиточнымъ помѣстьемъ, вдова, даже замужняя женщина были въ своихъ имѣнiяхъ независимыми госпожами и вмѣстѣ съ помѣщиками-мужчинами должны были нести за владѣнiе помѣстьемъ обязательную государственную службу посредствомъ своихъ дѣтей, родственниковъ или постороннихъ лицъ. Роль помѣщицы имѣла такое же важное

значеніе для развитія въ женщинѣ самостоятельнаго характера, какъ и роль феодалки въ западной Европѣ.

Женщина всегда рвалась на свободу изъ своей семейной неволи и стремилась принять участіе въ общественной жизни. Дѣвушки и женщины, убѣгая изъ своихъ семействъ, нерѣдко приставали къ разнымъ бродягамъ, составляли шайки, дѣлались атаманами разбойниковъ; преданія о знаменитыхъ разбойницахъ и урочища, носящія ихъ имена, разсѣяны по всей Россіи. Въ смутныя времена подобныя женщины дѣйствовали нерѣдко наравнѣ съ мужчинами. Такъ, наприм., въ эпоху Разина, одна монахиня, жившая въ пригородной слободѣ подъ Арзамасомъ и занимавшаяся вѣдовствомъ, явилась въ Темниковъ, стала набирать здѣсь банду и приняла предводительство надъ бунтующими мужиками. Побѣдитель послѣднихъ, Юрій Долгорукій, велѣлъ сжечь ее въ срубѣ. Современники говорятъ, что она ходила въ мужскомъ платьѣ и была столь неустрашима, что когда прочитали ей смертный приговоръ, то не измѣнилась въ лицѣ, а когда жгли въ срубѣ, то сказала: „когда бы всѣ такъ воевали, какъ я, то князь Юрій навострилъ бы отъ насъ лыжи". Даже женщины высшихъ классовъ умѣли все-таки пользоваться свободой и нерѣдко, оставляя теремъ, преимущественно по ночамъ, отправлялись куда нибудь кутить въ веселой компаніи. Для этихъ выѣздовъ онѣ держали обыкновенно мужское платье, верховыхъ лошадей и сѣдла. Въ XVII в. строгая разобщенность половъ начала уже значительно смягчаться. По окончаніи обѣденнаго стола для гостей, къ нимъ каждый разъ выходила хозяйка, подчивала ихъ водкою и цѣловалась поочередно со всѣми. Женщины иногда

даже участвовали вмѣстѣ съ мужчинами и на пирушкахъ, пили вмѣстѣ, цѣловались, играли. „Женщинъ, пишетъ Корбъ, — можно нынѣ видѣть, когда онѣ ѣздятъ въ своихъ экипажахъ въ церковь или къ друзьямъ; но эти выѣзды составляютъ уже значительное отступленіе отъ строго-наблюдавшагося прежде обыкновенія, по которому экипажи, въ которыхъ запирались женщины, такъ бывали закрыты, что у заключенныхъ въ нихъ отнималась даже самая свобода зрѣнія“. Даже въ царскомъ дворцѣ, гдѣ обычаи теремнаго заключенія соблюдались гораздо строже, чѣмъ въ домахъ простыхъ смертныхъ, — даже въ царскомъ дворцѣ женщина умѣла постепенно освобождаться отъ оковъ этихъ обычаевъ. Въ XVII в. царицы и царевны начинаютъ выѣзжать чаще, чѣмъ прежде, даже въ открытыхъ экипажахъ, появляются передъ глазами публики въ окнахъ дворца; справляя свои именины, царица принимаетъ лично все боярство, чего не бывало прежде; царица Софья окончательно сбрасываетъ съ себя всѣ узы теремныхъ обычаевъ и всюду является на ряду съ мужчинами. Во дворцѣ заводится театръ и въ немъ присутствуютъ женщины, хотя и скрытно отъ постороннихъ взоровъ. Царевна Наталья Алексѣевна устроила даже публичный театръ, на которомъ сама была въ числѣ актрисъ, и на которомъ, между прочимъ, былъ поставленъ переводъ мольеровской комедіи „Врачъ по-неволѣ“. Эта царевна сама писала трагедіи и комедіи, и послѣ ея смерти осталась библіотечка драматическихъ сочиненій. Словомъ, передъ реформою Петра русскія женщины уже сильно стремились выйдти изъ терема на свободу, и онѣ,

болѣе чѣмъ кто-нибудь другой, радостно привѣтствовали восходящее петровское солнце.

Въ эпоху полнаго подчиненія женщины, ей предоставлялись внѣ семейства только двѣ сферы дѣятельности—подвижничество и христіанская благотворительность. Русская исторія полна примѣрами замѣчательной женской филантропіи и сострадательности ко всѣмъ страдающимъ, начиная съ преступниковъ и невольниковъ. Благодаря этой женской сострадательности, въ народномъ міросозерцаніи прочно укоренилось самое гуманное воззрѣніе на преступниковъ, какъ на *несчастныхъ*. Но кромѣ филантропической дѣятельности, женщина завоевала себѣ право стоять наравнѣ съ мужчиной и въ другой сферѣ, въ которой она была наиболѣе унижена. Въ расколѣ женщина является наставницею, пророчицею, священникомъ, основываетъ новыя секты, проповѣдуетъ распространяетъ свои доктрины, становится во главѣ религіозной общины. Она сбросила здѣсь съ себя печать отверженности и заставила признать свое человѣческое достоинство. Въ исторіи раскола мы видимъ множество женщинъ, замѣчательныхъ своею дѣятельностію и тою силою характера, съ какою онѣ дѣйствовали на пользу своей вѣры. Такова была, наприм., пріятельница протопопа Аввакума, богатая, знатная, приближенная ко двору боярыня Морозова. Она всю себя посвятила дѣламъ древняго благочестія, благотворительности, пропагандѣ и обличенію „никоніанъ“. Ни застращиванія, ни увѣщанія, ни гоненія, ни конфискація имущества,—ничто не могло своратить ее съ ея пути. Наконецъ ее, вмѣстѣ съ ея сестрою кн. Урусовой, арестовали, заключили въ тюрьму, подвергли пыткамъ, —

огнемъ жгли, поднимали на дыбу, били въ пять плетей немилостиво, въ двѣ перемѣны, по хребту и по брюху, морили голодомъ въ земляной тюрьмѣ, гдѣ ихъ съѣдали насѣкомыя и гдѣ онѣ задыхались отъ страшной вони; — обѣ онѣ умерли скоро въ этомъ заточеніи, не отступивъ ни на іоту отъ тѣхъ убѣжденій, которыя считали истинными. Примѣровъ подобнаго женскаго героизма—сотни.

Женщины, особенно въ Новгородѣ, имѣли даже нѣкоторое посредственное вліяніе и на государственную жизнь, и Иванъ Грозный, покоривъ республику, счелъ нужнымъ привести къ присягѣ не только мужчинъ, но и женщинъ. Изъ Московіи жены не рѣдко имѣли сильное вліяніе на своихъ мужей, напр., царица Ирина, сестра Бориса Годунова, равно какъ и жена послѣдняго. Царицы, царевны и приближенныя къ нимъ боярыни, по выраженію Котошихина, своимъ вліяніемъ „многихъ людей отъ напрасныхъ и ненапрасныхъ бѣдъ и смертей освобождали, а иныхъ въ чести возвышали и въ богатство приводили“. Это, закрытое въ своихъ теремахъ общество, никому невидимое во дворцѣ, становилось по временамъ даже политическою силою, которая своимъ подземнымъ вліяніемъ давала извѣстное направленіе государевымъ поступкамъ и дѣламъ, возводила людей на высоту царскихъ милостей, а, стало быть, и управленія, или низвергала ихъ съ этой высоты, поддерживала падающихъ или помогала ихъ паденію“ (Забѣлинъ). Наконецъ, въ самомъ концѣ древней русской исторіи, на сцену является протестующая противъ теремной неволи, очень умная, смѣлая и энергическая дѣвушка, которая отворяетъ настежъ двери своего терема, овладѣ-

ваетъ верховною властью, свободно обращается въ обществѣ мужчинъ, правитъ государствомъ, даетъ публичныя аудіенціи, сама творитъ судъ и расправу, является, какъ царь, въ публичныхъ процессіяхъ и организуетъ обширный стрѣлецкій заговоръ, чуть-было не остановившій великой петровской реформы. Какъ политическій дѣятель, царевна Софья, при всемъ своемъ умѣ, при всей своей энергіи, не имѣетъ большой цѣны: она стояла за сохраненіе московско-византійскаго порядка, въ то время, когда сближеніе съ Европой сдѣлалось для Россіи самою настоятельною необходимостью; но какъ женщина, которая первая открыто и смѣло отвергла удаленность женщины отъ общества и ея теремную неволю, Софья служитъ замѣчательнымъ историческимъ явленіемъ. Разрушивъ теремъ, Петръ сдѣлалъ для всѣхъ вообще женщинъ то же самое, что Софья сдѣлала лично для себя. Софья указываетъ собою на то, до какой глубины нравственнаго паденія и до какой ожесточенной необузданности дошли бы русскія женщины, если бы петровская реформа не ускорила ихъ освобожденія, и, освободивъ ихъ изъ чисто-азіятской неволи, не дала имъ по крайней мѣрѣ той свободы, какою пользовалась тогда европейская женщина.

VII.

Къ концу XVII вѣка старый патріархальный бытъ разшатался до того, что даже лучшіе изъ его охранителей начали сознавать необходимость перемѣнъ и новыхъ порядковъ. Осторожно и мало-по-малу стали совершать передѣлки въ древне-русской жизни на евро-

пейскій образецъ. Во главѣ этого движенія всѣхъ рѣзче и послѣдовательнѣе выступилъ Петръ, обставленный всѣми ужасами террора. Старый порядокъ былъ потрясенъ во многихъ своихъ основахъ. Реформа подорвала значеніе родового принципа, царившаго надъ всей древне-русской жизнью, и дала сильный толчокъ тому постепенному разложенію архаическаго семейства, какое мы видимъ въ исторіи всѣхъ цивилизованныхъ народовъ *). Въ государственной жизни, выражаясь словами кн. Щербатова, „стали уже не роды почтенны, а чины, заслуги и выслуги“; на передній планъ былъ выдвинутъ принципъ личнаго достоинства, и личность во многихъ отношеніяхъ сдѣлалась независимою отъ семьи и рода. Реформа разрушила теремъ—эту темницу, построенную родовымъ началомъ и патріархальнымъ деспотизмомъ для женщины, и сдѣлала послѣднюю членомъ общества. Это былъ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ дѣлѣ освобожденія русской женщины. Вышедши на свободу изъ терема, она сравнялась съ европеянкой и получила возможность вмѣстѣ съ нею дѣйствовать въ пользу дальнѣйшей своей независимости.

Профессоръ Соловьевъ говоритъ, что „семейная реформа петрова, освобожденіе женщины изъ терема, совершилась скоро и безпрепятственно: доказательство, что теремное заключеніе женщины коренилось не въ умоначертаніи нашихъ предковъ, не въ какихъ-нибудь религіозныхъ воззрѣніяхъ, занесенныхъ изъ Византіи, а въ извѣстныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ:

---

*) Объ этомъ разложеніи см. въ моей книгѣ „Историческія Судьбы Женщины“.

грубость нравовъ дѣлала невозможнымъ пребываніе женщины въ мужскомъ обществѣ... Ни одинъ современный писатель не говоритъ, что семейныя реформы Петра встрѣтили сопротивленіе со стороны какихъ-нибудь византійскихъ вліяній: гдѣ же основаніе предполагать эти вліянія?“ (т. XX, стр. 273).

Это не вѣрно.

Вопервыхъ, семейная реформа Петра совершилась скоро только въ высшихъ слояхъ столичнаго общества, въ которыхъ женщина давно уже старалась вырваться изъ терема. Петръ сразу удовлетворилъ этимъ стремленіямъ, которыя и безъ его крутого переворота все-таки достигли бы своей цѣли, хотя и не такъ скоро. Въ среднихъ классахъ и въ провинціяхъ теремное заключеніе и отчужденіе женщины отъ общества не совсѣмъ еще пали даже въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Аббатъ Шаппъ говоритъ, что даже во время его путешествія въ Россіи почти вовсе не было [illegible] въ европейскомъ значеніи этого слова. „Такъ [illegible] мужчины мало уважаютъ женщинъ, то онѣ не играютъ въ обществѣ никакой роли, а какое общество можетъ образоваться безъ нихъ? Онѣ почти постоянно живутъ взаперти, внутри своихъ домовъ; онѣ тамъ проводятъ дни свои въ скукѣ, окруженныя своими рабынями, безъ власти и безъ занятія; онѣ даже не наслаждаются удовольствіемъ чтенія, ибо большинство изъ нихъ не умѣетъ читать... Губернаторы и главные чиновники даютъ по нѣскольку разъ въ годъ большіе обѣды. Родственники точно также собираются отъ времени до времени для того, чтобы праздновать имянины, но они рѣдко допускаютъ на эти празднества людей постороннихъ. На большіе обѣды

приглашаютъ и мужчинъ, и женщинъ, но ихъ не сажаютъ за одинъ столъ, даже въ одной комнатѣ. Хозяйка дома является въ комнату мужчинъ лишь въ ту минуту, когда они собираются садиться за столъ, и несетъ большой подносъ съ рюмками водки, которую она подаетъ всѣмъ гостямъ съ крайнимъ смиренiемъ, [illegible] затѣмъ удаляется". „Злоупотребляя болѣе чѣмъ гдѣ-либо правомъ сильнаго, мужчины установили самые несправедливые законы, противъ которыхъ до сихъ поръ ничего не могутъ сдѣлать женская красота и женская нѣжность. Женщинъ обыкновенно нельзя иначе видѣть, какъ въ присутствiи ихъ мужей, и если вы съ ними внимательны и любезны, то подвергаетесь опасности больше уже не видать ихъ". Въ захолустьяхъ купечество, духовенство, мелкое чиновничество до сихъ поръ держится подобныхъ домостройныхъ обычаевъ, и петровская реформа [illegible]енска[illegible] быта, еще и въ наши дни, совершилась не [illegible]ъ слояхъ народонаселенiя.

Вовторых[illegible]ф[illegible]орма произошла далеко не безпрепятственно, [illegible]ъ утверждаетъ это многоученый историкъ. Она вызвала борьбу съ традицiями старыхъ порядковъ, которая продолжалась не только при Петрѣ, но и долго послѣ него. Всѣ люди стариннаго завѣта, всѣ отцы и мужья, воспитанные по правиламъ Домостроя, всѣ сословiя, которыхъ вовсе не касалось или же касалось мало просвѣтительное влiянiе Европы, въ особенности духовенство и купечество, — всѣ они были крайне недовольны тою свободою и тѣмъ участiемъ въ общественной жизни, какiя предоставила женщинѣ петровская реформа. Правда, семейная реформа еще при жизни Петра пустила самые прочные корни въ русскую

почву, а провозглашенный ею принципъ женской свободы постепенно развивался и осуществлялся въ послѣдующее время, особенно въ царствованіе четырехъ императрицъ, но этому постепенному улучшенію женскаго быта всегда противодѣйствовали тѣ начала, которыя въ XVI и XVII столѣтіяхъ довели русскую женщину до такого безгласнаго и жалкаго положенія. Останавливаясь во время такихъ реакціонныхъ періодовъ, какъ, напр., царствованіе Павла, дѣло улучшенія женской судьбы шло, однакожъ, впередъ вплоть до начала новой эпохи въ исторіи женщины—до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, когда, подъ вліяніемъ европейской мысли, у насъ блеснула яркимъ свѣтомъ великая идея женской свободы и равноправности.

Петръ не только освободилъ женщину изъ терема, не только ввелъ ее въ общественную жизнь, но и положилъ начало улучшенію ея семейнаго быта,—улучшенію, которое послѣ него совершалось постепенно, не столько, впрочемъ, путемъ законодательнымъ, сколько помимо закона, путемъ житейской практики. Еще до Петра патріархъ Адріанъ сѣтовалъ на то, что браки заключаются безъ взаимнаго согласія жениха и невѣсты, отъ чего „житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно“. Петръ старался искоренить тотъ патріархальный обычай, въ силу котораго бракъ заключался не вступающими въ него лицами, а ихъ родителями. Въ 1702 г. онъ уничтожилъ и рядную запись, стѣснявшую еще до свадьбы свободу жениха и невѣсты, постановивъ, что „буде кто дочь или сестру или какую свойственницу, или дѣвица сама или вдова сговоритъ замужъ за кого, а послѣ сговору и обрученья

женихъ невѣсты взять не похочетъ или невѣста за жениха замужъ идти не похочетъ, и въ томъ быть свободѣ“. Подъ вліяніемъ этой прогрессивной реформы, русскія дѣвушки скоро завоевали себѣ несравненно большую свободу въ выборѣ жениховъ, чѣмъ какою онѣ пользовались прежде. Энергія ихъ сопротивленія родительскому произволу усилилась до того, что многіе родители перестали уже дѣйствовать принудительнымъ образомъ, а только ограничивались своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Наталья Долгорукая, напр., разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ ее, влюбленную въ другого, всѣ родственники хотѣли выдать замужъ за одного очень выгоднаго жениха, какъ она несогласилась „съ такимъ безсовѣстнымъ совѣтомъ“ и, несмотря на всѣ препятствія, все-таки соединилась съ своимъ несчастнымъ возлюбленнымъ. Это стремленіе женщины къ свободѣ выбора себѣ мужа, стѣсняемое родительскимъ произволомъ, чаще и чаще начало находить себѣ исходъ въ бѣгствѣ дѣвушки изъ отцовскаго дома съ любимымъ человѣкомъ. Участь этихъ бѣглыхъ любовниковъ, часто преслѣдуемыхъ закономъ и родительскою властью, всегда находила себѣ сочувствіе не только въ женщинахъ, но и во многихъ мужчинахъ; нѣкоторые даже спеціально посвящали себя участію въ подобныхъ исторіяхъ,—помогали женамъ освобождаться отъ гнета мужей, дѣвушкамъ отъ произвола отцовъ, мирили бѣглую невѣсту съ ея родителями и т. д. (Зап. Хвостовой, 21). Случалось даже, что невѣста, выбравъ себѣ жениха, силою женила его на себѣ. Въ мемуарахъ Маркова разсказывается объ одной помѣщицѣ, жившей при Екатеринѣ. Ей было лѣтъ тридцать, когда въ сосѣднее

имѣніе пріѣхалъ и познакомился съ нею двадцатилѣтній офицерикъ, сынъ богатаго и извѣстнаго генерала. Въ одинъ изъ его визитовъ къ этой помѣщицѣ, послѣ обѣда, хозяйка пригласила его прогуляться. Зашли между прочимъ и въ церковь, гдѣ застали священника предъ налоемъ съ крестомъ и евангеліемъ. На вопросъ гостя, что это значитъ, хозяйка отвѣчала, что это значитъ, что они должны сейчасъ же вѣнчаться. Молодой человѣкъ и руками, и ногами сталъ было отбиваться отъ такого неожиданнаго предложенія, но невѣста указала ему на стоявшихъ сзади своихъ людей, вооруженныхъ плетьми, предлагая ему на выборъ или повѣнчаться, или быть высѣченнымъ. Нечего дѣлать, повѣнчались!..

Въ разсматриваемую эпоху строгіе законы о бракѣ попрежнему удерживались законодательствомъ, но жизненная практика имѣла возможность, обходя эти законы, дѣйствовать по своему. При помощи сильной протекціи и взятокъ заключеніе марганатическихъ браковъ было дѣломъ очень легкимъ, особенно для людей высшаго класса. Даже петербургскіе архіереи рублей за 50 давали разрѣшеніе на такіе браки (XVIII вѣкъ, II, 547). Особенно во второй половинѣ XVIII вѣка, по словамъ Болотова, „недозволенныя женитьбы какъ на близкихъ родственницахъ, такъ и отъ живыхъ мужей и женъ, сдѣлались весьма обыкновенными и умножились такъ, что и слышать о томъ было дурно“. Правительство вплоть до Павла относилось къ подобнымъ бракамъ очень легко. Когда, напр., Екатеринѣ „жаловались на уволь дочерей, то она приказывала подъ рукою освѣдомляться. Если открывалось, что дѣвушка по согласію

своему давала увозить себя и обольщать молодымъ людямъ, то она, не подвергая огласительному стыду и строгости законовъ, матерински всегда умѣла обиды и раздоры прекращать семейнымъ миролюбіемъ". (Держав.) Нечего объяснять читателю, какъ много значили для женщины эти вольности, утверждавшіяся въ жизни, благодаря ея стремленіямъ къ свободѣ чувства. Такіе свободные браки были въ XVIII в. до того обыкновеннымъ явленіемъ, что въ царствованіе Павла даже нѣкоторые представители духовной власти старались защитить ихъ отъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя были приняты противъ нихъ администраціей. Покоряясь вліянію правительства и высшаго общества, духовная власть не только терпѣла упомянутыя нарушенія брачныхъ законовъ и обычаевъ, считавшихся священными, но даже сама отмѣняла нѣкоторыя ограниченія, стѣснявшія свободу брачныхъ отношеній. Такъ, напр., бракъ съ иновѣрцемъ или съ иновѣркой не дозволялся въ древней Руси, считаясь грѣхомъ, преступленіемъ, профанаціей таинства. Этотъ предразсудокъ былъ силенъ до такой степени, что при Петрѣ сначала русскія женщины съ своими родителями даже и слышать не хотѣли о бракахъ съ погаными нѣмцами; нѣкоторыя изъ нихъ, пренебрегшія этимъ предразсудкомъ, были разлучены съ своими мужьями и выданы за православныхъ. По волѣ Петра, синодъ въ 1721 году объявилъ браки съ иновѣрцами не только законными и дозволенными, но и похвальными, если они клонятся ко благу государства; мужья, впрочемъ, были обязаны не обращать женъ въ свою вѣру, а дѣтей воспитывать въ православіи. Сближеніе съ иностранцами посредствомъ браковъ приняло

обширные размѣры и имѣло немаловажное цивилизующее вліяніе на русскихъ женщинъ.

Нѣкоторая свобода, дозволяемая въ дѣлѣ заключенія брака, допускалась въ такой же сильной степени и въ дѣлѣ его расторженія. Еще при Петрѣ правительство начало не только допускать разводы, но даже иногда содѣйствовать имъ. Когда Ягужинскій, страдавшій отъ капризовъ своей ипохондрической жены, не рѣшался развестись съ нею, считая это дѣло противнымъ совѣсти и религіи, то Петръ, разсказываетъ Бассевичъ, началъ убѣждать его, что „Богъ установилъ бракъ для облегченія человѣка въ горестяхъ и превратностяхъ жизни,— что дурное супружество прямо противно волѣ божіей, и потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасенія души“. Ягужинскій убѣдился и Петръ далъ ему разводъ. Разведенную жену Ягужинскаго, какъ и первую жену Петра, по древне-русскому обычаю, постригли; но этотъ обычай въ преобразованной Россіи держался недолго, и разошедшіеся супруги вступали обыкновенно въ новый бракъ. Щербатовъ говоритъ, что свободно разрѣшаемые разводы начали умножаться съ царствованія Елисаветы, когда жена Ивана Бутурлина „слюбилась съ Ушаковымъ и, отошедъ отъ мужа, вышла за своего любовника, а мужъ ея женился на Маврѣ Афанасьевнѣ, и публично содѣявъ любодѣйственный и противный церкви сей бракъ, жили“. Въ то же время графиня Апраксина отошла отъ мужа, „который подлинно былъ человѣкъ безпорядочной жизни. Разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ обсужденъ. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей

какую-то обиду, былъ посаженъ подъ стражу и долго содержался, и наконецъ велѣно было ей дать указную часть изъ мужнинаго имѣнія при живомъ мужѣ". При Екатеринѣ, по словамъ Щербатова, такіе разводы, въ однѣхъ столицахъ только, можно уже было считать сотнями. Эти разводы происходили не только по суду, но и по одному взаимному и ничѣмъ неоформленному согласію супруговъ. Мужья бросали женъ, жены оставляли мужей, влюбленные силою отнимали у мужей ихъ женъ. Вигель разсказываетъ, напр., какъ одинъ полковникъ, квартировавшій съ своимъ полкомъ въ Пензѣ, слюбился съ женой какого-то помѣщика. Для любовниковъ настала минута разлуки. При концѣ прощальнаго обѣда, который былъ данъ полковнику помѣщикомъ и на которомъ присутствовалъ почти весь городъ, хозяйка, заливаясь слезами, объявила, что не имѣетъ силы разстаться съ полковникомъ и послѣдуетъ за нимъ всюду. Гости ошеломлены; хозяинъ совершенно растерялся и, повалясь въ ноги своей женѣ, умолялъ ее не покидать его и дѣтей. Между тѣмъ солдаты уже выносили изъ дому тюки и чемоданы съ ея вещами. Мужъ велѣлъ было остановить солдатъ, но полковникъ указалъ ему на стоявшій вблизи вооруженный эскадронъ, готовый по первому его знаку окружить домъ и сдѣлать невозможнымъ всякое сопротивленіе. Черезъ двадцать лѣтъ, эта женщина, брошенная полковникомъ, явилась къ своему мужу, и они снова зажили душа въ душу. Супруги, разошедшіеся безъ всякихъ юридическихъ формальностей, часто вступали формально въ новый бракъ; двуженство и двумужество были явленіями далеко нерѣдкими (Р. Арх. 1867, 1362; Р. Стар. 1871, 40 и др.).

Часто случалось даже, что у одного мужчины было нѣсколько законныхъ женъ и ни съ одною изъ нихъ онъ не имѣлъ формальнаго развода. Вигель, напр., разсказывая о своемъ дядѣ, говоритъ, что „честность его правилъ была видна даже среди волненій его страстей. Слово „наложница“ пугало его добродѣтель, и всякій разъ онъ, влюбляясь въ какую-нибудь простую дѣвку (самая знатная изъ нихъ была кистерская дочь), спѣшилъ соединиться съ нею законными узами. Онъ былъ многоженецъ; я узналъ это послѣ смерти его, когда явилась ко мнѣ одна изъ его вдовъ, прося о помощи; потомъ пришла другая, наконецъ, третья; испугавшись многочисленности тетокъ, я не велѣлъ ни одной пускать. Говорятъ, ихъ было до восьми!..“

Легкость развода существовала, однакожъ, только въ самой жизни, а не въ законѣ, который въ этомъ отношеніи измѣнился очень мало сравнительно съ допетровскою эпохою. Законы Петра и всѣхъ его преемниковъ сдѣлали только одно существенное нововведеніе, предоставивъ супругамъ лицъ, сосланныхъ на каторгу и на поселеніе, продолжать брачное сожительство съ ними или же расторгать его и вступать въ новый бракъ.

Со временъ Петра морганатическія связи сдѣлались у насъ явленіемъ обыкновеннымъ и совершенно терпимымъ. Дѣтей, рожденныхъ въ полуоткрытомъ союзѣ, родители всегда могли узаконить, вступивъ въ бракъ, при совершеніи котораго эти дѣти присутствовали въ церкви и назывались привѣнчанными. Такъ, наприм., были привѣнчаны дочери Петра, Анна и Елисавета, при его бракосочетаніи съ Екатериною (XVIII вѣкъ, III, 8). Но и безъ этого привѣнчиванія, внѣбрачныя дѣти сплошь

и рядомъ избавлялись отъ того безправія и униженія, на которыя ихъ осуждали старое законодательство и патріархальное міросозерцаніе большинства. Вотъ что говоритъ объ этомъ извѣстный поклонникъ старины, кн. Щербатовъ. „Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ кн. Никитѣ Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метресу, а дѣтей его, подъ именеиъ Репниныхъ, благородными призналъ. Также кн. Ив. Трубецкой имѣлъ любовницу и отъ нея сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ. При Елисаветѣ незаконный сынъ кн. Долгорукова, наравнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Татищевъ, не скрывая, холопку свою, отнявшую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, нынѣ толико сихъ в....ковъ дворянъ умножилось, что повсюду толпами ихъ видно: Лицины, Рапцовы и проч., которые или дворянство получаютъ, либо до знатныхъ чиновъ доходятъ, что кажется хотятъ истребить честь законнаго рожденія, и не закрытно содержа метресъ, насмѣхаются и святости закона и моральнымъ правиламъ благопристойности“...

Вольность нравовъ, господствовавшая въ эту эпоху, и гуманизирующее вліяніе Европы много содѣйствовали смягченію жестокостей, съ которыми до тѣхъ поръ преслѣдовались специфическіе проступки и преступленія женщины, порождаемые ея рабскимъ положеніемъ. Тотъ же Щербатовъ, который съ такою яростью нападалъ на „поврежденіе нравовъ“, писалъ объ отмѣнѣ смертной казни дѣтоубійцъ, у которыхъ „стыдъ и страхъ превозмогаютъ и материнскую любовь и человѣчество“, тре-

бовалъ для нихъ „пощады“ и христіанскаго милосердія. Особеннымъ гуманнымъ снисхожденіемъ къ женщинамъ отличалась Екатерина II, какъ можетъ показать это слѣдующій случай. Одинъ юноша любилъ взаимно молодую дѣвушку, отецъ которой никакъ не соглашался отдать ее за этого бѣднаго и незнатнаго жениха. Любовникамъ пришлось разстаться. Во время ихъ послѣдняго свиданія, отсутствовавшій отецъ дѣвушки вернулся домой; она, съ помощью горничной, спрятала жениха подъ перину; онъ задохся. Дѣвушка со своей горничной обратилась за помощью къ батраку, который унесъ и скрылъ трупъ. Въ награду за это и въ обезпеченіе сохраненія тайны, батракъ потребовалъ любви барышни, и несчастная была вынуждена отдаться негодяю. У нихъ родился ребенокъ; батракъ утопилъ его. Обобравъ до гола свою невольную любовницу, онъ заставилъ ее обворовывать отца. Разъ въ кабакѣ, передъ пьяными собутыльниками, онъ началъ хвастать своею связью съ барышней; ему не повѣрили; онъ послалъ ей приказаніе явиться въ кабакъ. Она пришла; брань, издѣвательства, насмѣшки пьяныхъ мужиковъ чуть не свели ее съ ума; выйдя изъ кабака, она обложила его соломою и сожгла его со всѣми свидѣтелями своего униженія. Возвратившись домой, она созналась въ невольномъ убійствѣ любовника, въ связи съ батракомъ, въ попущеніи дѣтоубійства и въ поджогѣ, причинившемъ смерть нѣсколькимъ человѣкамъ. За все это Екатерина отдала ее только на церковное покаяніе.

Подобная гуманность къ женщинѣ, немыслимая въ древней Россіи, была прежде всего обязана своимъ развитіемъ гуманитарному вліянію европейской цивили-

зацiи; но не менѣе важную роль въ этомъ играло и постепенное паденiе патрiархальныхъ обычаевъ, постепенное поврежденiе патрiархальныхъ нравовъ и водворенiе той половой свободы, которою такъ славился нашъ XVIII вѣкъ. Эта свобода, доходившая сплошь и рядомъ до крайняго безобразiя, была прямымъ результатомъ того домостройнаго рабства, которое порождало такой развратъ въ до-петровской Руси. Вырвавшись при помощи Петра на свободу изъ своихъ теремовъ, русскiя женщины, развращенныя своимъ прежнимъ рабствомъ, на первый разъ не знали точной границы между свободой чувства и своей общественной независимостью и открытымъ циническимъ развратомъ. Это была естественная реакцiя женской страсти и женскаго протеста противъ вѣкового угнетенiя. Не петровская эманципацiя, а древнерусское рабство было главною причиною распущенности XVIII вѣко. Это понимали даже и тогдашнiе наблюдатели русской жизни, напр., аббатъ Шаппъ, который доказываетъ, что „испорченность женскаго пола въ Россiи есть слѣдствiе тиранства мужчинъ“, и что если отъ петровской реформы „нравы немного выиграли, то единственно отъ того, что они были слишкомъ испорчены до этой перемѣны“. Развитiю половой свободы много содѣйствовало также и сближенiе съ Европой, въ которой нравы были тогда крайне фривольными. Превратившись изъ тяжелой боярыни въ великосвѣтскую даму, познакомившись съ европейскими модами и кокетствомъ, предавшись безпутной роскоши и свѣтскимъ удовольствiямъ, изучивъ сладостное искусство волокитства, русская женщина высшаго круга измѣнила и самый характеръ любви, которая приняла европейскiя

формы ухаживанья и перестала уже ограничиваться исключительно чувственными актами. „Страсть любовная, говоритъ Шербатовъ,—до Петра 1 почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать. Жены, до того нечувствовавшія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями, распростерли роскошь въ украшеніххъ“. Но, не смотря на это, не смотря даже на то, что нѣкоторые уже знали любовь, основанную „не на одной только разности половъ“, какъ выражается фонъ-Визинъ,—характеръ любви вплоть до начала XIX вѣка оставался грубо-чувственнымъ. О большинствѣ русскихъ женщинъ прошлаго вѣка Шаппъ справедливо замѣчаетъ, что „онѣ не знаютъ другихъ удовольствій, кромѣ чувственныхъ и часто предаются своимъ рабамъ, которые, разумѣется, не евнухи; крѣпкое тѣлосложеніе и здоровье руководятъ ихъ выборомъ“. Тогдашняя поэзія никогда не поднималась выше чувственнаго представленія любви, которое недурно характеризуется въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ одной эротической оды:

О, ты, что чувства насъ плѣняешь,
Томишь и услаждаешь кровь,
Пріятну страсть въ сердца вливаешь,
О, ты, божественна любовь!...

Соблазнительныя книги и похабные рисунки доставляли одно изъ любимѣйшихъ удовольствій для обоихъ половъ. У знаменитѣйшей барыни того вѣка соблазнительныя изображенія занимали собою стѣны цѣлой комнаты съ потолка до полу. Французскій дворъ Людовика,

съ его куртизанками, оленьими парками и ничѣмъ не стѣснявшимся публичнымъ и частнымъ развратомъ, дававшій тонъ всей тогдашней Европѣ, былъ образцомъ грубаго подражанія и для насъ. Развратъ вошелъ въ обычай, въ моду и считался признакомъ образованности. Многіе тогда не женились только потому, что c'est du bon ton быть холостымъ. Замужнія женщины считали какъ бы своею обязанностію открыто измѣнять мужьямъ и, по тогдашнему общеупотребительному выраженію, *махаться* съ другими. Въ одномъ ихъ тогдашнихъ сатирическихъ журналовъ одна дама жалуется на чудачество своего мужа, который не слушаетъ ея резоновъ относительно того, что „въ хорошихъ сосіететахъ за порокъ не почитаютъ *махать* отъ скучныхъ мужей и что, напротивъ, такихъ женщинъ вездѣ хорошо принимаютъ, а ежели бы маханье было порокъ, то бы всеконечно ихъ въ хорошихъ домахъ не ласкали". Въ высшихъ сферахъ барыни не жили безъ любовниковъ, мѣняя ихъ чуть не каждый день. Торжествомъ моды было, если мужъ и жена жили на двухъ отдѣльныхъ половинахъ и имѣли особыхъ знакомыхъ, если мужъ содержалъ метресу, а жена была окружена роемъ обожателей. Мужчины были развращены еще болѣе женщинъ. Петръ со своими спутниками и въ Германіи, и въ Парижѣ велъ себя такъ, что иностранцы рты разѣвали отъ удивленія. Въ Россіи, какъ самъ великій преобразователь, такъ и всѣ птенцы его, были еще менѣе воздержны, чѣмъ за границей. Эта реакція противъ до-петровскаго гнета еще болѣе усилилась впослѣдствіи. Во второй половинѣ XVIII вѣка содержаніе любовницъ и великолѣпная обстановка ихъ сдѣлались модой велико-

свѣтской жизни и необходимымъ тономъ аристократической роскоши. Лучшіе люди Россіи погрязали въ порокѣ и часто погибали отъ него, подобно величайшему изъ дѣятелей того вѣка... Такъ, напр., извѣстный Шуваловъ, по выраженію князя Щербатова, „во удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метресъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такою роскошью, принималъ ежедневно лекарства, которыя и смерть ему приключили“. Многіе бара жили этою жизнію до глубокой старости. Ихъ жизнь была безпрерывнымъ рядомъ волокитствъ, ухаживаній и оргій. „Примѣры таковые не могли не разлиться на весь народъ и повсюду роскошь и сластолюбіе умножались“, замѣчаетъ Щербатовъ. Въ общественныхъ слояхъ, непринадлежавшихъ къ высшей аристократіи, нравы также потеряли свою прежнюю лицемѣрную строгость. Возьмите любые мемуары XVIII вѣка, и на первыхъ же страницахъ вы прочтете, какъ молодой человѣкъ, развращенный уже съ молодыхъ лѣтъ своими воспитателями, пріятелями, соблазнительными книгами и эстампами, „узнавъ въ теоріи все, что ему знать еще было рано, начиналъ искать случая теоретическія свои занятія привесть въ практику“, и нашедши подходящую женщину, просвѣтивъ ее въ теоріи, начиналъ „преподавать ей и физическіе эксперименты“ (фонъ-Визинъ, стр. 491). Волокитство сдѣлалось главнымъ занятіемъ русской молодежи, жившей на счетъ крѣпостного права. Въ XVIII в., говоритъ одинъ современникъ,—„молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно или и вовсе не

былъ принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей и долженъ былъ ограничиваться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми, да и тѣ, бывало, суются туда же. Кто не развращенъ былъ на дѣлѣ, — хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ". Русскій джентльменъ тѣхъ временъ гордился, какъ доблестями, своими развратными подвигами,—тѣмъ, что —

Въ задорной юности своей
Онъ былъ жрецомъ всѣхъ грацій,
Рогами украшалъ мужей
И бралъ ихъ женъ всѣхъ націй, —

не пропускалъ ни одной смазливенькой бабенки, чтобы не полюбиться съ нею. Женщины среднихъ классовъ сплошь и рядомъ вольничали такъ же открыто, какъ и великосвѣтскія мессалины. Главными центрами разврата были столицы; но и въ провинціяхъ дѣла шли немногимъ лучше, напр., въ Сибири. Шаппъ говоритъ о сильной развращенности тобольскаго края. Палласъ пишетъ въ своемъ дневникѣ, что онъ, кромѣ Томска, „ни единаго мѣста не видывалъ, въ которомъ были бы въ такой степени распространены развратъ и французская болѣзнь; на нихъ жалуются и во всѣхъ другихъ сибирскихъ городахъ, и вмѣстѣ съ пьянствомъ онѣ служатъ ужаснымъ бѣдствіемъ для народонаселенія этой страны". Одинъ офицеръ XVIII в., жившій на сибирской линіи, говоритъ въ своихъ мемуарахъ (Домовая лѣтопись Андреева, рукоп. 1789—1800 г.), что онъ „жены свой никуда не отпускалъ въ гости, ибо всѣ офицерскія жены распутныя, о которыхъ уже я, будучи холостымъ, довольно по

обращенію навѣдался". В. Головнинъ свидѣтельствуетъ, что во всей Камчаткѣ нѣтъ ни одной Лукреціи; „дѣвки здѣсь по большой части ведутъ распутную жизнь; но еще въ вящшее преступленіе приводитъ ихъ стыдъ, заставляющій истреблять младенцевъ, незаконно ими рожденныхъ". Развратъ въ Сибири обусловливается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что женщины тамъ были рѣдки; эта рѣдкость женщинъ доводила мужчинъ до такихъ неистовыхъ насилій, какія могли быть терпимы только въ такомъ темномъ углу, какъ Сибирь. Развратъ, такимъ образомъ, былъ всеобщій. Дома терпимости, которые до Петра существовали въ тайнѣ, теперь начали явно рости, какъ грибы послѣ дождя. Постоянныя арміи и крѣпостное право развращали страну, а войны, деспотизмъ, всевозможныя злоупотребленія разоряли ее, и вопіющая бѣдность заставляла женщинъ торговать своимъ тѣломъ. Впрочемъ, порокомъ торговали не одни только низшіе классы. Аристократическій фаворъ, доставлявшій чины, должности и громадныя состоянія, былъ той же проституціей. Женщины среднихъ классовъ сплошь и рядомъ проститутничали на особый манеръ, давая взятки своимъ тѣломъ. Это было явленіемъ до того обыкновеннымъ, что къ нему относились совершенно равнодушно даже такіе люди, какъ Радищевъ и Ф. В. Ушаковъ. Въ біографіи послѣдняго Радищевъ разсказываетъ, что у него „въ числѣ множественныхъ просителей бывали иногда женщины,—женщины молодыя, которыя въ жару доводовъ о справедливой или неправильной ихъ просьбѣ, забывали иногда, чѣмъ были должны цѣломудрію, а иныя, помня лѣта того, къ кому шли на прошеніе, умышленно употребляли

чары красоты своей на погубленіе Федора Васильевича. Однажды, напр., проснувшись утромъ, Ушаковъ увидѣлъ отроковицу, сидящую у одра его и тщательно отгоняющую крылатыхъ насѣкомыхъ съ лица его, которая устремляла на него взоры пламеннаго желанія съ улыбкою страсти. Просительница жила въ разводѣ со старымъ мужемъ, имѣла нужду въ предстательствѣ Федора Васильевича, провидѣла его горячее тѣлосложеніе, пришла на уловленіе его и успѣла".

Легкость общественныхъ нравовъ давала тонъ и направленіе всей общественной жизни. Волокитство, семейныя ссоры изъ-за супружеской невѣрности, бѣгство женъ съ любовниками, увозъ дѣвушекъ, скандалы, порожденные ревностью,—все это сдѣлалось однимъ изъ интереснѣйшихъ предметовъ, занимавшихъ общественное мнѣніе и дававшихъ нескончаемую работу языкамъ сплетниковъ. Любовныя связи въ высшихъ сферахъ должны были интересовать всѣхъ тѣмъ болѣе, что отъ нихъ часто зависѣлъ ходъ государственныхъ дѣлъ. Борьба за фаворъ была такъ упорна и такъ сложна, что ее можно было съ перваго взгляда принять за борьбу политическихъ партій. Старый фаворитъ со своими сторонниками не останавливался ни передъ какими средствами, чтобы оградить себя отъ соперника: онъ клеветалъ, доносилъ на него, старался упечь его въ ссылку и т. д. Такъ, когда при дворѣ Елисаветы появился красивый юноша Бекетовъ и обратилъ на себя вниманіе, то Шуваловы прежде всего постарались удалить его посредствомъ сплетней, перетолковывая самымъ неблаговиднымъ образомъ его дружбу съ молодыми пѣвчими. Когда это не удалось, то Петръ Шува-

ловъ вкрался въ довѣренность Бекетова, льстилъ его красотѣ, и для сохраненія ея рекомендовалъ какую-то личную помаду, отъ которой вся физіономія юноши покрылась прыщами; этимъ воспользовались, какъ доказательствомъ того, что Бекетовъ зараженъ секретною болѣзнію, и онъ былъ удаленъ. На подобныя интриги вельможи XVIII вѣка тратили значительную часть времени. Общественныя собранія и увеселенія носили тотъ же грубо-фривольный характеръ. Хотя Петръ, устроя ассамблеи и пріучая своихъ полудикарей къ европейской общественности, долго училъ ихъ „како комплименты разговаривати“ и какъ приличнѣе вести себя даже дома, напр., „не разувся съ сапогами и башмаками не ложиться на постели“,—но и самъ учитель и его ученики вовсе не слѣдовали этимъ правиламъ, отличаясь иногда едва теперь уже понятнымъ для насъ цинизмомъ. На ассамблеяхъ пьянствовали и мужчины, и женщины, а волокитство напоминало собою аѳинскія оргіи. Неприличные разговоры сплошь и рядомъ доходили до безобразія. Прочтите переписку Петра съ Екатериной, и вы изумитесь тѣмъ сальнымъ шуткамъ, тѣмъ крайне циническимъ выходкамъ, которыми услаждали другъ друга эти супруги. Вотъ что, напр., писалъ Петръ женѣ изъ Спа, въ 1717 г.: „Понеже во время питія водъ домашней забавы дохтуры употреблять запрещаютъ, того ради я метресу свою отпустилъ къ вамъ, ибо не могъ бы удержаться, ежелибъ при мнѣ была“. Екатерина отвѣчала ему: „Что вы изволили писать, что вы матресишку свою отпустили сюда для своего воздержанія, и тому я вѣрю, однакожь больше мн[illegible] что вы оную изволили отпустить за ея болѣзнію, в[illegible]

которой она и нынѣ пребываетъ и не желала бъ и (отъ чего Боже сохрани!), чтобъ и глаганъ (т. е. любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала!..“ Чтобы охарактеризовать тогдашнія общественныя увеселенія, достаточно припомнить, что одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду ихъ занимали шутовскія свадьбы, происхожденіе которыхъ относится, впрочемъ, къ до-петровскому періоду. Въ 1715 г. Петръ съ шумными потѣхами женилъ своего семидесятилѣтняго князя-папу Зотова на шестидесятилѣтней старухѣ Пашковой. При пушечной пальбѣ, звукахъ музыки и колокольномъ звонѣ всѣхъ церквей, женихъ и невѣста, оба въ полныхъ кардинальскихъ облаченіяхъ, были обвѣнчаны въ Петропавловскомъ соборѣ девяностолѣтнимъ священникомъ. Толпы народа сопровождали свадебную процессію со смѣхомъ и криками: „патріархъ женился! патріархъ женился! да здравствуетъ патріархъ съ патріаршею!“ Когда этотъ „всешутѣйшій патріархъ“ отъ пьянства умеръ и на его мѣсто былъ избранъ старикъ Бутурлинъ, Петръ женилъ его на вдовой патріаршѣ Зотовой, отпраздновавъ ихъ свадьбу съ новыми потѣхами. Брачная комната была ярко освѣщена внутри, а постель обложена хмѣлемъ и обставлена бочками съ виномъ, пивомъ и водкой. Молодые были невообразимо пьяны. Въ заключеніе потѣхи ихъ оставили однихъ, но въ стѣнахъ спальни были провернены отверстія, въ которыя желающіе могли свободно смотрѣть... При Петрѣ эти свадьбы имѣли еще общественный смыслъ,—какъ средство для осмѣянія нелѣпой старины, — но послѣ Петра эти потѣхи приняли характеръ исключительно клубничныхъ увеселеній, раздражавшихъ отупѣвшіе нер-

вы полудикой публики. Однажды, напр., устроили свадьбу шута съ козой. Извѣстная свадьба шута Анны, князя Голицына, съ придворной калмычкой имѣла даже общегосударственный характеръ. Праздновалась она, какъ извѣстно, въ ледяномъ домѣ, и всѣ провинціи обязаны были доставить для этой потѣхи русскихъ и инородческихъ плясуновъ, верховыхъ лошадей для придворныхъ дамъ, собакъ, пѣтуховъ, козловъ, барановъ и т. д. Придворный піита Тредьяковскій, только-что избитый Волынскимъ, читалъ при этомъ торжествѣ пошлые поздравительные стихи новобрачнымъ, и вся потѣха отличалась тою же грубостію, какъ и вирши несчастнаго рифмоплета. Трудно было выдумать что-нибудь грубѣе этихъ забавъ! Другимъ характеристическимъ для того времени увеселеніемъ былъ *маскарадъ—метаморфозъ*, вошедшій въ моду при императрицахъ. Мужчины являлись на этотъ балъ въ женскихъ, а женщины въ мужскихъ костюмахъ, и маскарадъ оканчивался буйными оргіями. Подобные маскарады были въ употребленіи и въ Европѣ, напр., при французскомъ дворѣ, въ періоды его исторіи, отмѣченные наибольшею легкостью нравовъ; они имѣютъ въ себѣ нѣчто особенно возбудительное; но объ этомъ можно и не распространяться... Литература вполнѣ угождала такому настроенію нравовъ,— прежде всего литература французская. На чердакахъ и въ чуланахъ своихъ домовъ мы до сихъ поръ можемъ находить еще остатки тѣхъ грязныхъ книжонокъ съ соблазнительными картинками, которыми наши дѣдушки и бабушки услаждали свою фривольную фантазію и возбуждали свою ослабѣвшую нервную систему. Русская литература не отставала отъ французской, даже перего-

няла послѣднюю, и развращенность XVIII вѣка вполнѣ выразилась въ произведеніяхъ Баркова, даже однѣ заглавія которыхъ невозможны въ печати. Начало XIX вѣка ознаменовано въ литературѣ изданіемъ разной похабщины въ родѣ „Жизни кавалера Фоблаза". Въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщались такія произведенія, въ которыхъ разсказывались начистоту всѣ подробности любви. Вспомнимъ при этомъ, что большая часть потаенныхъ стихотвореній того времени до сихъ поръ не можетъ быть напечатана въ Россіи по своей похабности.

Распущенность нравовъ, бывшая естественной реакціей рабству и лицемѣрію патріархальнаго быта, доставляла женщинѣ возможность слѣдовать влеченіямъ своего сердца, давала ей свободу чувства, хотя эта свобода, вслѣдствіе тѣхъ способовъ, какими пріобрѣталась она, проявлялась въ какой-то животной разнузданности. Половая свобода много содѣйствовала развитію самостоятельныхъ женскихъ характеровъ, энергія которыхъ естественно устремлялась на улучшеніе и другихъ сторонъ женскаго быта. Реформа Петра укрѣпила и развила имущественныя права женщины, признанныя за нею еще древне-русскимъ законодательствомъ. Жена оставалась попрежнему самостоятельною хозяйкою своего имѣнія и получила право отчуждать его безъ всякаго согласія мужа. При своей имущественной самостоятельности и при смягченіи нравовъ, чаще и чаще стали появляться такіе брачные союзы, въ которыхъ главою дома были не мужья, а ихъ жены. Женщинамъ, особенно при императрицахъ, нерѣдко жаловались земли съ крестьянами и другія подобныя награды (Русс. Стар.

1870, II, 469, 471, 492 и др.), благодаря которымъ онѣ могли жить совершенно независимою жизнію. Экономическая роль помѣщицы благотворно дѣйствовала на развитіе женскаго характера. Управленіе имѣніемъ, хозяйственныя работы, торговля и промышленность—все это создавало такія женскія натуры, которыя ни въ чемъ не уступали мужскимъ. Бывали помѣщицы, которыя наравнѣ съ мужчинами разъѣзжали по торговымъ дѣламъ, участвовали на конскихъ бѣгахъ и на охотахъ, нѣкоторыя даже съ рогатиной въ рукахъ ходили на медвѣдя и т. д. Графиня Блудова разсказываетъ о своей бабкѣ, которая, посредствомъ стражи изъ вооруженныхъ крестьянъ и при помощи двухъ пушекъ, внушала такой страхъ свирѣпствовавшимъ тогда по Волгѣ разбойникамъ, что они долго боялись нападать на ея имѣніе, а когда напали, то она своею неустрашимостью и распорядительностію спасла отъ нихъ и усадьбу и деревню. Помѣщицы въ родѣ той, о которой разсказываетъ Вигель, были далеко нерѣдки. „Мужъ ея былъ плохой мужичишка, но отличный хозяинъ, котораго она умѣла употребить съ большой пользой, опредѣливъ его приказчикомъ надъ общимъ ихъ имѣніемъ и предоставивъ себѣ главное надъ онымъ распоряженіе. Паче всего любила она упражненія нашего пола: сколько разъ видѣли ее по дорогѣ, стоймя въ телѣгѣ, съ шапкою на бекрень, погоняющую тройку лихихъ коней съ ямскою приговоркой: „съ горки на горку, дастъ баринъ на водку“. Къ подобному же типу относилась и та Оленина, которая, по словамъ Мертваго, содержала винный откупъ въ цѣломъ уѣздѣ и „употребляла дочь-дѣвку на дѣла, совсѣмъ для нея неприличныя“. Подобныя жен-

щины сплошь и рядомъ принимали участіе въ общественной жизни подъ именемъ своихъ мужей или любовниковъ, управляли городами, губерніями и цѣлыми краями, командовали полками и т. д.; случалось даже что, за отсутствіемъ своихъ мужей, жены облекались въ ихъ мундиры и командовали войсками. Бывало и то, что женщины правили епархіями... Въ придворныхъ интригахъ, переворотахъ, заговорахъ, которыми такъ богатъ нашъ XVIII в., женщины принимали самое дѣятельное участіе. Великій преобразователь Россіи не находилъ никого болѣе достойнымъ быть преемникомъ ему и продолжателемъ его дѣла, чѣмъ свою дочь, даровитую и образованную Анну Петровну, которой, однакожъ, не удалось быть императрицей. Со времени Екатерины II, одной изъ самыхъ талантливыхъ и ловкихъ правительницъ XVIII вѣка, русская женщина получила особенное значеніе. Такъ, княгиня Дашкова была назначена президентомъ академіи наукъ и, надо отдать ей справедливость, умнѣе управляла этимъ учрежденіемъ, чѣмъ многіе изъ мужчинъ. Екатерина и Дашкова своею литературною дѣятельностью проложили русской женщинѣ дорогу на поприще литературы. Со времени же Екатерины II женщинѣ была предоставлена новая профессія воспитательницы и преподавательницы въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, гувернантки и домашней учительницы. Царствованіе этой императрицы было немаловажнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ уравненія правъ между двумя полами, — уравненія, которому, въ свою очередь, содѣйствовали и три другихъ женскихъ царствованія XVIII вѣка. Въ государствѣ, управляемомъ женщинами, идея женской низкости и подчиненности

значительно ослаблялась однимъ уже тѣмъ фактомъ, что судьбы цѣлаго государства находились въ рукахъ женщины. Какъ въ частной, такъ и въ государственной жизни многія женщины равнялись тогда съ мужчинами, и этому равенству вполнѣ соотвѣтствовала тогдашняя женская мода наряжаться въ мужское платье, — мода, которой слѣдовали не однѣ только императрицы, но и многія изъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Однакожъ, несмотря на всѣ благопріятныя условія, созданныя женскими царствованіями XVIII вѣка, значеніе русской женщины далеко не поднялось до той высоты, какой достигли въ это время европейскія женщины, напр., француженки. Причину этого мы видимъ единственно въ неразвитости и невѣжествѣ русской женщины. Кромѣ Екатерины и Дашковой, хорошо образованныхъ женщинъ въ XVIII вѣкѣ почти вовсе не было, какъ не было вовсе и средствъ къ солидному женскому образованію. Большинство женщинъ относилось даже враждебно ко всякому образованію, подобно г-жѣ Чудихиной (въ Екатерининской комедіи: „О, время!"), которая говоритъ: „на что дѣвокъ учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ,—такъ меньше вретъ". Невѣжество женщинъ было такъ велико, что Екатерина I не умѣла ни читать, ни писать; Анна Ивановна была суевѣрна и несвѣдуща никакъ не менѣе какой-нибудь боярыни XVI в., Елисавета была также до крайности суевѣрна; она не знала даже, что Англія — островъ. Она была убѣждена, что мужъ имѣетъ полное право бить свою жену, и когда Сафоновъ, мужъ ея двоюродной сестры, прибилъ свою жену, она наказала его трехдневнымъ арестомъ лишь

на томъ основаніи, что никто не имѣетъ права бить двоюродную сестру императрицы. Вплоть до Екатерины II женщины высшихъ сферъ не имѣли никакого понятія объ умственныхъ интересахъ и жизнь ихъ была исполнена грубой патріархальности. Дворъ вдовствующей царицы Прасковьи былъ буквально пріютомъ для всевозможныхъ юродивыхъ, шутовъ и уродовъ (Андреевъ, Представители власти, 63). Анна, сохранявшая въ домашней жизни даже старинный русскій костюмъ, жила, какъ истая боярыня XVI вѣка. По цѣлымъ часамъ просиживала она въ креслѣ, слушая болтовню шутовъ и забавляясь ихъ кривляньемъ. Когда это надоѣдало, она призывала фрейлинъ и говорила имъ: „ну, дѣвки, пойте!“ Фрейлины становились въ кружокъ и пѣли до тѣхъ поръ, пока Анна не начинала зѣвать. Тогда входили гвардейскіе солдаты съ женами и плясали русскую. Кн. Дашкова разсказываетъ, что однажды Анна заставила плясать ея мать и другую аристократическую дѣвушку и когда онѣ оробѣли, то Анна наэлектризовала ихъ пощечинами... По свидѣтельству Державина, каждый разъ, когда Анна слушала обѣдню въ придворной церкви, шуты ея садились въ лукошки въ той комнатѣ, чрезъ которую ей нужно было проходить во внутренніе покои, и кудахтали, подражая насѣдкамъ. Иногда государыня заставляла ихъ становиться гуськомъ, лицомъ къ стѣнѣ, и поочередно толкать другъ друга изо всей силы; шуты входили въ азартъ, дрались, таскали другъ друга за волосы, царапались до крови, а дворъ помиралъ со смѣху (Шубинскій, 25). Екатерина II говоритъ, что при Елисаветѣ она „была окружена богомольцами и ханжами и что тогда нужно было быть тѣмъ или другимъ,

чтобы быть въ извѣстной степени на виду“ (Сборн. Русс. Ист. Общ. I, 282) Жизнь Елисаветы была немногимъ лучше Анниной. Больше всего любила она слушать росказни старухъ и торговокъ, которыхъ нарочно для нея собирали съ площадей. Подъ разсказы и сказки ихъ кто-нибудь чесалъ Елисаветѣ пятки, и она засыпала (Р. Арх. 1866, 518; Андреевъ, 116). Для потѣхи Елисаветы однажды были выписаны шесть молодыхъ камчадалокъ изъ Камчатки, за 13,000 верстъ. Сопровождавшій ихъ штатсъ-фурьеръ Шахтуровъ везъ ихъ такъ долго, что всѣ онѣ нетолько забеременѣли отъ него, но даже успѣли родить еще въ Сибири. Тогда иркутская провинціальная канцелярія распорядилась командировать „въ помощь“ Шахтурову одного офицера... Эта старомодная патріархальность жизни и понятій простиралась до того, что Екатерина I принимала приношенія отъ лицъ, просившихъ ее ходатайствовать о чемъ-нибудь передъ царемъ, и пріобрѣтенныя такимъ образомъ суммы отсылала въ банки амстердамскій и гамбургскій (XVIII В., III, 15; Андреевъ, 12). Образованнѣйшія женщины высшей сферы были такъ малограмотны, что не могли написать строчки, не сдѣлавъ десяти орѳографическихъ ошибокъ, и, по крайней мѣрѣ, ни одной синтаксической нелѣпости. О массѣ женщинъ высшаго и средняго круга и говорить нечего. Даже въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ М. Дмитріевъ, въ провинціи барышни и дѣвицы были почти всѣ безграмотныя. „Въ двѣнадцати верстахъ отъ насъ, въ деревнѣ Ивановкѣ, было много дворянъ и дворянокъ, и во всей деревнѣ былъ только одинъ грамотникъ — дворовый человѣкъ одной изъ барынь, Фадька, который

писалъ за всѣхъ письма къ мужьямъ и родственникамъ, когда они были въ отлучкѣ. Собственно о воспитаніи едва ли было какое понятіе, потому что и слово это принимали въ другомъ смыслѣ. Одна изъ этихъ барынь говаривала: „могу сказать, что мы у нашего батюшки хорошо воспитаны,—одного меду не въ проѣдъ было!..“ Какъ высшее, такъ и низшее дворянство, погрязшее въ свои крѣпостные интересы, относилось къ образованію съ такимъ презрѣніемъ, какое рѣдко встрѣчается даже у дикарей. Мнѣніе Простаковой въ „Недорослѣ“ фонъ-Визина, что ея Митрофанушкѣ нѣтъ надобности знать географію, потому-де, что дѣло кучера везти его, куда онъ прикажетъ,—было общераспространеннымъ мнѣніемъ тогдашняго дворянства. Оно взваливало не только физическій, но и нравственный трудъ на другія сословія, считая невѣжество одной изъ привиллегій своего столбового происхожденія. Такія условія жизни естественно вели къ тому, что создавали изъ женщинъ Простаковыхъ, Чудихиныхъ, Коробочекъ, Пульхерій Ивановнъ,—а это были еще существа наименѣе вредныя. Невѣжественная, неразвитая женщина, въ роли помѣщицы, игуменьи, губернаторши, „помпадурши“, не уступая мужчинѣ въ энергіи и предпріимчивости, не уступала ему и въ безнравственности; она била, грабила, брала взятки, превращалась въ чудовищную тиранку, въ родѣ знаменитой Салтычихи, которая засѣкла до смерти 139 человѣкъ, преимущественно женщинъ и дѣвочекъ, за нечистое, по ея мнѣнію, мытье бѣлья и половъ и, говорятъ, употребляла на жаркое вмѣсто сладкаго мяса женскія груди. Не мало было помѣщицъ, которыя были такою же грозою для своихъ семействъ, крестьянъ и сосѣдей,

какъ и Куролесовы. Такова была, напр., кн. Голицына, о которой разсказываетъ Вигель. „Въ ея власти находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне. Горе тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностью смягчить его!“ Одинъ разъ свою пріятельницу-помѣщицу, у себя въ гостиной, она при всѣхъ оттаскала за волосы. Въ другой разъ за неисправность дороги, она, среди поля, велѣла при себѣ разложить сопровождавшаго ее засѣдателя и высѣчь плетьми и т. д. Ея самодурческій деспотизмъ не дозволялъ ей жить въ столицѣ, и она предпочитала деревню, гдѣ могла безобразничать совершенно свободно. Для многихъ женщинъ тѣлесное наказаніе людей было однимъ изъ главныхъ развлеченій среди заѣдавшей ихъ скуки. Однажды, напр., къ статсъ-дамѣ Дарьѣ Голицыной пріѣзжаетъ на дачу гостья. „Ахъ, какъ я тебѣ рада, закричала княгиня,—а то смерть было скучно, и со скуки я хотѣла было уже велѣть пересѣчь своихъ арановъ!“ Даниловъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ о родственницѣ, у которой онъ жилъ, что эта „вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только я признаюсь, сколько времени у нея ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хоти одинъ день безъ драки; какъ скоро она примется свои щи любимыя кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать; это такъ ужъ введено было во всегдашнее обыкновеніе,—видно, для хорошаго аппетита“. И не одни захолустныя помѣщицы предавались такимъ забавамъ. При Аннѣ, которая, между про-

чимъ, велѣла повѣсить передъ своими окнами повара за то, что онъ подалъ къ блинамъ прогорклое масло, „для забавы, подъ образомъ шутокъ и балагурства, такія мерзкія дѣла затѣвались, о которыхъ до того времени въ свѣтѣ мало слыхано,—нечеловѣческія поруганія не только надъ бѣдными и умалишенными, но и надъ другими людьми, частыя между оными заведенныя до крови драки, безстыдныя мужеска и женска пола обнаженія и мучительства“ и т. д. Деспотизмъ и самодурство невѣжественныхъ барынь нерѣдко обрушивались даже на ихъ собственныхъ дѣтей, которыхъ онѣ иногда угнетали съ нечеловѣческою злобою. Такъ, напр., въ десятыхъ годахъ настоящаго столѣтія кіевская помѣщица Разлачева, возненавидѣвъ свою дочь за то, что та открыла передъ отцомъ неприличное ея обращеніе съ однимъ мужчиною, продала ее, какъ свою крѣпостную дѣвку. Въ 1851 г., судившаяся прежде за жестокое обращеніе съ крестьянами, вдова гвардіи капитана Леонтьева, была привлечена къ отвѣтственности за безчеловѣчныя истязанія своего девятилѣтняго сына Федора, котораго она постоянно била, сѣкла, держала связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ холодномъ чуланѣ, морила голодомъ, кормила его только хлѣбными корками, намоченными въ помояхъ, рвала ногтями его membrum и прикладывала къ нему горчицу, что производило невыносимую боль и т. д. Причина этого звѣрства въ дѣлѣ не выяснена, но изъ него можно видѣть, что, намѣреваясь выйдти вторично замужъ, звѣроподобная капитанша хотѣла извести всю „леонтьевшину“, т. е. своихъ дѣтей отъ перваго брака, которыхъ она всѣхъ тиранила (Ж. Мин. Юст., т. X, ч. II). Любовныя интриги, сплетни и ссоры

наполняли собою жизнь невѣжественныхъ барынь. Онѣ модничали и безумно роскошничали на деньги, выжатыя съ крѣпостныхъ крестьянъ или пріобрѣтенныя достойными ихъ мужьями посредствомъ казнокрадства и взятокъ. Вплоть до отмѣны крѣпостного права всѣ иностранцы изумлялись нашей азіятской роскоши и глупому мотовству.

Домашнее воспитаніе посредствомъ гувернантокъ ограничивалось грамотой, французской болтовней, знаніемъ свѣтскихъ манеръ, музыкой и пѣніемъ романсовъ. Изучивъ всю эту премудрость, дѣвушка принималась за романы и за ловлю жениховъ. Изъ дѣвушекъ приготовляли невѣстъ—и больше ничего. „Русская дѣвушка—писалъ Бѣлинскій—не женщина въ европейскомъ значеніи этого слова, не человѣкъ,—она ничто другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ее людъ, что она невѣста, что у ней должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только невѣсту? Удивительно ли, что съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной idée fixe—на замужествѣ, что выйдти замужъ — ея единственное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, и на всякаго не женатаго мужчину смотритъ не какъ на человѣка, а какъ на жениха?" Даже тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя пріобрѣтались дѣвушка-

ми, даже то литературное образованіе, какое получали онѣ—все было устремлено къ упомянутой единственной цѣли женщины. Знакомство съ иностранными литературами, при отсутствіи элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, не приносило никакой пользы. Вотъ что пишетъ, напр., о своемъ воспитаніи Хвостова: „Вольтеръ, Руссо, Шатобріанъ, Мольеръ прошли черезъ мои руки. Вѣрно, я очень любила процессъ чтенія, потому что, не понимая философскихъ умствованій, я съ жадностью читала отъ доски до доски всякую попавшуюся мнѣ книгу... Наконецъ, дорылась я до романовъ г-жъ Жанлисъ и Радклифъ. Съ какимъ замираніемъ сердца изучала я теорію о привидѣніяхъ. Иногда мнѣ казалось, что и я ихъ вижу; онѣ наводили на меня страхъ, но какой-то пріятный страхъ... Я вытверживала почти наизусть имена иностранныхъ принцевъ въ календарѣ, отмѣчала крестиками тѣхъ, которые болѣе подходили ко мнѣ по лѣтамъ; начитавшись безъ разбору романовъ и комедій, я возмечтала, что когда-нибудь вдругъ предстанетъ предо мной принцъ, и я сдѣлаюсь принцессой; подобная фантазія занимала меня съ десятилѣтняго возраста до вступленія въ свѣтъ, и я всей душой предавалась созерцанію моего принца; то представляла его бѣленькимъ, хорошенькимъ, то вдругъ являлся онъ мнѣ грознымъ, страшнымъ, убивалъ всѣхъ, щадилъ меня одну и увозилъ въ свое государство". Въ женскихъ институтахъ воспитаніе приводило къ тѣмъ же печальнымъ результатамъ. Смольный институтъ, основанный Екатериною и выпустившій впродолженіе своей столѣтней дѣятельности (съ 1764 г.) до 7,000 воспитанницъ, былъ прототипомъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній до позднѣйшаго времени.

Онъ раздѣлялся на два отдѣленія—одно для воспитанія барышень, а другое, мѣщанское, — для воспитанія служанокъ для барынь; этихъ служанокъ, какъ и ихъ будущихъ госпожъ обучали, въ интересахъ послѣднихъ, конечно, иностраннымъ языкамъ. Объ умственномъ развитіи барышень почти вовсе не заботились, а хлопотали только о развитіи ихъ вкуса да „изящнаго сердца“, что можно видѣть изъ одной программы преподаванія: языки—русскій, французскій, нѣмецкій и итальянскій, *архитектура*, *геральдика*, *скульптура*, *рисованіе*, *танцы*, *музыка*, токарное ремесло, рукодѣлье, знакомство съ хозяйствомъ, исторія, географія, опытная физика и ариѳметика. Даже оффиціальные историки института, въ родѣ Лядова, неодобрительно отзываются объ его просвѣтительной дѣятельности. Дѣвушекъ держали взаперти, какъ арестантовъ въ острогѣ, и отнимали у нихъ всякую возможность для знакомства съ дѣйствительною жизнію. Вотъ что разсказываетъ, напр., г-жа Пелли о томъ, какъ отразились на воспитанницахъ патріотическаго института событія 14 декабря 1825 г. „При доходившемъ до насъ громѣ орудій, мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ начальница института стала говорить намъ: „это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи; самый важный и самый тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по-французски и, точно кухарки, болтаете все по-русски!“ Въ страшномъ перепугѣ мы вполнѣ сознали весь ужасъ своего грѣхопаденія и на колѣнахъ передъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ въ разговорахъ вовсе не употреблять русскаго языка“. Цѣлью

институтскаго воспитанія полагалось развитіе не ума, а „изящнаго сердца“. Совершенная замкнутость отъ семьи и общества, недостатокъ движенія и питанія, строгая дисциплина, исключительныя заботы о развитіи въ дѣвушкахъ чувствительности,—все это дѣлало институтскія поколѣнія женщинъ наивными и болѣзненно-сентиментальными. Десятилѣтнія дѣвочки уже начинали мечтать о любви, „обожать“ учителей и посѣтителей, и преждевременно возбужденная фантазія на всю жизнь брала перевѣсъ надъ мыслительными способностями. Случалось даже, что институтки предавались пьянству, доставая водку черезъ прислугу тайкомъ, какъ настоящія острожныя заключенницы. Иногда даже воспитатели портили нравственность дѣвушекъ. Даже самъ знаменитый Бецкій, основатель женскаго образованія въ Россіи и одинъ изъ лучшихъ людей XVIII в., далеко небезупреченъ въ своихъ отношеніяхъ къ институткамъ. Семидесятилѣтній старикашка, онъ ухаживаетъ за институткой Алымовой и во что бы-то ни стало хочетъ быть любимымъ ею и жениться на ней. „Книги не достанетъ, говоритъ въ своихъ мемуарахъ этотъ предметъ его старческой страсти, — чтобы описать всѣ западни, которыя разставлялъ для меня человѣкъ, долгомъ котораго было охранять мою молодость“ (Р. Арх. 1871, 21 и др.). Другіе, не-Бецкіе, выдѣлывали еще не такія вещи... Въ преданіяхъ одного провинціальнаго института до сихъ поръ живетъ память о директоршѣ-старухѣ, которая, чтобы получить ласки какого-нибудь молодого человѣка, облегчала ему возможность свиданія съ институткой, потомъ ловила ихъ и чтобы избавить франта отъ оффиціальнаго преслѣдованія, требовала отъ него

любви... Объ умственномъ развитіи институтокъ до самаго послѣдняго времени не было и рѣчи. Институтская педагогическая рутина вошла въ пословицу, вслѣдствіе своей дикости. Такъ, напр., въ извѣстномъ стихотвореніи „Торжество Побѣдителей“, для дѣвушекъ сочтено неприличнымъ и выпущено четверостишіе:

Счастливъ тотъ, чей домъ украшенъ
Скромной вѣрностью жены;
Жены алчутъ новизны,
Постоянный миръ имъ страшенъ.

Въ пятидесятыхъ годахъ во всѣ институты разосланы были коллекціи фигуръ животныхъ для нагляднаго изученія зоологіи; но воспитатели не осмѣлились представить животныхъ дѣвицамъ въ томъ неприличномъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ рукъ природы, а допустили ихъ съ нѣкоторыми измѣненіями и улучшеніями. Въ одномъ институтѣ начальница не позволила воспитанницѣ прочесть на экзаменѣ извѣстный монологъ пушкинскаго Годунова: „Достигъ я высшей власти“, на томъ основаніи, что въ концѣ его говорится — „мальчики кровавые въ глазахъ“, а дѣвушкѣ, дескать, должно какъ можно рѣже упоминать о мальчикахъ. Задерживая всякое умственное развитіе дѣвушекъ и заботясь только объ ихъ *нравственномъ* воспитаніи, подъ которымъ разумѣлись безусловное повиновеніе начальству заведенія и рабская угодливость передъ старшими, институты выпускали дѣвушекъ, искалѣченныхъ и физически, и нравственно.

Такимъ образомъ и домашнее, и общественное воспитаніе, болѣзненно настраивая нервную систему жен-

щины, не развивало ея ума, не давало ей никакихъ прочныхъ знаній, которыя бы опредѣляли характеръ и руководили ею въ жизни. Мудрено ли послѣ этого, что масса женщинъ состояла изъ какихъ-то флюгеровъ, которые, не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія, постоянно вертѣлись изъ стороны въ сторону, повинуясь малѣйшему дуновенію окружавшей ихъ обстановки. Сентиментальная барышня превращалась въ тиранку-помѣщицу, добродушная и наивная институтка—въ отвратительную чиновницу, грабившую людей посредствомъ взяточника-мужа, либералка XVIII вѣка — въ лицемѣрную ханжу и суевѣрку. Подобными превращеніями ознаменовано въ особенности начало XIX вѣка — эта мрачная эпоха всевозможныхъ мистическихъ бредней и шарлатанствъ. „Наши невѣры-бояре и ихъ жены, говоритъ Морошкинъ, — послѣ нѣсколькихъ лѣтъ невѣрія и разврата, послѣ оргій петербургскихъ и парижскихъ, дѣлались самыми благочестивыми дѣтьми латинской церкви и летѣли въ ея распростертыя объятія. Такъ уловлена была Свѣчина и подобныя ей“. Однѣхъ совращали іезуиты, другихъ сбивали съ толку піэтисты чужіе и доморощенные, третьи ударялись даже въ хлыстовщину. Нужно замѣтить при этомъ, что мистицизмъ сплошь и рядомъ служилъ покровомъ для полового разгула. Такъ, въ XVIII в. иллюминаты „привлекали къ себѣ молодыхъ людей обольщеніемъ разврата, а стариковъ — возбужденіемъ страстей и средствами къ тайному ихъ удовлетворенію. Главою этихъ гнусныхъ и, къ счастію, немногочисленныхъ въ Москвѣ людей былъ французъ Перренъ,— лицемѣръ перваго сорта, развратившій не одно доброе семейство“ (Жихаревъ, 389). Такъ, въ 1817 г. было

открыто, что проживающая въ михайловскомъ замкѣ при матери своей полковницѣ Буксгевденъ, подполковница Татаринова, содержитъ общество хлыстовской вѣры, въ которомъ участвуетъ много лицъ изъ петербургской аристократіи, что они отправляютъ хлыстовскую службу, ведутъ пропаганду, предаются „серафимскимъ лобзаніямъ“ и т. д. Общество было разсѣяно, но вскорѣ затѣмъ возобновилось и въ 1837 г. было снова открыто полиціей. Кромѣ Татариновой въ немъ участвовали маіорша Францъ, генеральша Головина съ дочерью, кн. Энгалычевъ съ женою, тайный совѣтникъ Поповъ съ тремя дочерьми и мн. др. Одна изъ дочерей Попова постоянно оказывала отвращеніе къ хлыстовскимъ обрядамъ, навлекая тѣмъ на себя гнѣвъ отца и Татариновой, которая, будто бы по вдохновенію свыше, приказывала отцу наказывать ее, и онъ билъ ее палками раза по три въ недѣлю, часто до крови, и держалъ ее въ темномъ чуланѣ, въ которомъ она совсѣмъ бы зачахла, если бы ее не освободила полиція. Въ 1849 г. эта барская секта была вновь подвергнута полицейскому преслѣдованію, какъ одинъ изъ „элементовъ, подготовляющихъ политическіе перевороты въ государствѣ!..“ Женщины увлекались подобными сумасбродствами и сумасбродами во множествѣ. Такъ, въ первой четверти настоящаго столѣтія игуменъ чикойскаго монастыря Израиль, обратясь въ секту людей божіихъ, объявилъ себя Богомъ, кяхтинскую купчиху, жившую съ нимъ,—Богоматерью, а рожденнаго ею ребенка — Христомъ. Все богослуженіе было принаровлено къ этому культу. (Израиль умеръ въ заточеніи въ Соловкахъ въ 1862 году). Въ томъ же родѣ были, по разсказамъ протоіерея Пам-

филова (Р. Арх., 1871, 231—233), въ Москвѣ „суевѣрный старецъ Мельхиседекъ, страннымъ ученіемъ своимъ развратившій великое число даже и благородныхъ людей, а паче малоумныхъ женщинъ“, или игуменъ одного нижегородскаго монастыря, Стефанъ, который, „обольстивъ маіоршу Салькову, взявъ ее съ собою, бѣжалъ изъ монастыря“; но маіорша, которую онъ тиранилъ, донесла на него. Особенно сильное вліяніе на женскіе умы имѣлъ извѣстный Фотій. Барыни вѣрили ему, какъ святому, и безусловно повиновались каждому его капризу, служа въ то же время орудіями его интригъ, содѣйствовавшихъ утвержденію той реакціи, которая омрачила собою послѣднюю половину царствованія Александра I. „Каждодневно“ — говорится въ его запискахъ — „Фотій былъ званъ то къ тѣмъ, то къ другимъ лицамъ на бесѣду о спасеніи души, на которую собирались знатные бояре и боярыни, и по бесѣдѣ учреждаемы были питіемъ и ястіемъ во славу божію. Бесѣда же таковая была болѣе въ домѣ дѣвицы Анны (Орловой-Чесменской), боярыни Дарьи Державиной и у иныхъ“. Послѣ этихъ обѣдовъ Фотій обыкновенно ложился на диванъ, а барыни подходили цѣловать у него руки (Р. Арх., 1869, 931). Фотій творилъ даже чудеса и тѣмъ окончательно овладѣвалъ умами барынь, особенно своего друга и покровительницы Орловой-Чесменской. Однажды въ фотіевскій монастырь является бывшая театральная фигурантка Фотина-Павлова, объявляя, что она одержима бѣсомъ, котораго, по бывшему ей откровенію, можетъ изгнать одинъ только Фотій. Фотій изгналъ бѣса, а Фотина осталась у него въ монастырѣ, не смотря на препятствія со стороны гр. Орловой. Вскорѣ Фотина сотворила

quasi-чудо, явившись монахамъ въ полости церковнаго купола, какъ бы стоявшею на воздухѣ. По ея откровенію Фотій распорядился, что бы дѣвицы, живущія въ окрестностяхъ монастыря, каждый вечеръ приходили въ него на вечернее правило и слушали его вмѣстѣ съ монахами. Фотій устроилъ для нихъ какіе-то „хитоны", въ родѣ обыкновенныхъ женскихъ рубашекъ. Охотницъ являлось все больше и больше; нѣкоторыя даже ночевали въ монастырѣ; скандалъ вышелъ громадный и прекращенъ вмѣшательствомъ свѣтской власти. Послѣ смерти Фотія, Фотина оставила монастырь, вышла замужъ за своего кучера и вскорѣ умерла отъ его побоевъ (Р. Арх., 1870, 893—900). Исторія пресловутаго Ивана Яковлевича показываетъ, что многія изъ современныхъ барынь недалеко ушли отъ поклонницъ Фотія...

Въ то время, какъ женщины нервнаго темперамента, болѣзненной фантазіи, черезмѣрно раздраженной чувствительности ударялись въ мистицизмъ и ханжество, натуры болѣе здоровыя погружались въ омутъ обыденной жизни, родили, ѣли, спали, сплетничали и тупѣли до того, что въ нихъ замирали всѣ стремленія хоть къ какой-нибудь перемѣнѣ въ окружавшей ихъ обстановкѣ. Даже въ томъ случаѣ, если у женщины доставало ума и энергіи, чтобы не превратиться въ рабыню мужа, если она въ своемъ семействѣ играла роль совершенно самостоятельную—и тогда русская жизнь не давала ей почти ничего для развитія ея умственныхъ и нравственныхъ силъ. По выраженію Пушкина, —

„Она ѣзжала по работам
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы.

Ходила въ баню по субботамъ,
Прислугу била, осердясь,—
Все это мужа неспросясь"—

и только. Какъ въ бредняхъ мистицизма, такъ и въ дрязгахъ обыденной жизни, тунеяднаго прозябанія на счетъ мужицкаго труда, женщина погибала нравственно, оставалась мертвою для тѣхъ прогрессивныхъ движеній, которыя хотя и медленно, но все-таки совершались въ обществѣ.

Мы уже говорили, что какъ домашнее, такъ и институтское воспитаніе женщины болѣзненно настраивало ея фантазію и чрезмѣрно развивало чувствительность. Эти душевныя настроенія съ особенною силою развились въ началѣ XIX в., подъ вліяніемъ сентиментализма карамзинской школы и романтизма Жуковскаго. Своею слезливостью, привидѣніями и другими порожденіями чудовищной фантазіи оба эти направленія, конечно, много вредили дѣлу умственнаго развитія, но для женщины онѣ все-таки принесли и свою долю пользы. Воспѣвая „симпатію душъ" и вѣчную любовь, обрабатывая постоянно сюжеты, представлявшіе или идеальное блаженство свободно отдавшихся другъ другу возлюбленныхъ, или ихъ горестную судьбу въ томъ случаѣ, когда условія семейнаго быта или общественные предразсудки не дозволяли сойтись имъ, — эти школы, вопервыхъ, смягчали грубость половыхъ отношеній, вовторыхъ, поддерживали недовольство стѣснительными условіями архаическаго быта и распространяли идею о свободѣ чувства. Все, что подавляло эту свободу, какъ въ жизни, такъ и въ произведеніяхъ поэзіи, повергало чувствительныя души въ глубокую печаль, исторгало

слезы, отравляло жизнь. Отъ неудачной любви, дѣвушки, въ самомъ дѣлѣ, умирали чахоткою, а юноши стрѣлялись, шли въ монахи, ѣхали искать смерти „на погибельный Кавказъ“. Карамзинская „Бѣдная Лиза“ произвела у насъ такое же сильное движеніе въ обществѣ, какъ и гётевскій „Вертеръ“ въ Германіи. Симоновъ монастырь съ окрестностями, гдѣ жила Лиза, сдѣлался мѣстомъ постоянныхъ сходбищъ чувствительныхъ душъ, которыя, бродя по берегамъ пруда, въ которомъ утопилась Лиза, мечтали о ней, приравнивая къ ея судьбѣ свою, лили слезы о ея участи, вырѣзывали ея имя на березахъ. Подражанія этой повѣсти и стихотворенія „къ праху Лизы“ были безчисленны. Содержаніе повѣсти даже осуществлялось въ жизни разными барами-идилликами, которые увлекались красотою и сердцемъ добродѣтельныхъ пейзанокъ. Въ одномъ тогдашнемъ журналѣ, въ „письмѣ сельскаго дворянина къ издателю“, авторъ жалуется: „съ нѣкотораго времени у дворянъ нашей губерніи произошла чудная перемѣна въ мысляхъ и правилахъ. Многіе молодые люди и пожилые вдовцы женятся на своихъ бывшихъ челядинкахъ и наемницахъ. Одинъ вводитъ крестьянку въ сообщество благовоспитанныхъ сестеръ своихъ, другой заставляетъ дѣтей цѣловать руку у рабыни покойной ихъ матери“.... *) Нѣкоторые жур-

*) Случалось, что и дворянки выходили за своихъ крѣпостныхъ мужиковъ, но это дѣлалось уже вовсе не изъ идиллико-романтическихъ побужденій. A propos, интересный казусъ. Въ сороковыхъ годахъ, помѣщица, имѣвшая 6 душъ м. п., Акулина Ф., вышла за своего крестьянина, по невѣжеству своему не давъ ему вольной, а затѣмъ продала помѣщику С. свои 6 душъ м. п. съ ихъ семействами, т. е. и съ собой вмѣстѣ. Только просьбы дворянства успѣли убѣдить С. освободить эту крѣпостную помѣщицу.

налисты отстаивали подобные браки и одинъ изъ нихъ отвѣчалъ упомянутому „сельскому дворянину" между прочимъ слѣдующее. „Дворянка, упоенная предразсудками, вмѣсто истиннаго просвѣщенія, не можетъ дать дѣтямъ своимъ хорошаго воспитанія, не можетъ подать имъ наставленія о нравственности, такъ же, какъ и крестьянка, находящаяся въ сущемъ невѣжествѣ. Нѣжный родитель, если воспитаешь дочь свою какъ слѣдуетъ, то увѣряю тебя, что крестьянка не отниметъ у нея жениха".

Чувствительность и романтизмъ, кромѣ того, что вводили за собою въ общество вѣжливость, деликатность и „уваженіе къ прекрасному полу", выражаясь въ произведеніяхъ нашей литературы и увлекая женщинъ, заставили ихъ не только читать русскія книги, но даже развили ихъ литературную дѣятельность. Въ Макаровскомъ „Журналѣ для милыхъ" (1804 г.), напр., отдѣломъ критики завѣдывали Безнина и княжна Трубецкая. Сближеніе женщинъ съ литературою водворило въ послѣдней то поклоненіе дамамъ или, по выраженію кн. Шаликова, „служеніе граціямъ", которымъ славилась дореволюціонная Франція. Возникло нѣсколько женскихъ журналовъ—„Журналъ для милыхъ", „Московскій Зритель", „Аглая", „Дамскій Журналъ", „Кабинетъ Аспазіи". Среди смѣшныхъ любезностей, расточаемыхъ дамамъ, во всѣхъ этихъ журналахъ проходила одна вѣрная идея о необходимости поднять значеніе женщины въ семействѣ и обществѣ. „Патріотъ" 1804 года, напр., доказывая необходимость раціональнаго народнаго образованія, для водворенія въ странѣ „истиннаго равенства людей", обращается къ женщинамъ, какъ къ пер-

вымъ воспитателямъ подрастающихъ поколѣній. „Нѣтъ и не будетъ надежды къ счастію нравовъ, пока женщины не возвратятся къ домашней жизни, пока не позволятъ имъ слѣдовать сердцу въ выборѣ друга. Какъ много ни писали сатиръ на ихъ счетъ, онѣ не такъ виноваты, какъ мы. Ихъ пороки произошли отъ насъ... Женщины, спасите человѣчество, обративъ насъ къ добронравію! Цѣлое общество людей обратится къ должностямъ своимъ, если вы возвратите одного человѣка къ порядку естественному!“ Остолоповъ, приглашая женщинъ къ сотрудничеству въ „Любителѣ Словесности“ (1806 г.) доказывалъ, что женщины-писательницы могутъ имѣть гораздо большее вліяніе, чѣмъ мужчины. Въ Рязани, на литературныхъ бесѣдахъ у кн. Волконской (1810 г.), Воейковъ читалъ рѣчь о вліяніи женщинъ на изящныя искуства. Указавъ на вліяніе, какое имѣли француженки и англичанки, онъ говорилъ русскимъ: „вы должны учить насъ языку и вкусу. Въ наши времена вамъ не нужно быть мученицами за вѣру, не нужно поощрять воиновъ къ сраженію съ непріятелемъ или самимъ сражаться; въ наши времена народы соревнуютъ другъ другу въ успѣхахъ просвѣщенія; государства хотятъ быть славны открытіями и пережить вѣка въ произведеніяхъ художествъ“. Макаровъ шелъ въ этомъ отношеніи дальше всѣхъ, доказывая права женщинъ не только на занятіе литературой, но и на высшее образованіе; то же самое говорили и другіе журналы, напр., „Кабинетъ Аспазіи“, который, въ доказательство женскихъ способностей къ этимъ профессіямъ, исчисляетъ, начиная съ XII в., женщинъ, прославившихся своими знаніями и сочиненіями; между

русскими стоятъ имена Екатерины II, кн. Дашковой, Херасковой, Урусовой, Поспѣловой, Буниной, Титовой. Макаровъ припоминаетъ, что во Франціи салоны дамъ привлекали первоклассныхъ ученыхъ и были лучшими школами просвѣщенія; онъ удивляется, что мы, подражая французамъ во всемъ, не переняли у нихъ самаго полезнаго обычая; „француженки XIX вѣка посѣщаютъ лицеи, смотрятъ музеумы, слушаютъ профессоровъ, читаютъ, переводятъ и сами сочиняютъ... Еслибы наши дамы вздумали подражать сему примѣру, то, нѣтъ сомнѣнія, онѣ заставили бы всякаго учиться... Кто не желаетъ женщинамъ просвѣщенія, тотъ врагъ ихъ, эгоистъ,—любовникъ ли онъ или мужъ,—тотъ хочетъ удержать себѣ право сказать нѣкогда женѣ своей (въ которой онъ искалъ ключницу или няньку) *я тебя умнѣе!* Имперія красоты не имѣетъ предѣловъ; но красота скоро вянетъ, молодость летитъ, и когда хладная рука времени обезобразитъ ангельскія милыя черты, что будетъ съ женщиной, привыкшей видѣть все у ногъ своихъ, если она заблаговременно не поселитъ пріятностей въ каждой морщинкѣ лица своего, если не заготовитъ себѣ утѣшеній на старость? И почему бы ей не быть столько же ученою, сколько и мужчинѣ?... Что подумать о людяхъ, которые увѣрены, что женщина не иначе пріобѣтаетъ знанія, какъ теряя всѣ пріятности своего пола, и которые вслѣдствіе такого мнѣнія желаютъ, чтобы цѣлая и лучшая половина рода человѣческаго ничему не училась? Читали ли они когда нибудь исторію? Помнятъ ли имена великихъ женщинъ, которыми древняя Греція почти столько же гордилась, сколько Сократами и Платонами“... Переходя затѣмъ къ значе-

нію европейской женщины въ средніе вѣка и въ новѣйшее время, Макаровъ историческими фактами старается подорвать тотъ предразсудокъ противъ ученыхъ женщинъ, который былъ такъ силенъ въ нашемъ обществѣ, что заставилъ даже Пушкина воскликнуть—

„Избави Богъ сойтись на балѣ
Иль при разъѣздѣ на крыльцѣ
Съ семинаристомъ въ женской шали
Иль съ академистомъ въ чепцѣ!“

Всѣ заботы Макарова и подобныхъ ему друзей женскаго просвѣщенія остались мечтами. 1812-й годъ велъ за собою мрачную эпоху Шишковыхъ, Магницкихъ, Аракчеевыхъ, когда эти и подобные имъ ретрограды приняли мѣры къ искорененію научнаго образованія и открыто проповѣдовали объ уничтоженіи университетовъ. О женскомъ образованіи уже не могло быть и рѣчи. Но независимо отъ противодѣйствій реакціонеровъ, стремленія Макарова и ему подобныхъ друзей женскаго образованія не могли осуществиться еще и потому, что были ложны въ своей сущности. При господствѣ крѣпостного права, они въ сферѣ тунеядства хотѣли создать цивилизующій факторъ; они желали, чтобы женщина, оставаясь въ сущности празднымъ существомъ, украшала себя знаніями не для того, чтобы стать образованной труженицей, а для того, чтобы блистать въ салонѣ и разгонять безъисходную скуку его посѣтителей; они выставляли нашимъ барынямъ, какъ образцы для подражанія, „Ментенонъ и единственную Нинонъ Ланкло, съ которою ни одна женщина не сравняется любезностью“; они, признавая за женщиною оди-

наковое съ мужчинами право на высшее образованіе, въ то же самое время рѣзко противорѣчили себѣ, ставя цѣлью этого образованія развитіе какихъ-то, будто бы, особенныхъ свойствъ женской души и той ложной женственности, благодаря которой образованная и прекрасная женщина „видитъ міръ у ногъ своихъ и мужчина всегда будетъ рабомъ ея". Спустя много лѣтъ послѣ Макарова, даже самъ Бѣлинскій писалъ о женскомъ воспитаніи въ сущности то же самое, что говорили въ началѣ столѣтія упомянутые „служители граціи". При крѣпостномъ правѣ и не могло быть иначе. Серьезное женское воспитаніе, которое было бы не служеніемъ граціи, а дѣйствительнымъ развитіемъ женскихъ силъ и способностей, было немыслимо въ эту эпоху. Изящныя манеры, салонный тонъ, женская прелесть въ чисто физическомъ смыслѣ, умѣнье казаться пріятной во всѣхъ отношеніяхъ дамой—вотъ вся программа воспитанія и образованія, до какой только могли подняться люди при господствѣ крѣпостного права. Смѣшно было бы проповѣдывать, что барыня, имѣвшая полную возможность жить на чужой счетъ и развращенная своимъ рабовладѣльческимъ и въ то же время рабскимъ положеніемъ, должна быть равна мужчинѣ, должна учиться и работать наравнѣ съ нимъ, который, въ свою очередь, по вольности дворянства, то же билъ баклуши. Впрочемъ, и въ этомъ развитіи дамской изящности все-таки была своя доля пользы. Этотъ культъ „женской граціи, любви и сладкой нѣги", это благоговѣніе пушкинской плеяды поэтовъ „передъ святыней красоты" имѣли, по крайней мѣрѣ, то значеніе, что распространяли идею о свободѣ чувства и развивали въ женщинѣ недовольство окру-

жавшею ее архаическою обстановкою. Правда, недовольство это было невѣжественное, непросвѣтленное мыслію, но все-таки оно было силою, которая ждала только толчка, чтобы направиться куда слѣдуетъ. Женщина жила сердцемъ, и это сердце спасало ее отъ окончательной нравственной грубости въ омутѣ тогдашней жизни. Чувствомъ любви и дружбы, чувствомъ гуманной сострадательности она вліяла на міръ мужчинъ и тѣмъ предохраняла ихъ отъ окончательнаго огрубѣнія. Какъ мать, она играла ту же гуманизирующую роль, воспитывая молодыя поколѣнія въ духѣ той чувствительности, которая была привита ей самой ея воспитаніемъ. Какъ жена, она нерѣдко оказывала высочайшее самоотверженіе и жертвовала всѣмъ для мужа. Припомнимъ хотя женъ декабристовъ, этихъ аристократокъ, которыя имѣя полную возможность остаться въ столицахъ, послѣдовали, однакожъ, за мужьями въ Сибирь, въ каторжныя работы, на вѣчное изгнаніе, и цѣною своихъ страданій спасали не только мужей, но и ихъ товарищей отъ окончательнаго нравственнаго паденія, унынія, сумасшествія, смерти... А сколько такихъ же, даже большихъ подвиговъ женщины осталось неизвѣстными, сколько сдѣлала женщина для развитія въ обществѣ добрыхъ чувствъ, сколько каждый изъ насъ обязанъ въ этомъ отношеніи своей матери, сестрѣ, возлюбленной и т. д.....

Въ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда, по выраженію поэта, „свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо“, когда на всѣ общественные вопросы была наложена казенная печать запрещенности, когда одна часть молодежи „изсушала умъ наукою безплодной“, служила и выслуживалась, а другая, болѣе

даровитая и энергичная, тратила свои силы на оргіи и дебоширства,—любовь оставалась почти главнымъ изъ доступныхъ для массы общества облагорождающихъ элементовъ,—любовь да еще поэзія *). Но такое положеніе вещей не могло продолжаться долго. Женщины почти вовсе не развивались, сохраняя одинъ и тотъ же типъ свой; любовь наскучивала; душа, порывавшаяся впередъ, не находила въ любви удовлетворенія; насталъ, наконецъ, періодъ разочарованности, періодъ Онѣгиныхъ и Печориныхъ, которые скучали жизнью, злились на нее и, ради забавы, разбивали женскія сердца. Тогдашній герой превращался въ хладнокровнаго волотику:

„Въ красавицъ онъ ужь не влюблялся,
А волочился какъ-нибудь:
Откажутъ,—мигомъ утѣшался,
Измѣнятъ,—радъ былъ отдохнуть“.

Подобно Печорину и творцу его Лермонтову, разочаровавшись въ любви, онъ горѣлъ желаніемъ попасть въ губители сердецъ, волочился отъ скуки или изъ желанія насладиться побѣдою надъ женщиной, или запа-

*) И до какихъ нелѣпостей доводила такая односторонность! „Была странная полоса времени, разсказываетъ Афанасьевъ, когда восхвалялась любовь платоническая... Нелѣпая и невозможная эта доктрина поддерживалась молодежью даже въ офицерскихъ бесѣдахъ, гдѣ за стаканомъ пунша противники платонизма, развивая свое ученіе, осыпали циническими выходками донкихотовъ 19 столѣтія. Платоники не могли долго выдерживать своей роли, и покуродствовавъ нѣкоторое время, переходили въ лагерь противниковъ... Впрочемъ, любить поэтически допускалось только женщину средняго или высшаго сословія, а остальные классы не пользовались этимъ предпочтеніемъ“... (Очерки Прошлаго).

стись психологическимъ матеріаломъ для своихъ сочиненій (Зап. Хвостовой, 97, 226). Преждевременно старѣя, это поколѣніе сходило въ могилу съ горькимъ сознаніемъ того, какъ выражается лучшій представитель его, что—

„Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда“.

Женщина страдала еще болѣе, будучи игрушкою этихъ озлобленныхъ и разочарованныхъ душъ. Эстетическій періодъ нашего развитія приходилъ къ концу. Начиналось умственное движеніе сороковыхъ годовъ: людей чувства смѣняли люди мысли; на смѣну Онѣгинымъ, Чацкимъ, Печоринымъ шли Рудины, Инсаровы, Лопуховы, Базаровы. Приближалась эпоха, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, долженъ былъ подняться и не менѣе вещественный вопросъ объ освобожденіи женщины.

Но прежде, чѣмъ перейдемъ къ этой эпохѣ, мы еще остановимся на тѣхъ факторахъ и явленіяхъ предыдущаго времени, которые задерживали улучшеніе женскаго быта и сильно противодѣйствовали идеямъ и стремленіямъ, служившимъ дѣлу свободы и равенства. Мы разсмотрѣли только одну стороны эпохи, указавъ на то, что болѣе или менѣе помогало женщинѣ не закоснѣть окончательно въ рабствѣ и сохранить свои силы для будущаго освобожденія, а теперь взглянемъ на обратную сторону медали.

Мы уже говорили, что главнымъ зломъ, задерживав-

шимъ развитіе женщины, была крайняя недостаточность средствъ для ея умственнаго усовершенствованія. Но это было только однимъ изъ проявленій тѣхъ архаическихъ порядковъ, которые, будучи пошатнуты, но далеко не разрушены петровскою реформою, до сихъ поръ продолжаютъ ожесточенную борьбу со всѣми эманципаціонными стремленіями, постоянно сталкиваясь и переплетаясь съ послѣдними въ жизни. Домостройные принципы и нравы даже въ массѣ высшаго общества не исчезли, а только реформировались, и въ своей формѣ находили не менѣе поклонниковъ и охранителей, чѣмъ и Домострой Сильверста. Полнѣе всего эти реформированные взгляды выражены въ извѣстномъ завѣщаніи Татищева, которое справедливо называютъ Домостроемъ XVIII вѣка. Этотъ новый Домострой, подъ вліяніемъ духа времени, дѣлаетъ уже значительныя отступленія отъ стараго. Говоря, напр., о выборѣ жены, Татищевъ замѣчаетъ, что „справедливо на власть родителей закономъ узда наложена, дабы силою и противъ воли къ браку не принуждали, но такъ какъ любовь часто помрачаетъ разсудокъ нашъ, то при выборѣ жены необходимо обращаться за совѣтомъ къ благоразумнѣйшимъ изъ своихъ родственниковъ“. Отвергая бракъ по разсчету въ тѣсномъ значеніи этого слова, не одобряя браковъ по „любви, часто помрачающей умъ нашъ“, Татищевъ, какъ истый патріархалъ, рекомендуетъ непремѣнно *выбирать* жену по извѣстнымъ правиламъ, которыя казались ему разумными и при выполненіи которыхъ только и возможно патріархальное счастіе въ семействѣ. Предписывая, подобно попу Сильверсту, обращаться съ крестьянами „съ великою строгостью“, по отношенію къ женѣ

Татищевъ рекомендуетъ кротость и снисхожденіе. „Имѣй въ памяти, говоритъ онъ,—что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница, и во всемъ должна быть нелицемѣрнымъ другомъ; такъ и тебѣ съ ней должно быть, въ воспитаніи дѣтей обще съ нею прилежать, въ твердомъ состояніи домъ въ правленіе ея поручать, а затѣмъ и самому нелѣностно смотрѣть. Однакожъ, храниться надлежитъ, чтобъ тебѣ у жены не быть подъ властью; сіе для мужа очень стыдно и чрезъ то можемъ у всѣхъ о себѣ худое мнѣніе подать и слабость своего ума изъявить. Сихъ примѣровъ нынѣ весьма уже довольно видимъ“... Дальше начинается брань на тогдашнихъ женщинъ, несоотвѣтствовавшихъ семейнымъ идеаламъ Татищева. (Эти „глупыя пустальги и негодницы“, по его выраженію, возмущали его жолчь, тѣмъ болѣе, что онъ самъ жилъ въ разводѣ съ женой, немогшей составить его семейнаго счастія). Такимъ образомъ, возвышая женщину изъ рабы въ подругу, изъ служанки въ хозяйку, новыя домостройныя начала все-таки вполнѣ оставляли ее подъ властью мужа и по прежнему указывали на семейство, какъ на единственную цѣль всей ея жизни и дѣятельности. Пытались даже отнять у женщины ея имущественныя права, и въ екатерининской комиссіи 1767 г, депутаты ходатайствовали о запрещеніи женщинамъ распоряжаться самимъ имуществомъ безъ дозволенія мужей. Патріархальная семейная жизнь, смягченная европейскимъ вліяніемъ, по прежнему оставалась для многихъ желаннымъ идеаломъ. Даже въ настоящемъ столѣтіи этотъ идеалъ играетъ преобладающую роль у всѣхъ людей славянофильскаго оттѣнка и въ произведеніяхъ Жуковскаго, для котораго „въ семействѣ заклю-

чается сладкое счастіе, дѣятельность, награды, все, къ чему стремимся, къ чему привязываетъ сердце, что радуетъ и возвеличиваетъ душу"; „въ этой мирной обители заключена вселенная со всѣми ея радостями". О свободѣ и равноправности женщины при этомъ не могло быть и рѣчи.

Реакціонные относительно меньшинства, эти новые домостройные взгляды были во многихъ отношеніяхъ прогрессивными относительно массы общества, сохранявшей свои прежніе полудикіе нравы, понятія. Большинство отцовъ долго еще оставалось патріархальными деспотами во вкусѣ попа Сильверста, жестокими даже при своемъ добродушіи, какъ, напр., предокъ Аксакова, описанный имъ въ „Семейной Хроникѣ". Выведенный изъ себя даже пустяками, онъ становился тигромъ. „Однажды онъ прогнѣвался на одну изъ дочерей своихъ за то, что она солгала и заперлась въ обманѣ. Двое людей водили его подъ руки; узнать было нельзя моего дѣдушку; онъ весь дрожалъ, лицо дергали судороги, свирѣпый огонь лился изъ его глазъ, помутившихся, потемнѣвшихъ отъ ярости. „Подайте ее мнѣ сюда", вопилъ онъ задыхающимся голосомъ. Бабушка кинулась было ему въ ноги, прося помилованія, но въ одну минуту слетѣли съ нея платокъ и волосникъ, и Степанъ Михайловичъ таскалъ за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну. Между тѣмъ не только виноватая, но и всѣ другія сестры, даже братъ ихъ съ молодою женой и маленькимъ сыномъ убѣжали изъ дома и спрятались въ рощѣ, — даже тамъ ночевали. Долго бушевалъ дѣдушка въ опустѣломъ домѣ. Наконецъ, уставши таскать за волосы Арину Васильевну, повалился

онъ въ изнеможеніи на постель и впалъ въ глубокій сонъ". Случалось, что отъ жестокостей подобнаго домовладыки разбѣгались отъ него и сыновья и дочери, и онъ оставался въ своемъ домѣ одинъ, злясь и жалуясь на испорченность молодежи. (Русск. Арх., 1866, 191). Побои, розги, нагайки, кошки щедро раздавались дѣтямъ и другимъ родственникамъ, не только жившимъ въ домѣ домовладыки, но даже ведшимъ самостоятельную жизнь. Узнаетъ, напр., дядя, что его племянникъ измѣнилъ женѣ, тотчасъ скачетъ къ нему въ деревню и дуетъ его нагайками (id., 521). Нерѣдко само правительство поддерживало власть подобныхъ домовладыкъ. Напр., гр. Бестужевъ-Рюминъ, за ссору съ отцомъ, былъ отданъ „въ полную его деспозицію", будучи уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ; по волѣ отца, онъ былъ лишенъ чиновъ и сосланъ въ свирскій монастырь до смерти; отецъ, впрочемъ, впослѣдствіи освободилъ его изъ монастыря. И это было въ вѣкъ Екатерины II!.. Охраняли нравственность и „основы"...

Понятно, что водворившаяся въ жизни свобода браковъ имѣла ярыхъ враговъ не только въ подобныхъ домовладыкахъ, но даже и въ такихъ людяхъ, какъ Татищевъ, который говоритъ, что о такихъ бракахъ „честнымъ людямъ даже слышать ужасно и мерзко... Вольность въ сочетаніи дѣтямъ безъ обстоятельства дать не можно, ибо частію закону божію, частію мудрости политической противно, и могутъ отъ своеволія произойдти великія непристойности, какъ о томъ Христіанъ Вольфъ въ морали и политикѣ изъяснилъ и примѣры многіе, учинившіеся у насъ, свидѣтельствуютъ". Особенно сильныя преслѣдованія возбуждали противъ себя такъ назы-

ваемые неравные браки — браки людей „благородныхъ“ съ „подлыми“ или съ благородными же, но „изъ подлости происшедшими“. Такъ, напр., когда Девіеръ, изъ жалкаго слуги на португальскомъ купеческомъ суднѣ, благодаря расположенности къ нему Петра Великаго, вошелъ въ чины, то началъ свататься на сестрѣ Меньщикова. Свѣтлѣйшій ех-пирожникъ съ негодованіемъ отказалъ ему. Девіеръ не унялся и скоро сообщилъ князю, что онъ долженъ выдать за него свою сестру, если не хочетъ, чтобы она родила ребенка, которымъ уже беременна отъ него, Девіера. Вмѣсто отвѣта, Меньщиковъ велѣлъ высѣчь батогами навящиваго жениха. Петръ, однакожъ, приказалъ князю выдать сестру за Девіера, который вскорѣ сдѣлался графомъ и генералъ-полицймейстеромъ. Но Меньщиковъ жестоко отомстилъ ему: при Екатеринѣ I, по его проискамъ, Девіеръ былъ лишенъ правъ, высѣченъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Независимо отъ частныхъ противодѣйствій свободному заключенію браковъ, противъ него иногда, въ частныхъ и особенныхъ случаяхъ, вооружалось и правительство, хотя вплоть до Павла и не подвергало такихъ браковъ строгому преслѣдованію. Напр., когда гр. Петръ Апраксинъ, человѣкъ женатый, увезъ изъ дворца фрейлину Екатерины II и тайно обвѣнчался съ нею, то императрица хотя и велѣла ихъ арестовать и судить, но потомъ все-таки простила. Павелъ же, тотчасъ по вступленіи на престолъ, „восхотѣлъ въ разсужденіи сего пункта оказать крайнее свое негодованіе и то, что онъ такихъ безпорядковъ терпѣть никакъ не хочетъ“. Онъ началъ преслѣдовать всѣ подобные браки „со всею строгостью, чтобъ тѣмъ унять и пресѣчь сіе зло“ (Болотовъ). Противъ

разводовъ также принимались иногда мѣры и до Павла. Еще въ 1730 г. изданъ былъ указъ: „которые люди съ женама своими, не ходя къ правильному суду, самовольно межъ собой разводиться будутъ, то отцамъ ихъ духовнымъ ни къ какимъ разводнымъ ихъ письмамъ рукъ отнюдь не прикладывать подъ тяжкимъ штрафомъ и наказаніемъ и подъ лишеніемъ священства“. Но и самовольные разводы до Павла преслѣдовались очень рѣдко. Павелъ же, при первомъ своемъ посѣщеніи синода, „сталъ въ примѣръ приводить то, что множество мужей женятся отъ живыхъ женъ, а жены выходятъ за мужъ отъ живыхъ мужей, и духовныя власти не только не стараются сіе зло прекращать, но споспѣшествуютъ ему еще даваніемъ дозволенія расходиться. На сіе вздумалъ было престарѣлый президентъ, благоговѣйный митрополитъ Гавріилъ, отвѣтствовать ему ссылкою на кормчую книгу, таковые разводы дозволяющую; но государь, вопреки всѣмъ приводимымъ ею статьямъ, предполагалъ другія мѣста и заставлялъ молчать всѣхъ до единаго“. Самовольные браки и разводы отнесены къ преступленіямъ, и въ николаевскомъ сводѣ законовъ санкціонированы почти всѣ старинныя постановленія, ограничивавшія свободу брачнаго союза.

Употребляя всѣ усилія, чтобы охранить свои семейства отъ поврежденія нравовъ, родители старались остаться такими же полновластными домовладыками, какими были ихъ до-петровскіе предки. Браки сплошь и рядомъ заключались по желанію или по выбору отца, матери, опекуна, для которыхъ устройство брачной карьеры дѣтей было одною изъ обыкновенныхъ житейскихъ спекуляцій. Выборъ жениха былъ самымъ хлопот-

ливымъ дѣломъ для родителей: „Что за комиссія, создатель, быть взрослой дочери отцомъ“. Само собою понятно, что лица, управлявшія заключеніемъ такихъ союзовъ, руководились исключительно корыстными разсчетами и нерѣдко, по выраженію Татищева, дѣвушекъ „безсовѣстно продавали“ въ бракъ. Извѣстный богачъ и самодуръ Прокопій Демидовъ, раздраженный желаніемъ одной изъ своихъ дочерей выйдти не иначе, какъ за дворянина, приколотилъ къ воротамъ своего дома объявленіе, что у него есть товаръ, дочь-дѣвка, и потому не найдется ли купца изъ дворянъ, который бы женился на ней. Онъ выдалъ эту дочь за чиновника, который первый прочиталъ эту публикацію и сдѣлалъ предложеніе. Въ купечествѣ постоянно учреждались даже выставки невѣстъ въ извѣстные дни, какъ это водится въ Москвѣ до сихъ поръ. Провинціальные дворяне также вывозили обыкновенно своихъ невѣстъ на ярмарки, если не находили имъ сбыта дома *). Корысть сплошь и рядомъ доводила до такихъ же злодѣяній, какъ совершенное некрасовскимъ „папашей“, хотя они и облекались въ легальную форму. Бракъ по разсчету сдѣлался самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, особаго рода промысломъ. Мужчина женился для денегъ, для карьеры и, женившись, сплошь и рядомъ —

Женины плѣнительные взоры,
Нѣжность сердца, музыку рѣчей, —
Все спускалъ за плоскія рессоры,
Да за пару кровныхъ лошадей.

---

*) Въ 1871 году авторъ видѣлъ на Благовѣщенской ярмаркѣ Шенкурскаго уѣзда, какъ въ лавкѣ пріѣзжаго купца были выставлены двѣ его дочери-невѣсты. Отецъ нѣсколько уже лѣтъ возитъ по ярмаркамъ этихъ перезрѣлыхъ дѣвъ.

Продавались женщины, продавались и мужчины. Въ Петербургѣ, между прочимъ, развился слѣдующій обычай. Какой-нибудь аферистъ бралъ себѣ на содержаніе отставного, неимущаго генерала, обязуясь кормить и одѣвать его до тѣхъ поръ, пока не найдетъ ему невѣсты съ приданымъ въ столько-то тысячъ, изъ которыхъ генералъ дастъ ему столько-то. Невѣста находилась между скопившими деньжонки камеліями; она дѣлалась генеральшей, а генералъ пріобрѣлъ деньжонки... Браки по приказанію начальства, какъ высшаго, такъ и низшаго, не были уничтожены петровскою реформою. Такъ, напр., правительство иногда заставляло знатныхъ малороссіянъ отдавать своихъ дочерей не иначе, какъ за великоруссовъ (Соловьевъ, XVI, 381). Вельможи нерѣдко заставляли подчиненныхъ жениться на своихъ, негодныхъ для порядочной брачной карьеры, родственницахъ или оставныхъ любовницахъ, часто беременныхъ. При Павлѣ былъ слѣдующій случай. 1800 года, 10 іюля, синодскій регистраторъ Максимовъ взятъ былъ оберъ-полиціймейстеромъ Рачинскимъ и представленъ къ петербургскому военному губернатору, который объявилъ ему высочайшее повелѣніе обвѣнчаться съ дочерью портного мастера Клокенберга, Катериною. Губернаторъ приказалъ отвезти Максимова вмѣстѣ съ Катериною въ казанскій соборъ, гдѣ ихъ и обвѣнчали въ присутствіи полиціи. На вопросъ священника о согласіи на бракъ, Максимовъ отвѣчалъ, что онъ женится по высочайшему повелѣнію. Дѣло началось изъ-за того, что Катерина жила съ Максимовымъ въ одномъ домѣ и влюбилась въ него; хотя связи между ними никакой не было, но родители, замѣтивъ любовь ея, стращали засѣчь ее до

смерти; она бросилась въ рѣку, чтобы утопиться, но была спасена полиціей, и когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія Павла, то онъ приказалъ женить Максимова, который былъ рѣшительно противъ этого брака (Морошкинъ, II)... Подобные случаи были и впослѣдствіи... Иногда эти браки по приказу носили возмутительный характеръ, напр., въ помѣщичьихъ имѣніяхъ или военныхъ поселеніяхъ. „Въ старину, говоритъ Пушкинъ, свадьбы, какъ и суды, обыкновенно бывали *пристрастны*. Кто-то спрашивалъ у старушки: по страсти ли, бабушка, вышла замужъ?—По страсти, родимый, отвѣчала она,—приказчикъ и староста обѣщались меня до полусмерти побить“. Помѣщики, въ родѣ описаннаго Аксаковымъ Куролесова, выдѣлывали невообразимыя теперь штуки. „Куролесовъ ѣхалъ однажды черезъ какую-то деревню: проѣзжая мимо овиннаго тока, на которомъ молотило крестьянское семейство, онъ замѣтилъ женщину необыкновенной красоты.—„Стой!“ закричалъ онъ. „Петрушка, какова баба?“ — „Больно хороша!“ — „Хочешь на ней жениться?“—„Да какъ же жениться на чужой женѣ“, отвѣчалъ, ухмыляясь, Петрушка.— „А вотъ какъ!.. Ребята, бери ее, сажай ко мнѣ въ повозку!...“ Женщину схватили, посадили въ повозку, привезли въ приходское село, и хотя она объявила, что у ней есть мужъ и двое дѣтей,—обвѣнчали съ Петрушкой“. Въ огромномъ имѣніи Аракчеева постоянно было много жениховъ и невѣстъ. О нихъ обыкновенно докладывалъ графу бурмистръ, и графъ приказывалъ представлять ихъ себѣ. Они приходили цѣлою толпою. Графъ становилъ ихъ попарно, жениха съ выбранной имъ невѣстой,—Ивана съ Матреной, Сидора съ Палагеей и т. д.

Когда всѣ такимъ образомъ установятся, Аракчеевъ приказываетъ Матренѣ перейдти къ Сидору, Палагеѣ къ Ивану, перемѣшаетъ всѣ пары и велитъ такъ повѣнчать ихъ. Въ духовенствѣ кандидаты на священнослужительскія мѣста нерѣдко женились на невѣстахъ, указанныхъ имъ властною рукою архипастыря. Въ этомъ сословіи свобода брака окончательно стѣснялась двумя обычаями, изъ которыхъ по одному трудно было, а часто и вовсе не было дозволяемо, жениться на дѣвушкѣ свѣтскаго званія, а по другому, недавно уничтоженному законодательнымъ порядкомъ, приходъ удерживался за дочерью умершаго священника и лицо, желавшее получить его, должно было жениться на ней.

Нравы смягчались такъ медленно, что вплоть до новѣйшаго времени мы нерѣдко встрѣчаемъ такія проявленія мужниной тираніи, которыя невольно напоминаютъ намъ времена Грозныхъ и Сильверстовъ. Одною изъ главныхъ причинъ этого произвола служила ревность, доходившая до гнусности. Даже Петръ Великій иногда собственными руками наказывалъ тѣлесно своихъ возлюбленныхъ за измѣну (Рус. Стар. 1870. II, 473). Другою, столь же сильною причиною мужниной тираніи было барское мотовство и желаніе овладѣть имуществомъ жены. Случалось, что мужъ, подговоривъ какихъ-нибудь негодяевъ, вмѣстѣ съ ними просто-напросто грабилъ жену (Оп. Арх. св. синода, I, 194). При Петрѣ, Салтыковъ, напр., жену свою „безвинно билъ мучительски, голодомъ морилъ и хотѣлъ убить до смерти, а что было ея, все ограбилъ“. Алексѣй Долгорукій заставилъ свою жену подписать крѣпостную запись, будто она все свое имѣніе на себя истратила и

желаетъ постричься. Онъ держалъ ее въ заключеніи, мучилъ и нанималъ доносчиковъ, обвинявшихъ ее въ чародѣйствѣ и прелюбодѣяніи. А что терпѣли жены разныхъ Куролесовыхъ и другихъ подобныхъ животныхъ, сколько ихъ сошло преждевременно въ могилу, благодаря дикимъ и развратнымъ мужьямъ!... Нашъ вѣкъ немногимъ бѣднѣе предыдущаго подобными злодѣями и тиранами, въ родѣ, напр., отца Хвостовой или Карцова, осужденнаго въ 1853 году за неимовѣрныя жестокости надъ крестьянами своей жены, которую онъ раззорялъ, билъ, покушался застрѣлить, обваривалъ кипящею водою, жегъ огнемъ, чтобы заставить ее отписать на него половину имѣнія (Зап. Хвостовой, 25. Русск. уг. процессы Любавскаго). Деспотизмъ семейный доходилъ до того, что здоровыхъ женщинъ заключали въ сумасшедшіе дома, какъ помѣшанныхъ. Женъ, даже въ XIX в., продавали и покупали, проигрывали и выигрывали въ карты или на билліардѣ (Р. Арх. 1870, 334; Вигель, I, 8). „Казначейша“ Лермонтова — вовсе не фантазія.

Европейская женщина втеченіе нѣсколькихъ столѣтій успѣла значительно смягчить общественные нравы и водворить въ обществѣ ту систему приличій, которая несовсѣмъ точно называется „уваженіемъ къ женщинѣ“. Русская женщина до сихъ поръ не сдѣлала этого, да и не могла сдѣлать въ какихъ-нибудь полтораста лѣтъ, протекшихъ съ Петра. Законъ и власть третировали женщинъ наравнѣ съ мужчинами,—ихъ били кнутомъ, вырывали ноздри, пытали даже беременныхъ, при чемъ нѣкоторыя и рожали; Петръ запретилъ пытать беременныхъ, но сдѣлалъ исключеніе для государственныхъ

дѣлъ. Съ женщинами не церемонились также и относительно административныхъ взысканій. Такъ, въ 1785 году, участницы въ распространеніи каррикатуръ и пасквилей, фрейлина Эльмптъ и мадамъ Дивова, были высѣчены домашнимъ образомъ (Р. Арх. 1865 г. 442). Знатныя дамы не разъ бывали въ передѣлкѣ у Шешковскаго, который съ необыкновенною ловкостью сѣкъ ихъ собственноручно (Р. Стар. 1870 г., II, 637). Случалось, что его агенты приходили вмѣстѣ съ нимъ въ какой-нибудь семейный домъ и, наказавъ виновную въ чемъ-нибудь хозяйку опредѣленнымъ количествомъ ударовъ, уходили... При императрицахъ для женщинъ были сдѣланы нѣкоторыя облегченія, — вмѣсто каторги ихъ велѣно ссылать въ Сибирь на поселеніе, а въ 1754 году запрещено было вырывать у нихъ ноздри и ставить на лицѣ клейма; Екатерина освободила привиллегированныхъ женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Но при всемъ этомъ, вплоть до указа 17 апрѣля 1863 года, карательная власть не оказывала почти никакихъ снисхожденій массѣ женщинъ, ихъ относительной слабости, впечатлительности, стыдливости. Даже упомянутый указъ, безусловно освободившій женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній, не вездѣ дѣйствуетъ одинаково, и главное управленіе западной Сибири постановило поступать съ ссыльными женщинами на общихъ основаніяхъ устава о ссыльныхъ, т. е. подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Вскорѣ это вошло въ общую практику. Но наказаніе женщинъ не было ихъ худшей долей. Нравственныя оскорбленія, переносимыя ими, были естественнымъ результатомъ дикихъ воззрѣній на женщину. Въ этомъ отношеніи наша исторія полна возмутительныхъ фак-

товъ. Вотъ, напр., извѣстный фаворитъ Петра II, Долгорукій. „Любострастіе его одною или многими недовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало, и онъ женщинъ, пріѣзжавшихъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружавшіе его однородцы и другіе молодые люди, распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и, можно сказать, что честь женская не болѣе тогда была въ безопасности въ Россіи, какъ отъ турковъ во взятомъ градѣ“ (Щербатовъ). То же самое совершалось въ административныхъ сферахъ, по разнымъ провинціальнымъ захолустьямъ. Такъ, напр., въ половинѣ XVIII столѣтія, въ Иркутскѣ, ревизоръ Крыловъ, ограбившій всѣхъ зажиточныхъ людей и подъ защитою оставленной имъ для себя лейбъ-стражи водворившій въ городѣ терроръ, небывалый даже и въ Сибири, впродолженіи трехъ лѣтъ своего звѣрскаго владычества былъ грозою всѣхъ женщинъ. Захвативъ и растливъ дочь купца Ворошилова, онъ открыто жилъ съ нею, какъ съ любовницей. Жену купца Мясникова онъ жестокими побоями, кнутомъ и плетью, долго склонялъ къ прелюбодѣянію съ собой и даже заставлялъ мужа ея бить ее батогами, что тотъ и исполнялъ, уговаривая несчастную отдаться всемогущему слѣдователю. Мать Мясникова, пятидесятилѣтнюю старуху, Крыловъ доводилъ до отчаянія своимъ скотскимъ волокитствомъ, и однажды на ея имянинахъ, въ присутствіи множества гостей, бросился на нее и публично, среди комнаты, повалилъ ее на полъ... Насилуя всѣхъ попадавшихся ему на глаза дѣвушекъ, даже малолѣтнихъ, истязуя нещадно плетьми и батогами тѣхъ, которыя

противились ему, Крыловъ простиралъ свое сладострастіе даже на мужчинъ и дошелъ въ своей нахальности до того, что даже съ женой вице-губернатора Вульфа поступилъ точно такъ же, какъ съ упомянутой старухой Мясниковой. Братъ герцога Бирона, Карлъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Малороссіи, сформировалъ себѣ, посредствомъ однихъ только насильственныхъ захватовъ, обширный гаремъ... Хватали женщинъ, особенно кормилицъ, и отбирали у нихъ грудныхъ дѣтей, а вмѣсто ихъ заставляли грудью своею кормить малыхъ щенковъ изъ псовой охоты сего изверга. Люди сильные и богатые дозволяли себѣ относительно женщинъ все. Неограничиваясь добровольно отдававшимися имъ помпадуршами, они, силою своей власти или силою своихъ денегъ, добывали себѣ женское тѣло, не стѣсняясь никакими нравственными правилами, ни даже закономъ. Дѣло неограничивалось простымъ насиліемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Женщинъ сплошь и рядомъ захватывали въ рабство и держали ихъ для любви или для работы. Поставка женщинъ для властей долго была своего рода натуральной повинностью: деревенскихъ дѣвушекъ, напр., поочередно наряжали къ исправнику или становому, во время ихъ разъѣздовъ. Скарятинъ свидѣтельствуетъ, что въ восточной Сибири это продолжалось вплоть до управленія графа Муравьева Амурскаго (Одесск. Вѣстникъ, 1860 г.). Еще къ большимъ злодѣяніямъ приводило въ этомъ отношеніи крѣпостное безправіе. „Рабство", писалъ въ XVIII в. Шаппъ — „разрушило въ Россіи всѣ естественныя права; человѣкъ въ Россіи есть товаръ, иногда продаваемый по ничтожной цѣнѣ; часто изъ объятій матерей вырываютъ дѣтей,

чтобы продавать ихъ лицамъ, преданнымъ разврату“. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, гдѣ, по выраженію Пушкина,—

.... тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и помысловъ въ душѣ питать не смѣя,
Гдѣ дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя,—

въ помѣщичьихъ имѣніяхъ поруганіе надъ женщиной, даже въ новѣйшее время, достигало размѣровъ, вполнѣ достойныхъ средневѣковаго варварства, какъ это можно видѣть, напр., изъ „Русскихъ уголовныхъ процессовъ“ Любавскаго. Вотъ, напр., тайный совѣтникъ Жадовскій, оказавшійся по суду (въ 1855 г.) виновнымъ, кромѣ ужасныхъ жестокостей, въ мужеложствѣ, растлѣніи, насиліяхъ. Мужикамъ онъ дозволялъ жениться только подъ условіемъ приводить къ нему жену въ первую ночь; за представленіе послѣ брака жены своей *не невинною*, онъ наказывалъ; нѣкоторыхъ дѣвушекъ растлѣвали въ комнатахъ Жадовскаго его люди „при наблюденіи барина“ и т. д. Въ 1847 году судился за подобные же подвиги помѣщикъ Страшинскій, растлившій и изнасиловавшій почти всѣхъ дѣвицъ въ своихъ имѣніяхъ, между прочимъ, двухъ своихъ малолѣтнихъ незаконныхъ дочерей. Это скотство доходило до того, что нѣкоторые джентльмены россійскіе собирали крѣпостныхъ дѣвушекъ, раздѣвали ихъ до-нага и натравляли на нихъ собакъ...

Въ обществѣ, которое могло терпѣть такія безобразія, въ народѣ, который вынужденъ былъ терпѣть ихъ, не могло быть даже того наружнаго, формальнаго уваженія къ женщинѣ, какое мы видимъ въ Европѣ. Его

не было и нѣтъ до сихъ поръ, и въ этомъ отношеніи Россія — страна варварская, ибо какъ иначе назвать страну, въ которой женщинѣ не безопасно ходить одной по улицѣ, въ которой чуть не на каждомъ шагу она можетъ подвергнуться оскорбленію, если не насилію, въ которой лицемѣрное общественное мнѣніе забрасываетъ грязью каждое короткое знакомство мужчины съ женщиной, въ которой могла возникнуть мысль о выдачѣ эманципированнымъ дѣвушкамъ желтыхъ билетовъ и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, въ XVIII и XIX в., всѣ стремленія женщины къ свободѣ и развитію встрѣчали множество враждебныхъ элементовъ, унаслѣдованныхъ отъ древняго періода нашей исторической жизни. Какъ ни сильны были эти элементы, но они не могли окончательно разрушить реформу и подчинить женщину прежнему домостроевскому порядку вещей. Съ другой стороны, и женщина была не въ силахъ не только далеко идти по пути освобожденія, но даже составить себѣ сознательное и ясное представленіе какъ о своихъ существенныхъ нуждахъ, такъ и о способахъ ихъ удовлетворенія. Для этого необходимо было солидное образованіе, коллективная и стройно направленная къ извѣстной цѣли дѣятельность, развитіе общественнаго чувства и сознанія, а ихъ-то и не было у тогдашней женщины. Поэтому всякое реакціонное движеніе прежде всего отражалось на общественномъ положеніи женщины. Все, что пріобрѣла она въ моменты прогрессивнаго развитія общества, все, или почти все это, теряла во время ретроградныхъ направленій. Умолкавшій на время обскурантизмъ, входя въ новую силу, спѣшилъ уничто-

жить результаты предшествовавшихъ попытокъ, и это было тѣмъ болѣе легко, что практически завоеванныя права женщины не были скрѣплены никакими законодательными мѣрами.

Вслѣдствіе этого къ половинѣ настоящаго столѣтія женское дѣло очутилось въ такомъ положеніи, въ которомъ внѣшнимъ образомъ сдерживались вмѣстѣ самые разнородные элементы и принципы, ждавшіе только удобнаго времени, чтобы перейдти въ состояніе новой борьбы, которая должна была вести къ дальнѣйшему развитію. Сводъ законовъ, вслѣдствіе своего формальнаго компилятивнаго характера, вслѣдствіе того, что въ немъ сведены въ одно самые разнохарактерные законы, накопившіеся втеченіе столѣтій, не проникнутъ никакимъ опредѣленнымъ принципомъ относительно семьи и женщины. И хотя наше брачное законодательство своими постановленіями, благопріятными для женщины, напоминаетъ намъ, что послѣдняя прошла такой длинный рядъ униженій и подневольныхъ страданій недаромъ, — что она, при крайней неблагопріятности историческихъ условій, все-таки успѣла во многомъ улучшить свое положеніе сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ находились ея предки,—но, съ другой стороны наше законодательство во многомъ слѣдуетъ не только духу, но даже буквѣ законоположеній древней Руси. Семейное законодательство до сихъ поръ имѣетъ крайне патріархальный характеръ. Основою семейства служитъ *неограниченная власть* родителя, которая простирается на дѣтей обоего пола и *всякаго возраста* и прекращается единственно смертію естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Личная власть родителей не прекращается, но

ограничивается: 1) поступленіемъ дѣтей въ общественное училище, 2) опредѣленіемъ дѣтей въ службу (коронную), 3) вступленіемъ дочерей въ замужество, „такъ какъ одно лицо двумъ *неограниченнымъ властямъ, каковы родительская и супружеская*, совершенно удовлетворить не въ состояніи“ (Св. Зак. изд. 1857 г. т. X, ст. 164, 188, 179). Слѣдовательно, по строгому смыслу закона, даже совершеннолѣтніе и самостоятельные люди, несостоящіе на государственной службѣ, и чиновники, получившіе отставку, находятся въ неограниченномъ распоряженіи своихъ родителей, которые для ихъ исправленія имѣютъ право употреблять домашнія *исправительныя* мѣры, а за упорное неповиновеніе, развратную жизнь и другіе явные пороки, отдавать въ смирительные дома. Даже въ Петербургѣ сидитъ въ тюрьмахъ не мало дѣтей, посаженныхъ родителями, и между ними два взрослыхъ купеческихъ сына, одинъ отставной капитанъ-лейтенантъ и т. д. Вотъ что разсказываетъ г. Никитинъ о мотивахъ, заставляющихъ родителей упрятывать своихъ дѣтей въ тюрьму. Молодая дама садитъ своего мальчугана въ смирительный домъ потому, что „у нея трое такихъ дѣтей и возжаться съ нимъ ей некогда“... Купецъ садитъ сына, кончившаго курсъ въ гимназіи, за то, что онъ не хочетъ стоять за прилавкомъ, а желаетъ поступить въ университетъ. Сынъ самостоятельною, отдѣльною отъ отца торговлею наживаетъ состояніе, имѣетъ отъ роду 42 года, жену и дочь 12 лѣтъ; отецъ требуетъ отъ него денегъ на содержаніе своей второй мотоватой жены, сынъ отказываетъ, и отецъ садитъ его въ исправительное заведеніе. Сынъ женатъ на красавицѣ, которую преслѣдуетъ отецъ своимъ волокитствомъ; сынъ запрещаетъ

пускать его къ себѣ, а отецъ, въ отмщеніе, садитъ его въ тюрьму. Юноша не хочетъ быть военнымъ и выходитъ въ отставку юнкеромъ; отецъ садитъ его на 4 мѣсяца въ смирительный; потомъ, послѣ неудавшейся попытки высѣчь его въ части, вторично заключаетъ его въ смирительный, гдѣ и наказываетъ его розгами (Жизнь заключенныхъ, Обз. Петер. тюремъ, стр. 193—196). Въ личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, *отъ дѣтей не принимается никакого иска*, ни гражданскимъ, ни уголовнымъ порядкомъ. Отъ родителей же по принесенной ими въ судъ жалобѣ на дѣтей своихъ *не требуется никакихъ доказательствъ* (Т. X, кн. 1, ст. 168, 165, 166). Законъ вовсе не предписываетъ родителямъ *никакихъ юридическихъ обязанностей* относительно дѣтей, говоря, что родители должны заботиться о дѣтяхъ, содержать ихъ, воспитывать соотвѣтственно нравственности и видамъ правительства,—законъ исполненіе этихъ обязанностей рѣшительно ничѣмъ не гарантируетъ и предоставляетъ совѣсти родителей. Обязанности же дѣтей,—безусловное повиновеніе, чистосердечное почтеніе, любовь, содержаніе родителей въ случаѣ ихъ недостаточности—гарантированы весьма заботливо и закономъ, и тою неограниченною властью, какую онъ укрѣпляетъ за родителями. Правда, что суды обязаны разбирать споры дѣтей съ родителями, но споры только имущественные, да и то только въ томъ случаѣ, когда жалуются родители на дѣтей, а не наоборотъ.

Тѣмъ же архаическимъ духомъ проникнуто и наше законодательство о незаконныхъ дѣтяхъ. Юридическая безправность ихъ до сихъ поръ поддерживаетъ ихъ соціальную отверженность.

Въ законахъ о бракѣ мы вовсе не видимъ той выдержанности принципа и единства характера, какими отличаются постановленія о семействѣ и законныхъ дѣтяхъ. Съ одной стороны, супруги совершенно равноправны и самостоятельны въ имущественномъ отношеніи и жена можетъ быть вполнѣ независимою отъ мужа купчихою или промышленницею; но, съ другой стороны, законъ прямо называетъ власть мужа надъ женою *властью неограниченною* (т. X, ст. 179). Только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ онъ старается обуздать самовластіе мужа и тѣмъ ни сколько не содѣйсвуетъ ослабленію того варварства, которымъ полна наша брачная жизнь, въ которой тираннія мужа часто доходитъ до ужасающихъ размѣровъ. Въ купечествѣ, крестьянствѣ, мѣщанствѣ до сихъ поръ господствуетъ убѣжденіе, что мужъ можетъ дѣлать съ своею женою что ему угодно,—бить ее, драть, подвергать всевозможнымъ оскорбленіямъ, даже убивать. Случалось, что на судебныхъ процессахъ мужеубійцы заявляли о своемъ правѣ на совершенное ими злодѣяніе!.. До сихъ поръ мы то и дѣло бываемъ свидѣтелями самыхъ возмутительныхъ примѣровъ мужнинаго деспотизма. Вотъ, напр., въ началѣ 1871 года въ Шадринскомъ уѣздѣ одинъ крестьянинъ забиваетъ своей женѣ въ ея внутренности нѣсколько гвоздей безъ шляпокъ, осколки посуды, нѣсколько большихъ иголокъ, завернутыхъ въ тряпку, и деревянную баклашку съ гвоздемъ. Много труда стоило врачу и бабкѣ избавить несчастную отъ этого содержимаго. И это съ нею не первый случай, но въ первый разъ забитый ей мужемъ гвоздь вышелъ вмѣстѣ съ родами. Она до послѣдней крайности никому не сказывала объ этомъ изъ боязни мужа,

который грозилъ убить ее при первомъ ея словѣ. Конечно, въ подобныхъ чисто уголовныхъ случаяхъ законъ преслѣдуетъ тирана мужа и предоставляетъ женѣ возможность развода, если злодѣяніе ея повелителя такъ велико, что онъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ; но неограниченность мужнинаго произвола во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ уголовнаго и имущественнаго, не только поддерживаетъ наши старинные варварскіе нравы, но и неизбѣжно ведетъ за собою возможность тѣхъ именно злодѣяній, противъ которыхъ вооружается даже законъ... Въ постановленіяхъ о правахъ и обязанностяхъ супруговъ замѣчается только одно стремленіе—упрочить, посредствомъ легальнаго принужденія, тѣ чувствованія и отношенія, которыя въ дѣйствительной жизни являются слишкомъ шаткими, и, будучи порождаемы единственно свободною наклонностью, не могутъ быть поддерживаемы и возбуждаемы насильственно. „Не находя въ собственной душѣ“—говоритъ г. Филипповъ—„ни энергіи, ни силы, ни стойкости, ни способности слить свое бытіе, супруги убаюкиваютъ себя мыслію, что они должны быть вѣрны другъ другу по закону и религіи... Многіе другіе мудрые простираютъ свое безумье до того, что требуютъ отъ жены *по закону* любви, уваженія, угожденія и, главное, безусловнаго повиновенія; въ случаѣ же непокорности жены—приступаютъ къ кулачному праву. Мнѣ доводилось видѣть нѣсколько случаевъ въ быту дворянскомъ и чиновномъ, т. е. въ кругу людей, неимѣющихъ претензіи на образованность, что когда покидали ихъ жены, они требовали отъ начальства, гдѣ было мѣстопребываніе ихъ женъ, о высылкѣ послѣднихъ *съ полицейскими* для водворенія

жены къ сожительству съ мужемъ, на основанiи ст. 103, т. X. книг. 1. Однажды, въ Одессѣ, я былъ въ полицiи свидѣтелемъ, какъ полицейскiй чиновникъ изъ Петербурга, въ глубокую осень, привезъ туда на перекладной молодую, образованную женщину для водворенiя на сожительство съ мужемъ". Прежде, по требованiю мужей, казна высылала къ нимъ женъ по этапу даже на свой счетъ; теперь же мужъ обязанъ уплачивать издержки ея этапнаго путеслѣдованiя... Но жизнь мало помалу выставляетъ и осуществляетъ новыя требованiя женщины даже въ крестьянскомъ бытѣ. Реформы настоящаго царствованiя затронули и деревенскихъ бабъ. „Имъ, пишетъ одинъ мировой судья, — уже хочется новыхъ льготъ, желательно прiятнѣе пожить на свѣтѣ, и онѣ возвышаютъ голосъ противъ понятiй и правилъ, вошедшихъ въ плоть и кровь русскаго быта, и при первой попыткѣ мужей „постегать по винѣ смотря", бабы бѣгутъ къ мировому съ жалобой на своихъ бывшихъ неограниченныхъ властелиновъ". Является стремленiе къ разводу и супруги даютъ другъ другу такiя формально засвидѣтельствованныя сельскими властями записи: „Крестьянинъ Федоръ Федоровъ Солдатовъ и жена его Катерина Алексѣева, находившiеся между собою во враждѣ, которую прекращаютъ миролюбиво, согласившись другъ отъ друга удалиться навсегда, съ возвращенiемъ собственнаго ея движимаго имущества— постели, перины, двѣ подушки, самоваръ, корова пополамъ, два сундука, при миролюбивомъ раздѣлѣ между собою, не взыскивая другъ съ друга никакихъ побой и неудовольствiй, впредь уже должны мы жить особыми домами. Состоявшiйся сей миролюбивый актъ въ при-

сутствіи волостного старшины, сельскаго старосты и крестьянъ (такихъ-то) подписанъ за неграмотныхъ" (таками-то).

Гражданскій бракъ у насъ до сихъ поръ не дозволенъ, и тѣ невѣнчанныя связи, которыя подъ этимъ названіемъ все болѣе и болѣе умножаются въ обществѣ, законъ считаетъ грѣховными и преступными, а живущихъ въ нихъ лицъ — „явными прелюбодѣями". Церковный же бракъ можетъ быть расторгаемъ только въ исключительныхъ случаяхъ, а именно: 1) по импотенціи мужа; 2) вслѣдствіе прелюбодѣянія; 3) по безвѣстному долговременному отсутствію одного изъ супруговъ; 4) при лишеніи одного изъ нихъ всѣхъ правъ состоянія и 5) при желаніи супруговъ, неимѣющихъ малолѣтнихъ дѣтей и достигшихъ 50-ти или 60-ти лѣтняго возраста, постричься въ монашество. Жестокіе поступки мужа съ женою прежде считались законнымъ поводомъ къ разводу, но только въ томъ случаѣ, если они были соединены съ его развратною жизнью (П. С. Зак. 1722 г., апр. 12; 1798, апр. 7, 1806 г., февр. 28; 1811 г., іюня 28).

Наши псевдопатріоты пользуются каждымъ случаемъ, чтобы заявить о превосходствѣ русскаго брачнаго законодательства надъ законами Европы. Даже въ Англіи завидуютъ имущественной полноправности нашей женщины. Но и эта похвальба, и эта зависть справедливы только въ томъ случаѣ, когда предметомъ ихъ служатъ одни только имущественныя права; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ юридическое положеніе русской женщины можетъ возбуждать только чувство глубокаго сожалѣнія и желаніе, по возможности, скорѣйшихъ ре-

формъ нашихъ законовъ о семейномъ союзѣ, о правахъ и обязанностяхъ супруговъ. Вопросъ о допущеніи гражданскаго брака и о болѣе раціональныхъ условіяхъ расторженія брачнаго союза давно уже выдвинутъ самою жизнью на очередь практическаго разрѣшенія. Для раскольниковъ гражданскій бракъ уже дозволенъ, а вездѣ въ Европѣ исторія гражданскаго брака начиналась допущеніемъ его для сектантовъ. Кромѣ того, и имущественныя права русской женщины далеко не такъ обширны, какъ это требуется здравымъ смысломъ и справедливостью. Даже рутинная юриспруденція сознается, что „изъ всѣхъ законодательствъ цивилизованныхъ народовъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы женщина находилась относительно права законнаго наслѣдованія въ положеніи столь невыгодномъ, какъ въ нашемъ отечествѣ“ (Журн. М. Юст., т. XX стр. 412). Когда вошло въ обыкновеніе обезпечивать жену и дѣтей служилаго помѣщика, давая имъ на прижитокъ часть его помѣстья, то вдовѣ была назначена $^1/_7$, а дочери $^1/_{14}$ часть имѣнія. Эти правила нѣсколько измѣненныя, перешли и въ позднѣйшее законодательство, въ которомъ они не имѣютъ уже такого значенія, какъ при господствѣ помѣстнаго права. Назначая дочери при братѣ $^1/_{14}$ изъ недвижимаго и $^1/_8$ изъ движимаго, законъ въ пользу такого неравномѣрнаго распредѣленія наслѣдства не можетъ привести ни какого разумнаго основанія. „Постановленія объ указныхъ доляхъ дочерей“ — говоритъ Кавелинъ, — „вырванныя изъ помѣстной системы, посреди которой они образовались исторически, и пересаженныя въ 1731 году на почву вотчиннаго права, съ которымъ не имѣли ничего общаго, утратили прежнее

свое значеніе. По древнему праву, дочери не наслѣдовали при сыновьяхъ, и потому необходимо было посредствомъ выдѣла указной части изъ имѣнія обезпечить ихъ участь. Если уже разъ новѣйшее законодательство допустило, что дочь можетъ наслѣдовать въ недвижимомъ имѣніи при сыновьяхъ, то трудно понять, почему она получаетъ только $^1/_{14}$ часть, а не равную съ братьями. Наслѣдованіе дочери въ $^1/_8$ части движимаго имущества было точно также результатомъ смѣшенія началъ помѣстнаго права съ греко-римскимъ ученіемъ о наслѣдованіи супруговъ, перешедшимъ въ наше древнее законодательство, и примѣненія ихъ къ наслѣдованію дочери... Это правило также непонятно теперь, какъ и предыдущее. Правило же, что сестры при братьяхъ въ боковыхъ линіяхъ не наслѣдницы, перешло въ настоящее законодательство безъ измѣненія изъ нашего древняго вотчиннаго права. Тогда оно было проведено послѣдовательно; во всѣхъ линіяхъ, какъ боковыхъ, такъ и нисходящей, сестры при братьяхъ ни въ какомъ случаѣ не наслѣдовали. Но теперь, когда къ нисходящей линіи примѣнены начала помѣстнаго права и дочери предоставлено, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, право наслѣдованія,—совершенное устраненіе отъ него сестеръ при братьяхъ является аномаліей, объясняемою только исторіей законодательства, а не внутреннимъ смысломъ постановленій, ибо указная часть изъ помѣстья давалась дочери не въ видѣ наслѣдства, не въ собственность, а для обезпеченія ея существованія только до вступленія ея въ супружество“. Единственное основаніе, которое можно приводить въ пользу этихъ законовъ, заключается въ томъ, что, препятствуя раздроб-

ленію имѣній и переходу ихъ изъ одного рода въ другой, они до нѣкоторой степени ограждаютъ интересы дворянскаго сословія, въ жертву которымъ, такимъ образомъ, приносятся интересы многихъ милліоновъ женщинъ. Само собою понятно, что уравненіе послѣднихъ съ мужчинами въ ихъ наслѣдственныхъ правахъ должно, наконецъ, взять перевѣсъ надъ всѣми сословными выгодами и надъ старовѣрческою преданностью легальной рутинѣ.

VIII.

Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія къ намъ проникли эманципаціонныя идеи Жоржъ Занда — этого горячаго апологета женщины,—идеи, встрѣченныя благонамѣренной журналистикой съ такимъ наглымъ цинизмомъ, что Сенковскій, этотъ литературный гаеръ, потѣшавшій праздную публику, называлъ знаменитую поэтессу „*г-жа Спередка*“, каламбуря буквальнымъ переводомъ ея фамиліи „Dudevant“. Легіонъ тогдашнихъ писакъ спѣшилъ довести до свѣдѣнія читателей, что во Франціи появилась писательница до того безстыдная, что носитъ брюки, до того развращенная, что живетъ съ кѣмъ-то не повѣнчавшись, и до того зловредная, что поставила главною цѣлью своей дѣятельности—защищать женщину и проповѣдывать свободу чувства.

Но въ то время, какъ отцы и матери негодовали на Ж. Зандъ, сыновья и дочери съ жадностью читали ее, увлекаясь ея художественными образцами, ея теплымъ чувствомъ и свѣтлыми идеями. Жоржъ-зандовская идеализація женщины и апотеозъ любви благодѣтельно дѣй-

ствовали на смягченіе нашихъ чувствъ и семейныхъ отношеній. Русская любовь тогда, какъ и въ старину, имѣла грубый, животный характеръ. „Я знаю“—писалъ Бѣлинскій,—„что наши бояре лазили черезъ тыны къ своимъ прелестницамъ, но это было оскорбленіе и искаженіе величавой, чинной и степенной русской жизни, а не проявленіе оной; такихъ рыцарей ночи наказывали ревнивцы плетьми и кольями, а не раздѣлывались съ ними на благородномъ поединкѣ; такія красавицы считались безпутными бабами, а не жертвами страсти, достойными сожалѣнія и участія. Наши дѣды занимались любовью съ законнаго дозволенія или мимоходомъ, изъ шалости, и не сердце клали къ ногамъ своихъ очаровательницъ, а показывали имъ заранѣе шелковую плетку и неуклонно слѣдовали мудрому правилу—„люби жену, какъ душу, а тряси ее, какъ грушу“. Вообще говоря, мы и теперь еще любимъ не совсѣмъ по-рыцарски“. Любовь была тогда главнымъ сюжетомъ поэтическихъ пѣснопѣній и беллетристики. Удаленный отъ обще-европейскаго движенія, пѣвшій по указаніямъ казеннаго камертона, тогдашній поэтъ не затрогивалъ никакихъ общественныхъ интересовъ и тратилъ всѣ свои силы исключительно на то, чтобы—

Красу долины, небесъ и моря
И ласки милой воспѣвать.

Характеръ любви, какъ въ дѣйствительной жизни, такъ и въ произведеніяхъ поэзіи, былъ преимущественно чувственный. Въ стихотвореніяхъ Щербина, Майкова, Грекова, Фета, Полонскаго, въ гривуозныхъ пѣсенкахъ Беранже, переводившихся Ленскимъ,— вездѣ

воспѣвались только женскія объятья, сладострастныя ночи, безумное упоеніе страстью. Въ послѣднее время по этому пути пошелъ дальше всѣхъ Всеволодъ Крестовскій—этотъ пѣвецъ любви на всѣ манеры, воспѣвшій всевозможныя проявленія разврата и написавшій подъ именемъ „Испанскихъ Мотивовъ“ нѣсколько самыхъ циническихъ подражаній киргизскимъ пѣснямъ *). Любовь поглощала всѣ силы поэта, наполняла собою всѣ его помыслы, удаляла отъ него всѣ житейскія заботы, отучала отъ всѣхъ болѣе серьезныхъ интересовъ. Поэзія проповѣдывала, что любовь—высочайшее наслажденіе жизни, но что для полноты этого наслажденія необходимо всецѣло отдаться ему и любить такъ, чтобы при этомъ—„*и разсудокъ, и память, и сердце губить*“, какъ выражается Полонскій. Это направленіе поэзіи не дурно выражено въ извѣстномъ стихотвореніи Майкова—

„Ахъ, люби меня *безъ размышленій,*
Безъ тоски, безъ думы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,
Что тутъ думать,—я твоя, ты мой!..

---

*) В. Крестовскій былъ хорошо знакомъ съ покойнымъ Чоканъ Валихановымъ—молодымъ, даровитымъ и отлично образованнымъ киргизомъ, который передавалъ ему содержаніе многихъ произведеній киргизской народной поэзіи, любимѣйшимъ сюжетомъ которымъ служитъ самое необузданное сладострастіе, а Крестовскій перелагалъ передаваемое ему въ стихи и составлялъ изъ нихъ „Испанскіе Мотивы“. Это извѣстно сибирякамъ, знакомымъ съ Валихановымъ по его петербургской жизни; объ этомъ разсказывается и въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ „Сибирскомъ Вѣстникѣ“.

Что тебѣ отчизна, сестры, братья,
Что намъ въ томъ, что скажетъ умный свѣтъ,
Иль холодны мои объятья,
Иль въ очахъ блаженства страсти нѣтъ!..

Въ поэзіи эта любовь была еще облагорожена и ея безобразія прикрывались изящною маскою; но въ дѣйствительной жизни служеніе Венерѣ выражалось въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Мы не будемъ уже говорить о томъ, какъ любили Чичиковы, Ноздревы, Хлестаковы, Обломовы, а обратимъ только вниманіе на жизнь тогдашней университетской молодежи, посвященную трактирному разгулу, непрестаннымъ и самымъ грязнымъ любовнымъ похожденіямъ, разбиванію публичныхъ домовъ и т. д. Тогдашнія студентческія пѣсни, умолкнувшія только въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, тогдашніе студентческіе скандалы и движенія были исполнены крайняго цинизма. Мало того, что русскіе любили тогда „не совсѣмъ по-рыцарски“, какъ выражается Бѣлинскій, — они любили не совсѣмъ по-человѣчески, и массѣ доступно было одно только чисто животное упоеніе страстью. Жоржъ Зандъ сильно повліяла на измѣненіе русской любви. Въ ея произведеніяхъ любовь возведена въ идеалъ самаго лучшаго изъ человѣческихъ чувствъ, и уваженіе къ женщинѣ освящено какимъ-то фанатическимъ культомъ. Женщина гуманизируетъ нравы, облагораживаетъ мужчину, превращаетъ въ человѣка дикое животное. Любовь—не конечная цѣль жизни женщины. „За предѣлами любви“ — говоритъ Лелія — „есть другой міръ, міръ новыхъ желаній, новыхъ потребностей, новыхъ надеждъ“. И хотя Ж. Зандъ не выяснила опредѣленно

этихъ новыхъ идеаловъ, болѣе возвышенныхъ и широкихъ, чѣмъ любовь, но все-таки она внушила женщинѣ сильное стремленіе къ нимъ, которое вскорѣ перешло въ сознательный вопросъ эманципаціи, равноправности и общечеловѣческаго развитія. Возвышая женщину и облагораживая любовь, Ж. Зандъ пропагандировала свободу чувства и указывала на необходимость болѣе человѣческаго и активнаго положенія женщины въ обществѣ.

Идея о свободѣ чувства принялась у насъ гораздо раньше, чѣмъ другія мысли жоржъ-зандовской пропаганды. Женщина, воспитанная исключительно для любви, прежде всего хотѣла любить свободно. Но наше грубое невѣжество и азіятская барственность общественнаго быта, основаннаго на крѣпостничествѣ, были причиною того, что чистая идея свободы чувства при первыхъ опытахъ ея акклиматизаціи на русской почвѣ дала нехорошіе плоды. Соблазнить дѣвушку, увлечь, ради минутной прихоти, замужнюю женщину, завязать связь съ какой-нибудь модисткой или горничной и когда надоѣстъ, бросить ее,—все это сплошь и рядомъ выдавалось за практическое приложеніе принциповъ жоржъ-зандизма. Мужчины начали безобразничать по модѣ; отъ нихъ не отставали и барыни. Явились Авдотьи Никитишны Кукшины, которыя выражали собою тоже протестъ противъ стѣсненія женщины, но протестъ не мысли, а испорченнаго чувства, протестъ порока. Такія барыни вызваны къ жизни не жоржъ-зандовскою пропагандою: онѣ были всегда, но прежде, подъ гнетомъ патріархально-лицемѣрнаго общественнаго мнѣнія, онѣ жили постоянно подъ маскою и прикидывались

добродѣтельными. Когда же явилась возможность не только не скрывать своей развращенности, но даже хвастаться ею, когда легкость поведенія и эксцентрическій образъ жизни вошли въ моду и посредствомъ ихъ можно было стяжать себѣ репутацію умной, передовой женщины,—тогда маски были сброшены, и Авдотьи Кукшины закутили напропалую. Щегольство вольностью нрава и либеральными фразами сдѣлалось своего рода эпидеміей. Люди старомодные, болѣе безнравственные, чѣмъ Кукшины, потому что они болѣе лицемѣрны, чѣмъ послѣднія, вопили о паденіи нравовъ, чуть-чуть не о погибели отечества отъ шалостей эманципированныхъ модницъ. До чего простиралась глупость этихъ охранителей, можно видѣть изъ того, что достаточно было какой-то г-жѣ Толкачевой прочесть въ Перми на литературномъ вечерѣ „Египетскія Ночи“ Пушкина, чтобы изъ этого сдѣлали всероссійскій скандалъ, которымъ нѣсколько мѣсяцевъ занималась литература!...

Само собою понятно, что эманципаціонное движеніе въ духѣ Ж. Зандъ не могло ограничиться подобными уродливыми проявленіями. И въ то время, какъ барственные послѣдователи жоржъ-зандизма пользовались превратно-понятыми принципами его, какъ моднымъ покрываломъ для своего грубаго эгоизма, рядомъ съ ними и постепенно вытѣсняя ихъ, нарождались другіе люди, понимавшіе Ж. Занда гораздо серьезнѣе. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, когда ни одинъ изъ общественныхъ вопросовъ не подлежалъ гласному обсужденію, да и чисто домашнее, кабинетное занятіе ими было дѣломъ строго-келейнымъ и далеко не безопаснымъ, вопросъ о любви, по недосмотру охранительной опеки, былъ до

нѣкоторой степени свободенъ отъ запрета, хотя литература могла обработывать его почти въ одной только беллетристической формѣ. Но эта форма была самой доступной для пониманія большинства, и потому романисты первые дали женскому вопросу право гражданства въ литературѣ и популяризировали его въ обществѣ. „Кто виноватъ“ Искандера, „Полинька Саксъ“ Дружинина, „Подводный камень“ Авдѣева, „Смѣлый шагъ“ Леона Бранди и много другихъ подобныхъ произведеній оказали въ этомъ отношеніи важныя заслуги. Упомянутые беллетристы не сказали, конечно, ничего новаго, но они разъяснили и ввели въ наше сознаніе то, что было выработано передовой европейскою мыслью. Благодаря имъ, жоржъ-зандовская идеализація женщины и идея свободы чувства дали сильный толчекъ русской мысли, которая начала работать надъ созданіемъ новыхъ идеаловъ женщины и семейныхъ отношеній. Въ то же самое время началась реакція противъ общераспространеннаго мнѣнія, что будто бы любовь — единственное предназначеніе женщины. Мысль возвысилась до интересовъ болѣе серьезныхъ, чѣмъ служеніе красотѣ. „Горе тому“,—писалъ Бѣлинскій,—„кто въ наши дни зданіе счастія своего вздумаетъ построить на одной только любви и въ жизни сердца вознадѣется найдти полное удовлетвореніе всѣмъ своимъ стремленіямъ! Въ наше время это значило бы отказаться отъ своего человѣческаго достоинства, изъ мужчины сдѣлаться самцомъ. Міръ дѣйствительный имѣетъ равныя, если еще не большія права на человѣка, и въ этомъ мірѣ человѣкъ является прежде всего сыномъ своей страны, гражданиномъ своего отечества, горячо принимающимъ къ

сердцу его интересы и ревностно поборающимъ, по мѣрѣ силъ своихъ, его преуспѣянію на пути нравственнаго развитія. И въ наше время жизнь и дѣятельность въ сферѣ общаго есть необходимость не для одного мужчины, но точно также и для женщины, ибо наше время сознало уже, что и женщина точно также человѣкъ, какъ и мужчина, и сознало это не въ одной теоріи (какъ это же сознавали и въ средніе вѣка), но и въ дѣйствительности. Если мужчинѣ позорно быть самцомъ на томъ основаніи, что онъ человѣкъ, то и женщинѣ позорно быть самкою на томъ основаніи, что она человѣкъ, а не животное. Ограничивать же кругъ ея дѣятельности спальнею и кухнею — не значитъ ли лишать ее правъ человѣка и изъ женщины дѣлать самкою?.. Отношеніе обоихъ половъ къ любви и одного къ другому въ любви дѣлаются совсѣмъ другими, нежели какими они были прежде. Такъ какъ истинно человѣческая любовь теперь можетъ быть основана только на взаимномъ уваженіи другъ въ другѣ человѣческаго достоинства, а не въ одномъ капризѣ чувства и не на одной прихоти сердца, — то и любовь нашего времени имѣетъ уже совсѣмъ другой характеръ, нежели какой она имѣла прежде. Взаимное уваженіе другъ въ другѣ человѣческаго достоинства производитъ равенство, а равенство — свободу въ отношеніяхъ. Мужчина перестаетъ быть властелиномъ, а женщина рабою, и съ обѣихъ сторонъ установляются одинаковыя права и одинаковыя обязанности: послѣднія, будучи нарушены съ одной стороны, тотчасъ же не признаются болѣе и другою". Вслѣдствіе равноправности женщины, „мать нашихъ дѣтей, она не унизится, но возвысится въ глазахъ нашихъ,

какъ существо, свято выполнившее свое святое назначеніе, и наше понятіе объ ея нравственной чистотѣ и непорочности не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ грязно-чувственнымъ понятіемъ, какое придавалъ этому предмету экзальтированный романтизмъ среднихъ вѣковъ: для насъ нравственная чистота и невинность женщины—въ ея сердцѣ, полнотѣ любви, въ ея душѣ, полной возвышенныхъ мыслей... Идеалъ нашего времени не дѣва идеальная и неземная, гордая своею невинностью, какъ скупецъ своими сокровищами, отъ которыхъ ни ему, ни другимъ не лучше жить на свѣтѣ; нѣтъ, — идеалъ нашего времени женщина, живущая не въ мірѣ мечтаній, а въ дѣйствительности осуществляющая жизнь своего сердца,—не такая женщина, которая чувствуетъ одно, а дѣлаетъ другое... Общество все еще держится принциповъ стараго, средневѣковаго романтизма, обратившагося уже въ пустыя формы за отсутствіемъ умершаго содержанія; но люди, имѣющіе право называться „солью земли", уже силятся осуществить идеалъ новаго романтизма".

Бѣлинскій, однакожъ, не могъ вполнѣ возвыситься до того уровня, на какомъ въ Европѣ давно уже стояла идея женской эманципаціи. Одно время этотъ геніальный самоучка даже смотрѣлъ на женщину ни чѣмъ не лучше той толпы, которую онъ старался гуманизировать и просвѣщать. Вотъ что писалъ онъ о воспитаніи женщины. „Природа дала мужчинѣ мощную силу и дерзкую отвагу, мятежныя страсти и гордый пытливый умъ, дикую волю и стремленіе къ созданію и разрушенію; женщинѣ дала она красоту вмѣсто силы, избыткомъ тонкаго и нѣжнаго чувства замѣнила избытокъ ума и

опредѣлила ей быть весталкой огня кроткихъ и возвышенныхъ страстей; и какая дивная гармонія въ этой противоположности, какой звучный, громкій и полный аккордъ составляютъ эти два *совершенно различные инструмента!* Воспитаніе женщины должно гармонировать съ ея назначеніемъ, *и только прекрасныя стороны бытія должны быть открыты ея вѣдѣнію, а обо всемъ прочемъ она должна оставаться въ миломъ простодушномъ незнаніи;* въ этомъ смыслѣ, ея односторонность—ея достоинство; мужчинѣ же открытъ весь міръ, всѣ стороны бытія"... Если такъ смотрѣлъ на женщину учитель, то можно себѣ представить, какая путаница понятій царила въ головахъ его учениковъ! И хотя Бѣлинскій въ концѣ своей дѣятельности значительно измѣнилъ свои прежнія воззрѣнія на женщину, но эманципаторомъ, въ современномъ значеніи этого слова, онъ все-таки не былъ.

Герценъ, образованность котораго равнялась его блестящему таланту, пошелъ гораздо дальше Бѣлинскаго и поставивъ на раціональную почву вопросъ о любви и бракѣ въ своемъ романѣ „Кто виноватъ", онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ у насъ и первымъ проповѣдникомъ идеи равенства половъ. Вотъ что писалъ онъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ. „Этотъ міръ всеобщихъ интересовъ, эта жизнь общественная, художественная, сціентифическая—все это для мужчины, а у бѣдной женщины ничего нѣтъ, кромѣ ея семейной жизни. Она должна жить исключительно сердцемъ; ея міръ ограниченъ спальней и кухней... Странное дѣло! девятнадцать столѣтій христіанства не могли научить людей понимать въ женщинѣ человѣка. Кажется, гораздо мудренѣе понять, что

земля вертится около солнца; однако поспорили, да и согласились; а что женщина человѣкъ—въ голову не помѣщается! Однакожъ, участіе женщины въ высшемъ мірѣ было признано религіей: „Марфа, Марфа, ты печешься о многомъ, а *одно* потребно, Марія избрала *благую часть*“. На женщинѣ лежатъ великія семейныя обязанности относительно мужа,—тѣ же самыя, которыя мужъ имѣетъ къ ней, а званіе матери поднимаетъ ее надъ мужемъ, и тутъ-то женщина во всемъ ея торжествѣ: женщина больше мать, нежели мужчина—отецъ; дѣло начальнаго воспитанія есть дѣло общественное, дѣло величайшей важности, а оно принадлежитъ матери. Можетъ ли это воспитаніе быть полезно, если жизнь женщины ограничить спальней и кухней? Почему римляне такъ уважали Корнелію, мать Гракховъ? Семейное призваніе женщины никоимъ образомъ не мѣшаетъ ея общественному призванію. Міръ религіи, искусства, всеобщаго, точно также раскрытъ женщинѣ, какъ намъ, съ тою разницею, что она во все вноситъ свою грацію, непреодолимую прелесть кротости и любви. Вся исторія Италіи не совершалась ли подъ безпрерывнымъ вліяніемъ женщинъ? Не доказали ли онѣ мощь геніальности своей и на престолѣ, какъ Екатерина II, и на плахѣ, какъ Роланъ? Нужны ли доказательства людямъ, которые своими глазами видѣли Сталь, Рахель, Беттину и теперь еще видятъ исполинскій талантъ геніальной женщины?... Какое же мы имѣемъ право отчуждать ихъ отъ міра всеобщихъ интересовъ?.. Въ дикія времена феодализма рыцари имѣли обыкновеніе въ своихъ помѣстьяхъ выбирать маленькихъ дѣвочекъ, обѣщавшихъ красоту, и запирать въ особое отдѣленіе, гдѣ за ихъ *„нравственностью“*

былъ строгій надзоръ; изъ этихъ разсадниковъ брали они себѣ, по мѣрѣ надобности, любовницъ. Такъ разсказываетъ очевидецъ Брантомъ. Нынѣ такого грубаго и отвратительнаго уничиженія женщины нѣтъ. А не правда ли, что-то родственное этимъ хозяйственнымъ запасамъ осталось въ воспитаніи дѣвицъ исключительно въ невѣсты? Мысль, что дѣвица сама въ себѣ никакой цѣли не имѣетъ, кромѣ замужества, право, безнравственна и непристойна!..“

Такимъ образомъ, еще въ сороковыхъ годахъ русская мысль начала относиться критически къ женщинѣ и къ отновнымъ условіямъ ея положенія въ семьѣ и обществѣ. „Дамы, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ“, уже не удовлетворяли русскаго человѣка, и онъ думалъ о новой женщинѣ, образъ которой представлялся ему въ свѣтлыхъ, радужныхъ, но несовсѣмъ опредѣленныхъ очертаніяхъ. Онъ, устами тогдашняго поэта, говорилъ женщинѣ: —

«Твое святое назначенье —
Нашъ геній изъ пеленъ принять,
Направить душу поколѣнья,
Отчизнѣ гражданъ воспитать,
И новой мыслью, новой страстью,
Огнемъ, любовью, красотой,
Подвинуть міръ въ путяхъ ко счастью
И взволновать его застой».

„Отчизнѣ гражданъ воспитать“ — требованіе уже довольно опредѣленное, показывающее, что, благодаря романамъ Ж. Зандъ, русская мысль начала самостоятельно работать надъ женскимъ вопросомъ и поставила его въ связи съ другими общественными вопросами. Но какъ

могла „направить душу поколѣнья и воспитать отчизнѣ гражданъ“ тогдашняя женщина, которую саму-то необходимо было перевоспитать, чтобы она могла внушить серьезную любовь развитому человѣку! За перевоспитаніе женщины взялся мужчина. Умственное движеніе сороковыхъ годовъ, выдвинувшее Станкевича, Герцена, Бѣлинскаго, Грановскаго, должно было неизбѣжно коснуться и женщины. Это былъ періодъ теоретической работы мысли, приготовлявшей дѣло (никакое дѣло тогда было невозможно), періодъ пропаганды гуманныхъ идей и знаній. Тогдашній герой—этотъ мученикъ собственной мысли, этотъ странствующій проповѣдникъ —

Книжки читаетъ, да по свѣту рыщетъ,
Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ.

Эти герои, эти Рудины были родные братья тѣмъ своимъ нѣмецкимъ современникамъ, которыхъ такъ хорошо изобразилъ Шпильгагенъ въ романѣ „Загадочныя натуры“. Они страдали отъ горькаго сознанія, что не могутъ ничего сдѣлать для осуществленія своихъ идеаловъ, и въ то же время дѣлали великое дѣло, пробуждая общественную мысль, распространяя знанія, воспитывая гуманныя чувства и развивая сознаніе гражданскаго долга. Въ частности, они воспитывали и по возможности поднимали до уровня своего развитія женщинъ—своихъ возлюбленныхъ, женъ, сестеръ, знакомыхъ. Это развитіе женщины посредствомъ частной, домашней, дружеской пропаганды продолжается до послѣдняго времени. Часто такая просвѣтительная дѣятельность мужчины заканчивается брачнымъ союзомъ и нерѣдко начинается только послѣ его заключенія. Многое, конечно,

можно сказать противъ такого воспитанія жены для себя, противъ такого развитія женской личности по своимъ личнымъ вкусамъ. Но въ нашемъ обществѣ, гдѣ такъ много дамъ и барышень, бабъ и дѣвокъ, и почти вовсе не было до самаго послѣдняго времени ни *людей-женщинъ*, ни средствъ къ общественному ихъ воспитанію,— въ нашемъ обществѣ упомянутое домашнее образованіе женщины ея возлюбленнымъ или мужемъ было явленіемъ неизбѣжнымъ. Оно приносило и приноситъ свои хорошіе плоды, конечно, въ томъ только случаѣ, если воспитателями являются порядочные люди, а не негодяи въ родѣ уродовъ, измышленныхъ импотентной фантазіей Авенаріуса, Писемскаго, Гончарова и Ко. Кто наблюдалъ этотъ разрядъ явленій въ дѣйствительной жизни, тотъ, конечно, знаетъ, что со стороны мужчинъ не обходится при этомъ безъ попытокъ къ нравственному закабаленію себѣ женщины, но эти попытки далеко не составляютъ общаго правила и большинство развивавшихся такимъ образомъ женщинъ остается нравственно свободнымъ отъ своихъ учителей, возлюбленныхъ или мужей. Мы знаемъ даже такіе случаи, что бракъ заключался съ единственною цѣлью воспитанія дѣвушки и освобожденія ея отъ родительской опеки, препятствовавшей ея стремленіямъ къ образованію и самостоятельной жизни. Эта домашняя пропаганда оказала женскому дѣлу большія услуги; ей русская женщина сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ обязана всѣмъ своимъ развитіемъ, какое имѣла она тогда,—своими стремленіями къ свободѣ и серьезному образованію и тѣмъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, которое дѣлаетъ невыносимою семейную тюрьму. Подобно домашней, и публичная,

литературная пропаганда эманципаціи вплоть до послѣдняго времени велась почти исключительно мужчинами; русская женщина хотя и чувствовала всю тяжесть своего положенія, хотя и стремилась улучшить его, но не была на столько подготовлена къ сознательной, систематической борьбѣ, чтобы открыть ее на литературномъ полѣ. Ни одна изъ даровитыхъ писательницъ прежняго времени, ни Растопчина, ни Туръ, ни Хвощинская, ни даже Марко-Вовчокъ, ничего не сдѣлала въ пользу эманципаціи. И когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ жизнь настоятельно выдвинула женскій вопросъ, то женщина нашла необходимымъ гласно обратиться къ мужчинѣ за помощью. Она сознавала свое безсиліе идти впередъ самостоятельно и честно и просила приготовить ее для этого самостоятельнаго шествія. Помѣщенная въ „Современникѣ“ 1857 года „Жалоба женщины“ вполнѣ характеризуетъ собою тогдашнее состояніе женскихъ умовъ. Писавшая эту жалобу, какая-то г-жа А., говоритъ то же самое, что говорили о женщинѣ Бѣлинскій и Герценъ; она высказываетъ свое недовольство пансіонскимъ и институтскимъ образованіемъ и воспитаніемъ женщины исключительно для брака и требуетъ уравненія образованія обоихъ половъ. „Попробуйте вести вашихъ дѣтей, сына и дочь, одной дорогой; по различію своей породы они будутъ смотрѣть въ разныя стороны: въ одномъ не уничтожится мужчина, въ другой не утратится женственность отъ того, что вы расширите предѣлы ея ума“. Но путаница понятій автора и неопредѣленность его желаній простираются до того, что попытавшись отнестись критически къ тогдашней программѣ женскаго образованія, г-жа А. проектируетъ особую исторію для

женщинъ. „Женщинамъ исторія должна показать ихъ судьбу, положеніе въ обществѣ, права и обязанности ихъ, также какъ и семейную жизнь у разныхъ народовъ и въ разныя времена. Такая исторія займетъ женщину, потому что тутъ она узнаетъ свое значеніе, вліяніе, которое она имѣла и можетъ имѣть на общество, узнаетъ, чѣмъ пріобрѣтается вліяніе; она увидитъ въ исторіи, какъ дѣйствовали на ея судьбу міровыя явленія, успѣхи наукъ, и не будетъ уже смотрѣть на нихъ равнодушно“. Авторъ и не сообразилъ того, что противорѣчитъ самому себѣ и хлопочетъ не объ общечеловѣческомъ образованіи женщины, а объ ея воспитаніи для семейства. Въ заключеніи г-жа А. вполнѣ сознается въ своей некомпетентности по женскому вопросу и чуть не плачетъ. „Мнѣ хотѣлось бы только вымолить у жизни, у обстоятельствъ, у людей вниманія къ женщинѣ и помочь ей стать въ независимое положеніе, съ тѣмъ, чтобы она не утрачивала поэтическую сторону женственности. Помогите, ради бога, помогите всѣ, кто чѣмъ и какъ можетъ! И пускай мои худо высказанныя желанія вызовутъ чей-нибудь свѣтлый умъ на пользу женщинъ, пускай однимъ вопросомъ въ жизни будетъ меньше!..“ Такимъ образомъ институтское и пансіонское образованіе только портило женщину, а ея домашнее развитіе, при помощи скудной литературы и частной пропаганды мужчины, оказывалось далеко недостаточнымъ для того, чтобы дать ей силы для самостоятельнаго развитія. Русская женщина того времени не могла развиться болѣе тургеневской Елены. Даже въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по выходѣ „Наканунѣ“, русскія женщины съ какимъ-то энтузіазмомъ преклонялись передъ обра-

зомъ Елены и видѣли въ ней идеалъ женщины-гражданки. Онѣ не могли понять, что при всей симпатичности своей натуры, при всей относительной самостоятельности своего характера, Елена очень далека отъ тѣхъ совершенствъ, которыя требуются отъ женщины сознаніемъ эпохи и интересами самаго женскаго дѣла. Она была неспособна ни къ какой самостоятельной дѣятельности и только любовь къ Инсарову, который очаровалъ ее, какъ герой, и покорилъ ее своею нравственною мощью, — только чистая, пламенная любовь къ этому избраннику ея сердца увлекаетъ ее на освобожденіе Болгаріи. Послѣ смерти Инсарова она ограничиваетъ свою дѣятельность ролью сестры милосердія. Она была не гражданка, а только умная, честная, хорошая жена гражданина чуждой ей страны, на пользу которой, во имя привязанности къ своему мужу, она дѣйствовала въ то время, когда ея собственная страна нуждалась въ дѣятеляхъ не менѣе какой-нибудь Болгаріи, и дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока находила опору, поддержку и поощреніе въ томъ, кого она такъ беззавѣтно любила.

Теоретическая мысль, такъ долго работавшая подъ спудомъ, и постепенно развивавшееся общественное сознаніе, такъ долго выражавшееся только въ робкомъ шопотѣ, послѣ севастопольскаго погрома получили возможность болѣе широкаго развитія. Общественное движеніе шестидесятыхъ годовъ захватило и женщинъ. Русская мысль съ невозможною прежде свободою критики отнеслась къ семейному и общественному положенію женщины, къ той порабощающей и мертвящей жизни „Темнаго царства“, среди которой—

вянетъ до времени
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадальная мать.

Жоржъ-зандовская идеализація любви и женщины замѣнилась идеализаціей болѣе здравой и реальной, выраженіемъ которой служитъ романъ „Что дѣлать“. Любовь по этому идеалу не можетъ быть любовью человѣческою, если она не проникнута и не освящена принципами равенства и свободы *). Пропаганда женской

*) Вотъ что говоритъ авторъ объ историческомъ развитіи красоты и пониманія ея. Первую эпоху составляетъ царство *Астарты*. Роскошная женщина, обвѣшенная украшеніями и умащенная миррою. „Сладострастіе и раболѣпство въ ея лицѣ, сладострастіе и безсмысліе въ ея глазахъ». Вторая эпоха—царство *Афродиты*. «На этой царицѣ нѣтъ никакихъ украшеній,—она такъ прекрасна, что ея поклонники не хотѣли, чтобы она имѣла одежду. И въ ея глазахъ только нѣга физическаго наслажденія. Ея осанка горда. въ ея лицѣ гордость, но гордость только своею физическою красотою“. Третья эпоха—царство *Непорочности*. Это «царица скромная, кроткая, нѣжная, прекрасная,—прекраснѣе Астарты, прекраснѣе самой Афродиты; она—задумчивая, грустная, скорбящая. Передъ нею преклоняютъ колѣна, ей подносятъ вѣнокъ розъ. Она говоритъ: «печальна до смертельной скорби душа моя; мечъ пронзилъ сердце мое. Скорбите и вы. Вы—несчастные. Земля—долина плача“. Теперь начинаетъ свое владычество въ мірѣ новая царица любви, которая такъ описываетъ себя. „Во мнѣ наслажденіе чувства, которое было въ Астартѣ: она родоначальница всѣхъ насъ другихъ царицъ, смѣнявшихъ ее. Во мнѣ упоеніе созерцаніемъ красоты, которое было въ Афродитѣ. Во мнѣ благоговѣніе передъ чистотою, которое было въ «Непорочности“.

„Но во мнѣ все это не такъ, какъ было въ нихъ, а полнѣе, выше, сильнѣе. То, что было въ „Непорочности“, соединяется во мнѣ съ тѣмъ, что было въ Астартѣ, и съ тѣмъ, что было въ Афродитѣ. И, соединяясь во мнѣ съ другими силами, каждая изъ этихъ силъ ста-

эманципаціи пошла съ небывалою прежде живостью, и успѣхъ относящихся сюда сочиненій наглядно свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ самой идеи. Статьи о женщинахъ Михайлова и покойной г-жи Милль, „О подчиненіи женщины" Дж. Стюарта Милля, имѣвшее въ два года четыре изданія, трудъ пишущаго эти строки („Историч. судьбы женщины"), успѣхъ котораго превзошелъ

новится могущественнѣе и лучше отъ союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой изъ этихъ силъ тѣмъ новымъ, что есть во мнѣ, чего не было ни въ одной изъ прежнихъ царицъ. Это новое во мнѣ, чѣмъ я отличаюсь отъ тѣхъ,—равноправность любящихъ, равное отношеніе между ними, какъ людьми, и отъ этого одного новаго все во мнѣ много, о, много прекраснѣе, чѣмъ было въ нихъ".

„Отъ равноправности и свободы, и то мое, что было въ прежнихъ царицахъ, получаетъ новый характеръ, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, передъ которой ничто все, что знали до меня".

«До меня не знали полнаго наслажденія чувства, потому что безъ свободнаго влеченія обоихъ любящихъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ свѣтлаго упоенія. До меня не знали полнаго наслажденія созерцаніемъ красоты, потому что если красота открывается не по свободному влеченію, нѣтъ свѣтлаго упоенія ея созерцаніемъ. Безъ свободнаго влеченія, и наслажденія, и восхищенія мрачны предъ тѣмъ, каковы они во мнѣ".

„Моя непорочность чище той „Непорочности", которая говорила только о чистотѣ тѣла: во мнѣ чистота сердца. Я свободна, потому что во мнѣ нѣтъ обмана, нѣтъ притворства: я не скажу слова, котораго не чувствую, не дамъ поцѣлуя, въ которомъ нѣтъ симпатіи".

„Если хочешь однимъ словомъ выразить, что такое я, это слово—равноправность, равенство. Безъ него наслажденіе тѣломъ, восхищеніе красотою, скучны, мрачны, гадки; безъ него нѣтъ чистоты сердца, есть только обманъ чистотою тѣла. Изъ него, изъ равенства, и свобода во мнѣ, безъ которой нѣтъ меня".

скромныя надежды автора, и много другихъ сочиненій пропагандировали идеи свободы и равноправности между всѣми образованными женщинами. Крестьянская реформа, сообщившая новое направленіе всей экономической жизни народа и поставившая общество въ новыя условія, содѣйствовала развитію эманципаціонныхъ стремленій нашей женщины, такъ же сильно, какъ въ Америкѣ вопросъ объ освобожденіи негровъ. Крестьянская реформа необходимо вводила въ жизнь сильный стимулъ прогрессивнаго движенія и нѣкоторую свободу умственнаго развитія,—свободу, благодаря которой теоретическое разрѣшеніе женскаго вопроса подвинулось у насъ такъ далеко, а женщины пробудились отъ умственной спячки и почувствовали позорность своего пассивнаго положенія. Крестьянская реформа, далѣе, логически привела къ вопросу о женскомъ трудѣ,—вопросу первой важности. Женщина сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ была чувствительной барыней, которая беззаботно поживала на чужихъ харчахъ и стремилась развивать въ себѣ только чувственную сторону своего существа. Теперь она должна была подумать о самостоятельной жизни, объ обезпеченіи своего будущаго положенія трудами рукъ или головы своей. Она хочетъ не только любить свободно, но и быть равною мужчинѣ, быть независимою отъ него; а для этого ей необходимо быть самостоятельной работницей, необходимо сравняться съ мужчиной по образованію. Никогда стремленіе женщины къ образованію не было такъ сильно, какъ въ настоящее время. Что же мы сдѣлали для образованія женщинъ? Мы оставили имъ прежніе институты и пансіоны, да основали такъ-называемыя женскія гимназіи, которыя, отли-

чаясь отъ первыхъ почти однимъ только отсутствіемъ въ нихъ сословнаго характера и казарменной замкнутости, не даютъ молодому женскому поколѣнію никакого солиднаго образованія. Отъ женскихъ гимназій дѣвушки богатыхъ классовъ рѣшительно ничего не выиграли, такъ какъ и безъ нихъ онѣ имѣли бы возможность получать отъ домашнихъ учителей образованіе, равное теперешнему гимназическому. Женскія гимназіи должны имѣть свое главное значеніе для дѣвушекъ болѣе или менѣе бѣдныхъ, и дѣйствительно, онѣ значительно удешевили образованіе, сдѣлали его болѣе доступнымъ, чѣмъ прежде, но, удерживая за нимъ прежній поверхностный характеръ, не устремляя его къ серьезной и реальной цѣли, гимназіи не даютъ женщинѣ никакихъ средствъ не только къ расширенію сферы женскаго труда, но даже къ улучшенію профессій, уже доступныхъ женщинѣ: онѣ неспособны приготовить дѣвушку не только къ общественной, но даже и къ разумной семейной дѣятельности, къ раціональному воспитанію дѣтей. Правда, что въ исторіи русскаго прогресса онѣ имѣютъ нѣкоторое значеніе, увеличивая массу женщинъ грамотныхъ и украшенныхъ кой-какими поверхностными свѣдѣніями, а главное, возбуждая въ молодомъ женскомъ поколѣніи стремленіе къ болѣе солидному образованію,—но вѣдь этого очень мало, и общество, которое содержитъ гимназіи на свой счетъ, въ правѣ требовать отъ нихъ болѣе существенной пользы. При этомъ необходимо замѣтить, что проявляющееся во многихъ молодыхъ дѣвушкахъ стремленіе къ образованію прививается къ нимъ вовсе не гимназіями, а совершенно посторонними условіями. Не возбуждая въ молодомъ женскомъ поколѣніи никакого

умственнаго движенія, не внушая ему никакихъ порыванiй за предѣлы своей жалкой учебной программы, женскія гимназіи нерѣдко даже противодѣйствуютъ всѣмъ подобнымъ порывамъ. Въ одной гимназіи, напр., воспитанницамъ строжайше запрещено брать книги изъ городской публичной библіотеки. Въ другой гимназіи преслѣдуется чтеніе русскихъ журналовъ и газетъ. Когда въ Петербургѣ открылись въ 1870 г. такъ-называемые женскіе курсы, то начальство женскихъ гимназій начало давать „совѣты“ не только воспитанницамъ, но даже преподавательницамъ гимназій не посѣщать упомянутыхъ лекцій („Недѣля“, 1870, 14). Независимо отъ подобныхъ выходокъ, принимающихъ иногда характеръ систематическаго противодѣйствія образованію дѣвушекъ внѣ предѣловъ казенной программы, существующія женскія гимназіи не могутъ быть удовлетворительными уже по одному тому, что почти всѣ попечительницы и начальницы ихъ, воспитанныя въ старинномъ институтскомъ духѣ, не въ состояніи поддерживать женское образованіе даже на высотѣ того уровня, который дозволенъ программою. Институтскія понятія, институтскіе обычаи, педагогическія правила институтской рутины прочно водворились въ женскихъ гимназіяхъ и исчезнутъ изъ нихъ тогда только, когда начальницами и преподавательницами ихъ будутъ женщины съ университетскимъ образованіемъ, а не заслужѐнныя классныя дамы институтовъ, не синекурныя чиновницы, не женщины, вся образованность которыхъ состоитъ въ грамотности, поверхностной начитанности да свѣтскомъ лоскѣ.

Стремленіе женщинъ къ высшему образованію встрѣ-

тило сильное противодѣйствіе всѣхъ ретроградныхъ элементовъ общества, и прежде всего ихъ родителей, мужей, знакомыхъ. „Попробуй“—говоритъ одинъ провинціальный корреспондентъ—„попробуй какая-нибудь дѣвушка заявить въ родительскомъ домѣ, что она по окончаніи курса въ женской гимназіи или такъ, вообще, желаетъ поѣхать въ ближайшій университетскій городъ поучиться акушерству,—тогда въ домѣ поднимается такой гвалтъ, что небу жарко. Пускаются въ ходъ всевозможныя хитрости, угрозы, чтобы отклонить заблудшую овцу отъ глупаго и неслыханнаго предпріятія, и если, не смотря на всѣ такія препятствія, дѣвушкѣ все-таки удастся настоять на своемъ, вырваться изъ заколдованнаго круга разныхъ родственныхъ злоухищреній, то это просто герой-женщина“. Однакожъ такихъ героинь является все больше и больше. Но, преодолѣвъ семейныя препятствія, вырвавшись на свободу, онѣ наталкиваются здѣсь на болѣе прочныя преграды, недопускающія ихъ къ высшему образованію. Одно время женщины имѣли доступъ въ аудиторіи университетовъ и медицинской академіи, но послѣ студентческихъ исторій ихъ не стали пускать въ аудиторіи даже въ качествѣ постороннихъ слушательницъ. Женщины просили открыть для нихъ особый университетъ, но и это сочтено невозможнымъ, а вмѣсто университета устроены для нихъ публичные курсы въ Петербургѣ, Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ, на которыя кинулись многія сотни женщинъ. Изъ этихъ курсовъ одни только петербургскіе имѣютъ серьезно-научный характеръ, а всѣ остальные—ничто иное, какъ обыкновенныя публичныя лекціи, доступъ къ которымъ никогда не возбранялся

женщинамъ. Женская настойчивость, создавшая эти курсы, конечно, не удовлетворяется ими. Какое бы просвѣтительное вліяніе ни имѣли эти публичныя лекціи, онѣ все-таки не то, что систематическія и болѣе серьезныя занятія университетскаго образованія. Главнымъ результатомъ публичныхъ курсовъ будетъ только то, что они еще болѣе разовьютъ въ массѣ женщинъ потребность высшаго образованія, и тогда этой потребности нельзя будетъ уже удовлетворить какими-нибудь робкими полумѣрами. Правда, что и въ настоящее время многія русскія женщины получаютъ университетское образованіе, но для этого онѣ принуждены ѣхать въ Цюрихъ, въ Парижъ, въ Германію, въ Америку, въ Гельсингфорсъ, медицинскій факультетъ котораго въ 1871 г. открытъ для женщинъ. Это — женщины болѣе или менѣе достаточныя и въ совершенствѣ владѣющія иностранными языками; такой способъ образованія невозможенъ для большинства, для того женскаго пролетаріата, для котораго вопросъ объ образованіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о кускѣ хлѣба. Трудъ, затраченный женщиною на свое образованіе, если она сможетъ получить его, остается для нея непроизводительнымъ. Было время, что у насъ соглашались допустить женщинъ къ медицинской практикѣ и къ службѣ въ вѣдомствахъ: почтовомъ, таможенномъ, телеграфномъ, разсматривались проекты положеній о допущеніи ихъ въ университеты и въ медицинскую академію и т. д. Потомъ все это замолкло или ограничилось одиночными фактами, и мы можемъ утѣшаться только тѣмъ, что имѣемъ трехъ докторовъ медицины, въ лицѣ Сусловой, Кашеваровой и Боковой, что около 300 женщинъ, преиму-

щественно женъ и родственницъ телеграфныхъ чиновниковъ, къ вящшей пользѣ ихъ мужей и родственниковъ, служатъ на телеграфахъ, что женщины по прежнему могутъ быть акушерками и учительницами въ низшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ, ходъ обстоятельствъ, неизбѣжно слѣдующихъ за крестьянскою реформою, сильно ограничившею возможность жизни на чужой счетъ, пробудившееся въ женщинахъ сознаніе своего униженія въ подневольномъ бракѣ, своей безполезности въ роли праздной барыни, своихъ страданій и постепеннаго отупѣнія подъ гнетомъ патріархальныхъ принциповъ, считавшихся прежде единственными основами жизни,—все это, постепенно усиливая эмиграцію женщинъ изъ семействъ, плодитъ женскій пролетаріатъ и дѣлаетъ вопросъ о женскомъ трудѣ и о необходимомъ для него предварительномъ образованіи однимъ изъ самыхъ тревожныхъ вопросовъ времени. Въ большіе провинціальные города, особенно же въ столицы, ежегодно прибываютъ цѣлыя сотни, даже тысячи женщинъ, кромѣ принадлежащихъ къ низшимъ сословіямъ. Причины этой эмиграціи чрезвычайно разнообразны. „Тутъ" — говоритъ г-жа Алексѣева — „участвуетъ и матеріальная нужда, и нестерпимый подъчасъ семейный гнетъ, отъ котораго нѣтъ возможности иначе избавиться, какъ ставъ на свои ноги, и желаніе „подышать свѣжимъ воздухомъ", и потребность профессіональнаго образованія; всѣ эти причины вліяютъ то порознь, то совокупно. Также разнообразенъ и составъ этой эмиграціи; тутъ вы найдете всевозможные уровни образованія—отъ умѣнья съ грѣхомъ пополамъ читать и писать и до той высшей степени доступнаго женщи-

намъ знанія, которая исчерпывается институтками и гимназическими дипломами; всѣ общественные слои, отъ представительницъ провинціальной petite bourgeoisie и до богатыхъ женщинъ, добровольно бросившихъ приволье домашняго очага". Всѣ онѣ ищутъ труда, хлопочутъ о кускѣ хлѣба, бьются какъ рыба объ ледъ, чтобы найдти хотя какія-нибудь средства для жизни и образованія. Когда въ Москвѣ женщины были допущены къ занятію учительскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ, то на восемь имѣвшихся вакансій явилось болѣе 100 женщинъ, желавшихъ воспользоваться этимъ правомъ. Въ той же Москвѣ въ 1870 г. для шести новыхъ городскихъ школъ потребовалось 12 учительницъ, для которыхъ были открыты педагогическіе курсы, и ихъ начало посѣщать до 260 женщинъ, изъ коихъ не менѣе 200 пожелали занять двѣнадцать упомянутыхъ вакансій при новыхъ школахъ! При казанскомъ университетѣ училось акушерству въ 1869 г. 180, а въ 1870 г. 75 женщинъ. На женскихъ курсахъ въ Петербургѣ занимается болѣе 200 женщинъ. Подъ адресомъ, поданнымъ министру народнаго просвѣщенія харьковскими женщинами, просившими о допущеніи ихъ въ университетъ, подписалось 60 женщинъ, изъ которыхъ половина была совершенно готова къ пріемному университетскому экзамену. Предложеніе женскаго труда всюду громадное, а спросъ на него самый ничтожный *). Сколько страданій, униженія, отчаянія, болѣзней, сколько преждевременныхъ смертей выпадаетъ вслѣдствіе этого на долю молодого

---

*) Въ Петербургѣ не менѣе 100,000 женщинъ, поставленныхъ въ необходимость жить своимъ трудомъ.

женскаго поколѣнія, которое проситъ только честнаго труда да серьезнаго образованія!... Имъ не даютъ ни того, ни другого, и эти несчастныя труженицы, говоритъ г-жа Алексѣева, „трутъ ту лямку, отъ которой для нихъ отказаться такъ же невозможно, какъ иному горемыкѣ отъ сумы да отъ тюрьмы,“ и которую онѣ, если бы была возможность, такъ же охотно бросили бы, какъ нищій свою суму, какъ арестантъ — свой острогъ... Эти дѣвушки и женщины разнообразятъ отъ времени до времени способы, которыми онѣ, ради прокормленія, разстраиваютъ свое здоровье, и ради удовлетворенія самой элементарной потребности нравственно-развитого человѣка,—ради отрицательной, такъ сказать, потребности жить не воровствомъ и не развратомъ,—заглушаютъ въ себѣ всѣ законные порывы къ болѣе широкой, болѣе осмысленной жизни. Одно каторжное и плохо вознаграждаемое мѣсто гувернантки онѣ мѣняютъ на другое, хотя знаютъ напередъ, что и тутъ имъ не лучше будетъ; иногда онѣ пытаются даже развязаться съ гувернантствомъ, возвращаются отдохнуть въ свои семьи, но такъ какъ жить безъ дѣла на плечахъ семьи, которая на нихъ же смотритъ, какъ на своихъ поилицъ и кормилицъ, не приходится, то онѣ съ лихорадочною суетливостью принимаются отыскивать себѣ какія ни на есть занятія. Но уроками, по 25 коп. за часъ, не просуществуешь, перепиской бумагъ—тоже, да и послѣдняя работа не всегда бываетъ, а другихъ занятій не наклевывается... Я знала цѣлую семью сестеръ-дѣвушекъ, принадлежащихъ къ этому разряду труженицъ, не имѣющихъ опредѣленнаго рода занятій. Хватаясь за всякое занятіе, какое представлялось, лишь бы избѣжать

кабалы гувернантства, сестры не брезгали и перепиской бумагъ, большею частью лекцій отъ студентовъ. Заказовъ этого рода передъ экзаменами бывало столько, что переписчицы просиживали надъ ними дни и ночи. Отъ писанья у нихъ дѣлались мозоли на пальцахъ, спать имъ приходилось не болѣе трехъ часовъ въ сутки, а такъ какъ физическая природа не можетъ выдерживать подобный режимъ втеченіи нѣсколькихъ недѣль не протестуя, то переписчицы употребляли разныя хитрости, чтобы помѣшать назойливой протестанткѣ предъявлять свои права; чтобъ не проспать, онѣ ложились не раздѣваясь, и притомъ не въ постель, а скорчившись на какомъ-нибудь коротенькомъ диванчикѣ и стараясь принять самую неудобную позу, напр., *свѣшивая голову внизъ*. Хитрость достигала своей непосредственной цѣли—обузданія физической природы, и обуздывала ее такъ хорошо, что нѣкоторымъ изъ сестеръ пришлось поплатиться на всю жизнь здоровьемъ". Само собою понятно, что положеніе простой ремесленницы гораздо хуже положенія этихъ образованныхъ труженицъ. Петербургская швея зарабатываетъ въ мѣсяцъ не болѣе 5 р., вязанье чулковъ даетъ въ мѣсяцъ 1 р. 50 к., шитье перчатокъ 3 р., сшиванье мѣховъ 2 р. 50 к., плетенье агроманта около 2 р. и т. д.!... Наша работница бѣдствуетъ втрое, вчетверо больше европейской работницы, несчастная судьба которой служитъ предметомъ серьезныхъ общественныхъ заботъ.

Вопросъ о женскомъ трудѣ и образованіи такъ настоятеленъ, что давно уже занимаетъ собою законодательныя сферы; но до сихъ поръ все дѣло ограничивается одними лишь временными постановленіями. Въ

началѣ 1871 г. управляющій III отдѣленіемъ обнародовалъ вновь состоявшееся по этому вопросу повелѣніе, сущность котораго слѣдующая: расширить кругъ женской общественной дѣятельности признается необходимымъ. Женщины допускаются и поощряются къ занятію акушерствомъ и имъ дозволяется быть фельдшерами. Кругъ педагогической женской дѣятельности можетъ быть расширенъ, буде то найдетъ нужнымъ министерство просвѣщенія. Женщины могутъ служить на телеграфахъ и имъ предоставляется нѣсколько вакансій въ вѣдомствѣ IV отдѣленія по счетной части. На всѣ другіе виды какъ государственной, такъ и общественной службы онѣ не допускаются. Всѣ вопросы, возбужденные по сему предмету, велѣно *считать оконченными*...

Само собою понятно, что всѣ эти вопросы велѣно считать оконченными только въ законодательномъ отношеніи. Считать ихъ оконченными въ жизни, въ умахъ женщинъ и ихъ сторонниковъ — невозможно. Правда, что и сама жизнь давно уже постановила считать ихъ оконченными, но только не въ отрицательномъ смыслѣ. Жизнь уже рѣшила, что женщина имѣетъ необходимость и право трудиться, и неоконченность вопроса о трудѣ заключается только въ томъ,—какими средствами и когда можно получить доступъ къ труду? При такихъ обстоятельствахъ даже и законодательное рѣшеніе вопроса не можетъ быть *окончено* отрицательно, — можно только *отложить* его положительное рѣшеніе, что, конечно, и имѣло въ виду упомянутое постановленіе.

Между тѣмъ, въ цюрихскомъ университетѣ число русскихъ студентокъ превышало уже сотню, но оказалось,

по словамъ оффиціальнаго документа. что многія изъ нихъ имѣютъ въ виду вовсе не научныя цѣли *).

За то женскіе курсы медицины, открытые на частное пожертвованіе при медицинской академіи, имѣли полный успѣхъ... Въ войну 1877 г. студентки возбуждали всеобщій восторгъ своимъ самоотверженіемъ и искусствомъ...

Такимъ образомъ, русская женщина, улучшая втеченіе столѣтій свое положеніе, освободившись отъ терема, обезпечивъ за собою имущественную правоспособность,

*) Вотъ этотъ документъ:

«Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нѣсколько русскихъ дѣвушекъ отправились за границу для слушанія лекцій въ *цюрихскомъ университетѣ*.

«Первоначально число ихъ оставалось крайне ограниченнымъ, но въ послѣдніе два года начало быстро возрастать, и въ настоящее время въ цюрихскомъ университетѣ и тамошней политехнической школѣ считается болѣе ста русскихъ женщинъ. Между тѣмъ до правительства начали доходить все болѣе и болѣе неблагопріятныя о нихъ свѣдѣнія. Одновременно съ возрастаніемъ числа русскихъ студентокъ, коноводы русской эмиграціи избрали этотъ городъ центромъ революціонной пропаганды и обратили всѣ усилія на привлеченіе въ свои ряды учащейся молодежи. Подъ ихъ вліяніемъ научныя занятія бросались для безплодной политической агитаціи. Въ средѣ русской молодежи обоего пола образовались различныя политическія партіи самыхъ крайнихъ оттѣнковъ. Славянское соціально-демократическое общество, центральный революціонный славянскій комитетъ, славянская и русская секціи интернаціональнаго общества открылись въ Цюрихѣ и считаютъ въ числѣ своихъ членовъ немало русскихъ молодыхъ людей и женщинъ. Въ русской библіотекѣ, въ которую нѣкоторые наши издатели доставляютъ безплатно свои журналы и газеты, читаются лекціи, имѣющія исключительно революціонный характеръ: «Пугачевскій бунтъ», «Французская революція 1870 года»—вотъ обычныя темы лекторовъ. Посѣщеніе сходовъ

добившись хоть какихъ нибудь средствъ для своего образованія, утвердившись на поприщѣ дѣятельности литературной и педагогической, проникнутая сознаніемъ своего человѣческаго достоинства,—она, столько вытерпѣвшая и, несмотря на самыя неблагопріятныя условія, успѣвшая освободиться изъ старомосковской неволи, пришла, наконецъ, къ полному сознанію своихъ нуждъ и правъ. Грустно, если ей для полнаго своего освобожденія придется такъ же ждать новаго Петра, какъ ждали его женщины XVII вѣка, томившіяся въ

рабочихъ сдѣлалось обычнымъ занятіемъ дѣвушекъ, даже такихъ, которыя не понимаютъ по-нѣмецки и довольствуются изустными переводами своихъ подругъ. Политическая агитація увлекаетъ молодыя, неопытныя головы и даетъ имъ фальшивое направленіе. Сходки, борьба партій довершаютъ дѣло и сбиваютъ съ толку дѣвушекъ, которыя искусственное, безплодное волненіе принимаютъ за дѣйствительную жизнь. Вовлеченныя въ политику, дѣвушки подпадаютъ подъ вліяніе вожаковъ эмиграціи и становятся въ ихъ рукахъ послушными орудіями. Иныя по два, по три раза въ годъ ѣздятъ изъ Цюриха въ Россію и обратно, перевозятъ письма, порученія, прокламаціи и принимаютъ живое участіе въ преступной пропагандѣ. Другія увлекаются коммунистическими теоріями свободной любви и, подъ покровомъ фиктивнаго брака, доводятъ забвеніе основныхъ началъ нравственности и женскаго цѣломудрія до крайнихъ предѣловъ. Недостойное поведеніе русскихъ женщинъ возбудило противъ нихъ негодованіе мѣстныхъ жителей, и даже квартирныя хозяйки неохотно принимаютъ ихъ къ себѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣвушекъ пали до того, что спеціально изучаютъ ту отрасль акушерскаго искусства, которая во всѣхъ странахъ подвергается и карѣ уголовныхъ законовъ, и презрѣнію честныхъ людей....

«Правительство не можетъ и не должно оставаться равнодушнымъ зрителемъ нравственнаго растлѣнія, подтачивающаго часть—хотя и незначительную—русской молодежи. Оно сознаетъ свою непреложную обязанность бороться съ возникающимъ зломъ и рѣшилось упо-

стѣнахъ терема!... Идея женской эманципаціи пустила уже глубокіе корни въ нашу почву: она живетъ и развивается, болѣе и болѣе увлекая женщинъ, нуждающихся прежде всего въ образованіи и въ трудѣ. И не смѣшны ли наши жалобы на недостатокъ людей во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности, на недостатокъ умственной и матеріальной производительности страны, не смѣшны ли эти жалобы въ то время, когда десятки, даже сотни тысячъ молодыхъ силъ осуждены на убійственную бездѣятельность по разнымъ захолустьямъ, и, кромѣ того, почти всѣ женскія силы удалены отъ производительнаго труда!... Такое ненормальное положеніе дѣлъ гибельно отзывается на всей жизни. Необезпеченность матеріальнаго положенія женщины ведетъ ее прямо къ безвыходной нищетѣ, а еще на шагъ ниже, — къ проституціи...

требить всѣ зависящія отъ него мѣры, впрочемъ преимущественно предупредительныя.

«Правительство постоянно съ сочувствіемъ относилось къ потребности высшаго образованія для женщинъ, являющейся въ болѣе даровитыхъ и любознательныхъ личностяхъ. При нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, учреждены особые педагогическіе курсы, если и не имѣющіе характера высшихъ учебныхъ заведеній, то, тѣмъ не менѣе, значительно превышающіе общій уровень женскаго образованія. Кромѣ того министерство народнаго просвѣщенія разрѣшило въ С.-Петербургѣ и Москвѣ особые курсы, читаемые профессорами университетовъ въ объемѣ университетскаго образованія. Наконецъ, при императорской медико-хирургической академіи учрежденъ, въ видѣ опыта, на 4 года, особый курсъ для приготовленія ученыхъ акушерокъ, и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія составляются соображенія объ учрежденіи подобныхъ же курсовъ при всѣхъ университетахъ, имѣющихъ медицинскіе факультеты. Независимо отъ сего, въ настоящее время

Но зачѣмъ все сваливать на гнетущую насъ судьбу, зачѣмъ всѣ свои неудачи приписывать независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ! Нѣтъ спора, что эти независящія отъ насъ обстоятельства сильно вліяютъ на насъ, но это свидѣтельствуетъ только о нашемъ же слабосиліи, о нашей неприготовленности къ дѣятельной жизни. Женское поколѣніе, заявившее свои эманципаціонныя притязанія въ шестидесятыхъ годахъ, оказалось безсильнымъ для успѣшной борьбы, необходимой для ихъ осуществленія. Оно сдѣлало мало: оно не основало даже ни одного литературнаго органа, необходимаго для пропаганды эманципаціи въ женской массѣ; оно не составило ни одного сочиненія о современномъ положеніи русской женщины,—сочиненія, вродѣ книги г-жи Добіэ, „La Femme pauvre au XIX s.“, между тѣмъ, какъ съ подобныхъ изслѣдованій, необходимыхъ для развитія женскаго самосознанія, и должно начинать дѣло; въ вопросѣ о допущеніи женщинъ въ университеты или объ основаніи особаго женскаго университета мы не

Высочайше повелѣно представить проектъ учрежденія высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній съ строго опредѣленнымъ и законченнымъ курсомъ, первоначально въ Петербургѣ и Москвѣ, а затѣмъ, по мѣрѣ изысканія средствъ, и въ другихъ университетскихъ городахъ....

«Вслѣдствіе сего правительство заблаговременно предупреждаетъ всѣхъ русскихъ женщинъ, посѣщающихъ цюрихскіе университетъ и политехникумъ, что тѣ изъ нихъ, которыя послѣ 1-го января будущаго 1874 года будутъ продолжать слушаніе лекцій въ этихъ заведеніяхъ, по возвращеніи въ Россію, не будутъ допускаемы ни къ какимъ занятіямъ, разрѣшеніе или дозволеніе которыхъ зависитъ отъ правительства, а также къ какимъ бы то ни было экзаменамъ или въ какое-либо русское учебное заведеніе»....

видимъ со стороны этого поколѣнія ни достаточной энергіи, ни даже полнаго сознанія всей важности дѣла. Да не подумаетъ кто-нибудь, что наши упреки относятся ко всему молодому женскому поколѣнію. Оно дало намъ Суслову, Кашеварову, Гончарову, Бокову, Цебрикову и десятки дѣвушекъ, учащихся въ иностранныхъ университетахъ; оно своими прогрессивными стремленіями обратило на себя вниманіе Европы и поставило женскій вопросъ на совершенно раціональную почву. Меньшинство этого поколѣнія составляетъ здоровое ядро, обѣщающее развиваться дальше и дальше; но это ядро слишкомъ малочисленно, а примкнувшая къ нему масса неспособна оказать ему никакой дѣятельной поддержки по своей неразвитости или испорченности, вслѣдствіе прежней своей жизни. Значительная примѣсь барскаго элемента сильно портила собою женское движеніе шестидесятыхъ годовъ. Мы говоримъ, конечно, не о барскомъ происхожденіи, а о барскомъ характерѣ тѣхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя примыкали къ этому движенію больше по модѣ и изъ тщеславія, чѣмъ по необходимости и разумному сознанію. Папенькины и маменькины дочки, неспособныя къ какому бы то ни было труду, молодыя барыньки, умиравшія отъ скуки, Авдотьи Кукшины, желавшія чѣмъ-нибудь прикрыть свою сомнительную репутацію,—всѣ вѣдь надѣвали синія очки, стригли волосы, заводили швейныя мастерскія и, подъ шумокъ новыхъ словъ и идей, обдѣлывали свои мелкія домашнія дѣлишки, — а потомъ, когда наступили другія времена и запѣлись другія пѣсни, всѣ эти эманципированныя барыни снова принялись за моды и сплетни, за ералашъ и танцы. Только еще въ отдаленныхъ провин-

ціяхъ можно встрѣчать субъектовъ, запоздавшихъ обращеніемъ въ свое первобытное состояніе, мечтающихъ, какъ это хорошо „жить своимъ трудомъ", болтающихъ о равноправности и даже дерзающихъ, при мирномъ характерѣ мѣстной администраціи, стричь волосы и носить синія очки. Чего хорошаго можно ожидать отъ подобныхъ партизанокъ женскаго дѣла, отъ этихъ перелетныхъ птицъ, которыя мѣняютъ свои перья съ каждой новой погодой!... Въ западной Европѣ и Америкѣ женское движеніе тѣмъ особенно и сильно, что въ немъ сознательно и дѣятельно участвуютъ женщины всевозможныхъ общественныхъ положеній и всѣхъ политическихъ партій: и роскошныя лэди, и простыя горничныя, и образованныя труженицы, и работницы. У насъ же не то. Масса нашихъ барынь и барышень стоитъ на такой низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія, что недоступна пока никакимъ серьезнымъ эманципаціоннымъ вліяніямъ. Своимъ вмѣшательствомъ она способна только вредить дѣлу эманципаціи, а не поддерживать его. Она толкуетъ о свободѣ и равноправности, она модничаетъ „своимъ трудомъ", но въ ея болтовнѣ нѣтъ никакой серьезной мысли, а ея „свой трудъ" — глупая забава. Мы знаемъ одну важную провинціальную чиновницу, которая основала швейную мастерскую и эксплоатируя обычнымъ порядкомъ своихъ работницъ, гордилась тѣмъ, что живетъ „своимъ трудомъ" и дѣлаетъ доброе дѣло! Кончилось тѣмъ, что въ этой мастерской началась веселая жизнь —

Не очень много шили тамъ,
И не въ шитьѣ была тамъ сила!..

Подобныхъ труженицъ не мало. Одна, обезпеченная матеріально женщина, мать семейства, удовлетворяла свою „жажду дѣятельности" тѣмъ, что покупала табакъ и гильзы и набивала папиросы для продажи своимъ знакомымъ! Подобныя „труженицы", справедливо замѣчаетъ г-жа Алексѣева, „неотказываясь отъ тѣхъ даровыхъ удобствъ, которыя даетъ имъ домашняя обстановка, продолжая жить въ изящно-меблированной квартирѣ, кушать обѣдъ изъ трехъ-четырехъ блюдъ, подъ-часъ даже разъѣзжать въ собственныхъ экипажахъ, не шутя воображаютъ, что зарабатываютъ свой хлѣбъ потому только, что въ карманѣ у нихъ втеченіе года перебываетъ ровно столько „заработанныхъ" денегъ, сколько, пожалуй, и хватило бы настоящей работницѣ на прожитокъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что онѣ такимъ образомъ заѣдаютъ чужую долю вдвойнѣ — и въ формѣ тѣхъ удобствъ, которыми онѣ продолжаютъ пользоваться по прежнему, не отплачивая за нихъ обществу никакими существенными услугами, и въ формѣ того заработка, который онѣ отнимаютъ у другихъ, болѣе ихъ нуждающихся въ немъ. И прибавьте, что своею конкуренціей онѣ болѣе, чѣмъ кто-либо, понижаютъ заработную плату, такъ какъ, существуя на посторонніе средства, онѣ не знаютъ цѣны деньгамъ и готовы понизить его до того minimum'а, до котораго никогда не дойдутъ настоящія работницы, солидарныя между собою по необходимости въ стремленіи давать отпоръ эксплоатаціи работодателей, если эта эксплоатація окончательно лишаетъ ихъ возможности существовать на свой заработокъ". Ни чѣмъ не раціональнѣе представляется и второй родъ общественной дѣятельности на-

шихъ барынь. Ихъ служба въ качествѣ тюремныхъ директриссъ, попечительницъ гимназій и пріютовъ, членовъ комитетовъ о раненыхъ, или хлопоты и наивныя заботы о „маленькихъ бѣдныхъ“, объ устройствѣ благотворительныхъ спектаклей, концертовъ, живыхъ картинъ, лоттерей-аллегри—все это такъ мало имѣетъ въ себѣ серьезности и цѣлесообразности, что служитъ только средствомъ для развлеченія отъ праздной скуки. заѣдающей этихъ женщинъ, средствомъ для удовлетворенія личнаго самолюбія и тщеславія, а подъ-часъ, даже гораздо худшихъ поползновеній. Мы знали въ одномъ городишкѣ частный пріютъ для безпомощныхъ стариковъ и дѣтей, устроенный нѣкоей дамой на средства благотворителей и содержимый на тѣ же средства. Вслѣдствіе поголовнаго кумовства немногочисленныхъ обывателей, дама управляла пріютомъ безконтрольно, и дѣти безплатно работали на свою благодѣтельницу!... Мы знали другой пріютъ въ богатомъ губернскомъ городѣ; въ немъ было до 200 дѣтей, значительная часть которыхъ постоянно изнурялась вышиваньемъ и другими подобными работами за безцѣнокъ, въ пользу дамъ-благотворительницъ. Когда нѣсколько молодыхъ людей начали давать пріютянкамъ безплатные уроки ариѳметики, русскаго языка, географіи, естествознанія и исторіи, то благотворительницы, въ числѣ которыхъ были и поклонницы эманципаціи, крайне возмутились этимъ, такъ какъ цѣль пріюта—приготовленіе хорошей прислуги, а развѣ могутъ быть хорошими горничными дѣвушками, которыхъ учатъ разнымъ наукамъ и съ дѣтства развиваютъ въ нихъ чувство человѣческаго достоинства!.. Словомъ, масса нашихъ барынь неспособна примкнуть

къ дѣлу эманципаціи. Она воспитана такъ, что обладаетъ почти всѣми тѣми физическими, умственными и нравственными недостатками, которые обыкновенно противники эманципаціи приписываютъ женской природѣ вообще. Пусть же эта масса спокойно и попрежнему доживаетъ дни свои и пусть скорѣе уступаетъ свое мѣсто молодымъ женскимъ поколѣніямъ, развившимся подъ болѣе благопріятными условіями.

Если отдѣлить отъ женскаго дѣла упомянутую примѣсь, то кромѣ немногочисленнаго контингента, составляющаго самодѣятельное ядро женскаго движенія, мы увидимъ еще другую массу, которую должно руководить это ядро и въ которой женское дѣло найдетъ себѣ самую вѣрную поддержку. Это—масса женщинъ, не имѣющихъ ни семьи, ни обезпеченія и нуждающихся въ трудѣ. Для нихъ женскій вопросъ—не забава, а вопросъ жизни или смерти. Просвѣщеніе этой массы—дѣло первой необходимости, вмѣстѣ съ изслѣдованіями разнообразныхъ условій современнаго женскаго быта. Въ средѣ бѣдныхъ швей и другихъ работницъ, гувернантокъ и домашнихъ учительницъ, женъ, разошедшихся съ мужьями, и дѣвушекъ, незнающихъ куда преклонить свою несчастную голову, женское дѣло найдетъ самыхъ ревностныхъ партизанокъ и самыхъ усердныхъ труженицъ. Необходимо только подкрѣпить эти силы и дать имъ возможность разумной организаціи. Безъ такой усиленной пропаганды женскаго дѣла, какую мы видимъ заграницей, обойтись невозможно. Только тогда, когда образованіе поднимется и расширится въ женской массѣ, когда дѣятельная эманципаціонная пропаганда, обративъ свои главныя силы на молодое поколѣніе женщинъ, воспи-

таетъ въ немъ энергическія чувства свободы и независимости, когда побольше женщинъ воспользуется существующими уже скудными средствами для своего образованія, когда выступитъ на сцену молодое женское поколѣніе, развившееся подъ болѣе благопріятными условіями, чѣмъ женская масса шестидесятыхъ годовъ, — только тогда женское дѣло значительно подвинется впередъ.

IX.

Долго, очень долго укоряли мы Западъ за его крайнюю развращенность и превозносили до небесъ относительное цѣломудріе своего отечества. Лѣтъ тридцать тому назадъ, говорить о проституціи и сифилитической заразѣ у насъ считалось недозволительнымъ и даже неприличнымъ. Мы съ непонятнымъ равнодушіемъ отворачивались отъ порока, втихомолку пожиравшаго страну, и съ неменѣе непонятнымъ лицемѣріемъ закрывали фиговымъ листочкомъ свои закулисныя язвы, выставляя на видъ свою національную нравственность. Между тѣмъ, рабство женщины, семейный деспотизмъ, содержаніе громадныхъ армій, грубая чувственность, необлагороженная цивилизаціей, и другіе факторы, производящіе всюду развратъ и проституцію, не переставали дѣйствовать, и въ концѣ концовъ, даже по оффиціальнымъ актамъ, цѣломудренная страна оказалась залитой потоками сифилитическаго яда въ такой сильной степени, что потребовались неотлагаемыя и дѣйствительныя мѣры для предотвращенія втихомолку выросшаго зла. Чѣмъ больше мы знакомимся съ внутреннимъ бытомъ нашихъ горо-

довъ и деревень, тѣмъ больше и больше убѣждаемся, что относительно проституціи Россія не уступаетъ другимъ странамъ, а по степени своего сифилитическаго зараженія даже превосходитъ всѣ. Даже по оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ число больныхъ сифилисомъ постоянно и быстро увеличивается. Въ однѣхъ только больницахъ гражданскаго вѣдомства лечилось сифилитиковъ:

Въ 1861 г.	— 37,075 ч.	Въ 1866 г.	— 67,799 ч.
„ 1862 „	— 42,438 „	„ 1867 „	— 74,234 „
„ 1863 „	— 37,035 „	„ 1868 „	— 87,077 „
„ 1864 „	— 62,637 „	„ 1869 „	— 89,247 „
„ 1865 „	— 62,533 „		

Въ Петербургѣ лечилось сифилитиковъ:

Въ 1861 г.	— 6,353 ч.	Въ 1866 г.	— 12,902 ч.
„ 1862 „	— 7,090 „	„ 1868 „	— 14,895 „
„ 1864 „	— 10,441 „		

Эти цифры, конечно, нельзя считать даже сколько-нибудь близкими къ дѣйствительности. Въ больницы поступаетъ или лечится у медиковъ дома самая незначительная часть больныхъ. Большинство же, избѣгая всякой огласки, секретно пользуется у знахарей и лекарокъ. Сифилисъ у насъ „значительно болѣе распространенъ въ деревняхъ и селахъ, чѣмъ въ городахъ. Формы болѣзни большею частію обнаруживаются страданіемъ общихъ покрововъ и слизистыхъ оболочекъ; рѣже—пораженіемъ фиброзныхъ тканей. Первой категоріи больные, обыкновенно, не признаютъ, не подозрѣваютъ о свойствахъ своей болѣзни и считаютъ ее столь ничтожною,

что не считаютъ нужнымъ искать пособія у кого бы то ни было" („Арх. Судебн. Медиц." 1869, IV; 1870, III, Кузнецовъ, 69). Поэтому, больныхъ сифилисомъ приходится считать не десятками тысячъ, какъ показываютъ оффиціальныя данныя, а *милліонами*. Фабричные рабочіе, бурлаки, вообще подвижная масса рабочаго люда и солдаты служатъ главными распространителями этого яда по лицу русской земли, занося его въ самыя отдаленныя захолустья. Сифилисъ, впрочемъ, распространяется столько же проституціоннымъ путемъ, сколько и путемъ наслѣдственной передачи. Масса дѣтей рождается уже больной и скоро умираетъ или отъ общаго истощенія, или отъ каріозныхъ процессовъ. Въ главномъ мѣстопребываніи сифилиса, въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ, сплошь и рядомъ встрѣчаются поселенія, всѣ жители которыхъ, начиная съ дряхлыхъ стариковъ и кончая грудными младенцами, болѣе или менѣе серьезно заражены сифилисомъ. „Самою тяжелою, но вседневною формою сифилиса въ сельскомъ населеніи является пораженіе различныхъ частей скелета и внутренностей, съ послѣдовательными параличами и разстройствами отправленій. Въ селеніяхъ нерѣдко можно встрѣтить больныхъ, у которыхъ, приподнимая остатокъ ихъ носа, легко можно видѣть надгортанный хрящъ и отверстія евстахіевыхъ трубъ, причемъ твердое небо съ прилежащими мягкими частями и весь внутренній скелетъ носа у нихъ безслѣдно разрушены болѣзненнымъ процессомъ. Встрѣчаются пораженные субъекты, у которыхъ лишь съ небольшими промежутками здоровой кожи все тѣло покрыто безчисленнымъ количествомъ глубокихъ и обширныхъ язвъ, съ рѣзко обрѣзанными краями, являющихся послѣдствіемъ гуммоз-

ныхъ опухолей". Во многихъ городахъ, напр., въ Шенкурскѣ, по свидѣтельству мѣстнаго врача, въ каждомъ домѣ или есть, или былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ больной сифилисомъ. Есть мѣстности, всѣ жители которыхъ, зараженные венерою до мозга костей, составляютъ совершенно изолированныя общества несчастныхъ отверженниковъ, въ родѣ прокаженныхъ Востока. Таковъ, напр., въ Гарячскомъ уѣздѣ хуторъ Купуцiевка, въ 24 хаты. Въ каждой избѣ здѣсь встрѣчаются то безносые и безротые, то покрытые струпьями, ранами и язвами сифилитики. Есть женщины, которыя не могутъ ходить, шатаются на ногахъ и не владѣютъ руками. Ни одна посторонняя дѣвушка не рѣшится выйдти за здѣшняго парня, и несчастные обитатели Купуцiевки не могутъ нанять даже постороннихъ работниковъ (Недѣля, 1871, № 4). Достаточно проѣхать по нѣкоторымъ мѣстностямъ Вятской губернiи на почтовыхъ, чтобы наглядно убѣдиться въ страшныхъ размѣрахъ господствующей здѣсь сифилитической проказы: чуть не на каждомъ шагу попадаются вамъ физiономiи съ провалившимися носами и другими несомнѣнными признаками неизлечимой болѣзни. Вся Сибирь изъѣдена сифилисомъ, который, распространяясь здѣсь посредствомъ войскъ, ссыльныхъ, бродягъ, странствующихъ торговцевъ, прiисковыхъ рабочихъ, давнымъ давно уже проникъ во всѣ мѣстности, на которыя только ступила нога человѣческая. Давно ли русскiе заняли Амуръ, вовсе неслыхавшiй о сифилисѣ, а въ 1858 г. въ николаевскомъ госпиталѣ было уже 136, въ 1867 г. 236 сифилитиковъ. Венера господствуетъ уже на всемъ протяженiи Амура. Вся сѣверная Сибирь, въ особенности ея инородческое народонаселе-

ніе, заражено чуть-чуть не поголовно: Въ Камчаткѣ трудно найдти не-сифилитика. „При появленіи этой болѣзни“, говоритъ одинъ корреспондентъ,—„начальство не обратило на нее вниманія. А бѣдные камчадалы, не имѣя понятія объ ея прилипчивости, назвавъ венерическіе прыщи *пуговицами*, по простотѣ нравовъ, а большею частію по неосторожности, разнесли ее по всему краю. Въ настоящее время очень немногіе не заражены ею. Большая же часть инородцевъ заражена и изуродована до безобразія. Есть острожки, въ которыхъ за десять лѣтъ населеніе считали сотнями душъ, а нынѣ едва ли наберется десятокъ человѣкъ, да и то калѣки. Отъ камчадаловъ эта болѣзнь перешла къ карякамъ и ламутамъ и губитъ ихъ ужасно. Мнѣ разсказывали объ одной ламутской юртѣ, въ которой нѣтъ никого, кто бы могъ ходить и смотрѣть за оленями, кромѣ дряхлаго старика, а оленей эта юрта имѣетъ штукъ тысячу. По причинѣ страшнаго распространенія сифилиса, большая часть населенія въ скоромъ времени должна погибнуть“. „Сибирск. Вѣстн.“ 1866, № 14).

Сифилисъ впервые проникъ въ Россію въ концѣ XV вѣка, и съ тѣхъ поръ вплоть до новѣйшаго времени для его ограниченія не только не предпринималось почти никакихъ раціональныхъ мѣръ, но даже мало обращалось вниманія на его ужасную распространенность. Еще въ очень недавнее время эта болѣзнь внушала разнымъ вершителямъ судебъ человѣческихъ одно только благородное негодованіе на зараженныхъ, и заболѣвшихъ венерою солдатъ сначала сѣкли, а потомъ уже начинали лечить; въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи производились періодическіе осмотры студен-

товъ, и виновныхъ въ сифилитическомъ страданіи исключали изъ заведенія!.. Даже въ настоящее время мы съ возмутительнымъ равнодушіемъ относимся къ этой язвѣ, истощающей и убивающей физическія и нравственныя силы несчастнаго народа,—мы до сихъ поръ не знаемъ даже съ приблизительною точностью, до какой степени идетъ развитіе этой болѣзни... Съ такимъ же точно равнодушіемъ мы относимся и къ источнику сифилиса — къ разврату непродажному и продажному или къ проституціи. Мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одного серьезнаго изслѣдованія объ этой соціальной болѣзни, мы не знаемъ, какими факторами порождается она, въ какой сильной степени она распространена и какія средства должно потреблять для борьбы съ нею. До сихъ поръ мы вооружались противъ проституціи только репрессивными мѣрами, внушенными чувствомъ негодованія къ пороку,—чувствомъ большею частію лицемѣрнымъ. Въ до-петровской Россіи проституцію преслѣдовали кнутомъ и батогами, даже самъ Петръ считалъ разумнымъ дѣйствовать противъ нея тѣми же жестокими средствами, какъ и его благочестивые предки, повелѣвая; „дабы всѣ таковыя мерзости были испровергнуты". О томъ же хлопотало и правительство Петра II. При Аннѣ „сенату извѣстно учинилось, что во многихъ *вольныхъ* домахъ чинятся многіе непорядки, а особливо многіе *вольнодумцы* содержатъ непотребныхъ женокъ и дѣвокъ, что̀ весьма противно христіанскому благочестивому закону; того ради смотрѣть, ежели гдѣ такія непотребныя женки и дѣвки окажутся, тѣхъ высѣчь кошками и изъ тѣхъ домовъ ихъ выбить вонъ, а всѣмъ вольнодумцамъ и трактирщикамъ объявить съ подпи-

сками, чтобъ впредь такихъ непотребныхъ женокъ и дѣвокъ держать не дерзали подъ жестокимъ штрафомъ и наказаніемъ“. При Елисаветѣ проституція также преслѣдовалась, особенно послѣ того, какъ одна содержательница публичнаго дома, извѣстная подъ именемъ Дрезденши, была уличена во многихъ гнусныхъ подвигахъ по части сводничества. Даже при Екатеринѣ II, отличавшейся гуманною снисходительностью къ падшимъ женщинамъ и основавшей воспитательные дома для незаконнорожденныхъ дѣтей, проститутки нерѣдко подвергались строжайшимъ преслѣдованіямъ. Въ 1763 г. оказалось, что изъ 670 человѣкъ, лечившихся въ петербургскомъ госпиталѣ, болѣе двухъ третей больны *францъ-венерою*, по тогдашнему выраженію. По объявленіямъ госпитальнаго главнаго доктора и старшаго лекаря, „оную получаютъ не отъ чего иного, какъ отъ непотребныхъ женщинъ“. Вслѣдствіе этого было велѣно, „когда кто изъ воинскихъ чиновъ въ той болѣзни найдутся, таковыхъ допрашивать, отъ кого ту получили, и по показаніямъ ихъ, тѣхъ женщинъ сыскивать и осматривать, и если найдутся, кои тою болѣзнью одержимы, таковыхъ чрезъ нарочно опредѣленнаго лекаря пользовать, и по вылеченіи, въ томъ непотребствѣ уличившихся женщинъ для поселенія отсылать въ Нерчинскъ или въ какое другое мѣсто“. Указомъ 1880 г. велѣно „развратныхъ женщинъ, какія есть и впредь оказываться будутъ въ обѣихъ столицахъ, отсылать прямо на иркутскія фабрики“. Только при Николаѣ проституція объявлена терпимою. Но съ этимъ оффиціальнымъ признаніемъ далеко не исчезли дикія воззрѣнія на продажный развратъ и на сифилисъ. Еще

въ недавнее время заразившихся венерою солдатъ сначала сѣкли, а потомъ начинали лечить. Въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣлались періодическіе медицинскіе осмотры студентовъ, и виновные въ сифилитическомъ зараженіи подвергались исключенію. Общество, само развращенное до мозга костей, до сихъ поръ не перестаетъ относиться къ падшимъ женщинамъ съ такимъ тупымъ негодованіемъ, что можно подумать, что все оно состоитъ исключительно изъ Лукрецій и Іосифовъ. Мы бывали свидѣтелями, какъ въ публичныхъ маскарадахъ съ падщихъ женщинъ, которыя вели себя гораздо приличнѣе женщинъ „честныхъ“, срывали маски и выводили ихъ изъ собранія. Мы видѣли однажды въ большомъ провинціальномъ городѣ, какъ одинъ самодуръ купецъ катался на масляницѣ на тройкѣ проститутокъ, къ общей потѣхѣ гуляющей публики. Въ другомъ губернскомъ городѣ, вслѣдствіе мѣстнаго распоряженія, состоявшагося подъ вліяніемъ дамъ, полиція начала преслѣдовать наряды проститутокъ, снимая съ нихъ головные уборы, отнимая зонтики, запрещая ношеніе кринолиновъ. Еще въ очень недавнее время въ каждомъ большомъ городѣ можно было видѣть однажды въ недѣлю возмутительную процессію падшихъ женщинъ, *гонимыхъ* полицейскими на медицинское свидѣтельство, сгорающихъ стыдомъ вслѣдствіе такого публичнаго позора, осыпаемыхъ циническими насмѣшками прохожихъ и сопровождающей ихъ толпы праздныхъ зѣвакъ. Во многихъ городахъ эти процессіи можно видѣть даже въ настоящее время. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ провинціальномъ городѣ въ какой-то торжественный день явилась къ обѣднѣ разряженная въ пухъ и

прахъ проѣзжая камелія, встала на одномъ изъ переднихъ мѣстъ въ церкви и первою подошла къ кресту. Все общество возмутилось этимъ, какъ величайшимъ оскорбленіемъ нравственности; камелію выжили изъ города, а добродѣтельные репортеры начали осыпать ее печатною бранью въ мѣстной газетѣ. Даже тѣ россіяне, которые находятся въ постоянныхъ и самыхъ короткихъ сношеніяхъ съ проститутками и для которыхъ публичные дома замѣняютъ собою клубы, относятся къ этимъ несчастнымъ женщинамъ съ такимъ цинизмомъ, какого никогда не дозволятъ себя послѣднія, и съ такимъ варварствомъ, какое положительно невозможно въ сколько-нибудь цивилизованномъ человѣкѣ. Эти развратники на каждомъ шагу готовы оскорблять публичную женщину своимъ презрѣніемъ. Сколько брани, побоевъ, издѣвательствъ выносятъ проститутки отъ своихъ гостей. Купцы и приказчики нерѣдко считаютъ какъ бы своею обязанностью побить проститутку, которую они взяли. Двое пріятелей чиновниковъ, пригласивъ къ себѣ женщину, начинали съ того, что одинъ изъ нихъ сѣкъ ее, а другой сидѣлъ на ней, осѣдлавъ ея шею, и во всю мочь игралъ на гармоніи. Одинъ купецъ, приставая къ финальнымъ ласкамъ, давалъ проституткѣ нѣсколько плюхъ, и только съ плачущею и напуганною его звѣрствомъ женщиною находилъ удовольствіе. Въ европейскихъ обществахъ мало состраданія и снисходительности къ тѣмъ женщинамъ, которыхъ социальная необходимость заставляетъ торговать своимъ тѣломъ, но тамъ ихъ все-таки больше, чѣмъ въ нашемъ обществѣ, въ которомъ проститутка не считается человѣкомъ.

Между тѣмъ, это самое общество заражено бездною

самыхъ отвратительныхъ пороковъ, которые достигаютъ въ немъ грандiозныхъ размѣровъ, вовсе неизвѣстныхъ въ странахъ цивилизованныхъ. Пресловутая мощь и размашистость русской натуры проявляется главнымъ образомъ въ необузданности страстей и въ громадности золъ, поражающихъ народъ.

Роскошь, такъ ужь роскошь—истинно безпутная,
Бѣдность, такъ ужь бѣдность—смерть ежеминутная,
Голодъ, такъ ужь голодъ—областiю цѣлою,
Пьянство, такъ ужь пьянство—все съ горячкой бѣлою,
Похоть, такъ ужь похоть—съ роковою силою,—
Сердцу, деньгамъ, разуму—всѣмъ грозитъ могилою!..

Петербургъ съ его шпицъ-балами, канканами, банями, съ его массою солдатъ и другихъ холостяковъ, съ его многочисленнымъ контингентомъ тайныхъ проститутокъ, развратенъ ни сколько не менѣе какого-нибудь Парижа или Лондона. Москва, Нижнiй, Ростовъ на Дону, Казань и другiе центры русской жизни развращены еще болѣе, если не количественно, то качественно, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ, особенно на ярмаркахъ, развратъ проявляется въ самыхъ гнусныхъ, циническихъ формахъ, вовсе неизвѣстныхъ въ Западной Европѣ. Противоестественные пороки распространены ужасно. Онанизмъ положительно губитъ цѣлыя молодыя поколѣнiя. Педерастiя свирѣпствуетъ не только на Кавказѣ и другихъ азiятскихъ мѣстностяхъ, но и въ Петербургѣ, и вездѣ, даже въ деревняхъ. Она распространена въ войскахъ и особенно въ закрытыхъ учебныхъ заведенiяхъ. Въ бывшихъ кадетскихъ корпусахъ этотъ порокъ носилъ вполнѣ характеръ проституцiи, и смазли-

венькіе кадетики продавали себя за папироски, за третью порцію, за конфекты и т. д. Скотоложство распространено, кажется, еще больше, чѣмъ педерастія. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ она имѣетъ полныя права гражданства, и крестьяне здѣсь пользуются имъ даже какъ медицинскимъ средствомъ, будто бы избавляющимъ отъ лихорадки. Обыкновенные виды разврата по мѣстамъ носятъ скотскій характеръ. Въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ, напр., на цѣлый городъ было въ 1859 г. только двѣ публичныхъ женщины, которыя удовлетворяли потребностямъ всѣхъ холостяковъ, какъ чиновниковъ и офицеровъ, такъ и солдатъ. Одну изъ нихъ баталіонные солдаты затащили въ казарму и начали поочередно любиться съ нею, пока она не потеряла сознанія. Въ дешевыхъ публичныхъ домахъ Москвы и Петербурга такое публичное, поочередное посѣщеніе женскаго ложа вовсе не рѣдкость... Въ югозападной Сибири по деревнямъ однимъ изъ любимѣйшихъ праздничныхъ зрѣлищъ служитъ похабный танецъ *козелъ*, представляющій въ лицахъ половой актъ животныхъ. Въ казачьихъ станицахъ можно видѣть на улицѣ пляску нагихъ мужчинъ, окруженныхъ толпою женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Одна казачка пропилась до нитки: желая собрать денегъ на водку, она опалила свой membrum и нагишомъ пошла по станицѣ собирать на *погорѣлое мѣсто*; всѣ были въ восторгѣ отъ этой шутки, и казачка не осталась безъ водки. По всей Россіи до сихъ поръ не только въ деревняхъ, но и въ городахъ оба пола сплошь и рядомъ вмѣстѣ моются въ баняхъ, какъ въ домашнихъ, такъ и въ публичныхъ. Такъ называемые „райскіе вечера“ бы-

ваютъ даже въ самыхъ отдаленныхъ провинціальныхъ городахъ. Приглядной женщинѣ не безопасно ходить одной по улицѣ, не безопасно отъ шаекъ безсовѣстныхъ волокитъ, рыскающихъ, подобно кобелямъ, и преслѣдующихъ всякую юбку... На каждомъ шагу мы встрѣчаемся съ самымъ циническимъ развратомъ, съ развратомъ на распашку, съ какимъ-то половымъ неистовствомъ, не нуждающимся ни въ какомъ покрывалѣ и чуждымъ утонченныхъ эстетическихъ требованій.

Красотой насъ нельзя побѣдить,
Удивить невозможно развратомъ!..

На Западѣ промыселъ развратомъ имѣетъ одну опредѣленную форму публичной проституціи, въ которой женщины или сами торгуютъ собой, или продаются своими эксплоататорами изъ-за однихъ только экономическихъ побужденій. Въ Россіи же проституція является не только въ этой, но и во всѣхъ другихъ формахъ, которыя въ странахъ болѣе цивилизованныхъ существовали только въ древности, а теперь или вовсе исчезли, или продолжаютъ существовать въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Таковы проституція религіозная и проституція семейная.

Во многихъ раскольничьихъ сектахъ, особенно у бѣгуновъ, даже по сознанію ихъ самихъ, господствуютъ „грѣхи паче естества, паче Содома и Гоморы". Развратъ прикрывается здѣсь авторитетомъ вѣры и мотивируется религіозными софизмами. Начальники общинъ, пророки, наставники, „старцы", „христы" и другіе авторитетныя лица пользуются здѣсь женщинами точно такъ же, какъ брамины Индіи или жрецы древняго Во-

стока, и не только пользуются сами, но изъ корыстныхъ разсчетовъ, силою своей власти и убѣжденія, сводятъ женщинъ съ желающими ихъ мужчинами.

Семейная проституція существуетъ у насъ въ гораздо обширнѣйшихъ размѣрахъ, чѣмъ на Западѣ, что очень естественно въ странѣ, въ которой такъ силенъ семейный деспотизмъ, въ которой такъ распространено снохачество и въ которой авторитетъ родительской власти такъ безграниченъ, что на основаніи его могло развиться у сектантовъ гнусное право *отцовщины*, право родителя на лишеніе невинности своей дочери, такъ какъ „трудящемуся подобаетъ первому вкушать отъ плода своего". У насъ до сихъ поръ существуетъ гостепріимная проституція, преслѣдующая чисто матеріальныя цѣли. „На сѣверѣ Россіи хозяинъ, отдавая въ наемъ квартиру, предлагаетъ своему жильцу и свою супругу или дочь, увеличивая, разумѣется, при этомъ квартирную плату; съ перемѣной квартиры, женщина переходитъ къ другому мужчинѣ, къ третьему и т. д.; въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ бываетъ въ особенности много пріѣзжихъ, хозяевами предлагаются жены и дочери всякому мужчинѣ, останавливающемуся у нихъ ночевать" (Кузн., 13). Въ раскольничьихъ поселеніяхъ, напр., за Байкаломъ, такая проституція въ полномъ ходу. Въ золотопромышленныхъ мѣстностяхъ она достигаетъ до крайнихъ своихъ предѣловъ: здѣсь совершенно открыто мужья торгуютъ своими женами, родители—дочерьми; здѣсь невинность дѣвушки продается съ молотка ея семейными владыками. Къ этому виду проституціи слѣдуетъ отнести и обычай *вечерницъ*, или *вечерокъ*, господствующій особенно въ Малороссіи. „Въ

началѣ осени, по окончаніи полевыхъ работъ, каждый вечеръ въ домѣ какой-нибудь безсемейной молодой вдовы или солдатки собираются молодые парни и дѣвушки; каждый гость и гостья приносятъ что-нибудь хозяйкѣ: деньги, водку, брагу, куръ, яйца, сало, пшено и т. п., и до полуночи идетъ общая пирушка, а потомъ всѣ участвующіе, здѣсь же, въ тѣсной хатѣ, укладываются спать попарно. Эти вечерницы устраиваются каждую ночь до самаго начала полевыхъ работъ" (id). Родители не только смотрятъ па это сквозь пальцы, но даже поощряютъ своихъ дочерей *нагуливать* побольше на приданое себѣ. На Амурѣ главный контингентъ проститутокъ состоитъ изъ дѣвушекъ-казачекъ, которыя начинаютъ обыкновенно лѣтъ 14—15, и сначала за условную плату отдаются своими родителями кому-нибудь въ содержанки. Въ качествѣ содержанокъ онѣ нѣсколько лѣтъ переходятъ съ рукъ на руки и въ то же время занимаются проституціей; наконецъ, онѣ или поступаютъ въ разрядъ явныхъ проститутокъ, или же выходятъ замужъ за аферистовъ, которые начинаютъ промышлять ихъ развратомъ. Въ своихъ станицахъ молодыя казачки также занимаются проституціей, и мужчины, желающіе познакомиться съ ними, должны устроить *вечерку*. Эта проституція въ особенности свирѣпствуетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ народонаселеніе наиболѣе бѣдствуетъ, напр., въ станицахъ уссурійскаго баталіона („Мед.-Топ. Сб." т. I; Кузн., 267). Въ высшихъ и среднихъ классахъ общества семейная проституція является также въ очень обширныхъ размѣрахъ, и цивилизованные варвары точно такъ же, какъ и

грубые мужики, продаютъ своихъ дочерей за деньги, за протекцію, за карьеру...

Вотъ, этотъ мерзавецъ,
Подъ руку съ дочерью, весь завитой;
Кольца, лорнетка, цѣпочка вдоль груди...
Плюньте въ лицо ему, честные люди
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджогъ, за покражу-
Это отецъ, развращающій дочь
И выводящій ее на продажу!..

Много такихъ отцовъ, но еще больше мужей, торгующихъ своими женами, добывающихъ посредствомъ ихъ разврата деньги и награды, устраивающихъ свои темныя дѣлишки, снискивающихъ милость и покровительство сильныхъ міра сего. Въ среднихъ классахъ, особенно въ средѣ бѣдныхъ чиновниковъ, этотъ видъ проституціи достигаетъ очень обширныхъ размѣровъ и проявляется въ самыхъ грубыхъ формахъ. Мужъ, напр., сводитъ свою жену съ мужчиною, затѣмъ ловитъ ихъ и взыскиваетъ съ любовника за безобразіе. Жена развратничаетъ, а мужъ пьянствуетъ и развратничаетъ на вырученныя ею деньги. Многіе мужья живутъ исключительно на проституціонный заработокъ своихъ женъ, которыя такимъ образомъ служатъ для нихъ чѣмъ-то въ родѣ помѣстья или оброчной статьи. По справедливому замѣчанію г. Кузнецова, „подобный развратъ можетъ быть признанъ за самый наглый видъ проституціи; онъ можетъ составить образъ вавилонской проституціи, гдѣ отцы и мужья продавали для разврата своихъ дочерей и женъ; но тамъ это было явно, а у насъ облечено въ тайну; тамъ продавался развратъ за цѣну незначительную, а у насъ эта продажа доходитъ иногда

до платы баснословной"... Этотъ видъ проституціи возмущаетъ не только нравственное, но и гражданское чувство каждаго порядочнаго человѣка. Жена предлагается мужемъ въ „помпадурши", какъ взятка, и подъ покровомъ такихъ помпадуршъ ихъ достойные супруги могутъ обдѣлывать какія-угодно скверныя дѣлишки. Эти вредные результаты россійскаго помпадурства являются у насъ однимъ изъ крупныхъ общественныхъ золъ...

Численность проститутокъ, неизвѣстная даже въ странахъ, обладающихъ лучшими статистическими средствами, тѣмъ менѣе можетъ быть опредѣлена нашей статистикой, которую обработываютъ чиновники, трудящіеся только ради выполненія формальности. Явныя, т. е. находящіяся подъ медико-полицейскимъ надзоромъ проститутки поражаютъ своею малочисленностью. Въ 1843 г., напр., на 500,000 жителей Петербурга было только 400 явныхъ проститутокъ; но въ томъ же году, вслѣдствіе усиленія полицейскаго надзора, ихъ считалось уже 900; въ 1852 г. — 1075; въ 1858 г. — 127 публичныхъ домовъ и 1429 проститутокъ; въ 1862 г.—144 дома и 1887 женщинъ; въ 1867 г. — 2281 проститутка. Въ Москвѣ въ 1844 г. считалось публичныхъ женщинъ 459; въ 1853 г.—1599; въ 1866 г.—1916; въ 1868 г.—2394 женщины. Въ Варшавѣ въ 1869 г. было 1338 проститутокъ; въ Нижнемъ Новгородѣ въ томъ же году, даже во время ярмарочнаго разгула, ихъ считалось только 470; въ Одессѣ—1008; въ Астрахани—1500. Смотря по мѣстности, число явныхъ проститутокъ составляетъ отъ $^1/_5$ до $^1/_{10}$ и болѣе всѣхъ женщинъ, промышляющихъ развратомъ. Въ одномъ уѣздномъ городишкѣ, напр., гдѣ числится въ спискѣ только 4 проститутки, ихъ насчитано

нами до 50. Огромное большинство кухарокъ, горничныхъ, поденщицъ, фабричныхъ работницъ, солдатокъ, большинство женщинъ одинокихъ и неимущихъ смѣло можетъ быть отнесено къ разряду проститутокъ. Модные магазины, напр., всегда наполнены женщинами, тайно промышляющими развратомъ. Въ Москвѣ, по словамъ тамошняго врачебно-полицейскаго комитета, „всѣ почти дѣвушки, живущія при магазинахъ дамскихъ модъ, не исключая даже дѣвушекъ въ возрастѣ 13 и 14 лѣтъ, близко знакомы съ развратомъ и часто поступаютъ въ больницу съ развившеюся въ нихъ сифилитическою заразой". Въ 1855 г. были осмотрѣны всѣ эти магазины, и изъ двадцати не оказалось ни одного, въ которомъ не было бы зараженныхъ сифилисомъ женщинъ, а въ одномъ изъ нихъ всѣ работницы были въ венерѣ. Притоны тайной проституціи гораздо многочисленѣе явныхъ домовъ терпимости. Въ Москвѣ, напр., по словамъ одного члена врачебно-полицейскаго комитета, „существуетъ большое количество такихъ домовъ, гдѣ тайный развратъ распространенъ въ самыхъ сильныхъ размѣрахъ. Почти во всѣхъ частяхъ города существуютъ такъ называемыя *квартирныя хозяйки*, которыя содержатъ дома терпимости въ полномъ значеніи этого слова. Онѣ держатъ у себя на квартирѣ по нѣскольку проститутокъ, которыя, принимая мужчинъ, отдаютъ хозяйкѣ весь свой заработокъ и получаютъ отъ нея одежду, обувь и проч. У квартирныхъ хозяекъ весьма часто промышляютъ женщины, вовсе не состоящія подъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Онѣ также занимаются всякаго рода сводничествомъ и допускаютъ въ своихъ квартирахъ всякихъ женщинъ". Эти тайные притоны и эти сводни

раздѣляются на нѣсколько разрядовъ, соотвѣтствующихъ запросу и достатку своихъ потребителей. Въ большихъ городахъ, особенно въ столицахъ, есть много притоновъ, содержимыхъ для высшаго класса, притоновъ комфортабельныхъ и вполнѣ приличныхъ, въ родѣ того дома, о которомъ говоритъ поэтъ, и въ которомъ —

Живутъ двѣ почтенныя дамы,
Тишина въ немъ глубокая днемъ,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здѣсь движенье веселое слышно:
Пріѣзжаютъ сюда господа
И дѣвицы, одѣтыя пышно...

Еще болѣе притоновъ плебейскихъ, — грязныхъ, отвратительныхъ лачужекъ, въ которыхъ женщина стоитъ нерѣдко только *3 копѣйки*... Къ числу убѣжищъ, въ которыхъ главнымъ образомъ совершается тайный промыселъ развратомъ, относятся гостинницы, харчевни, торговыя бани и т. д. Со сводними-женщинами въ этомъ промыслѣ соперничаютъ извозчики въ такой сильной степени, что каждаго городского извозчика смѣло можно считать сводникомъ. Во многихъ мѣстностяхъ, напр., во всей восточной Сибири тайная проституція господствуетъ съ такой силой, что явныхъ публичныхъ домовъ почти вовсе не существуетъ, да и тѣ, какіе есть, содержатся исключительно для потребителей низшаго класса. Своднм и тайныя проститутки-одиночки держатъ въ своихъ рукахъ весь развратный промыселъ, не смотря на всѣ старанія мѣстныхъ антрепренеровъ захватить его и организовать въ формѣ открытыхъ публичныхъ домовъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ одномъ большомъ и бога-

томъ городѣ „золотая молодежь", съ полицеймейстеромъ во главѣ, много хлопотала объ открытіи хотя одного публичнаго дома. Домъ былъ открытъ съ хорошимъ буфетомъ, съ музыкой, съ торговыми банями, съ красивыми дѣвушками; но, не смотря на всѣ эти приманки, онъ могъ продержаться не болѣе года. Такое, почти исключительное господство тайной проституціи, какъ въ Сибири, такъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, не можетъ быть объясняемо одною только слабостью полицейскаго надзора, хотя эта слабость и оказываетъ на существованіе упомянутаго факта значительное вліяніе. Тайныя проститутки въ упомянутыхъ мѣстностяхъ почти всѣ промышляютъ совершенно самостоятельно, живутъ большею частію въ одиночку и прибѣгаютъ къ своему промыслу только какъ къ средству, дополняющему дефицитъ ихъ скуднаго бюджета, дополняющему заработокъ, доставляемый имъ работою. Эти проститутки, слѣдовательно, относительно зажиточны и не въ такой степени угнетаются нуждой, какъ тѣ женщины, бѣдность которыхъ простирается до того, что неминуемо вовлекаетъ ихъ въ кабальную зависимость отъ содержательницъ публичныхъ домовъ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ тайная проституція одинаково съ явною эксплоатируется содержательницами, она прячется потому, что подчиненіе медико-полицейскому надзору и очень стѣснительно, и сопряжено съ немалыми денежными расходами. Главнымъ же побужденіемъ, заставляющимъ этотъ промыселъ облекать себя тайною, служитъ то обстоятельство, что тайная проституція служитъ главною ареною, на которой обдѣлываютъ свои гнусныя дѣлишки разныя сводни, продавцы и покупатели дѣвичьей не-

винности, растлители и насилователи и тому подобныя лица, имѣющія полное основаніе скрывать свои поступки въ виду полицейскихъ и уголовныхъ преслѣдованій. Иногда для записки въ проституціонную книгу являются дѣвушки не только невинныя, но даже незнающія, что такое развратъ. „Въ Петербургѣ, одною изъ содержательницъ домовъ терпимости была доставлена во врачебно-полицейскій комитетъ дѣвушка 16 лѣтъ, изъявившая желаніе поступить къ ней въ число проститутокъ; при полученіи медицинскаго билета, она при освидѣтельствованіи оказалась невинною. Дѣвушка эта пріѣхала изъ Финляндіи съ цѣлью пріискать мѣсто горничной, но, соблазнившись ничего-недѣланьемъ и костюмировкою ея будущихъ подругъ-проститутокъ, предпочла жить въ домѣ терпимости, не понимая между тѣмъ вполнѣ того горькаго ремесла, которому себя посвящала. „Вы должны будете принимать гостей“, сказалъ ей свидѣтельствовавшій ее врачъ. „Да“, отвѣчала дѣвушка спокойно. Но когда ей былъ разъясненъ процессъ этого пріема, то дѣвушка рѣшительно отказалась выполнять все это и взяла обратно свой паспортъ“ (Кузн., 19). Но такіе случаи чрезвычайно рѣдки, и огромное большинство женщинъ поступаетъ въ разрядъ оффиціальныхъ проститутокъ уже послѣ того, какъ въ омутѣ тайнаго разврата потеряетъ свою невинность, вполнѣ познакомится съ порокомъ и даже заразится болѣзнію. Сифилисъ свирѣпствуетъ между тайными проститутками ужасно и, по мѣстамъ, количество зараженныхъ имъ женщинъ, изъ общаго числа забираемыхъ и осматриваемыхъ по подозрѣнію въ тайномъ развратѣ, простирается до 45%!.. Медико-полицейскій надзоръ откры-

ваетъ въ этой сферѣ даже малолѣтнихъ дѣвочекъ отъ 9 до 14 лѣтъ, уже страдающихъ венерой. Но если, съ одной стороны, тайная проституція представляется массою, изъ которой постоянно набираются явныя проститутки, то, съ другой стороны, очень значительный контингентъ занимающихся ею женщинъ состоитъ изъ проститутокъ, окончившихъ свою публичную карьеру, поступившихъ, такъ сказать, въ резервъ и промышляющихъ развратомъ не постоянно, а только при удобномъ случаѣ, такъ какъ, потерявъ уже и здоровье, и красоту, и молодость, онѣ не въ состояніи привлекать часто покупателей ихъ отцвѣтшихъ прелестей.

Какъ тайныя, такъ и явныя проститутки рѣзко распадаются на два главныхъ отдѣла, изъ которыхъ одинъ, окруженный блескомъ и роскошью, существуетъ для чистыхъ и зажиточныхъ баръ, другой же—для бѣдняковъ, неимѣющихъ возможности покупать молодое и красивое женское тѣло. Во главѣ аристократической проституціи стоятъ камеліи, эти гетеры современнаго міра, необладающія, впрочемъ, ни умомъ, ни образованностью, ни доблестями, которыми славились ихъ древне-греческія предшественницы. Наши камеліи—пустоголовыя самки, выдрессированныя исключительно для сладострастныхъ наслажденій и раззоряющія столь же пустоголовыхъ самцовъ, осаждающихъ ихъ своими заискиваньями. Наши Сократы не могутъ имѣть съ камеліями ничего общаго, а вліятельныя Матильды, Амаліи, Минны, играющія отчасти роль Аспазіи, хотя и имѣютъ своихъ Перикловъ и Алкивіадовъ, но эти Периклы и Алкивіады вполнѣ достойны своихъ Аспазій... Умственное и нравственное развитіе камеліи самое жалкое. Всѣ ея интересы сосре-

доточены на кокетствѣ и модахъ, на роскоши и на искуствѣ раззоренія своихъ глупыхъ ухаживателей. Камелія—это жалкое, несчастное созданіе, порожденное развращенностью тунеяднаго общества; это—самка, торгующая и тѣломъ, и чувствомъ...

Брилліанты, цвѣты, кружева,
Доводящіе умъ до восторга,
И на лбу роковыя слова—
Продается съ публичнаго торга!..

Но, выражаясь такимъ образомъ, мы далеки отъ того безсмысленнаго презрѣнія къ этой самкѣ, съ какимъ относится къ ней масса общества. Мы видимъ въ ней только продуктъ извѣстныхъ соціальныхъ условій, низводящихъ человѣческую личность на степень животнаго, убивающихъ въ ней всякую разумную жизнь и дѣлающихъ ее орудіемъ чужихъ страстей и чужихъ интересовъ. Да и самая судьба камелій не можетъ возбуждать въ насъ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ глубокаго сожалѣнія. Окруженная въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ удобствами и разнообразными затѣями роскоши, по мѣрѣ увяданія своихъ прелестей, которыя въ разгульной жизни изнашиваются очень скоро, камелія постепенно теряетъ свою цѣнность, спускается все ниже и ниже по лѣстницѣ проституціи до тѣхъ поръ, пока, въ качествѣ совершенно забракованнаго товара, не попадетъ въ тотъ проституціонный омутъ, въ которомъ кишатъ полунагія, голодныя, сгнившія въ венерѣ женщины, продающіяся за 3 копѣйки, да и то только при особенно счастливомъ случаѣ. „Въ Петербургѣ одинъ богатый мужчина, проходя по тротуару, былъ сшибенъ съ ногъ выпихнутой

изъ кабака женщиной, въ страшно пьяномъ видѣ, оборванною, избитою, искаженною. Когда этотъ господинъ, оправляясь, осыпалъ ругательствами пьяную бабу и ея собратовъ, вытолкнувшихъ ее изъ кабака, женщина, всмотрѣвшись въ него, заплакала, а потомъ захохотала дикимъ хохотомъ. „Дай мнѣ на водку", сказала она мужчинѣ, назвавъ его фамилію. Баринъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ его фамилія была извѣстпа въ обществѣ бродягъ. „Дай на водку Матильдѣ", повторяла женщина. Баринъ поспѣшно вынулъ бумажникъ, бросилъ изъ него женщинѣ 25 рублей и торопливо удалился. Въ лицѣ этой бродяги онъ узналъ камелію, поражавшую когда-то всѣхъ своей красотой и роскошью и у которой этотъ самый господинъ не могъ прежде заслужить вниманія, т. е. не могъ получить доступа въ ея спальню" (Кузн., 21).

Вслѣдъ за камеліями выступаютъ проститутки аристократическихъ публичныхъ домовъ,—красавицы изъ Риги и Гамбурга, изъ Вологды и Мадрита, женщины самыхъ разнообразныхъ національностей. Покупать развратъ въ этихъ домахъ очень дорого, такъ какъ женское тѣло здѣсь перваго сорта и наслажденія порокомъ совершаются при самой роскошной обстановкѣ. Въ Петербургѣ, напр., одинъ изъ извѣстныхъ домовъ терпимости за одну только квартиру платитъ въ годъ 6,000 рублей. Устройство „зеркальной спальни" въ этомъ домѣ стоило содержательницѣ около 7,000 рублей. Проститутки, живущія въ такой роскошной обстановкѣ, отлично одѣты, хорошо питаются, пользуются разнообразными удовольствіями, — театрами, концертами, катаньемъ и т. д. Но такая жизнь продолжается недолго; от-

цвѣтающія красавицы переходятъ изъ лучшихъ домовъ въ болѣе и болѣе худшіе и, наконецъ, погибаютъ въ томъ морѣ нищеты, пороковъ и преступленій, которое реветъ подъ ногами сытаго, цивилизованнаго общества. Женщина, зарабатывающая развратомъ до 1,000 въ мѣсяцъ и болѣе, сплошь и рядомъ кончаетъ тѣмъ, что, убиваемая голодомъ и другими страданіями, сопряженными съ нищетой, медленно погибаетъ, какъ паршивая, брошенная хозяиномъ, собака.

Аристократическія проститутки такъ же немногочисленны, какъ и ихъ барственные потребители. Масса же публичныхъ женщинъ, существующая для среднихъ и низшихъ классовъ, состоитъ изъ бѣдныхъ, изможденныхъ, несчастныхъ созданій, торгующихъ своимъ тѣломъ не ради роскоши, а изъ-за того только, чтобы пріобрѣсть кусокъ хлѣба и стаканъ водки для залитія своего пожизненнаго горя. Таковы, напр., *кабачницы* столичныхъ городовъ, которыя не имѣютъ никакихъ пріютовъ, шатаются изъ кабака въ кабакъ, изъ харчевни въ харчевню, развратничаютъ и въ этихъ грязныхъ притонахъ и подъ открытымъ небомъ, а ночь проводятъ, гдѣ случится,—въ чуланѣ, подъ лѣстницей, въ ретирадѣ, въ канавѣ. Нищета ихъ нерѣдко доходитъ до положительной наготы, неприкрываемой ни чѣмъ, кромѣ грязи (стр. 120). Наиболѣе зажиточными изъ нихъ являются *гнилушницы*, которыя на свои скудныя средства ведутъ торговлю гнилыми плодами и тѣмъ пополняютъ свой нищенскій проституціонный заработокъ. Къ этому разряду проститутокъ принадлежатъ цѣлыя массы нищихъ, безпріютныхъ женщинъ, солдатокъ, крестьянокъ, ищущихъ въ городахъ работы и не находящихъ ея, и т.

д. Почти совершенно развалившаяся старуха, баба, пораженная съ головы до пятокъ сифилисомъ, калѣка, безобразнѣйшая идіотка,—всѣ находятъ потребителей въ той средѣ нашего пролетаріата, въ которой и для которой живутъ этого разряда проститутки. Мы знаемъ одну идіотку, просящую милостыню по окрестностямъ города Шенкурска. Не только пьяные, но даже трезвые мужики постоянно соблазняются ею и она чуть не каждый годъ родитъ ребятъ, которые куда-то исчезаютъ вскорѣ послѣ рожденія. Въ большихъ городахъ масса этихъ женщинъ не имѣетъ квартиръ и ночуетъ гдѣ придется, проводя остальное время или подъ открытымъ небомъ, или въ разныхъ притонахъ, которые служатъ центрами гулякъ, развратниковъ, мошенниковъ, бродягъ. Нѣкоторые изъ этихъ притоновъ достигаютъ поистинѣ грандіозныхъ размѣровъ и нѣсколько напоминаютъ собою *Дворъ Чудесъ* въ средневѣковомъ Парижѣ. Таковъ былъ, напр., уничтоженный въ 1866 г. московскій трактиръ „Крымъ", нижній этажъ котораго назывался *Адомъ*. „Посѣщать это заведеніе было крайне опасно; ни одинъ посѣтитель не выходилъ оттуда, не бывъ обокраденъ, обыгранъ въ карты или просто ограбленъ и избитъ. Полиція была совершенно безсильна противъ различныхъ пріемовъ мошенниковъ и самой прислуги Ада. Въ буфетѣ, который составлялъ переднюю комнату, подъ стойкой буфетчика устроенъ былъ электрическій звонокъ, который мгновенно извѣщалъ во всѣхъ конуркахъ о появленіи полиціи или даже какого-нибудь подозрительнаго лица. Азъ Ада было устроено нѣсколько темныхъ выходовъ внутрь двора; въ этихъ узкихъ корридорахъ, въ различныхъ

мѣстахъ и на различной высотѣ, были устроены деревянныя перекладины, ниже человѣческаго роста и врыты столбы такимъ образомъ, что попавшій въ этотъ притонъ, спасаясь бѣгствомъ отъ мошенниковъ, неминуемо натыкался на устроенныя преграды, ударялся объ нихъ и ошеломленный попадалъ въ руки преслѣдовавшихъ его". Проститутки были обычными посѣтительницами Ада, и развратъ доходилъ здѣсь до скотскаго безобразія (Кузн., 244, 246). Даже большая часть оффиціальныхъ домовъ терпимости, особенно въ провинціяхъ, отличается ужасающей обстановкою нищеты и грязи, о которыхъ столичные жители могутъ судить по московскому *Аду* и петербургскому *Малиннику*. Нечистота, затхлый воздухъ, вѣчно пьяныя, избитыя, безобразно нарумяненныя женщины, по нѣсколько кроватей въ одной комнатѣ, иногда неотдѣленныхъ одна отъ другой даже занавѣсками, вмѣсто постели куча прѣющихъ вонючихъ лохмотьевъ—вотъ общій типъ провинціальнаго публичнаго дома. Въ немъ живутъ порокъ и преступленіе вмѣстѣ со своей матерью—бѣдностью.

Проституція является результатомъ архаическихъ порядковъ семейнаго и общественнаго быта. Ненормальность соціальныхъ условій порождаетъ, съ одной стороны, запросъ на развратъ, а съ другой — предложеніе женскаго тѣла. Невѣжественная, неразвитая женщина, воспитанная исключительно для постельной утѣхи и неинтересующаяся ни чѣмъ, кромѣ нарядовъ и кокетства, нерѣдко продаетъ себя только для того, чтобы получить возможность помодничать и пороскошничать. Служанки, напр., выдѣляющія изъ себя значительное число тайныхъ и явныхъ проституткок, сплошь и ря-

домъ продаютъ себя за кусокъ дешевенькой матеріи на платье, за платокъ, пару башмаковъ и т. д. Одна богатая женщина продала себя только за *способъ*, изобрѣтенный молодымъ человѣкомъ, достать 5,000 рублей, необходимые ей для того, чтобы выѣхать на балъ въ костюмѣ, который былъ бы лучше костюма одной знакомой ей княгини. Случается, что женщина начинаетъ развратничать просто съ отчаянія и изъ желанія отомстить любимому человѣку своимъ публичнымъ позоромъ. „Мастерица"—разсказываетъ г. Кузнецовъ,—„имѣя лѣтъ уже около 27, обратилась въ Петербургѣ во врачебно-полицейскій комитетъ съ просьбой выдать ей медицинскій билетъ, но такъ какъ она не поступала въ домъ терпимости, а оставалась одиночкой, то ей предложили подчиниться секретному надзору; она на отрѣзъ отказалась отъ этого и, заливаясь слезами, отвѣтила: „я не хочу быть секретною, я дѣвушка честная и никогда никого не обманывала, дайте мнѣ желтый билетъ, пусть буду я публичною". Когда эта дѣвушка успокоилась, то изъ ея разсказа мы узнали, что она была брошена своимъ любовникомъ, съ которымъ жила нѣсколько лѣтъ, и не отъ нужды, а просто съ отчаянія пускалась въ развратъ" (стр. 17). Сводни и другіе соблазнители дѣвушекъ, вовлекши ихъ въ порокъ, лишивъ невинности, обезславивъ и тѣмъ закрывъ имъ доступъ въ ихъ семейства и отнявъ у нихъ возможность къ существованію честными средствами, навсегда бросаютъ ихъ въ потокъ порока, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни подготовки, ни возможности жить своимъ трудомъ. Значительная часть публичныхъ женщинъ состоитъ изъ любовницъ, брошенныхъ своими любовниками, изъ служанокъ, соб-

блазненныхъ и развращенныхъ своими хозяевами, изъ неопытныхъ дѣвушекъ, попавшихъ въ сѣти развратниковъ и сводней. Но при всемъ этомъ главною, самою сильною причиною проституціи является бѣдность. Женщина можетъ развратничать по разнымъ побужденіямъ, но торговать собою ее заставляетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ одна только бѣдность. У Некрасова женщина, мужъ которой сидитъ въ нетопленой квартирѣ больной и голодный, а умершаго ребенка не на что похоронить,

Ушла молчаливо,
Принарядившись какъ-будто къ вѣнцу,
И черезъ часъ принесла торопливо
Гробикъ ребенку и ужинъ отцу.

Такая участь постигаетъ женщинъ нерѣдко, заставляя ихъ торговать собой для пропитанія своего семейства. „Молодая вдова, напр., оставшись послѣ смерти мужа, котораго нѣжно любила, съ двумя маленькими дѣтьми, безъ всякихъ средствъ къ жизни, сдѣлалась швеей, что̀ давало ей возможность кое-какъ поддерживать существованіе и свое, и своихъ малютокъ. Однажды, когда у вдовы вышелъ весь денежный запасъ и въ квартирѣ уже не было ни куска хлѣба, она понесла оконченную работу, за которую однако не могла получить заработанныхъ денегъ; между тѣмъ у ней не было ни хлѣба, ни денегъ, ни дровъ, ни даже постели для малютокъ; хозяинъ гналъ изъ подвала, въ которомъ помѣщалось семейство молодой труженицы; дѣти плакали отъ голода и холода; продать было нечего, заложить тоже, попросить не у кого, и бѣдная женщина, спасая своихъ малютокъ,

сдѣлалась проституткой, на первый разъ продавъ себя первому попавшемуся старику, который привязался къ ней на улицѣ. Несчастная должна была выбирать одно изъ двухъ: или свою нравственность, или смерть свою и своихъ малютокъ. Много матерей промышляетъ развратомъ изъ нежеланія разстаться со своими дѣтьми, которые совершенно лишаютъ ихъ возможности заняться какой-бы то ни было работой“ (Кузн., 16). Самое общественное положеніе женщинъ, принимающихся за проституцію, указываетъ, что причиною ихъ паденія служитъ главнымъ образомъ бѣдность. Въ 1868 г. въ Петербургѣ считалось 2,288 явныхъ проститутокъ. Въ томъ числѣ —

Мѣщанокъ	508	изъ	нихъ	грамотныхъ	86
Солдатскихъ дочерей и женъ .	492	„	„	„	67
Крестьянокъ	658	„	„	„	79
Уроженокъ финляндскихъ . .	111	„	„	„	31
„ остзейскихъ . . .	198	„	„	„	7
„ западнаго края . . .	22	„	„	„	7
Евреекъ	19	„	„	„	—
Привиллегированныхъ сословій.	55	„	„	„	22
Воспитанницъ	8	„	„	„	8
Ремесленницъ	39	„	„	„	9
Купеческаго сословія	3	„	„	„	2
Всего русскихъ подданныхъ . .	2113	„	„	„	318
Иностранокъ	175	„	„	„	76

Въ Москвѣ, которая по своей развращенности стоитъ во главѣ большихъ европейскихъ городовъ, въ домахъ терпимости въ 1870 г. было 957 оффиціальныхъ проститутокъ. Изъ нихъ —

		дѣвицъ.	вдовъ.	сиротъ.	неграмотн.	гувернантокъ.	горничныхъ.	кухарокъ.	фабричныхъ работницъ.	процентное отношеніе по сословіямъ.
Привиллегир. сословій.	24	17	5	4	4	2	—	—	—	2,50
Духовнаго	3	1	1	1	—	—	—	—	—	0,31
Купеческаго	1	1	—	1	—	—	—	—	—	0,10
Воспитанницъ	1	1	—	1	—	—	—	—	—	0,10
Мѣщанокъ	322	271	31	116	260	—	65	13	15	33,64
Цеховыхъ	95	80	12	46	89	—	5	10	4	9,92
Солдатокъ	103	—	47	21	98	—	14	5	12	10,86
Солдатскихъ дочерей. .	57	57	—	29	46	—	10	2	—	5,95
Крестьянокъ	257	196	43	69	228	—	30	11	19	26,85
Финляндокъ	16	16	—	5	13	—	—	—	—	1,67
Остзейскихъ нѣмокъ .	16	10	6	2	6	—	—	—	—	1,67
Западныхъ губерній . .	23	20	3	3	—	3	—	—	—	2,40
Прусскихъ подданныхъ.	27	23	—	8	2	2	—	—	1	—
Германскихъ	7	7	—	2	2	1	1	—	—	0,73
Австрійскихъ	5	5	—	3	1	1	—	—	—	0,52
		705	148	311	749	9	125	41	51	

Въ дополненіе къ этимъ таблицамъ мы сообщимъ еще таблицу о числѣ сифилитиковъ, лечившихся въ московской больницѣ для черпорабочихъ.

Дворянокъ	8
Духовныхъ	2
Мѣщанокъ и цеховыхъ.	659
Крестьянокъ	524
Солдатокъ и солд. дочерей	329
Вольноотпущенныхъ	19
Воспитанницъ.	7
Иностранокъ	83
Всего . . .	1628

Сколько вы ни собирайте другихъ данныхъ, въ нихъ вы увидите то же, что̀ и въ приведенныхъ таблицахъ: вездѣ на первомъ планѣ выступаютъ женщины самыхъ необезпеченныхъ состояній,—мѣщанки, солдатки и солдатскія дочери, крестьянки. Въ видѣ исключеній къ нимъ присоединяются женщины обезпеченныхъ состояній, напр., купеческаго, духовнаго, дворянскаго,—женщины, доведенныя до нищеты, а черезъ нее и до проституціи—какими-нибудь несчастными случаями. По своимъ семейнымъ отношеніямъ, большинство проститутокъ также принадлежитъ къ лицамъ необезпеченнымъ,—бо̀льшею частью это дѣвицы, неимѣющія защиты и поддержки мужа, вдо̀вы и сироты. Изъ 957 московскихъ проститутокъ 749 неграмотныхъ, что̀ также указываетъ на ихъ крайнюю бѣдность, при которой онѣ не имѣли возможности научиться даже читать и писать. Число образованныхъ проститутокъ весьма незначительно, и почти всѣ онѣ по своей профессіи принадлежатъ къ гувернанткамъ, бѣдственное положеніе которыхъ извѣстно каждому. Одно изъ первыхъ мѣстъ по своей развращенности занимаютъ воспитанницы воспитательныхъ домовъ, — эти пролетаріатки, выпускаемыя изъ заведеній безъ достаточной профессіональной подготовки, безъ всякаго матеріальнаго обезпеченія, и по своему сиротству неимѣющія никакого семейнаго пристанища. Всѣ перечисленные нами и другіе разряды женщинъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ берутся за проституцію только въ томъ случаѣ, когда увидятъ себя въ положительной невозможности поддерживать свое существо̀ваніе чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ продажи своего тѣла. Потомъ уже, развратившись и свыкшись съ этимъ про-

мысломъ, многія изъ нихъ навсегда отдаются ему, дѣлаясь неспособными къ честному труду; но до этой развращенности и этой неспособности ихъ почти всегда доводитъ ужасная тиранка, жестокая владычица народныхъ массъ — бѣдность. Эта владычица ежегодно сгоняетъ въ столицы и въ большіе города сотни тысячъ женщинъ, мучитъ ихъ здѣсь голодомъ, холодомъ, болѣзнями, лишаетъ ихъ платья и обуви, ежечасно преслѣдуетъ ихъ ужасными призраками голодной смерти, а затѣмъ передаетъ ихъ съ рукъ на руки пороку, который на каждомъ шагу соблазняетъ ихъ пожертвовать для спасенія жизни своимъ тѣломъ и своею нравственною самостоятельностью.

Будучи рабынею нужды, проститутка въ то же время находится въ рабствѣ у сводней и другихъ эксплоататоровъ порока. Содержательницы домовъ терпимости, вовлекая женщинъ въ неоплатные долги, пользуются ихъ выручкою, удѣляя только часть ея на ихъ содержаніе, и всѣ полицейскія мѣры безсильны уничтожить эту эксплоатацію, какъ безсильны онѣ противъ всякой кабалы, основанной на экономической необходимости. Содержательница публичнаго дома—эта державная повелительница подвѣдомственныхъ ей женщинъ — управляетъ ими совершенно безконтрольно, дисциплинируетъ, наказываетъ, дрессируетъ ихъ для порока, сообразно съ требованіями развратныхъ потребителей; она пріобрѣтаетъ невинныхъ дѣвушекъ и продаетъ ихъ, она скупаетъ женское тѣло на проституціонныхъ ярмаркахъ Гамбурга и Риги оптомъ, а въ Россіи рознично; она, вмѣстѣ съ палачемъ и шпіономъ, составляетъ самую отвратительную тріаду, созданную ненормальными условія-

ми соціальнаго быта. Въ Россіи, впрочемъ, содержательницы до сихъ поръ не успѣли еще забрать въ свои руки большинства проститутокъ, какъ мы видимъ это во многихъ странахъ Европы, и число проститутокъ-одиночекъ, по мѣстамъ, превосходитъ число женщинъ, зависимыхъ отъ содержательницъ. Въ Петербургѣ, напр., было въ 1866 году проститутокъ-одиночекъ 884, а въ домахъ терпимости 939; въ 1867 году въ домахъ жило 923, а на квартирахъ по одиночкѣ 1,158. Въ Москвѣ въ 1854 году—въ домахъ числилось 502, одиночекъ 870; въ 1866 году въ домахъ 1,089 женщинъ, одиночекъ 827. Само собою понятно, что положеніе одиночекъ несравненно лучше положенія женщинъ, живущихъ подъ игомъ своихъ „мамашъ", и только крайняя нужда удерживаетъ проститутокъ подъ этимъ игомъ.

Молодость — первое достоинство проститутки, и женщина, поставленная въ необходимость торговать собой, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, начинаетъ свой промыселъ, едва достигши половой зрѣлости. Въ Одессѣ, въ 1868 году, было 1,008 публичныхъ женщинъ, изъ нихъ —

Моложе 14 лѣтъ	89
„ 20 „	460
отъ 20 до 30 „	240
„ 30 „ 40 „	180
Старше 40 „	39

По возрасту петербургскія проститутки (1869 г.) распредѣлялись такъ:

14—15 лѣтъ	4
16—17 „	147
18—19 „	266

20—30	„	1106
30—40	„	232
40—50	„	52
50—60	„	8
Старше 60		1

Изъ 957 московскихъ проститутокъ начали промышлять развратомъ

1	съ	11	лѣтъ	=	0,10	82	съ	19	лѣтъ	=	8,56
5	„	12	„	=	0,52	72	„	20	„	=	7,57
26	„	13	„	=	2,71	23	„	21	„	=	2,40
93	„	14	„	=	9,71	34	„	22	„	=	3,55
150	„	15	„	=	15,75	7	„	23	„	=	0,73
180	„	16	„	=	18,80	10	„	24	„	=	1,04
182	„	17	„	=	18,83	3	„	25	„	=	0,31
81	„	18	„	=	8,46	8	„	26	„	=	0,83

Есть дѣвочки, которыя начинаютъ съ 9, 10, 12 лѣтъ, — это большею частью жертвы насилователей: главная же масса проститутокъ (18%) принимается за свой промыселъ 16—17 лѣтъ,—нѣсколько раньше, чѣмъ европейскія проститутки, для которыхъ роковымъ въ этомъ отношеніи является начало двадцатыхъ годовъ ихъ жизни, именно тотъ періодъ, къ наступленію котораго задѣльная плата женщины, равняющаяся до пятнадцатилѣтняго періода мужской, и потомъ постепенно уменьшающаяся, понижается, наконецъ, до половины мужской платы. Большинство европейскихъ проститутокъ удерживается отъ паденія до конца этого кризиса, большинство же русскихъ падаетъ въ самомъ началѣ его, что̀, конечно, зависитъ главнымъ образомъ, отъ неразвитости у насъ женскаго труда.

Такимъ образомъ, бѣдность, всевозможные соблазны, молодость, неопытность, нравственная неразвитость, дурныя условія труда,—все толкаетъ женщину на путь порока. Съ отвращеніемъ, по необходимости, съ чувствомъ стыдливости начинаетъ торговать собой эта цѣломудренная блудница; но мужчины и принаравливающіяся къ ихъ требованіямъ сводни скоро развращаютъ ее окончательно. Положеніе пріучаетъ ее къ безстыдству и нерѣдко доводитъ до отчаяннаго цинизма. Вотъ, напр., въ Петербургѣ, дѣвица Авдѣева, 19 лѣтъ, очень недурная собой, на одномъ изъ загородныхъ гуляній, лѣтомъ 1869 года, въ кругу подгулявшихъ мужчинъ, пляшетъ канканъ совершенно нагая, а впослѣдствіи спокойно подноситъ ядъ шестидесятилѣтнему старику и играетъ на фортепіано, чтобы заглушить стоны старца, добиваемаго утюгами. Много должна перенести женщина, чтобы дойдти до такого нравственнаго отупѣнія; но, какъ ни безотрадна жизнь проститутокъ, масса ихъ всегда отличается наклонностями и чувствованіями, невольно возбуждающими нашу симпатію. Главнымъ образомъ эти хорошія, добродѣтельныя свойства души публичныхъ женщинъ проявляются въ ихъ пьянствѣ,—да, читатель, въ пьянствѣ, которому предаются всѣ онѣ потому, что водка заглушаетъ въ нихъ отвращеніе къ продажному разврату, — отвращеніе, замѣчаемое всѣми, близко знакомыми съ ними людьми. Отличаясь въ обществѣ мужчинъ лицемѣрнымъ цинизмомъ и заказнымъ безстыдствомъ, возбудительность которыхъ цѣнится потребителями очень дорого, въ своей домашней жизни публичныя женщины ведутъ себя очень скромно и вполнѣ прилично. Онѣ гораздо менѣе развратны въ душѣ, чѣмъ

ихъ посѣтители. Каждая проститутка имѣетъ любовника, къ которому питаетъ самую теплую, самую чистую привязанность и для котораго готова жертвовать всѣмъ. „Въ увеселительномъ заведеніи „Новое Эльдорадо“, въ Петербургѣ, въ столовой сидѣлъ студентъ и проститутка, весьма молоденькая и хорошенькая дѣвушка. Передъ ними стояла бутылка пива. Здѣсь же сидѣлъ и ужиналъ какой-то подкутившій молодой купецъ. Хорошенькое личико проститутки приглянулось купцу, и онъ предложилъ ей ѣхать съ нимъ. Дѣвушка отказалась. Купецъ предложилъ ей 25 р., но и эта солидная сумма не соблазнила дѣвушки, она отказалась снова; купецъ продолжалъ упрашивать ее и, увеличивая предлагаемый кушъ, вошелъ въ такой экстазъ, что, открывъ свой туго набитый бумажникъ, вынулъ оттуда сторублевый билетъ и подалъ его дѣвушкѣ. Заманка была слишкомъ соблазнительна, кушъ очень великъ. Молодая дѣвушка взяла бумажку, грустно посмотрѣла на нее, потомъ, съ любовью взглянувъ на своего возлюбленнаго, скомкала въ рукѣ бумажку, бросила ее обратно купцу и вышла изъ комнаты подъ руку со студентомъ“ (Кузн., 28). Для того, чтобы помочь своему возлюбленному, выручить его изъ бѣды, заплатить его долги, проститутка часто съ полною самоотверженностью пускается на самыя рискованныя предпріятія. И сила этой чистой, безкорыстной привязанности тѣмъ замѣчательнѣе, что любовники проститутокъ большею частію не отплачиваютъ имъ такимъ же безкорыстіемъ: живутъ у нихъ на содержаніи, обираютъ ихъ, бьютъ и тиранятъ, заѣдаютъ ихъ жизнь, и безъ того исполненную страданій

Тиранія любовниковъ, тиранія содержательницъ, тягостность полицейской опеки, отвращеніе къ своему промыслу, безсонныя ночи и пьянство, чрезмѣрная половая дѣятельность, нищета и голодъ,—все это быстро разрушаетъ здоровье проститутки; нѣсколько разъ страдавшая сифилисомъ, истощенная, некрасивая, отупѣвшая въ своей смрадной обстановкѣ, она вплоть до смерти принуждена влачить самое жалкое существованіе, продавая по временамъ за гроши свое тѣло, занимаясь сводничествомъ, мытьемъ половъ, прошеньемъ милостыни и т. п. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ публичная женщина изнашивается въ продолженіи пяти лѣтъ, и каждыя пять лѣтъ личный составъ здѣшнихъ проститутокъ совершенно обновляется. Значительная часть ихъ сходитъ въ могилу, преимущественно отъ чахотки и изнурительнаго поноса. Ремесло и обстановка до того губительно дѣйствуютъ на здоровье проститутокъ, что нѣкоторыя изъ нихъ проводятъ въ больницахъ около половины своей жизни. Дѣвица Г., 22 лѣтъ, 24 января 1864 г. поступила, въ Москвѣ, въ публичный домъ и въ тотъ же день, по освидѣтельствованіи ея врачомъ,—въ больницу; затѣмъ, въ теченіи 6 лѣтъ, она 29 разъ была помѣщаема въ больницу, въ которой и провела 812 дней. Дочь нищеты—проститутка только на время можетъ избавиться отъ своей ужасной матери, а затѣмъ она живетъ и умираетъ въ той же нищетѣ, которая родила её. Исключенія чрезвычайно рѣдки, и этими исключеніями являются немногія публичныя женщины, которымъ удалось скопить деньжонки, поступить на содержаніе мужа или любовника, открыть непотребный домъ и т. д. Масса же проститутокъ осуждена вѣчно вращаться въ одномъ и

томъ же заколдованномъ кругѣ, и тѣ изъ нихъ, которыя бросаютъ проституцію, очень скоро вынуждаемы бываютъ обстоятельствами снова браться за нее. Для такихъ женщинъ есть въ Петербургѣ особые пріюты, устроенные такъ нецѣлесообразно, что большинство поступающихъ въ нихъ на исправленіе эксъ-проститутокъ покидаетъ ихъ раньше опредѣленнаго срока. Вотъ по какимъ поводамъ публичныя женщины оставляютъ развратъ. Изъ московскихъ проститутокъ, въ пятилѣтіе съ 1858 по 1863 г.:

Выѣхало	51,86%
Скрылось	16,85
Оставило развратъ	8,22
Отдано на поручительство	6,65
Умерло	6,52
Поступило въ услуженіе	5,74
Вышло замужъ	4,50

Огромное большинство этихъ женщинъ, вычеркнутыхъ изъ проституціонныхъ списковъ, вовсе не оставляетъ разврата, а продолжаетъ заниматься имъ или въ другой формѣ, или въ другой мѣстности; таковы, напр., всѣ отмѣченныя выѣхавшими и скрывшимися. „Оставившія развратъ“ и „поступившія въ услуженіе“ не перестаютъ заниматься проституціей тайно, равно какъ отданныя на поручительство и даже вышедшія замужъ. Масса публичныхъ женщинъ осуждена на проституцію вплоть до смерти; цѣлыя семейства сплошь и рядомъ живутъ однимъ только развратнымъ промысломъ; сестры съ сестрами и матери съ дочерями нерѣдко составляютъ проституціонныя компаніи: изъ 1,008 одесскихъ проститутокъ, напр., было

Матерей съ 1 дочерью	27
„ „ 2 дочерьми	6
По 3 сестры вмѣстѣ	3
„ 2 „ „	47

Мало того,—цѣлыя женскія поколѣнія живутъ развратомъ, который, такимъ образомъ, становится наслѣдственнымъ промысломъ. Мать проститутничаетъ, рождаетъ дочерей, которыя, выросши, начинаютъ промышлять вмѣстѣ со своей родительницей, сами рождаютъ будущихъ проститутокъ и т. д. Рабство и отверженность женщины, неразвитость женскаго труда, соціальныя условія, поддерживающія нищету народныхъ массъ, факторы, производящіе сильный запросъ на развратъ, каковы, напр., ненормальность семейнаго быта или обязательное безбрачіе солдатъ,— все это, порождая проституцію, дѣйствуетъ съ такою силою, противъ которой никогда и ничего существеннаго не могутъ сдѣлать ни юристы, ни полиція, ни филантропы, ни проповѣдники морали. Корень зла лежитъ въ основахъ соціальнаго быта, и намъ пока остается только изучать эти основныя условія общественныхъ страданій, обобщать явленія, развивать сознаніе необходимости соціальныхъ реформъ. Существованіе проституціи и ея неразлучнаго спутника—сифилиса прямо ведетъ къ категорической постановкѣ вопроса о свободѣ и равноправности женщины, надлежащее рѣшеніе котораго, даже безъ другихъ общественныхъ реформъ, сдѣлаетъ въ милліонъ разъ больше, чѣмъ меркурій и іодъ для излеченія сифилиса, чѣмъ всѣ филантропическія и врачебно-полицейскія мѣры для искорененія проституціи...

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Жалоба жены архангельскаго торговаго человѣка Баженина (1714 г.)

„1712 года, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, почало быть у насъ помѣшательство, и весь тотъ Филиповъ постъ и о Рождествѣ Христовѣ такое безмѣрное гоненіе и мученіе было, что билъ и давилъ, и писать стыждуся. И нѣчто пріиде ему во умъ, якобы мя смерти предати: на сонную нападе на мя и взявъ мой гойтяшикъ серебряной, на которомъ крестъ носила, и нача мя тѣмъ давити и не вѣмъ, какъ тотъ гойтанъ сорвался и оттого я хранима Богомъ. А въ навечеріи Богоявленія дня поѣхалъ къ городу и былъ тамо генваря до 19 дня, и пріѣхалъ такожде меня муча, и помногомъ мученіи вонъ на морозъ изгонялъ, и на утро приказалъ меня сыскать къ себѣ быть, и я пришедъ къ нему, и видя его необычно плачуща, и падъ предъ образомъ Богоматере и сказывая мнѣ: якобъ чудо показа надъ нами Богомати избавила насъ отъ бѣды, много мыслилъ, дабы тебя удавить и въ нужникѣ повѣсить того ради, якобъ сама будто удавилась отъ печали. И созвалъ тетку мою престарѣлую Зиновью, тогда прилучающуюся у насъ, также и рабовъ своихъ и священника вавчужскаго, и объявилъ ту всѣмъ, и приказалъ ту при нихъ, священникѣ и

теткѣ, рабомъ своимъ предо мною прощаться *), и о семъ и самъ вельми былъ радъ; и сіе видя раби его, таковое увеселеніе о семъ и объявленіе имъ неугодное, паки на мя вознегодоваша и его возмутили, и въ тотъ весь мясоѣдъ на мя ярясь и муча, а жонку Варвару безмѣрными блажити любезными и согласными словами и лобзати, а меня ругати не яко словами, но жестокими побоями огорчевати, такожде и рабомъ своимъ приказалъ меня ругати; и отъ того времени начаша мя раби его ругати всякими безчестными словами, чего я ни отъ кого прежъ сего не слыхала, и много мя угрожали убити, а паче же та жонка Варвара, да человѣкъ Дмитрей Шишевъ хвалилися на мя, якобъ мнѣ и въ домѣ его не быти; сіе и тетка моя престарѣлая, вдова Зиновья, слыхала, также и сторонніе люди слыхали отъ тѣхъ его рабовъ хваленіе, что насъ видѣти и учинити въ разлученіи съ мужемъ, а прочіе раби его мнѣ на тѣхъ сказывали то ихъ хваленіе. И того жъ года въ великій постъ на первой недѣлѣ поѣхалъ къ городу и былъ тамо до половины поста, и слышу я его тамо непорядочное и нехристіанское житіе, и пошлю къ нему человѣка, дабы изволилъ быть въ домъ свой, и онъ тогда не поѣхалъ, а сказалъ посланному: какъ я буду, то жены моей не быть живой, хочу ее окормить смертнымъ ядомъ, и пріѣхавъ посланный мнѣ сказалъ, дабы имѣть опасеніе; и предъ страстною недѣлей паки къ нему шлю человѣка, и тогда онъ пріѣхалъ, и въ то время было тепло, и ледъ на рѣкѣ противо Вавчуги истнился, и они въ тѣхъ полыньяхъ тонули, и пришелъ въ домъ

*) Т. е. просить прощенія.

отперъ свой подголовокъ, и изъ него человѣкъ его Дмитрей вынялъ бумагу сулемы и взялъ къ себѣ, а гдѣ ее дѣлъ, того не вѣдаю, и о святой недѣли, и весною по многія времена давилъ и билъ, и вонъ ночью изъ двора босу и въ одной рубашкѣ выгонялъ, и отъ такого его смертнаго убійства многократнѣ всячески укрывалася. И паки въ Введеньевъ день предъ обѣднею меня билъ, что и самому ему житія моего отчаятися, и отъ того времени егда пьянъ пріидетъ, какъ тѣ раби его прежде хвалились, то какъ и счинилось повседневное мнѣ битье и мученіе, и въ таковомъ мученіи съ горькими слезами къ нему приду и прошу его: „Осипъ Андреевичъ! что моя предъ тобою вина и прегрѣшенье, что такъ мя безчеловѣчно мучишь"; а онъ никакой мнѣ вины не объявитъ, точію говоритъ: „иди и прощайся госпожѣ своей и моей матушкѣ Варварѣ Нефедьевнѣ, не я-де тебя бью, она", и къ ней пришедъ и самъ говоритъ что: „ты ее бьешь, а не я; я надъ ней вины никакой не вѣдаю, ты мнѣ все сказываешь и бить велишь; вѣдаешь ты, моя государыня матушка, Варвава Нефедьевна, что я все по волѣ твоей дѣлаю, и всегда и я твой, и всѣмъ приказываю домочадцамъ безъ воли твоей ничтожъ творити; если кто малое что учинитъ тебѣ противно, то, конечно, погибнетъ, или ты кого похочешь погубить, того погубишь, а кого воскресить, того воскресишь"; и говорилъ про меня, что: „губи до конца сію воровку, и такъ вы уже ее воровку съ Дмитріемъ въ конецъ погубили, что ее живой не попущу", и приказалъ всѣмъ имъ убраться чинно, а у меня все побравъ не токмо какое убраніе, но и на головѣ ничто не оставилъ, и приказалъ передо мною парню своему да дѣвкѣ ругаяся

досаждать, падши на колѣнахъ стоять, якобъ сѣтуя по мнѣ, и ругательныя съ досажденіемъ всякія слова говорить, а вышеупомянутымъ Дмитрею да Варварѣ пѣть и плясать, и тако ругаяся босу и мало мя не нагу вонъ на морозы изгоняше, а баба тоя и двери избныя и сѣнныя запретъ, чтобъ мнѣ не внити и отъ мразабъ умереть, и много ми претяше, дабы я сама себе предала смерти и по многіе дни тако бываетъ. И паки прилучилось ему съ тою жонкою и съ прочими сѣдѣти въ горницѣ, и я тутъ вошла, дабы мнѣ видѣти ихъ торжество съ тою жонкою, и она ему стала говорить: „изволь-де отсюду идти въ другую горницу для того, что врагъ нашъ здѣсь“; и онъ ставъ съ нею пошелъ въ другую горницу, и я паки за ними хотѣла войдти, и хватя меня та жонка толкнула назадъ въ двери, и хотѣла она двери запереть, а я хватилась за двери, удержатися хотя, и она тѣми дверьми притворила мнѣ руки, едва ихъ не переломила, и по многія времена та жонка меня талкивала и бить бросалась, ово и при священникѣ томъ вавчужскомъ и при домочадцахъ нашихъ, и всякою неподобною бранію по многіе случаи бранитъ и всячески ругаетъ, и тетка моя, вышеписанная Зиновья, слыхала и видала, и его сродница, престарѣлая жъ сродная ему сестра Овдотья Митусова, и тетка моя Анна Васильева дочь, Устюжанка, и многіе и сторонніе люди слыхали жъ и видали. И того жъ Филипова поста прилучилося быть у города соборной церкви ключарю *) Іову Иванову, и просила я его, ключаря, дабы меня посѣтилъ

*) Т. е., быть въ Архангельскѣ, холмогорскому соборному священнику.

и видѣлъ мои бѣды, и я ему, ключарю про сіе доносила и просила его, дабы онъ, ключарь, Осипа Андреевича о семъ увѣщалъ отъ божественнаго писанія, и сказывала ему житіе свое непорядошное и готяйшикъ рваной показывала, и серги ломаныя, и руганіе отъ него безмѣрное, а наипаче досажденіе отъ рабовъ его, а къ жонкѣ той воровкѣ чрезмѣрное любленіе и лобзаніе, и объявляла, что отъ меня все заперто и никуда меня та баба не пуститъ, и пить и ѣсть, по приказу ли его, или отъ своей безумной гордости, не даетъ; и видя онъ, ключарь, мене мало не нагу, и во увѣреніе моего доношенія спрашивалъ онъ же, ключарь, дѣвку нашу, что сіе доношеніе мое вправду ль такъ; и она ему противъ того жъ моего доношенія сказала, что-де истинно было такъ не ложно, а отецъ мой то мое житіе и руганіе видалъ. Предъ Рождествомъ Христовымъ пріѣхала я къ дядѣ своему Михаилу на погребеніе, съ воли мужа своего, и мнѣ онъ болши къ себѣ быти не велѣлъ, и парня своего послалъ въ Вувчугу, чтобъ меня и тамо въ дому не пустить, не токмо къ себѣ къ городу быти, и жила я у отца моего мясоѣдъ, боясь тамо къ нему ѣхать ради такого его страха, дабы мнѣ безгодною смертію напрасно не умереть, и просила я господина отца іеромонаха Прокла и отца ключаря, дабы его увѣщали отъ божественнаго писанія о союзѣ любви нашей, а паче дабы меня онъ взялъ къ себѣ въ домъ; и по прошенію ихъ, какъ я отъ отца изъ дому пріѣхала, и жили мы съ нимъ тогдашняго великаго поста до половины, яко есть по христіанскимъ порядкамъ, и самъ онъ, Осипъ Андреевичъ, радъ бысть тому, и видя та раба его Варвара житіе наше по христіанству, начала

быть печальна повсегда и горько плакать, и онъ, ее видя печальну, паки началъ ублажати много, ово словами и ово подарки, и меня не оставляти въ любви своей; и умысли она со клевреты своими подлогъ положити и наустити жонку Анну, которая по ея избранію принята и нынѣ живетъ, а та жонка безъ меня зимою взята, и паки его возмутили, якобъ нѣкій ядъ учиненный отъ меня на его здравіе; а та-де жонка прежде сего ниже въ той горницѣ бывала не токмо въ томъ шкафѣ, въ которомъ свой подлогъ сыскали, и онъ слыша отъ нихъ такое сплетеніе, и проситъ его та баба, дабы меня билъ и спрашивалъ прилежно о ихъ подлогѣ, и говорили такъ, дабы я въ томъ вину принесла во всемъ ихъ подлогѣ того ради, дабы мя въ томъ ихъ умыслѣ до конца погубить, а имъ правымъ быть; и повѣря онъ ихъ сплетенію ложному, запершися въ горницѣ, а ихъ всѣхъ собравъ тутъ же и приставилъ ко дверямъ, и билъ меня безчеловѣчно и смертно тростію, что ее всю до рукъ въ малые члены разбилъ, и яко ниже мнѣ въ память прити, и голову разбилъ до крови, и топталъ ногами, и за волосы по горницѣ волочилъ, и говорилъ, дабы я по ихъ умыслу вину принесла и не вѣмъ, како преста; и отъ его смертнаго убійства до недѣли страстныя ниже съ мѣста могла двинуться. Того жъ великаго поста, въ Лазареву субботу, подъ вечеръ, пришедъ ко мнѣ къ мѣсту съ Алексѣемъ Рыкуновымъ, якобъ хотя нѣкую ласку показать, и сѣлъ ко мнѣ на кровать, взялъ у меня руку якобъ поцѣловать, и прокуся палецъ, и кость всю раздробя, и ноготь зубами сорвалъ; и въ самую Святую Пасху и о святой недѣлѣ какое его и рабовъ ко мнѣ ругапіе было, а жонки той увеселеніе,

что срамно и доносити; ово отчасти тетка моя, вышеписанная Зиновья, видѣла и слышала. И на Фомины недѣли паки на мя напался, хотя меня бити, и я отъ него урвалась и ушла въ баню, и тѣ его рабы, меня сыскавъ, ему объявили, и онъ за мною пришелъ, и хотѣлъ меня клещами желѣзными ушибти, и паки отъ него ушла окномъ, и тако ночь всю на улицѣ была подъ шлюпкой, а во дворъ идти не посмѣла; вездѣ ходятъ, ищутъ съ рабами своими, дабы мя смерти предати, а ихъ за то даритъ, дабы меня ругали и гонили, и говоритъ: „уже ее не бойтеся, ничто отъ нея вамъ зло не будетъ; а мнѣ будетъ жена и госпожа, и матушка, Варвара Нефедьевна, то вамъ и дому моему госпожа"; и за то ихъ жонка Варвара ягодами и орѣхами кормитъ, дабы меня гонили и ему по ея наученію сказывали. И въ которую ночь я была на улицѣ, понежъ та ночь была вельми страшна, молніи и дождя вельми было много, и предъ утромъ паки въ баню пришедъ сидѣла, ово отъ дождя, а больше отъ страха, а сѣни и горницы все заперто, и паки онъ ко мнѣ пришедъ являлся якобъ страшенъ, что и виду его измѣнитися, и говоритъ мнѣ: „того ради къ тебѣ пришедъ, хощу тя смерти предати", а самъ весь трясыйся, якобъ отъ мраза, и нападе на мя и бросе на лавку, и гортань мою руками захватилъ, а на груди колѣны сталъ, и оттолѣ не вѣмъ какъ ушла, и побѣгла ко двору и онъ за мною жъ; на встрѣчу намъ ѣдутъ чухченемцы *) съ тертыми брусками, и онъ ихъ видя возвратился, и видя

*) Чухченемской деревни, отстоящей въ двухъ верстахъ отъ Вавчуги.

тѣ люди меня необычно таковую изорвану, и волосы на головѣ простерты, и босу, и тогда я, ово отъ страха, ово стыда ради, дабы его въ большій зазоръ не ввесть, скрылась подъ нужникомъ, и какъ проѣхали тѣ люди, и онъ паки искалъ меня вездѣ, и угрожалъ отдать въ градской приказъ: „а васъ не отдамъ ни подъ который судъ, и она надѣется на архіерея, а я тамъ нейду и ему не судимъ“, и имъ твердо говорилъ, что „вы небойтеся, вы будете правы, я васъ всѣхъ оправлю, а ей когда воровкѣ будутъ вѣрить?“ и умыслили меня вязать и въ канцелярію вести, и я, слыша ихъ такія согласныя слова, оттолѣ вышла и пришедъ въ воротную избу, гдѣ тѣ стороннiе люди. И пришедъ человѣкъ его Дмитрей и сказываетъ ему, что воровка та сидитъ въ избѣ, и онъ сіе слышитъ, а идти ему за стыдъ стороннихъ людей нельзя, и послалъ ко мнѣ того жъ человѣка, нанявъ подводу, и сослалъ меня со священникомъ вавчужскимъ съ двора, осмотря мало не нагу, и побралъ у меня мои ключи, и ходилъ въ шкатулы. А ключи у меня обралъ во Святую Пасху, какъ я пошла къ вечернѣ, тогда все побравъ, и вездѣ все изъ нихъ выбравъ, и жонкѣ той все вручилъ, и она при мнѣ ходя все выбираетъ, якобъ ругаяся мнѣ; и послѣ того позвалъ къ себѣ протопопа Каллиника, и сказывалъ, и объявлялъ мои шкатулы порожніе, и сказывалъ ему, якобъ я изъ нихъ все выбрала и къ отцу свезла; и я пришедъ при Каллиникѣ говорила: „изволь отпереть шкафъ, ту и сыщешь, а ключи того шкафа у бабы той“, и онъ отперъ и видитъ, мало что точію все иззакрыто; сперва сказалъ, что нѣтъ ничего, и какъ видѣть стало, тотчасъ опять заперъ, а меня толкнулъ и

двери заперъ. И какое руганіе отъ рабовъ его было, не возможно сказать, видѣлъ протопопъ Каллиникъ, также и священникъ вавчужской; и слышу я нынѣ отъ достовѣрныхъ, что та баба мои серги приданыя и тѣлогрѣи и рубашки все держитъ, а меня ругаетъ и хвалится и до днесь не токмо мнѣ въ домѣ быть, но и благословенія родительскаго лишити, сказывая, будто я все повозила къ отцу своему. Тѣмъ всѣмъ онъ, мужъ мой Іосифъ, клеплетъ меня напрасно, а я отъ него, мужа моего, изъ дому къ отцу моему ничего не важивала: выслалъ онъ меня на Холмогоры къ отцу моему съ вавчужскимъ священникомъ Симеономъ при протопопѣ Каллиникѣ въ одной тѣлогрѣѣ, и не токмо что отъ платья мнѣ далъ, но и рубашки никакой, кромѣ той, которая на мнѣ тогда была, не далъ, и нынѣ все мое приданое у него, мужа моего, въ домѣ; и нынѣ имѣю я нужду великую, что мнѣ оболотчи и на голову положить, и къ церкви Божіей и никуда выдти не въ чемъ“.